АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

О. Н. БАДЕР

Бассейн Оки в эпоху бронзы

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
МОСКВА
1970

Дорогой памяти
Бориса Сергеевича ЖУКОВА —
учителя и друга

Часть первая

Общий очерк культур эпохи бронзы в бассейне Оки

Введение

Археологические памятники бассейна Оки сыграли большую роль в формировании представлений о древнейшем населении и его культуре в Средней России. По существу именно здесь для территории нашей лесной зоны были впервые выявлены культуры палеолита и мезолита, неолита и бронзы. Сквозь призму уже сложившихся здесь взглядов русские ученые оценивали затем вновь открываемые древнейшие памятники многих смежных и более далеких территорий лесной зоны в Европейской России и даже Сибири. Отсюда вытекает очень большое значение окских археологических памятников, их периодизации и хронологии, и не только в историографическом, но и в чисто археологическом отношении, потому что окский бассейн необычайно богат разнообразными памятниками древности и занимает центральное положение в лесной полосе Европейской России.

Но в дореволюционное время археологические исследования здесь не носили систематического характера, и еще в большей мере это можно сказать о публикации их результатов. Ни один окский памятник эталонного значения (в том числе и знаменитая Волосовская стоянка, и даже замечательный Сейминский могильник) не был опубликован хотя бы приблизительно столь полно, как памятники берегов Ладожского озера, еще в 80-х годах изданные А. А. Иностранцевым.

В советский период систематический характер имели работы Антропологической комплексной экспедиции по Центрально-Промышленной области, организованные Антропологическим институтом Московского университета и Государственным музеем ЦПО под общим руководством Б. С. Жукова. Они протекали в 20-х годах преимущественно в окском бассейне, были очень продуктивны и продолжались в 30-х годах под руководством автора вплоть до начала Великой Отечественной войны. В послевоенные годы продолжением этих работ были раскопки Государственного Исторического музея под руководством И. К. Цветковой, а в последнее время и Т. Б. Поповой. Эти исследования легли в основу современных представлений о древнейшей истории населения Окского Поволжья, но добытые ими материалы лишь в слабой мере отражены в печати. Лишь отдельные памятники получили монографическое описание, например: Панфиловская стоянка, стоянки Балахнинской низины, Мало-Окуловские стоянка и могильник, стоянки Володары, Гавриловская. Основная масса памятников получила лишь суммарную характеристику в некоторых обобщающих работах и в различных статьях на частные темы; она остается до сего времени не изданной, что крайне затрудняет использование источников для изучения истории населения всей Средней России.

В послевоенный период систематические археологические исследования, проводившиеся под руководством автора в Прикамье, значительно обогнали окские работы как по огромному количеству собранного материала, так и в его публикации. При этом оказалось, что в эпоху бронзы культуры населения Прикамья и Поочья имели гораздо больше общего между собой, чем это казалось в довоенный период.

А недавние большие работы А. Х. Халикова преимущественно в Казанском Поволжье как бы перекидывают мост между Прикамьем и Окским Поволжьем и позволяют рассматривать взаимоотношения древних культур на огромной уже не разорванной территории от Урала до Оки и Верхней Волги включительно.

Первоочередной задачей в области первобытной археологии бассейна Оки, без сомнения, является публикация результатов полевых исследований. Без обработки и издания памятников палеолита и мезолита, далеко не однородных материалов по неолиту, памятников волосовской и поздняковской культур, Сейминского и других важных памятников невозможно сделать хорошо обоснованные выводы о древнейшей истории населения Окского Поволжья. Но разрешение этой задачи, конечно, требует многих лет.

При подготовке настоящей работы автор поставил перед собой задачу дать предварительный очерк истории населения Окского Поволжья в эпоху бронзы в том виде, как она рисуется в свете новейших исследований в Волго-Камье. Некоторые положения этого очерка спорны, должны быть еще не раз обсуждены и, возможно, исправлены, но все же мы публикуем их: они дают пищу для дискуссии и направление дальнейшим исследованиям, и уже с этой точки зрения их публикация должна быть полезна.

В этом очерке мы оперируем преимущественно материалами Нижней и Средней Оки как наиболее богатыми и лучше изученными. Кроме того, эта территория наиболее ярко иллюстрирует то чрезвычайно сложное переплетение северных лесных и южных лесостепных, восточных и западных культур и этнических групп, которое происходило в этой части Восточной Европы в эпоху бронзы.

Краткий историографический очерк

При написании этой главы я не ставлю своей целью дать полный перечень всех относящихся к теме археологических находок в Окском Поволжье, как и обзор всей литературы. Материал стал собираться не менее ста лет назад, а литература о нем, включая мелкие публикации, заметки и сведения в протоколах заседаний научных обществ и архивных комиссий, огромна. Задача этой главы — дать общее представление о развитии знаний об эпохе бронзы на указанной территории.

На первом этапе изучения интересующих нас здесь памятников большую роль сыграл А. С. Уваров, организатор и руководитель русской археологии во второй половине XIX в. Он проводил много времени в Карачарове, своем имении в окрестностях Мурома, что и явилось естественной причиной его особого внимания к окской археологии. Как известно, ему принадлежит честь открытия и раскопок первой на Оке Карачаровской палеолитической стоянки, более 60 лет остававшейся самой северной в Европе, сбора материала на стоянке у Елпна Бора и других стоянках с микролитическим инвентарем «в виде маленьких ножичков в три ската» и выявления целой серии неолитических стоянок окской долины в Муромском уезде и вниз по Оке до Павлова [1]. Но А. С. Уваров даже погребения у дер. Фатьяново относил еще к каменному периоду; среди описанных им стоянок Оки некоторые содержали культурные слои бронзовой эпохи, как это выяснилось впоследствии.

По словам А. С. Уварова, «благодаря некоторым счастливым обстоятельствам, берега Оки исследованы были лучше, чем берега многих других рек России. Сперва князь Л. С. Голицын, при постройке своего дома, напротив деревни Чулковой, нечаянно напал на каменные орудия» (так в 60-х годах была открыта стоянка Плеханов Бор.— *О. Б.*). Л. С. Голицын предполагал, «что все эти песчаные возвышенности, лежащие на низменном берегу Оки, были в каменном периоде островами» среди обширной реки. «...Голицын рассказывает, что в 1870 г. весною, спустившись на лодке от самого Мурома до того бугра, на котором теперь его усадьба, он заезжал на все острова, которые сильно возвышаются над уровнем воды, и нашел четыре таких острова. На каждом из них он действительно напал на остатки каменного периода: на стрелы, черепки и т. п.» [2] Однако среди неолитических материалов с Плеханова Бора, как и многих других дюнных стоянок Муромского района, имеются и более поздние вещи, например относящиеся к волосовской культуре эпохи

[1] *А. С. Уваров.* Археология России. Каменный период, т. I. М., 1881, карта VI.

[2] *А. С. Уваров.* Археология России, т. I, стр. 287, 288.

раннего металла, что показали и последние раскопки этого памятника, произведенные В. А. Тихомировой и автором в 1939 г.[3]

Научную характеристику геологии окской долины дали В. В. Докучаев и одновременно П. И. Кротов[4].

В те же 80-е годы и позже коллекции каменных орудий, происходившие преимущественно из окрестностей дер. Волосово, были собраны любителями древностей, среди которых особенно следует отметить муромского судебного следователя П. П. Кудрявцева; ему удалось не только собрать большой материал у дер. Волосово[5] и на многих других открытых им стоянках долины Оки, но и представить его на Антропологической выставке 1879 г. в Москве[6].

В 1877 г. А. С. Уваров начал раскопки у дер. Волосово, впоследствии не раз продолженные. Раскопки дали богатейший, но разновременный материал, на что обратил внимание и А. С. Уваров, хотя и относил все материалы из Волосова к неолиту. Уже на картах, опубликованных А. С. Уваровым[7], видно, что находки располагаются на очень большом пространстве волосовских дюн и образуют несколько отдельных скоплений. Сейчас нам совершенно ясно, что различные группы волосовской керамики, изданные А. С. Уваровым, разновременны, что часть керамики относится к неолиту[8], часть — к раннему металлу[9], пять раскопанных могил с плоскодонной керамикой — ко времени уже развитого бронзового века, примерно к середине II тысячелетия до н. э.[10], а часть керамики, несущая текстильные отпечатки[11],— к самому концу бронзовой эпохи. Более развитой характер материальной культуры некоторых стоянок чувствовал и А. С. Уваров. Он писал: «Несмотря, что стоянки Волосовская и Плехановская принадлежат к одному времени с остальными стоянками окского бассейна, однако заметно, что в особенности эти две стоянки продолжали быть посещаемы обитателями и тогда, когда другие стоянки были уже ими покинуты. Вообще изделия волосовские и плехановские, как каменные и костяные, так и гончарные, свидетельствуют о такой степени развития искусств, какой я не замечаю в предметах, находимых на остальных стоянках»[12].

После уваровского, как бы зародышевого этапа изучения окской бронзы, второй этап по праву может быть назван городцовским; его основу составили многолетние исследования В. А. Городцова, одного из крупнейших русских археологов, уроженца приокского с. Дубровичи под Рязанью. Эти работы были начаты в 1888 г. и с небольшими перерывами продолжались вплоть до Октябрьской революции. Они были тесно связаны с деятельностью Рязанской ученой архивной комиссии, Московского археологического общества и Российского исторического музея. Результатом этих многолетних работ явилось открытие и отчасти раскопки многих стоянок и погребений на территории от Белева до Нижнего Новгорода, преимущественно же в Рязанской губернии[13]; некоторые из стоянок относятся к эпохе бронзы, на что В. А. Городцовым предположительно указывалось еще в 1895 г., а в 1900 г. высказано и аргументировано с полной определенностью[14]. В связи с этим он тогда же напоминает о находках нескольких бронзовых кельтов в могильнике

[3] *В. А. Тихомирова.* Последние исследования стоянки Плеханов Бор.— «Историко-археологический сборник Ин-та краеведческой и музейной работы». М., М., 1948.

[4] *В. В. Докучаев.* О доисторическом человеке окских дюн. Сочинения, т. I. М.—Л., 1949 (сообщение 22.XII 1879 г.); *Он же.* А. С. Уваров. Археология России. Каменный период (Рецензия).— «Доклады Отд. геол. и минерал. об-ва естествоиспыт.», 1881; *П. И. Кротов.* К вопросу об относительной древности остатков каменного века на р. Оке.— «Труды Об-ва естествоиспыт. при Казанском ун-те», т. X, вып. 2. Казань, 1881.

[5] *P. P. Coudriavcew.* Les vestiges de l'homme préhistorique de l'âge de piérre près du village de Volosovo.— Congrès international d'archèologie et d'anthropologie. 2-me session à Moscou, v. II, 1893.

[6] Описание предметов выставки, вып. 2. Отдел доисторический, сост. Д. Н. Анучиным. М., 1879, стр. 6.

[7] *А. С. Уваров.* Археология России, т. II. Карты VI и VII.

[8] Там же, т. II, табл. 18.

[9] Там же, табл. 19, 20.

[10] Там же, табл. 16, 18, 20.

[11] Там же, т. I, рис. 57; т. II, табл. 20, ф. 4035.

[12] Там же, т. I, стр. 312.

[13] *В. А. Городцов.* Стоянки неолитической эпохи в окрестностях сел Шумошь, Дубровичи, Алеканово и Муромино Рязанского уезда, в 1888—1889 гг.— «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», т. IV, № 7, 1889; *Он же.* Следы неолитических стоянок в окрестностях Нижнего Новгорода.— «Археологич. известия и заметки, изд. Моск. археолог. обвом», т. V, № 3, 1897; *Он же.* Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 году.— «Археологич. известия и заметки», т. VI, № 7—8, 1898; *Он же.* Заметка об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1898 г.— «Ежегодник по геологии и минералогии России», изд. Криштафовичем; *Он же.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки.— «Труды XII Археологич. съезда», т. 1, 1905; *Он же.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г.— «Древности», т. XXIV, 1914, и др.

[14] *В. А. Городцов.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г.— «Древности», т. XVII, 1900.

у дер. Ефаново в Муромском уезде, указание о которых находим у Д. Н. Анучина.

В самом начале 900-х годов, обобщая главным образом результаты очень продуктивных раскопок могильников фатьяновского типа, среди которых был и нижнеокский Чуркинский могильник, А. А. Спицын впервые выделил особую фатьяновскую культуру в Верхнем Поволжье и вопреки общераспространенному тогда мнению о принадлежности могильников фатьяновского типа к концу каменного века отнес фатьяновскую культуру «ко времени расцвета медного века, если не к концу его» [15]. Отмечая, что фатьяновская культура «стоит совершенно особняком среди местных древностей и не имеет никакого отношения к туземному каменному веку», А. А. Спицын сделал вывод, что «фатьяновская культура принесена на север каким-то южным населением»; далее, ссылаясь на «стоянки со следами медного века», открытые В. А. Городцовым у дер. Алеканово (обломок медного кельта, следы местной плавки меди) и дер. Сумбуловой, и на некоторые совпадения орнаментов на их керамике с орнаментами керамики Фатьяновского и Великосельского могильников [16], А. А. Спицын считал вероятным, что фатьяновская культура проникла на Волгу именно по Оке. В. А. Городцов несколькими годами позже подтвердил положения А. А. Спицына о фатьяновской культуре [17].

Еще в 1905 г. А. А. Спицын выдвинул «вопрос о существовании и местного медного века помимо заносного» [18]. К числу его памятников на Оке он отнес прежде всего волосовские погребения с плоскодонными сосудами, исследованные А. С. Уваровым; в орнаменте этих сосудов он видел элементы, свойственные неолитической керамике Балахнинской стоянки. Если с отнесением погребений этого могильника (Старшего Волосовского) к бронзовому веку можно согласиться и теперь, то считать его принадлежащим к автохтонно развивавшейся местной культуре вряд ли было возможно уже в 900-х годах, хотя бы из-за близости его керамики к керамике Алекановской стоянки.

В 1910 г. В. А. Городцов включает в понятие местного бронзового века несколько местонахождений во Владимирской, Рязанской и Московской губерниях и рассматривает его возникновение как результат влияний более развитых южного и восточного очагов культуры бронзового века. «Особенно замечательною представляется Алекановская (Мурóминская) стоянка, расположенная в поемной долине р. Оки, в Рязанской губернии. Произведенными исследованиями окских берегов этой губернии выяснено, что древнейшие культуры бронзовой эпохи проникли сюда с юга России. Таковы керамические находки на окских дюнах в окрестностях с. Солодча и деревень Сумбуловой и Ужалье, оказавшиеся близкими к керамике донецких дюн и североволжских могильников фатьяновского типа. Проникнув в Рязанскую область, восточная культура смешалась с южною, что и запечатлелось в памятниках Алекановской стоянки, где наряду с южнорусской керамикой наблюдается керамика другого, несомненно восточного, типа, а также того же восточного типа бронзовый кельт и бронзовая головная булавка» [19].

Из приведенной цитаты видно, что уже тогда В. А. Городцов правильно определил основное, южное направление культурных связей Алекановской и близких ей окских стоянок, которые входят в состав гораздо позже выделенной поздняковской культуры. Менее ясными представляются восточные связи Алекановской стоянки; но В. А. Городцов не раз подтверждает это свое мнение в последующие годы. Давая характеристику хозяйства алекановских обитателей, В. А. Городцов отмечает находки на поселении костей домашних животных (лошади, овцы и, вероятно, коровы), отсутствие следов земледелия, следы занятия охотой и, может быть, рыболовством, обработкой камня и металлов, включая и отливку медных предметов.

Еще в конце 90-х годов В. А. Городцов, обследуя стоянки на берегах Оки, обратил внимание на своеобразную керамику некоторых стоянок, покрытую грубым «оспенно-рытым» или ниточным орнаментом; он объяснял его как отпечатки «плетенки, в которой вылеплялся сосуд».

В двух случаях такая керамика, по полученным В. А. Городцовым сведениям, была связана с находками «медных или бронзовых наконечников стрел листовидной формы». В. А. Городцов уже в 1895 г. отнес эти стоянки к «промежуточной культурной стадии раз-

[15] *А. А. Спицын.* Медный век в Верхнем Поволжье.— ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903; *Он же.* Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России.— Там же, т. VII, вып. 1, 1905.

[16] *В. А. Городцов.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г.

[17] *В. А. Городцов.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.

[18] *А. А. Спицын.* Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России.

[19] *В. А. Городцов.* Бытовая археология, стр. 279.

вития между неолитической эпохой и древней эпохой железного века в области р. Оки» [20].

Таким образом, мнение о существовании на Оке самостоятельной бронзовой эпохи сложилось только в начале текущего столетия.

В 1910 г. В. А. Городцов произвел археологические исследования близ г. Мурома. На Волосовской стоянке, которую он продолжал считать неолитической, были вскрыты круглые полуземлянки, на Старшем Волосовском могильнике еще три могилы с плоскодонной керамикой, которую исследователь справедливо сближал с донецкой баночной керамикой позднего бронзового времени, и 10 погребений на Младшем Волосовском могильнике с богатым инвентарем бронзовых орудий, но и с железными предметами [21].

Наконец, как бы завершением дореволюционных археологических исследований на Оке явилось открытие Сейминского могильника в 1912 г. и его многократные раскопки в 1912—1916 гг., проведенные на низком методическом уровне, но давшие богатейший и очень своеобразный материал, вскоре же приобретший мировую известность, но до сего времени не изданный монографически. Полевые дневники раскопок на Сейме были в годы первой мировой войны утрачены.

К счастью, общую характеристику Сейминский памятник в те же годы получил в обобщающей работе В. А. Городцова о культурах бронзовой эпохи в Средней России, вышедшей из печати за два года до революции. В этой работе вслед за описанием фатьяновской культуры автор переходит к Сейминскому памятнику, дает типологическое описание его инвентаря, датирует его временем около XIV—XIII вв. до н. э., определяет его тесные связи с Сибирью и принадлежность к особой сейминской культуре, которую он локализует на Оке [22].

В зарубежной дореволюционной литературе бронзовый век Окского Поволжья признания не получил. Так, например, М. Гернес незадолго до революции писал, что инвентарь скандинавского бронзового века не заходит на восток дальше Финляндии и Прибалтики; «далее начинается, *отделяясь от них широким промежутком* (курсив мой.— *О. Б.*), обширная область урало-алтайской или восточно-русско-сибирской бронзовой культуры...» [23] Бассейн Оки входит в территорию существовавшего, по мнению М. Гернеса, огромного белого пятна.

Добытый дореволюционной русской археологией материал получил некоторое обобщение в зарубежных работах, вышедших в первые годы после Октябрьской революции. Так, финский археолог А. М. Тальгрен вопреки Городцову отнес Сейминский могильник и даже Волосовскую стоянку к фатьяновской культуре [24]. Этот вывод построен на находке на Сейминской дюне единичных обломков керамики, близких к фатьяновским, и без учета того, что весь облик материала, как и ритуал Сейминского могильника, резко отличается от фатьяновского и, без сомнения, имеет параллели на востоке — в Приуралье и еще дальше. Тем не менее это ошибочное мнение А. М. Тальгрена было воспринято некоторыми советскими археологами и существовало до недавнего времени [25].

Через два года другой финский археолог — Ю. Айлио выступил против вышеприведенного мнения А. М. Тальгрена. Он правильно указал, что последний ошибочно объединяет в понятии фатьяновской культуры генетически разобщенный материал и что Сейма и Волосово чужды фатьяновской культуре [26].

Третий, уже советский этап в изучении окской бронзы характеризуют в первую очередь многолетние работы сотрудников Антропологического института МГУ при участии Гос. музея Центрально-Промышленной области в Москве и краеведческих музеев Нижегородского, Вязниковского, Муромского, Рязанского и др. В 1925—1929 гг. эти работы велись преимущественно в плане Антропологической комплексной экспедиции под общим руководством Б. С. Жукова, а в 30-х годах по линии различных учреждений под руководством О. Н. Бадера.

Но еще до начала этих работ, в 1921 г., В. А. Городцовым на р. Протве близ с. Огубь у Малоярославца были раскопаны курганы с очень своеобразным бронзовым инвентарем, через 4 года вновь найденным Б. А. Куфтиным в курганах у с. Земского близ Касимова. Вскоре выяснилось, что эти курганы относятся к вновь

[20] *В. А. Городцов.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г., стр. 33.

[21] *В. А. Городцов.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г.

[22] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России.— Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1915.

[23] *М. Гернес.* Первобытная культура, ч. II. Бронзовый век. Рига, 1914.

[24] *A. M. Tallgren.* L'âge du cuivre dans la Russie centrale.— «Finska Forminnesföreningens Tidskrift», XXXII, 2. Helsinki, 1920.

[25] См., напр., *А. Л. Монгайт.* Археология в СССР. М., 1955, стр. 137.

[26] *J. Ailio.* Fragen der russischen Steinzeit.— «Finska Forminnesföreningens Tidskrift», XXXIX, I. Helsinki, 1922.

открытой абашевской культуре эпохи бронзы. В 1922 г. Б. С. Жуков возобновил раскопки на Сейминской дюне и установил сложный характер памятника, на котором имелись и погребения, и культурный слой.

Наконец, в 1924 г. В. А. Городцов произвел раскопки Панфиловской стоянки с круглыми жилищами в устье р. Илемны близ Мурома, отнес ее к бронзовой эпохе, но датировал второй половиной III тысячелетия до н. э., излишне удревняя этот памятник. Он указывает на генетическую связь Панфиловской стоянки с Волосовской, продолжая считать последнюю неолитической. В отчете о раскопках в Панфилове В. А. Городцов приводит хронологическую схему смены древних культур Верхнего Поволжья; из них на Оке распространялись следующие (после поздненеолитической волосовской): балахнинская, панфиловская, современная ей фатьяновская, культуры Старшего Волосовского могильника, сейминская культура Младшего Волосовского могильника и, далее, культуры железной эпохи [27].

В 1927 г. В. А. Городцов подчеркивает «исконный аборигенный характер» панфиловской культуры [28]. При этом он имеет в виду, несомненно, генетическую связь Панфилова с Волосовом, не учитывая, что сама волосовская культура является на Оке пришлой. Зато в той же статье, в отличие от своей работы 1915 г., в которой он был склонен рассматривать сейминскую культуру как окскую, он дает новую карту ее распространения, рисующую ее в основном как уральскую культуру, занимавшую широкую территорию от Ульяновска на Владимир, Пермь, Свердловск и далее к Тобольску.

Почти одновременно Ю. В. Готье [29] вопреки ставшему традиционным мнению о сибирских связях сейминской культуры высказал мысль о большой роли южных и даже юго-западных влияний в сложении этой культуры. При этом он опирался на Бессарабский клад с его аналогиями как в Сейме, так и в Средней и Западной Европе. Но сейчас стала совершенно ясной неосновательность этого положения Ю. В. Готье, так как Бессарабский клад включает весьма пестрый и разнородный состав вещей, позволяющий в лучшем случае устанавливать связи и синхронность различных по своему происхождению культур бронзовой эпохи в Евразии.

Перечисленные публикации как бы подытоживали археологические работы дореволюционного периода.

Работы Антропологической комплексной экспедиции МГУ, как и тесно связанные с ними работы Государственного музея Центрально-Промышленной области, планировались и осуществлялись на основе широкого «анучинского» подхода к изучению древней истории населения — с участием всех основных наук о человеке: антропологии, археологии, этнографии и лингвистики [30].

На Оке эти работы начались в 1924 г. обследованиями О. Н. Бадера в районе Мурома. При этом на обширном пространстве волосовских дюн было установлено расположение нескольких отдельных стоянок, в том числе и обособленное расположение основной Волосовской стоянки [31]. Во время этого обследования были открыты Поздняковское и Велетьминское поселения, дальнейшие раскопки которых легли в основу выделения новой, поздняковской культуры. В том же 1924 г. Н. И. Лебедевой была открыта стоянка того же типа у оз. Подборного близ Касимова. Правомерность выделения своеобразной поздняковской культуры была тогда же подтверждена А. А. Спицыным [32], ежегодно знакомившимся с нашими новыми материалами.

Вслед за тем были произведены раскопки целого ряда поселений поздняковской культуры: Поздняковского (Жуков и Бадер, 1925 и 1927 гг.), Велетьминского (Бадер, 1926), Подборновского (Куфтин, 1925) [33], Малый Бор и Ефановского близ Мурома (Бадер, 1927). В результате получен большой материал для характеристики поздняковской культуры и даже для ее периодизации; отсутствие убедительных связей с более древними местными культурами позволило определить ее носителей как пришельцев, а несомненная близость к срубной культуре — как пришельцев с юга. В том же Муромском районе Б. С. Жуков в 1927 и 1928 гг. раскопал курганы у дер. Мало-Окулово

[27] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.— «Труды Владимирского госуд. областного музея», т. II. Владимир, 1925.

[28] *В. А. Городцов.* Бронзовый век на территории СССР.— БСЭ, изд. 1, т. 7, 1927.

[29] *Ю. В. Готье.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Л., 1925.

[30] *Б. С. Жуков.* Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции МГУ.— «Труды Ассоциации научно-исследоват. ин-тов при физ.-мат. фак. МГУ», вып. 2. М., 1928.

[31] *О. Н. Бадер.* Краткая информация о палеоэтнологических полевых исследованиях Госуд. музея Центрально-Промышленной области.— «Материалы к доистории Центрально-Промышленной обл.» М., 1927.

[32] Выступления А. А. Спицына на I Совещании палеоэтнологов ЦПО.— Там же.

[33] *Б. А. Куфтин.* Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губ.— Там же.

с погребениями людей той же, поздняковской культуры[34]. В низовьях Клязьмы в 1927 г. А. В. Збруевой было раскопано Липкинское поселение, оказавшееся близким к поселениям поздняковского типа[35].

В 1926 и 1927 гг. Б. С. Жуков произвел раскопки основной Волосовской стоянки и обнаружил на ней вопреки данным В. А. Городцова не круглые, а четырехугольные полуземлянки с коридорообразными переходами, а в 1927 г. О. Н. Бадер начал раскопки вновь открытой богатейшей стоянки волосовского типа в урочище Холомониха на Нижней Клязьме.

В 1925 г. Б. С. Жуковым была раскопана первая неолитическая стоянка у с. Большое Козино близ Балахны, а О. Н. Бадером открыто несколько стоянок того же типа, раскопки которых произведены в 1926 г. В керамике этих стоянок помимо основного неолитического оказался своеобразный комплекс сосудов, отличавшихся прежде всего растительными примесями к глине и штрихами от обработки поверхности сосудов зубчатым орудием[36]; в свете новейших исследований в Прикамье нам удалось исправить свою старую ошибку (отнесение этой керамики к неолиту) и датировать культурный комплекс эпохой бронзы[37].

В 1925-1928 гг. О. Н. Бадер обследовал многочисленные памятники бронзовой эпохи на Оке, Клязьме, Проне и в Мещерской низине. В 1926—1928 гг. им исследовались в Мещере несколько стоянок, близких поздняковской культуре (Коренец, Нармусоло) и волосовской культуре (Владычинская стоянка, стоянка на Черной Горе). На Владычинской стоянке обнаружены остатки погребений с многочисленными и очень своеобразными бронзовыми вещами, имеющими некоторые аналогии в Средней Европе[38]. В 1929 г. О. Н. Бадер произвел контрольные раскопки на Младшем Волосовском могильнике и обнаружил на его месте культурный слой поселения с «текстильной» керамикой (т. е. имеющей отпечатки ткани на поверхности), относящийся, по-видимому, к более раннему времени, чем погребения, исследованные В. А. Городцовым.

Организация в Москве в 1923—1924 г. Государственного музея Центрально-Промышленной области и широко поставленные работы Антропологической комплексной экспедиции, к которым были привлечены многие краеведческие музеи, привели к очень заметному оживлению археологических исследований в Волго-Окском крае; одним из выражений этого оживления явились три археологических совещания, проведенных в Москве в 1926 г., в Костроме в 1927 г. и снова в Москве в 1928 г. В них приняли участие многие археологи и краеведы не только Центрально-Промышленной, но и других областей. Руководящую роль на них играли А. А. Спицын и Б. С. Жуков. Материалы 1-го совещания изданы отдельным сборником[39], материалы двух последних совещаний были опубликованы лишь частично. На 2-м совещании вопросы изучения окской бронзы были освещены в докладе Б. С. Жукова «О работах Антропологической комплексной экспедиции МГУ» и в докладах О. Н. Бадера «О палеоэтнологических работах Государственного музея ЦПО» и «Последние данные обследования стоянок р. Оки». В программе 3-го совещания особенно много места заняли методические доклады (С. П. Григорова, А. А. Миллера, М. П. Грязнова, Н. А. Синельникова, Б. С. Жукова), а также доклады об итогах работ; вопросов изучения окской бронзы касались доклады Б. С. Жукова «О результатах и перспективах палеоэтнологических работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО», О. Н. Бадера «О работах палеоэтнологического подотдела Государственного музея ЦПО», А. В. Збруевой «Культура Липкинской стоянки на Нижней Клязьме», Б. А. Куфтина «Могильник абашевской культуры под Касимовым» и «Стоянка Ибердус Рязанской губ.». Кроме того, обсуждены некоторые общие вопросы изучения культур неолита и бронзы в Волго-Окском крае по докладам Б. С. Жукова «О хронологических и территориальных взаимоотошениях древних культур ЦПО по керамическим материалам», М. В. Воеводского «К вопросу изучения керамики» и О. Н. Бадера «Изучение культуры стоянок с сетчатой керамикой и кремневой индустрией».

Некоторые из докладов, предложенных вниманию 2-го и 3-го совещаний, легли в основу обобщающих работ, вскоре же опубликованных. Б. С. Жуков нарисовал очень сложную картину развития «керамических культур» от

[34] *А. В. Збруева.* Мало-Окуловские курганы.— СА, т. IX, 1947.

[35] *A. V. Zbrujev.* Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Vladimir.— ESA, IV. Helsinki, 1929.

[36] *О. Н. Бадер и М. В. Воеводский.* Стоянки Балахнинской низины.— ИГАИМК, 106, 1935.

[37] *О. Н. Бадер.* Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье.— СА, т. XX, 1954.

[38] *О. Н. Бадер.* Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи.— «Sborník Národního Muzea v Praze», Rada A.— Historié, Svazek XX (1966), Cislo 1/2 (60—Jiří Neustuphý).

[39] «Материалы к доистории Центрально-Промышленной области». I Совещание палеоэтнологов ЦПО 27—29 мая 1926 г. М., 1927.

неолита до раннего железа, осложненную влиянием «более прогрессивных культурно-хозяйственных факторов» как южного, так и балтийского происхождения, примером чего служат Фатьяново, Поздняково и Мало-Окулово II (могильник) [40]. В этих работах Б. С. Жуков впервые указал на основное значение керамики и ее орнаментации для изучения этнокультурных групп далекого прошлого, убедительно ссылаясь при этом на данные этнографии. Этот взгляд на керамику затем был воспринят многими советскими археологами и особенно ярко отразился в работах М. Е. Фосс.

В работе О. Н. Бадера изложены итоги произведенных им в 1924—1927 гг. обследований почти четырех десятков древних стоянок Балахнинской низины, Нижней Клязьмы, Средней Оки и Мещеры [41]. В статье памятники неолита подразделены на две локальные группы: балахнинскую и мещерскую, а следующие за ними во времени стоянки бронзовой эпохи — на три последовательные культуры: волосовскую (типа Волосово I — Холомониха), поздняковскую (срубно-хвалынского типа) и культуру «текстильной» керамики с кремневым инвентарем. Определены основные отличительные черты волосовской культуры, которые заключаются прежде всего в керамике с растительными и раковинными примесями к глиняному тесту и своеобразной зубчатой орнаментацией; указано распространение этой культуры не только в районе Нижней Оки и Клязьмы, но и в районе Костромы, Кашина, в Мещере, в Московской области и, вероятно, еще дальше на запад; показан энеолитический характер этой культуры, что следует прежде всего из находок медно-бронзовых предметов на поселениях, а относительно позднее время ее доказывается находкой сосуда андроновского типа на поселении Холомониха.

Поселения поздняковского типа подразделены на две хронологические группы; в более поздней из них постепенно получает преобладание керамика с текстильными отпечатками.

Следующая группа поселений — с «текстильной» керамикой — рассматривается в отличие от поздняковской как аборигенная; к тому времени они были зарегистрированы автором в Верхнем Поволжье в количестве не меньше 60; указывалось на связь этой керамики, с одной стороны, с местными поздненеолитическими комплексами и, с другой — с культурой городищ дьяковского типа, которая формируется на ее базе.

Таким образом, еще тогда, в конце 20-х годов, были выделены основные культуры и сформулированы некоторые положения, лежащие в основе наших современных представлений об окской бронзе.

А. А. Спицын в те годы продолжал считать сейминскую культуру второй стадией фатьяновской [42].

В большой обобщающей работе о доклассовом обществе Верхнего Поволжья П. Н. Третьяков, отдавая вместе с другими дань господствовавшим в то время у нас идеям Н. Я. Марра, считает фатьяновскую культуру местной по происхождению и смотрит на нее как на определенную стадию в историческом развитии первобытного населения Европы. Развивая мысль, высказанную в свое время А. М. Тальгреном, он рассматривает материал фатьяновских погребений как специфически ритуальный и поэтому думает, что на связанных с могильниками поселениях, до сих пор не найденных, облик материальной культуры должен быть иным; из этого он делает предположительный вывод, что поселения фатьяновцев нам уже известны и для выявления их необходимо лишь синхронизировать часть известных в тех же районах поселений с могильниками. Далее он указывает на находки костей домашних животных в некоторых фатьяновских могильниках и в верхневолжских и окских (Панфилово, Подборное) поселениях, а в куранте от зернотерки, найденном в Говядиновском могильнике, и в кремневых шлифованных топорах из фатьяновских погребений считает возможным видеть первые орудия, связанные с земледелием.

Сейминский могильник П. Н. Третьяков считает памятником относительно поздним, даже более поздним, чем Галичский клад и абашевская культура. Происхождение сейминского металла он вслед за другими авторами связывает с уральским центром древней металлургии [43].

[40] *Б. С. Жуков.* Теория хронологических и территориальных модификаций неолитических культур Восточной Европы.— «Этнография», 1929, 1; *B. Joukov.* Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du mètal en Europe du Nord-Est.— Est. IV, Helsinki, 1929.

[41] *O. Bahder.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale.— ESA, IV. Helsinki, 1929.

[42] *А. А. Спицын.* Состояние изученности археологических памятников ЦПО в дореволюционные годы и новейшие работы в этом направлении на местах. Доклад на I Совещании палеоэтнологов ЦПО в Москве в мае 1926 г.— «Материалы к доистории ЦПО». М., 1927, стр. 76.

[43] *П. Н. Третьяков.* К истории доклассового общества Верхнего Поволжья.— ИГАИМК, 106, 1935, стр. 128, 134.

В 30-годах было особенно много сделано по изучению могильников фатьяновского типа. Часть раскопанных тогда могильников находится в бассейне Оки, например: Истринский, Давыдковский, Раменский, Михеевский, Детчинский, Змеевский, Ковровский и др. О. А. Кривцовой-Граковой была выделена особая, московская группа фатьяновских могильников, а также восточная группа, распространявшаяся, видимо, и на низовья Оки. По ее мысли, если допустить связь одиночных фатьяновских черепков с керамикой из погребений Сейминского могильника, то можно предположить, что в конце II тысячелетия до н. э. существовала уже видоизмененная фатьяновская культура [44]. Опять та же в своей основе тальгреновская мысль о сложении сейминской культуры на базе фатьяновской!

Тогда же О. Н. Бадер рассмотрел вопрос о хозяйственной основе населения фатьяновской культуры и вопреки традиционному мнению [45] сделал на достаточно большом материале вывод о ведущей роли животноводства у фатьяновцев и о вероятном знакомстве фатьяновского населения с подсечным, огневым земледелием [46]. В другой работе тот же автор обосновал вывод о скотоводческо-земледельческом характере также и поздняковской культуры на Оке [47]. В обеих последних работах автор смотрит на фатьяновскую культуру как на местную по происхождению, а на поздняковскую — как на пришлую.

В 1937—1940 гг. на берегах Оки было обследовано большое число новых поселений поздняковского типа (О. Н. Бадером, А. А. Мансуровым, В. А. Говоровым, А. В. Давидовичем, Ю. М. Медведевым). В результате больших раскопок О. Н. Бадера на Подборновском поселении в 1937 г. было выяснено стратиграфическое положение культурного слоя по отношению к аллювию г. Оки и установлено существование поселения в ксеротермический период.

В 1940 г. на том же поселении целиком вскрыты два больших четырехугольных жилища.

В результате всех этих работ поздняковская культура предстала перед нами как обширный и очень своеобразный на Оке культурный массив. И все же факт существования поздняковской культуры тогда еще не завоевал всеобщего признания археологов.

В 1938—1939 г. автором были организованы (по линии Московского института краеведческой и музейной работы, Муромского и Горьковского краеведческих музеев) большие разведки, проведенные студентами Ю. М. Медведевым в Муромском Правобережье и А. В. Давидовичем в районе Павлова и ниже по Оке. Обе разведки обогатили науку обильным и разнообразным материалом эпохи бронзы и других эпох.

Общие научные итоги изучения бронзовой эпохи на Оке в довоенный период были подведены уже после войны, в 1945 г., к Всесоюзному археологическому совещанию. В опубликованных к нему «Материалах» подчеркивается значение выделения локальных вариантов фатьяновской культуры. Указывается, что выяснился своеобразный характер фатьяновских древностей в Брянском районе, где они несут в себе признаки связей с более западными памятниками Украины типа Гатного и со «срубным» югом.

Значительно отличаются друг от друга и другие фатьяновские районы — Московский, Верхневолжский и Северночувашский. Очень важными следует считать находки при фатьяновских погребениях костей домашних животных. Это позволяет относить появление скотоводства в лесной зоне Восточной Европы еще к бронзовой эпохе.

Открытие на Средней Оке памятников поздняковской группы показывает глубину проникновения на север степных культур и помогает разобраться в вопросе появления позднебронзовой индустрии сейминского типа (последнее положение представляется недостаточно ясным). Отмечается, что «не меньшее значение имеет открытие абашевских памятников... Абашевские стоянки и курганные погребения оригинально сочетают в себе местные черты с формами, принесенными с юга из области срубной и родственной ей в Сибири андроновской культуры. Это, по-видимому, земледельческая культура II тысячелетия до н. э.» [48]

Заканчивая обзор работ довоенного периода, необходимо остановиться на некоторых зарубежных публикациях, в которых окская бронза занимает уже гораздо более видное место; главной причиной этого внимания зарубежных спе-

[44] *О. А. Кривцова-Гракова.* Горкинский могильник.— «Труды ГИМ», вып. VIII, 1938.

[45] *В. А. Городцов.* Бронзовый век на территории СССР.— БСЭ, изд. 1, т. 7, 1927.

[46] *О. Н. Бадер.* Лихачевский могильник (К вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры).— СА, т. II, 1937.

[47] *О. Н. Бадер.* К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла.— ВДИ, 1939, № 3.

[48] Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. Итоги археологических исследований в СССР за советский период. М., 1945.

циалистов, без сомнения, является великолепный материал Сейминского могильника.

А. М. Тальгрен в своих работах 20-х годов продолжает относить Галичский клад и Сейминский могильник к фатьяновской культуре [49], и лишь в начале 30-х годов, после раскопок А. В. Шмидтом Турбинского могильника, в работе, посвященной хронологии восточноевропейской бронзы [50], он проявляет тенденцию рассматривать группу памятников сейминского типа как особую сейминскую культуру, датируя ее временем 1300—1100 лет до н. э. и считая Галичский клад частично древнее, а Турбинский могильник частично моложе.

В монографии, посвященной «культурам боевых топоров» в России, другой крупный финский археолог А. Эуропеус [51] особое внимание уделяет памятникам, близким Верхней Оке,— могильникам бассейна Десны и Верхнего Поднепровья (Брасово, Речица, Печкуры и др.) — и высказывает мысль, что эта территория являлась коренной областью фатьяновской культуры.

Вторая мировая война прервала ход археологических исследований, которые, возобновившись после ее окончания, проходили уже в иной обстановке и расстановке сил. По степени интенсивности они заметно сместились на восток, в Приуралье, а на Оке продолжались силами главным образом сотрудников Государственного исторического музея в Москве (ГИМ), почему и весь современный, четвертый период в истории изучения бронзового века в бассейне Оки в отличие от предыдущего, «антропологического» может быть назван «гимовским».

В бассейне Оки за все послевоенные годы исследован только один фатьяновский могильник — у дер. Буньково на Клязьме А. Я. Брюсовым в 1950 г. [52] Зато изучение этой культуры обогатилось значительными обобщающими работами. Так, О. А. Кривцова-Гракова исследовала вопросы хронологии, она считает типичные могильники выделенной ею московской группы наиболее ранними, датирует их концом III и первой четвертью II тысячелетия до н. э.; наиболее близкие аналогии посуде из этих могильников она видит в одиночных погребениях Южной Скандинавии и Дании [53]. Т. С. Пассек, изучив группу деснинских могильников типа Брасова — Речицы, рассматривает их как днепровско-деснинскую группу не фатьяновской, а среднеднепровской культуры [54], что вносит существенно иной аспект во взгляды на соотношение фатьяновской и среднеднепровской культур.

В 50-х годах А. Ф. Дубынин опубликовал материал фатьяновского Ковровского могильника на Клязьме [55], а О. Н. Бадер материал могильников и местонахождений Северного Подмосковья, причем автор, придерживаясь своего прежнего мнения об автохтонности фатьяновской культуры, отмечает, что в аргументации миграционной точки зрения не хватает основного аргумента: не выяснено существование фатьяновской культуры в более раннее время на какой-то иной территории. Рассматривая формирование фатьяновской культуры как итог процесса выделения пастушеских племен, автор в то же время допускает, что первоначальная область возникновения фатьяновских племен не совпадала полностью с территорией их известного нам распространения; древнейшей их областью могла быть, возможно, верхняя часть днепровского бассейна, откуда процесс сложения фатьяновской культуры постепенно распространялся на районы Подмосковья и Верхнего Поволжья [56].

В те же годы аналогичную точку зрения на возникновение фатьяновской культуры — не в результате единовременной миграции, а в процессе формирования пастушеских племен — высказал П. Н. Третьяков; он подчеркивал, что эти «появившиеся в Средней и Восточной Европе племена с новой культурой вовсе не представляли собой однородной массы, что было бы естественно ожидать, допуская происхождение их из одного центра и относительно короткий период расселения» [57].

А. Я. Брюсов поддержал миграционную теорию происхождения фатьяновской культуры. По его мнению, могильники среднеднепровской культуры верховьев Десны имеют большое сход-

[49] *A. M. Tallgren.* Fatjanovokulturen in Zentralrussland.— «Finkst Museum», 1924, 1; *Idem.* Fatjanovo-Kultur. Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1925.

[50] *A. M. Tallgren.* Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit.— «Mitteilungen der antropolog. Gesellschaft in Wien». Bd. 61, 1931.

[51] *A. Äyräpää.* Über die Streitakxtkulturen in Russland.— ESA, VIII. Helsinki, 1933.

[52] *A. I. Brjusov.* Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultaten der Archäologie (Die Entstehung der Fatjanovo-Kultur).— «Acta Archaeologica», XXV. Kobenhavn, 1954.

[53] *О. А. Кривцова-Гракова.* Хронология памятников фатьяновской культуры.— КСИИМК, XVI, 1947.

[54] *Т. С. Пассек.* К вопросу о среднеднепровской культуре.— КСИИМК, XVI, 1947.

[55] *А. Ф. Дубынин.* Ковровский фатьяновский могильник.— КСИИМК, 53, 1954.

[56] *О. Н. Бадер.* Фатьяновские могильники Северного Подмосковья.— МИА, 13, 1951, стр. 89.

[57] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена, изд. 2, переработанное и расширенное. М., 1953, стр. 32.

ство (если не идентичны) с могильниками московской группы фатьяновской культуры и появление фатьяновской культуры между Верхней Волгой и Клязьмой выглядит как переселение сюда части племен среднеднепровской культуры [58].

М. Е. Фосс также пришла к выводу о едином происхождении фатьяновских и среднеднепровских племен. Она считала, что находки фатьяновской керамики в южной части фатьяновской территории указывают на расселение среднеднепровских племен; пути этого расселения, по ее мнению, шли с Десны на Оку и далее не только на север, на Клязьму и Верхнюю Волгу, но и по Оке и ее притокам на восток; расселение днепровских скотоводческих племен в указанных новых районах должно было облегчаться происходившим в то время ксеротермическим сдвигом ландшафтных зон к северу [59].

В 1950 г. А. Я. Брюсов опубликовал статью о керамике с отпечатками плетенки или ткани на поверхности и рассмотрел в ней и вопрос о возникновении этой керамики в бассейне Оки [60].

Но вернемся к полевым исследованиям послевоенного этапа на Оке. Главная роль принадлежит здесь сотруднице Государственного исторического музея И. К. Цветковой, которая, будучи еще студенткой, не раз участвовала в моих раскопках на Оке.

В 1946—1949 гг. она исследовала замечательное поселение волосовского типа у дер. Володары в Балахнинской низине, которая, казалось, не была занята волосовским населением. На этом хорошо, хотя и далеко не полностью, исследованном памятнике были обнаружены четырехугольные жилища, соединенные переходами [61], и остатки нескольких погребений. В 1946 г. Е. И. Горюнова произвела новые раскопки Панфиловской стоянки и обнаружила на ней два таких же жилища [62]. И. К. Цветкова в 1950 г. еще раз исследовала этот памятник. В том же году она раскопала еще одну волосовскую стоянку — Садовый Бор на р. Тёша близ Мурома, в 1951 г. такую же стоянку у дер. Коренец на Мещерских озерах, а в последние годы исследует стоянку Черная Гора в том же районе. Такие же четырехугольные полуземлянки, как на Волосовском, Панфиловском и Володарском поселениях, И. К. Цветковой были исследованы на Гавриловском I (1945), Подборица-Щербининском (1956), Ибердусском (1961—1962) на Оке и Вашутинском на Плещеевом озере (1959), на водоразделе между Окой и Верхней Волгой [63].

В те же годы И. К. Цветкова исследовала на Нижней Оке несколько древних поселений с керамикой 2-го балахнинского типа, которые я, опираясь на новейший камский материал, отношу ко времени не раньше середины II тысячелетия до н. э. [64] Таковы стоянка Сейма I, Решетиха II и Гавриловка III. И. К. Цветкова рассматривает их как последний этап балахнинской неолитической культуры, хотя и датирует их второй половиной II тысячелетия до н. э. [65]

В 40-х годах много стоянок в Балахнинской низине, среди которых есть и стоянки поздней группы, были обследованы директором Дзержинского краеведческого музея В. А. Сафоновым [66].

В 60-х годах несколько очень интересных памятников эпохи бронзы, преимущественно поздняковской культуры, были исследованы сотрудницей Государственного исторического музея Т. Б. Поповой. Это культурный слой и погребения у дер. Коренец в Мещере (1961), а близ Мурома — 6 курганов у дер. Мало-Окулово (1962) [67], 5 курганов у с. Битюкова (1963) и 3 кургана у с. Борисоглебского (1963). Некоторые погребения оказались богатыми металлическими вещами, среди которых представлены срубные и андроновские типы, что заставляет вспомнить нашу находку целого андроновского сосуда на волосовском поселении Холомониха в 1927 г. Металл из борисоглебских курганов позволил Т. Б. Поповой утверждать тесные связи поздняковцев с андроновцами и отчасти с абашевцами.

В уже упоминавшейся монографии о неолитических племенах А. Я. Брюсов рассматривает и волосовские, и поздняковские поселения, и по-

[58] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[59] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, 29, 1952, стр. 182—187.

[60] *А. Я. Брюсов.* «Сетчатая» керамика.— СА, т. XIV, 1950.

[61] *П. К. Цветкова.* Стоянка Володары.— КСИИМК, XX, 1948; *Она же.* Неолитические жилища стоянки Володары.— СА, 1958, № 2.

[62] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 94, 1961, рис. 4.

[63] *П. К. Цветкова.* Стоянка Подборица-Щербининская.— СА, 1961, № 2; *Она же.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского.— «Труды ГИМ», вып. 37. М., 1960.

[64] *О. Н. Бадер.* Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье.— СА, т. XX, 1954, стр. 211, 212.

[65] *И. К. Цветкова.* Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки.— МИА, 110, 1963.

[66] *В. А. Сафонов.* Археологическая работа Дзержинского краеведческого музея в 1940—1944 г.— КСИИМК, XVII, 1947.

[67] *Т. Б. Попова.* Коренецкие стоянка и могильник.— СА, 1965, № 1; *Она же.* Погребение поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике.— Сб. «Новое в советской археологии (памяти С. В. Киселева)». М., 1965.

гребения Старшего Волосовского могильника, но включает их в историю выделяемых им локальных окских неолитических культур: рязанской и волосовской. Явно однокультурные памятники, как, например, Поздняковское и Подборновское поселения, рассматриваются им как памятники, принадлежащие к разным культурам [68]. Таким образом, А. Я. Брюсов приносит большие культурные различия в жертву частным чертам сходства, неизбежным в процессе взаимной ассимиляции. Он считает волосовскую и поздняковскую культуры местными культурами, возникшими на окской культурной основе.

В 1953 г. И. К. Цветкова опубликовала сводную работу о волосовских племенах [69]. В ней приведена общая характеристика памятников, относимых автором к неолиту, дана их датировка, периодизация и территория распространения. Эта работа до сего времени является основной для этой группы памятников, хотя не со всеми положениями автора можно согласиться. Так, например, вряд ли правильно синхронизировать сравнительно позднее Панфиловское поселение с Холомонихой; территория распространения памятников волосовского типа значительно шире, чем это показано в работе; основания для утверждения местного, нижнеокского происхождения волосовцев недостаточны.

В том же году О. Н. Бадер, подводя итоги шестилетним работам большой Камской археологической экспедиции Пермского университета, впервые высказал и аргументировал мысль о принадлежности волосовской культуры к числу культур приуральского круга, сформировавшихся на основе камского неолита, и о появлении ее на Оке в результате этнического сдвига финно-угорских племен из области Нижнего Прикамья и смежной части Поволжья на запад. Там же указывалось на еще более поздний возраст окских поселений с керамикой типа Б, выделенного на поселениях Балахнинской низины, и на генетическую связь этой культуры с более ранней волосовской. Одновременно установлено понятие сейминско-турбинской культурной области, в которую входили локальные (племенные) культуры: турбинская на Каме и сейминская на Оке [70].

Через 5 лет А. Х. Халиков, основываясь на большом новом материале, собранном им в Казанском Поволжье, подтверждает мнение О. Н. Бадера о локализации центра распространения волосовской культуры в Среднем Поволжье, между Окой и Камой [71].

Во «Всемирной истории», вышедшей в 1955 г., Сейминский могильник в соответствии со старыми взглядами А. М. Тальгрена причисляется к памятникам фатьяновской культуры [72]. Зато поздняковская культура на Оке получила признание; к этой культуре отнесен и Мало-Окуловский курганный могильник близ Мурома. Эта точка зрения закреплена и в принадлежащей автору статье «Поздняковская культура», напечатанной во 2-м издании Большой советской энциклопедии [73].

В «Очерках истории СССР», вышедших годом позже и формулирующих некоторые общепризнанные тогда положения и по интересующим нас здесь вопросам, указывается, что исходной территорией движения фатьяновских племен на северо-восток было междуречье Вислы и Днепра. В результате интенсивного роста скотоводческого населения и увеличения поголовья скота «часть земледельческо-скотоводческих племен устремилась на север, в долины больших рек, на их заливные луга, оттесняя, уничтожая или подчиняя себе местное население». «Путь продвижения этих племен прослеживается от среднего течения Днепра на Верхний Днепр и на Верхнюю Волгу, а также, по-видимому, вдоль Десны и далее по Оке на Среднюю Волгу» [74].

Вопрос о другом крупном этническом движении, на этот раз с востока на запад, поставил в 1953 г. О. Н. Бадер, основываясь: 1) на сходстве волосовской культуры с турбинской культурой Прикамья, 2) на отсутствии ясных генетических связей между поселениями волосовского типа на Оке и неолитической культурой с ямочно-гребенчатой керамикой и 3) на наличии таких связей между волосовской культурой и камской неолитической культурой с зубчатой керамикой [75].

В статье «Культуры бронзовой эпохи в Центральной России» [76] автор старался аргументировать свое мнение о восточном, в основном камском происхождении волосовцев и об их очень

[68] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
[69] *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена.— «Труды ГИМ», вып. XXII, 1953.
[70] *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (КАЭ) (1947—1952).— УЗ ПГУ, т. IX, вып. 3. Харьков, 1953.
[71] *А. Х. Халиков.* Неолитические памятники в Казанском Поволжье.— МИА, 61. 1958.
[72] Всемирная история, т. I. М., 1955, стр. 462.
[73] Поздняковская культура.— БСЭ, изд. 2, т. 33, 1955.
[74] Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 110.
[75] *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ КАЭ (1947—1952).
[76] *O. Bader.* Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland.— «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja Finska Fornminnesföreningens Tidskrift». 59, 1. Helsinki, 1957.

далеком проникновении на запад. Здесь же проводится мысль о преемственной связи поселений волосовского и позднебалахнинского типов и о принадлежности Сейминского могильника к этой культуре, имевшей тесные связи с Приуральем. Также обрисована роль пришлых фатьяновской, балановской и поздняковской культур в истории древнего населения Средней России.

Годом позже Н. Я. Мерперт в работе, посвященной эпохе бронзы в Среднем Поволжье[77], вопреки А. Я. Брюсову присоединяется к мнению о том, что курганные могильники типа Мало-Окуловского на Оке являются ранними памятниками срубной культуры и что поздняковская и приказанская культуры сформировались в результате взаимодействия пришлых племен срубной культуры с местными племенами.

Представляют интерес и некоторые работы, вышедшие в 50-х годах за рубежом и использовавшие как наш старый материал, так отчасти и новый, полученный в исследованиях советских археологов уже в послевоенный период.

Так, английский ученый Г. Чайлд, говоря о фатьяновской культуре, считал, что занятия скотоводством и земледелием были заимствованы населением Средней России от населения Причерноморья и что «фатьяновская культура вела происхождение от старой лесной культуры и только приспособилась к использованию новых источников пищи и в соответствии с этим распространилась на новые, более удобные территории». Сейминский памятник, как и Галичский, он считал кладом и полагал, что оба эти клада «состоят, по-видимому, из привозных товаров южного производства, полученных или захваченных фатьяновцами»[78]. Такой совершенно неверный вывод мог возникнуть только из-за отсутствия сколько-нибудь подробных сведений о Сейминском памятнике в литературе.

В ГДР довольно полно переиздали материалы по фатьяновской культуре А. Гейдер[79] и Я. Озолс[80].

В США М. Гимбутас в работе, посвященной проблеме хронологии Бородинского клада, Сеймы и одновременных им культур, датирует Сейму по аналогиям вещей на Центральном Кавказе и в шахтовых гробницах древних Микен временем 1450—1350 гг. до н. э. Сейминский комплекс, по мнению М. Гимбутас, может быть датирован по аналогии с Бородинским кладом, с одной стороны, и восточной бронзой эпохи Инь — с другой. Путем такой перекрестной датировки Сейминский памятник датируется М. Гимбутас XIV в. до н. э., но эту дату для всей сейминской бронзы она расширяет и весь «Сейминский период» относит к XV—XIII вв. до н. э.[81]

Наконец, необходимо указать на несколько последних работ советских ученых, относящихся уже к 60-м годам.

Серьезное значение и для изучения окской бронзы имеет исследование Б. Г. Тихонова о металлических изделиях эпохи бронзы в Приуралье, поскольку в нем рассматриваются и материалы Сейминского могильника[82]. В этой работе подробно освещаются вопросы технологии и распространения изделий сейминско-турбинских типов.

В 1960 г. были опубликованы и первые итоги больших археологических работ, которые в 1956—1959 гг. велись под руководством А. Х. Халикова (Казанский филиал АН СССР) в Нижнем Прикамье и в Среднем Поволжье между Казанью и Горьким; изучение последней из указанных территорий имеет особенно большое значение, так как она в течение многих десятилетий представляла собой белое пятно, разделявшее относительно хорошо изученные Камское и Окское Поволжье[83].

В этой работе автор признает отсутствие генетических связей волосовской культуры с культурой неолита с ямочно-гребенчатой керамикой и подтверждает положение об относительной близости волосовской культуры к более ранней культуре камского и средневолжского неолита с керамикой, орнаментированной зубчатым штампом; но, устанавливая эти связи, автор не уверен в их генетическом значении для воло-

[77] *Н. Я. Мерперт.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 61, 1958.

[78] *Г. Чайлд.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 227.

[79] *A. Häusler.* Die kulturellen und wirtschaftlichen Beziehungen der Bevölkerungsgruppen Mittelrusslands am Ende der jüngeren Steinzeit.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität Halle — Wittenberg». Jahrg. V, Heft 1. Halle (Saale). 1955.

[80] *Jakobs Ozols.* Ursprung und Herkunft der zentralrussischen Fatjanovokultur.— «Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte», Band 4. Berlin, 1962.

[81] *M. Gimbutas.* Borodino, Seima and their Contemporaries. Key Sites for the Bronze Age Chronology of Eastern Europe.— Peabody Museum. Proceedings of the Prehistoric Society for 1955, vol. XXII. Cambridge, 1956.

[82] *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, 90, 1960.

[83] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», т. 1. Йошкар-Ола, 1960.

совской культуры. Он выделяет новую, чирковско-сейминскую культуру, образовавшуюся, по его мнению, в третьей четверти II тысячелетия до н. э. в результате смешения местной балахнинской и пришлых волосовской и балановской культур. С этой чирковско-сейминской культурой, просуществовавшей до первых веков I тысячелетия до н. э., автор связывает и Сейминский могильник. Видимо, ближе к середине II тысячелетия до н. э. балановское население под давлением абашевцев переходит на левый берег Волги и Оки и распространяется на север от нее.

Рассматривая вопрос о соотношении Сейминского могильника с другими могильниками турбинского типа, О. Н. Бадер пришел к выводу о его промежуточном положении во времени между древнейшим Турбинским I и позднейшим Усть-Гайвинским могильниками [84] вопреки традиционной точке зрения о наиболее раннем времени Сейминского могильника среди этих памятников.

На основании своих последних раскопок и обследований в бассейне Мокши Т. Б. Попова пришла к заключению о проникновении племен поздняковской культуры на Оку именно этим путем, через Цну и Мокшу [85].

Много было сделано за последние годы по изучению абашевской культуры и, в частности, ее памятников в бассейне Оки. А. Е. Алихова опубликовала материал раскопок Б. А. Куфтиным курганов у дер. Земское близ Касимова [86]. А. Х. Халиков отнес Земские и Огубские курганы, так же как абашевские находки на окской стоянке Подборица-Щербининская (раскопки И. К. Цветковой в 1956 г.), к числу наиболее ранних памятников этой культуры, реконструируя первоначальное движение абашевского населения на Оку из Верхнего Подонья [87]. Этой гипотезе, однако, противоречит поздний облик абашевских памятников на Верхнем Дону, исследованных недавно П. Д. Либеровым.

В содержательной статье, посвященной древнейшим этапам истории финно-угорских племен, П. Н. Третьяков широко использует приуральские аналогии для некоторых окских культур, он полностью присоединяется к определению волосовской культуры на Оке как пришлой уральско-камской культуры и определяет западные пределы ее распространения примерно районом москворецкого устья, а северные — озерами Бологовским и Пирос. Эти же положения вошли в доклад П. Н. Третьякова на V Международном съезде славистов в Софии в 1963 г. [88]

Два выпуска «Свода археологических источников» Д. А. Крайнова посвящены фатьяновским могильникам и местонахождениям отдельных предметов московской и ярославской групп [89]. Эти работы представляют собой полезную систематизированную сводку материала почти по всему бассейну Оки и Верхней Волги. К сожалению, она страдает недостатком, заключающимся в произвольном определении территории, занятой московской группой фатьяновских памятников. Д. А. Крайнов отнес к московской группе фатьяновской культуры памятники не только компактной московской группы, но и часть верхневолжских памятников (на небольшом отрезке вниз от Калинина) и всего окского бассейна от Брянска до Касимова и среднего течения Мокши, но почему-то не ниже по Оке. Даже беглого взгляда на приложенную карту достаточно, чтобы убедиться, что памятники Средней Оки представляют собой обособленную от московской группу фатьяновских памятников. При таком произвольном подходе к территориальному членению фатьяновской культуры облик московской группы, достаточно цельный и своеобразный в интерпретации О. А. Кривцовой-Граковой, стал у Д. А. Крайнова крайне расплывчатым. Это впечатление еще усиливается из-за отсутствия периодизации, хронологического членения памятников; поэтому крайне затруднена и историческая оценка материала.

В монографии о Балановском могильнике [90] О. Н. Бадер показал распространение памятников балановского типа к северу на Оку и Верх-

[84] *О. Н. Бадер.* Новые раскопки Турбинского I могильника.— ОКВЭ, т. 1, 1959; *Он же.* Работы Воткинской археологической экспедиции.— «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1961, рис. 34.

[85] *Т. Б. Попова.* Происхождение поздняковской культуры.— «Труды ГИМ», вып. 37, 1960; *Она же.* Эпоха бронзы на Тамбовщине.— СА, 1961, № 3.

[86] *А. Е. Алихова.* Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области.— КСИИМК, 64, 1956.

[87] *А. Х. Халиков.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР.— Сб. «Абашевская культура в Среднем Поволжье».— МИА, 97, 1961.

[88] *П. Н. Третьяков.* У истоков этнической истории финно-угорских племен.— СЭ, 1961, № 2; *Он же.* Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги.— «Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов в 1953 г. в Софии». М., 1963.

[89] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа.— «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. В 1—19. М., 1963; *Он же.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа.— «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. В 1—20. М., 1964.

[90] *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. К истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.

нюю Волгу, происшедшее во второй половине II тысячелетия до н. э., одновременно с распространением их и в Заволжье, причиной чего, вероятно, был нажим со стороны срубных и абашевских племен, занявших основную балановскую территорию в Среднем Поволжье. Эту мысль развивает в ряде работ и А. Х. Халиков.

В «Трудах» Горьковской археологической экспедиции на основе стратиграфии трехслойного балановского поселения у Васильсурска А. Х. и Е. А. Халиковыми надежно подтверждена периодизация балановской культуры [91], которая очень облегчит еще далеко не выполненную работу по периодизации памятников фатьяновской культуры бассейна Оки и Верхней Волги.

В том же сборнике И. К. Цветкова дала общую характеристику и датировку балахнинской культуры [92]. Подразделяя ее на три хронологических этапа, она датирует поселения третьего этапа третьей четвертью II тысячелетия до н. э., т. е. временем Сейминского могильника и даже еще более поздним. С нашей точки зрения, не только этот третий, но, вероятно, и второй этап балахнинской культуры в понимании И. К. Цветковой следует относить к эпохе бронзы. Речь об этих памятниках пойдет ниже.

Недавно П. М. Кожин на основе изучения балановской и фатьяновской керамики пришел к выводу, что Верхнее Поволжье заселялось фатьяновскими племенами, пришедшими из области Среднего Поволжья, предположительно под давлением появившихся в Среднем Поволжье племен особой атликасинской группы. По его мнению, оставшиеся в Среднем Поволжье племена «вступили в контакт с атликасинской группой. В результате этого контакта появились те смешанные балановско-атликасинские комплексы, которые характерны для большинства могильников фатьяновской культуры бассейнов Оки и Клязьмы. Остальные окско-клязьминские фатьяновские памятники свидетельствуют о контакте смешанного атликасинско-балановского населения с культурами иного происхождения, вероятнее всего, с разными вариантами среднеднепровской культуры, для которой характерна шнуровая орнаментация» [93].

В более поздней статье тот же автор рассматривает ряд признаков, свидетельствующих о тесной связи западной, московской группы памятников фатьяновского типа со среднеднепровской культурой, и говорит о территории смешения этой московской группы фатьяновской культуры с атликасинской культурой; эта зона смешения, по его мнению, тянется от Михеевского и Детчинского могильников на Оке до Ошурковского могильника на Верхней Волге [94]. В третьей статье он приходит к заключению «об этнической неоднородности двух основных групп фатьяновского населения — атликасинско-московской и балановско-ярославской. Основными показателями этой неоднородности являются прежде всего различия в формах и орнаментации керамики, в погребальных сооружениях, обрядах и могильном инвентаре» [95].

Д. А. Крайнов в своих последних работах продолжает настаивать на движении фатьяновских племен с запада на восток. Он признает, что фатьяновцы при появлении их в Волго-Окском междуречье встретились здесь с населением волосовской культуры [96].

В своей последней статье, посвященной общей картине движения населения в эпоху позднего неолита и ранней бронзы, А. Я. Брюсов наконец присоединяется к мнению о довольно резких отличиях волосовской культуры «от остальных окских культур» и о том, что она «сближается по некоторым признакам с кругом культур Камско-Волжского Приуралья, хотя и не идентична им» [97]. Он относит экспансию волосовской культуры на север к первой половине III или к IV тысячелетию до н. э.

Здесь же он высказывает новую гипотезу происхождения фатьяновской культуры. Он полагает, что происходившая одновременно экспансия раннесрубных, полтавкинских племен с востока на запад и некоторое смещение трипольских племен к востоку привели к движению находившегося в промежуточной зоне населения к северу. Часть катакомбных племен начала движения по Дону, Северскому Донцу и правым притоком Оки, включив в свое движение, вероятно, часть какого-то населения северокавказской культуры. Эта восточная часть племен катакомбной культуры, достигнув Среднего Поволжья, положила начало там сложению балановского варианта фатьяновской культуры. Главная же масса западной группы ямно-катакомбных племен выбрала путь вверх

[91] *А. Х. Халиков* и *Е. А. Халикова*. Васильсурское поселение эпохи бронзы.— МИА, 110, 1963.

[92] *П. К. Цветкова*. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки.— МИА, 110, 1963.

[93] *П. М. Кожин*. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников.— СА, 1963, № 3, стр. 37.

[94] *П. М. Кожин*. О западной границе фатьяновской культуры.— Сб. «Новое в советской археологии (памяти С. В. Киселева)». М., 1965.

[95] *П. М. Кожин*. О технике выделки фатьяновской керамики.— КСИА, 101, 1964.

[96] *Д. А. Крайнов*. Новые исследования памятников фатьяновской культуры.— Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.

[97] *А. Я. Брюсов*. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э.— СА, 1965, № 2, стр. 50.

по Днепру. В результате этого движения племена среднеднепровской культуры со своей первоначальной территории сместились далеко на север, о чем говорит цепочка погребений вдоль Десны и Клязьмы и распространение сверленых топоров ромбического типа. Та часть мигрантов, которая продвинулась из Верхнего Поднепровья в Клязьминско-Волжское междуречье, составила основу для сложения второй группы фатьяновской культуры, быстро соединившейся с первой.

В той же работе А. Я. Брюсов, указывая на находку сосудов полтавкинского типа на Волосовской стоянке и находку медного тесла южнорусского типа на Панфиловской, говорит о сложении в южной части территорий, занятых более ранними волосовской и рязанской культурами, своеобразной, близкой по типу к срубной поздняковской культуры, очевидно гибридной, с чертами рязанской культуры. Тем самым А. Я. Брюсов отошел от своего прежнего понимания волосовской и рязанской культур на Оке, в состав которых якобы входили и памятники поздняковского типа.

В одной из последних статей О. Н. Бадер пытается подойти к решению вопроса о связи Сейминского могильника с поселениями [98], а в монографии о могильниках турбинского типа более широко рассматривает вопрос о сейминской локальной культуре и о тесных связях ее с Приуральем [99].

Тот же автор недавно опубликовал материал Тургиновского и других фатьяновских могильников бассейна р. Шоши; он выделил их вместе с некоторыми другими могильниками верховьев Волги в особую локальную группу и указал на ее связи с Прибалтикой [100].

Т. Б. Попова издала материал своих раскопок 1963 г. кургана № 2 Борисоглебского могильника близ Мурома. Этот интереснейший курган относится к поздняковской культуре и датируется автором последней четвертью II тысячелетия до н. э. Бронзовая бляха и браслеты андроновского типа, мелкие украшения-трубочки абашевского типа, нож срубного типа характеризуют широкие связи поздняковцев с соответствующими культурами [101].

В последней статье Т. Б. Попова рассматривает материал Старшего и Младшего Волосовских могильников и относит их к поздняковской культуре [102].

В посмертной обобщающей работе «Бронзовый век СССР» С. В. Киселев отмечает, что южная граница фатьяновских племен, наименее ясная, по-видимому, «проходила по водоразделам долины Оки, где продолжали жить своим неолитическим бытом древние племена окских культур ямочно-гребенчатой керамики. Лишь местами на Верхней Оке, в подмосковных районах фатьяновцы оседали и на этой важнейшей водной магистрали» [103]. Он пришел к выводу, что в сложении фатьяновской культуры приняли участие южные элементы, и обращает при этом внимание на антропологическую близость западных фатьяновцев и населения прибалтийской, среднеднепровской, древнеямной и срубной культур. Говоря о Сейминском могильнике, он останавливается на его далеких восточных связях, определяемых распространением бронзовых изделий сейминско-турбинских типов вдоль южной окраины лесов от Оки до Енисея, и говорит о влиянии, оказанном сейминско-самусьской металлургией на формы иньского периода шанской культуры в Китае (XIV — XI вв. до н. э.).

В другой посмертной работе [104] С. В. Киселев хотя и включает памятники балановского типа в понятие фатьяновской культуры, но подчеркивает значение антропологических различий между фатьяновцами и балановцами, принадлежавшими к совершенно иному, восточно-средиземноморскому типу, распространенному в Месопотамии, древнем Иране, в культуре Анау (Южная Туркмения), в Анатолии, Грузии и Армении. «Пока, может быть, рано ставить вопрос,— писал далее С. В. Киселев,— о непосредственных генетических связях между восточно-фатьяновскими и кавказскими племенами. Тем не менее нельзя недооценивать волжский путь, по которому вполне могли проникнуть далеко на север отдельные родо-племенные группы, приносившие с собой достижения южных культур».

В разделе, посвященном абашевской культуре, вопрос о ее происхождении автор считает открытым. Все же, по его мнению, можно счи-

[98] *О. Н. Бадер.* Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями.— «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 6. Л., 1964.

[99] *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

[100] *О. Н. Бадер.* Фатьяновские могильники бассейна реки Шоши.— Сб. «Новое в советской археологии (памяти С. В. Киселева)». М., 1965.

[101] *Т. Б. Попова.* Погребение поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике.— Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.

[102] *Т. Б. Попова.* Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников.— «Труды ГИМ», вып. 40, 1966.

[103] *С. В. Киселев.* Бронзовый век СССР.— Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 47.

[104] *С. В. Киселев.* Бронзовый век. Окраины леса Восточной Европы.— «История СССР с древнейших времен до наших дней» (в 12 томах), т. I. М., 1966.

тать установленным, что «абашевские племена не были потомками ни срубных, ни фатьяновских племен. Они представляли собой особую группу со своеобразной культурой, оставившей след в материальной культуре позднейшего финноязычного населения Поволжья».

С. В. Киселев на ряде примеров показывает распространение сейминских бронзовых изделий не в какой-то одной, а во многих различных культурах, но обращает внимание на локализацию культур с сейминско-самусьским металлом очень длинной цепью в широтном направлении с востока на запад, в чем, по его мнению, сказались длительно существовавшие между ними меновые связи. Те же связи «отражены и в передаче на огромное расстояние (больше чем на 5000 км) нефритовых колец, которые изготовлялись под Иркутском. Впервые в истории «нефритовый путь» связал Восточную Сибирь с Европой».

В статье, посвященной культуре с так называемой текстильной керамикой, О. Н. Бадер приходит к выводу о датировке ее концом II — началом I тысячелетия до н. э. и об образовании ее здесь, на месте, в результате «нивелировки, слияния всех разнородных элементов, которые впитал в себя Волго-Окский край в предшествующие века богатого событиями II тысячелетия до н. э.» Он приходит к заключению о неразрывной связи этой культуры с городищами дьяковского типа, о необходимости рассматривать их как единую культуру, на основе которой в дальнейшем развиваются финно-язычные дославянские культуры Волго-Окского края [105].

Недавно было опубликовано несколько интересных работ Е. Н. Черных, посвященных древней металлургии Восточной Европы; в них затрагивается и вопрос о древнейшем металле бассейна Оки. В одной из этих работ содержится спектральная характеристика состава фатьяновского и балановского металла, совершенно идентичного и связанного, вероятно, с разработкой медистых песчаников Среднего Поволжья [106]. В другой, публикующей результаты спектрального изучения абашевского металла, автор приходит к выводу, что основным источником получения металла для абашевских племен были приуральские и поволжские медистые песчаники; дополнительно металл получался абашевцами в виде готовых изделий, а может быть, слитков с востока, от населения, владевшего металлом турбинских форм [107].

В недавно вышедшей монографии Е. Н. Черных называет абашевцев прямыми преемниками фатьяновцев (балановцев) в области использования медистых песчаников Среднего Поволжья. Все исследованные автором абашевские предметы сделаны из меди, среди них нет ни одного из оловянистой бронзы; часть вещей, содержащая естественную примесь мышьяка (до 4%), сделана из металла восточноуральского происхождения.

Спектроаналитическое исследование более чем 150 предметов сейминско-турбинского типа позволило автору подтвердить более ранние выводы Ю. М. Абрамовича о зауральском происхождении металла большей части изделий этого типа. Снова подчеркивается общность металлического сырья из Турбинского могильника и абашевской культуры, происходящего в обоих случаях из месторождений меди на восточных склонах южного Урала. В то же время «металл Сейминского могильника и Турбинского в огромном большинстве случаев несходен между собой и происходит из разных источников». «Металл Сейминского могильника обнаруживает удивительное сходство по химическому составу с бронзами срубной культуры Поволжья. Налицо и проникновение в инвентарь Сеймы немногочисленных предметов андроновской культуры» [108]. Последний факт снова перекликается с находкой целого андроновского сосуда на стоянке Холомониха.

Наконец, непосредственное отношение к теме настоящей работы имеет последняя книга П. Н. Третьякова, вышедшая из печати уже после того, как наша работа была закончена. В этом интереснейшем исследовании [109] для нас наиболее важны следующие положения автора. Он полностью принял и использовал высказанную нами в 1953 г. и в последующие годы гипотезу об отсутствии генетических связей между неолитической культурой с ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской культурой, о движении последней и культур волосовского типа из области Камского Приуралья и Поволжья на запад, вплоть до Прибалтики и об угро-финской этнической сущности волосовской волны, легшей, таким образом, в основу позднейших

[105] *О. Н. Бадер.* Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе.— СА, 1966, № 3 («текстильной» я называю керамику с текстильными отпечатками на поверхности.— *О. Б.*).

[106] *Е. Н. Черных.* Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов.— Приложение к книге О. Н. Бадера «Балановский могильник». М., 1963.

[107] *Е. Н. Черных.* О металле абашевской культуры.— Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964.

[108] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 84.

[109] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966.

этнических древнефинских культур Средней России. П. Н. Третьяков более детально обосновал эту гипотезу и проследил западную границу памятников волосовского типа, распространение которых в Средней России не достигает Верхней Оки и Десны; при этом он отметил, что этот западный рубеж финно-угров просуществовал, почти не изменяясь, до прихода славян.

Рассматривая вопросы, связанные с фатьяновской культурой, автор считает, что на Оке древние пастушеские племена в эпоху бронзы не расселялись. Он поддерживает выделение памятников балановского типа в категорию особой археологической культуры с историческими судьбами, отличными от фатьяновской культуры. Все три культуры — среднеднепровскую, фатьяновскую и балановскую,— индоевропейские в этническом отношении, на ранних этапах их развития он считает близкородственными. Расселение фатьяновских племен в Верхнем Поволжье он относит к более раннему времени, чем расселение волосовцев. Отсутствие известных археологам фатьяновских поселений объясняется сложившимися для фатьяновцев условиями непрочной оседлости при постоянно враждебных отношениях с иноязычными соседями.

Абашевскую культуру автор представляет себе как последовавшую за фатьяновской и балановской волну переселенцев с юго-запада, из области, лежащей к востоку от Среднего Днепра, где, по его предположению, предки абашевцев жили в тесном контакте с среднеднепровскими племенами. Абашевская культура уже не принадлежит к числу культур со шнуровой керамикой, но генетически с ними связана. Исходя из публикуемой схематической карты, он справедливо рассматривает в качестве основной территории абашевских племен область Среднего Поволжья между Сурой и Вяткой, в то время как в междуречье Оки и Верхней Волги, в Южном Прикамье и на Южном Урале обнаружены лишь единичные абашевские могильники, поселения и клады. Отсутствие абашевских поселений на основной территории также объясняется неспокойной обстановкой, исключавшей саму возможность существования долговременных поселков.

Автор подчеркивает смешанный характер приказанской и поздняковской культур и их финно-угорскую этническую сущность. Обе эти культуры имели местную основу, и сходство их керамики с керамикой срубной культуры явилось лишь следствием соответствующих культурных связей, как считал А. Я. Брюсов. Одним из аргументов в пользу местного происхождения поздняковской культуры автор называет ее развитой инвентарь кремневых орудий, не свойственный срубной культуре. Курганный погребальный обряд поздняковцы, возможно, восприняли не от срубных, а от абашевских племен.

Культуру с «текстильной» керамикой, сформировавшуюся в конце II тысячелетия до н. э. на широких пространствах Средней России с Волго-Окским междуречьем в центре, автор уверенно считает финно-угорской.

Природная среда

Окское Поволжье, т. е. бассейн Оки и смежный отрезок Волги, является частью Великой Русской равнины и представляет собою равнинную, слабо всхолмленную страну. Северная часть этого обширного края наиболее равнинна; южная часть находится в пределах Среднерусской возвышенности и Мордовского плато; между Касимовом и Елатьмой Ока прорезает Окско-Цнинскую гряду.

Рассматриваемая территория лежит в центре огромной лесной страны, ограниченной Уралом и Балтийским морем. Между Окским Поволжьем, Прикамьем, Верхним Поволжьем, Верхним Поднепровьем и Прибалтикой нет труднопроходимых географических рубежей; наоборот, они связаны речными путями волжского бассейна и других смежных речных систем.

Рассматриваемый край лежит на границе лесной и лесостепной зон, в настоящее время сильно измененных деятельностью человека. К северу от долины Средней Оки и на Нижней Оке господствует растительность подзоны елово-дубовых смешанных лесов и лишь в Заволжье — подзоны европейской тайги. Зато все окское правобережье от Лихвина до устья Мокши лежит в пределах подзоны широколиственных лесов лесостепной зоны, а верховья Оки и некоторых ее правых притоков — в пределах подзоны лесостепья. Степная зона подходит вплотную к южным водоразделам окского бассейна в верховьях Цны.

Характеризуя ландшафт дна окской долины начала нашего века, где располагались древние поселения, Р. А. Еленевский пишет: «Как в калейдоскопе, в ландшафте сменяются простор-

ные луга, извилистые петли озер, прохладные рощи дубов, иногда, как в Ижевском и Рязанском районах, крупные останцы развеянных голых песков древних террас, питающих приложенные к ним мрачные ольшанники; за ними селения, затерянные среди лугов и болот, отрезанные в период весеннего половодья на 3—4 недели от суши, и, наконец, у входа в Мещеру темно-зеленой стеной стоят глухие и топкие ольховые болота, куда удается заглянуть лишь в самые засушливые годы»[1]. Но этот ландшафт нельзя считать выражением только естественно протекавших климатических процессов; на него сильнейшее влияние успел оказать человек, со времен среднего плейстоцена обитавший в окской долине и уже четыре тысячи лет назад сменивший занятия охотой и рыболовством на земледелие и скотоводство, а последнюю тысячу лет — на пашенное земледелие, не говоря уже о промышленности последних двух-трех столетий.

Следы иных ландшафтов видны на каждом шагу. Так, «о былом значительном распространении пойменных лесов помимо видоизмененных дерновым процессом подзолистых почвенных разностей, наблюдаемых на более древних участках поймы, широкого распространения древесного торфа в пойменных торфяниках, многочисленных стволов деревьев, ежегодно вымываемых из береговых обрывов, свидетельствуют также отдельные пойменные дубравы, кое-где сохранившиеся среди лугов по плоским гривам. В пойменных дубравах помимо дуба и липы в виде примеси участвуют клен и вяз и развит довольно густой, особенно по опушкам, подлесок из крушины, черемухи, шиповника и калины. Более молодые прирусловые гривы и отмели покрыты зарослями кустарниковых ив»[2].

Климат и ландшафт Окского Поволжья неоднократно изменялись на памяти человечества, и не только в эпоху плейстоцена с его ледниками и межледниковыми периодами, но и на протяжении интересующего нас здесь голоцена, геологической современности.

Как известно, в Северо-Западной Европе Блиттом, Сернандером, Вебером, Постом, у нас Доктуровским[3], Д. А. Герасимовым[4] и другими на основании изучения торфяников, макро- и микропалеоботанических анализов была разработана четкая, расчлененная схема климатических колебаний в послеледниковое время, связанная в их представлении с периодически происходившими сдвигами ландшафтных зон.

Согласно этой схеме два засушливых периода голоцена — бореальный и суббореальный — разделены теплым и влажным атлантическим периодом; связанное с ними усыхание болот оставило в стратиграфии торфяников так называемые пограничные горизонты, свидетельствующие о временном прекращении торфообразовательных процессов.

Постепенно советские археологи установили возможность приурочения некоторых археологических памятников к атлантическому[5], суббореальному и другим периодам, причем памятники бронзовой эпохи совпали с суббореальным периодом[6].

После 1917 г. Л. Пост, положивший начало пыльцевому анализу, а за ним и другие, разрабатывая на этой основе новые схемы подразделения голоцена для различных частей Европы, выступили с критикой схемы Блитта — Сернандера, считая ее устаревшей.

У нас наиболее последовательным противником схемы Блитта — Сернандера явился Д. К. Зеров, отрицающий не только заметные сдвиги ландшафтных зон голоцена, но и самое учение о ксеротермическом периоде. В 1950 г. он предложил трехчленную схему подразделения голоцена, основанную на развитии лесов Восточной и Средней Европы[7]. В отличие от этой схемы М. И. Нейштадт предложил четырехчленное разделение голо-

[1] *Р. А. Еленевский.* Пойма реки Оки в пределах Московской области.— УЗ Горьк. ГУ, вып. 5. Горький, 1936, стр. 145.

[2] *А. А. Асеев.* Палеогеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М., 1959, стр. 188.

[3] *В. С. Доктуровский.* Болота и торфяники, развитие и строение их. М., 1922; *Он же.* Торфяные болота. М.— Л., 1932.

[4] *Д. А. Герасимов.* К вопросу об изменении ландшафта в послеледниковую эпоху.— «Почвоведение», 1936, № 2.

[5] *Б. С. Жуков.* Неолитическая стоянка близ с. Льялова Моск. обл.— «Труды Антропологического института», вып. 1. М., 1925; *В. С. Доктуровский.* Определение возраста Льяловской стоянки по пыльце в торфе.— Там же.

[6] *А. П. Круглов* и *Г. В. Подгаецкий.* Родовое общество степей Восточной Европы.— ИГАИМК, 119. М.— Л., 1935; *О. Н. Бадер.* Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматологической схемой Блитта — Сернандера.— БКЧ, 1940, № 6—7; *О. Н. Бадер.* Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных.— МЧП, вып. 2. М., 1950; *М. Е. Фосс.* Стоянка Веретье.— «Труды ГИМ», вып. XII, 1941; *А. Я. Брюсов.* Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Свайное поселение на р. Модлоне.— Там же.

[7] *Д. К. Зеров.* Учение о ксеротермических периодах в ботанической географии.— «Материалы по истории флоры и растительности СССР», вып. 2. Л., 1946; *Д. К. Зеров* и *А. Т. Артюшенко.* История растительности Украины со времени максимального оледенения по данным спорово-пыльцевого анализа.— «Четвертичный период», вып. 13, 14, 15. Киев, 1961.

цена — с начала отступания вюрмского материкового оледенения [8].

Однако подразделение голоцена, предложенное Блиттом и Сернандером, несмотря на многочисленные главным образом региональные поправки к ним, сохранило значение до наших дней, а их палеоклиматическая терминология применяется даже их противниками.

Среди советских археологов в последнее время также появилась хорошо выраженная тенденция отрицания ксеротермического периода и смещения ландшафтных зон в эпоху бронзы [9]. В основу этих взглядов кладутся не только археологические наблюдения (главным образом при изучении памятников срубной культуры), но и некоторые новейшие заключения ботаников [10].

Но рассматриваемый вопрос упомянутыми работами никоим образом нельзя считать решенным. Многочисленные доводы в пользу старой точки зрения остаются неопровергнутыми. Здесь нет места для их повторения. Укажем лишь на весьма существенное подкрепление наших взглядов, полученное в некоторых новейших исследованиях.

Мы имеем в виду прежде всего исследования донных отложений озер, обнаруживающих горизонты отложения солоноводной флоры, соответствующей периодам сухого климата и понижения уровней озер. Один из этих горизонтов совпадает с ксеротермическим периодом Блитта — Сернандера и относится к эпохе бронзы [11].

Другим очень важным фактором является появление исследований, устанавливающих определенную цикличность в колебании климата. Так, по П. П. Предтеченскому, продолжительность этих циклов определяется в 2050—2300 лет. По его мнению, океанический (атлантический) период длился 2300 лет (с 5100 до 2800 г. до н. э.). Это время, соответствующее у нас позднемезолитической и неолитической эпохе, характеризует климатический оптимум, значительное увлажнение, наступление леса на степь и на тундру. Следующий, суббореальный период длился 2200 лет (с 2800 до 600 г. до н. э.) и отличался умеренно теплым (до 2,5° выше, чем сейчас) и сухим климатом [12], в условиях которого ландшафтные зоны неизбежно должны были прийти в обратное движение.

Одновременно А. В. Шнитников установил многовековую ритмичность увлажненности материков продолжительностью в 1800—1900 лет, связывая ее с ритмами движения Солнца, Луны и Земли и морских приливов, повторяющих указанные цифры. Период IIб периодизации Шнитникова совпадает с суббореальным периодом Блитта — Сернандера и эпохой бронзы археологической периодизации и характеризуется понижением уровня водоемов, перенесением поселений человека на поймы и низкие берега озер, распространением теплолюбивых видов рыб, усиленным дюнообразованием, сдвигом зоны степей на север, усыханием торфяников и зарастанием их лесом [13].

В одной из последних работ М. И. Нейштадт также отмечает, что в это время «произошло наибольшее смещение природных зон за все время голоцена» [14].

Конечно, и для бассейна Оки, лежащего у границы леса и степи, эти перемены климата не могли пройти незаметно. В монографии А. А. Асеева, посвященной палеогеографии Средней и Нижней Оки [15], отмечается замедление осадконакопления, облесение поймы Оки в среднем голоцене и заболачивание дна долины; это могло иметь место лишь при понижении уровня реки, т. е. в условиях более сухого климата суббореальной эпохи.

У нас нет сейчас достаточных оснований считать, что Окское Поволжье в эпоху бронзы входило полностью в зону степей. Но лесостепная зона охватывала тогда эту область целиком, и степные элементы, видимо, достигали здесь значительного развития.

[8] *М. И. Нейштадт.* О подразделении позднечетвертичной (послевалдайской, или голоценовой) эпохи в СССР и Европе.— МЧП, вып. 3. М., 1952.

[9] *Н. Я. Мерперт, А. П. Смирнов.* Археология и некоторые вопросы почвоведения (В связи с работами Куйбышевской экспедиции).— СА, 1960, № 4.

[10] *Н. И. Пьявченко.* Итоги изучения торфяников и истории ландшафтов Среднего Поволжья.— «Труды Конференции по спорово-пыльцевому анализу 1948 г.». Изд-во МГУ, 1950; *Ф. Н. Мильков.* Взаимоотношения леса и степи и проблема смещения ландшафтных зон на Русской равнине.— «Известия Всесоюзного географ. об-ва», т. 84, № 5, 1952; и др.

[11] *А. И. Дзенс-Литовский.* Палеогеографическая стратификация донных отложений озер и торфяных болот СССР.— «Труды Лаборатории озероведения АН СССР», т. V. М., 1957.

[12] *П. П. Предтеченский.* Очерк позднеледниковой и послеледниковой истории климата.— «Труды Лаборатории озероведения АН СССР», т. IV, 1957.

[13] *А. В. Шнитников.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария.— «Записки Географ. об-ва СССР», т. 16. М.— Л., 1957.

[14] *М. И. Нейштадт.* Голоцен на территории СССР.— «Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода», т. 1. М., 1961, стр. 87.

[15] *А. А. Асеев.* Палеогеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М., 1959.

Краткую и яркую характеристику лесостепья находим у Л. С. Берга [16]: «Лесостепье — это зона островных лесов: в своеобразном ландшафте лесостепья чередуются крупные массивы леса и обширные степные участки, или же рощи пятнами разбросаны по степному фону. Лесостепье — это область, где перемешаны лес со степью, почвы подзолистого типа — с черноземами, лесная фауна — со степной, охотник — с земледельцем. Южная граница лесостепья, понятно, может быть проведена лишь условно...»

[16] *Л. С. Берг.* Физико-географические (ландшафтные) зоны СССР, ч. 1, 1936, стр. 312.

Конец неолита

Для того чтобы можно было рассматривать вопрос о происхождении культур бронзовой эпохи, необходимо дать хотя бы краткую характеристику культур того времени, которое им непосредственно предшествовало.

Эта задача упрощается тем, что Окское Поволжье в эпоху неолита целиком входило в территорию неолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой, обитавших здесь по крайней мере на протяжении IV и III тысячелетий до н. э. и занимавших огромную страну от бассейна Оки и Дона до Белого моря. Об этой культуре существует большая литература, в частности и новейшая [1].

Есть основания полагать, что обширная группа племен, создавшая эту культуру, возникла в Волго-Окском крае на базе местного мезолита, имеющего в свою очередь глубокие корни в местном же палеолите [2]. Вероятно, в населении окских стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой следует видеть предков древнейшего населения центральной части Русской равнины.

Рассматриваемое неолитическое население жило родоплеменным строем, занималось охотой и рыболовством и даже в пределах Окского Поволжья по особенностям материальной культуры подразделялось на несколько локальных групп.

Оседлые поселения располагались преимущественно на первой надпойменной террасе рек, главным образом небольших, и на берегах озер. Кроме оседлых существовали сезонные, промысловые стоянки. Нередко наблюдается локализация поселений отдельными группами, которые можно рассматривать как группы поселений одного рода. Жилища имели вид долговременных круглых полуземлянок с очагами в центре [3].

Глиняная посуда была круглодонной, точнее, полуяйцевидной формы и сплошь орнаментировалась небольшими ямками с острым дном, настолько глубокими, что на внутренней поверхности сосудов глина выступала в виде полушарных выпуклостей; кроме ямочного употреблялся зубчатый штамп, вдавления полулунной формы и некоторые другие. К гончарной глине примешивался песок. Описываемой керамике свойственно большое своеобразие, и она легко отличается от любой другой.

Кремневый инвентарь в целом характеризуется техникой отщепов и отличается большим совершенством. Наиболее специфические формы каменных орудий — наконечник стрелы иволистной формы (основное орудие охоты) и шлифованный топор (основное орудие обработки дерева).

На некоторых поселениях сохранилась отлично обработанная кость, в частности костяные гарпуны.

Эта неолитическая культура развивалась в условиях относительно теплого и влажного климата, когда широколиственные леса распространялись не только в окском бассейне, но и гораздо дальше на север и на юг.

Эта культура, несмотря на ее отдаленность во времени, некоторыми авторами расценивается как предковая по отношению к исторически засвидетельствованным угро-финским культурам Северной Европы [4]. Такая точка

[1] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, 29, 1952; *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; *Н. Н. Гурина.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР.— МИА, 87, 1961; и др.

[2] *А. А. Формозов.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

[3] *В. А. Городцов.* Дневник археологических исследований в долине р. Оки в 1898 г.— «Древности», т. XVIII (жилище на стоянке Черепки у с. Дубровичи); *Б. С. Жуков.* Неолитическая дюнная стоянка близ г. Балахны.— «Русский антропологич. журнал», т. XII, вып. 1—2, 1922; *А. Я. Брюсов.* Федоровская стоянка.— ТСАР, т. II, 1928; *Л. Я. Крижевская.* Неолитическая стоянка на р. Яне.— КСИИМК, VIII, 1940; и др.

[4] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 253, 259; *Он же.* Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э.— СА, 1961, № 3, стр. 33.

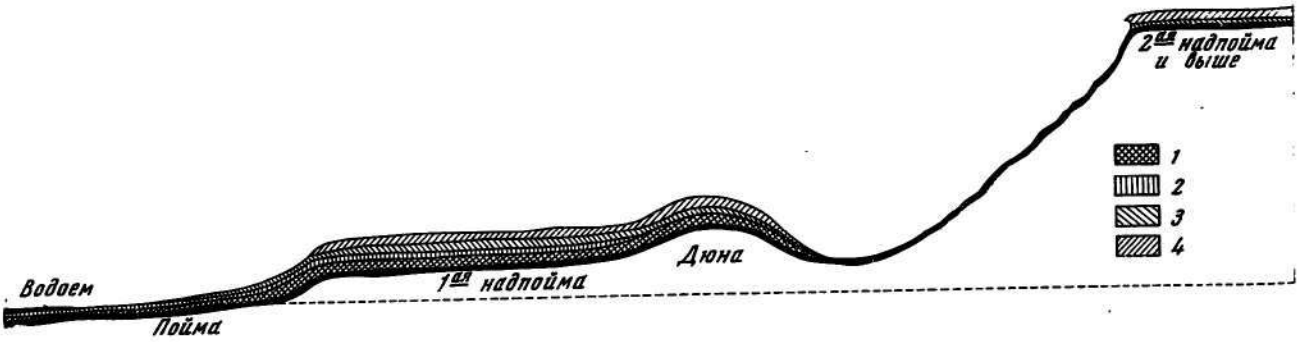


Рис. 1. Схематический профиль расположения древних поселений в долине Оки
1 — с ямочно-гребенчатой керамикой; *2* — с волосовской керамикой; *3* — с поздняковской керамикой; *4* — с «текстильной» керамикой

зрения никем не оспаривалась и господствует до сего времени. Она аргументируется тем, что древнейшая керамика с текстильными отпечатками на поверхности якобы возникает в Волго-Окской области и севернее в культурах с ямочно-гребенчатой керамикой, что эта керамика неразрывно связана с аналогичной керамикой городищ дьяковского типа начала железной эпохи, а культура этих последних лежит в основе культуры финских племен наших летописей.

Изложенная аргументация неверна. Позднейшие хронологические звенья построенной цепи — от волго-окских финнов через дьяковскую культуру к поселениям с «текстильной» керамикой — выглядят неразрывными, но исходное положение — о возникновении «текстильной» керамики в волго-окской неолитической среде — не подтверждается достоверными фактами. Нет ни одного памятника, где «текстильная» керамика достоверно датировалась бы концом III тысячелетия до н. э. Она возникает во II тысячелетии, и, вероятно, не в начале, а не раньше середины его [5], т. е. уже после того, как спокойный ход автохтонного развития неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой был нарушен вторжением ряда чуждых ему этнических групп.

Еще в конце 20-х годов, при написании итоговой статьи о больших, пятилетних разведках в бассейне Оки, автором была составлена стратиграфическая схема залегания и последовательности основных культурных напластований стоянок от конца неолита до начала железа, проверенная на многих памятниках; она действительна и в настоящее время (рис. 1). Непосредственно на неолитические культурные слои с ямочно-гребенчатой керамикой наслаиваются слои поселений с керамикой типа Волосова I — Холомонихи; на них лежат поселения с керамикой типа Позднякова, близкой срубной; они же в своем позднейшем, ефановском варианте встречаются и на более высоких террасах, иллюстрируя начавшееся преобладание земледелия в хозяйстве; наконец, позднейшим культурным слоем боровой террасы Оки и дюн на ее поверхности является слой с «текстильной» керамикой, которая, впрочем, встречается уже в составе поздняковских комплексов; на высоких террасах слои с «текстильной» (сетчатой) керамикой преобладают, переходя в культуру городищ дьяковского и городецкого типов. На обследованных мною окских стоянках «текстильная» керамика встречена вместе с ямочно-зубчатой всего пять раз: один раз на Клязьме, один раз на Оке и три раза в Мещере [6]. Но на Владычинской I стоянке, обладающей мощным культурным слоем, горизонты с «текстильной» керамикой венчают свиту культурных отложений, тогда как слой с ямочно-зубчатой керамикой составляет ее цоколь; между ними лежит хорошо выраженный слой с преобладанием волосовской керамики; эта последовательность вполне соответствует приведенной выше схеме. Ямочно-зубчатая керамика, таким

[5] *О. Н. Бадер.* К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла.— ВДИ, 1959, № 3, стр. 111, 115.

[6] *O. Bahder.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale.— ESA, IV. Helsinki, 1929.

образом, не смешана с «текстильной», хотя последняя принадлежит к древнему типу и связана с кремневым инвентарем.

Таким образом, тянуть генетическую «цепочку» от окского неолита с ямочно-зубчатой керамикой к угро-финнам нет оснований и от этой теории нужно отказаться. Предки волго-окских финнов появились здесь позднее, как это будет показано ниже. Этническая же принадлежность неолитического населения, выделывавшего ямочно-зубчатую керамику, остается неясной.

В связи с этой проблемой представляют интерес выводы Б. А. Серебренникова, построенные на топонимических данных. Он считает наиболее древним в Средней России топонимическим слоем речные названия на -ма, -га, -ша [7] и называет эту топонимику волго-окской, «поскольку до периода передвижения неолитических племен на Север она, по-видимому, первоначально была сконцентрирована в междуречье Оки и Волги» [8]. Автор прослеживает ее распространение в Волго-Окском междуречье, а также в Горьковской области и Чувашии, далее в Кировской, Вологодской, Архангельской областях, в Карелии и на западе — в Смоленской области. Вопреки мнению ряда языковедов он считает эту топонимику не только доиндоевропейской, но и дофинно-угорской. Древность и ареал этой топонимики позволяют связывать ее происхождение с неолитическим населением, выделывавшим ямочно-зубчатую керамику.

После выхода в свет упомянутой работы Б. А. Серебренникова П. Н. Третьяков выступил со специальной статьей, в которой пытался связать волго-окскую топонимику с культурой городищ дьяковского типа [9]. Критикуя свои собственные недавние утверждения [10] и утверждения других авторов [11] о финно-угорской принадлежности населения дьяковской культуры, он считал эту принадлежность слабо аргументированной и недоказанной, ссылаясь при этом на старые работы П. П. Ефименко [12]. Но эта гипотеза не выдерживает серьезной критики; волго-окская топонимика является более древней, а ареал ее соответствует и культуре неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Против связей ее с дьяковской культурой имеются и другие существенные возражения. П. Н. Третьяков, судя по его последней монографии, сам оставил эту гипотезу [13].

Один из крупнейших финских лингвистов Е. Н. Сетяля пришел к выводу, что область древнейшего расселения уральских народов (т. е. предков современных ненцев, а также ныне существующих финно-угорских народов) находилась в северо-восточной части Европы, к западу от Урала. Первоначальное местожительство собственно угро-финнов, по его мнению, следует искать в области среднего течения Волги [14]. К близким выводам пришел и венгерский языковед М. Жирai [15]: он помещает предков угро-финнов в холмистой местности, лежащей между излучиной Волги и Уральскими горами. Как мы сейчас знаем, на этой территории распространялась волго-камская неолитическая культура с зубчатой керамикой [16].

В настоящее время стало достаточно ясным, что в эпоху неолита произошло разделение древнего финно-угорского языка-основы. Это находит подтверждение в существовании в эпоху неолита двух различных, но родственных историко-культурных областей по обе стороны Уральского хребта. Восточноуральскую область следует считать угорской, камскую — древнефинской. Для неолитического населения камской или, лучше, волго-камской приуральской историко-культурной области устанавливается по материальной культуре преемственная связь с более поздними местными культурами вплоть до этнических культур удмуртов и коми в Прикамье и марийцев в Поволжье.

[7] *С. А. Серебренников.* Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР.— «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

[8] *С. А. Серебренников.* Происхождение чуваш по данным языка.— Сб. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957, стр. 33.

[9] *П. Н. Третьяков.* Волго-окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья.— СЭ, 1958, № 4.

[10] *П. Н. Третьяков.* К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.— СА, 1957, № 2.

[11] *А. П. Смирнов.* Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии.— СА, 1957, № 3.

[12] *П. П. Ефименко.* Рязанские могильники.— «Матер. по этногр.», т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 63—64; *Он же.* К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии до н. э. по археологическим источникам.— СА, т. II, 1937, стр. 44—45.

[13] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966.

[14] *E. N. Setälä.* Soome sugu rahvaste eelajalugu. Tartu, 1932; см. также *J. N. Sebestyén.* Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker.— «Acta Linguistica», t. I, p. 2—4. Budapest, 1951—1952, p. 343 (резюме на русском языке).

[15] *Zsirai Miklós.* Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937.

[16] *О. Н. Бадер* и *В. А. Оборин.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, рис. 8.

Поселения волосовского типа

Культурные слои поселений волосовского типа в Окском Поволжье налегают непосредственно на неолитические слои с ямочно-зубчатой керамикой, без каких-либо прослоек (см. рис. 1). На этом основании можно утверждать непосредственную смену одной культуры другой.

В середине 20-х годов В. А. Городцов уже употребляет термин «волосовская культура», но считает ее неолитической [1] и отделяет от панфиловской культуры, указывая на возникновение панфиловской культуры на базе волосовской. В конце 20-х годов автор расширил круг памятников типа Волосово I — Холомониха, отметил их энеолитический характер и указал на широкое распространение их не только в бассейне Оки, но и на север от него — в Костромской области (по данным В. И. Смирнова и Л. С. Китицыной), в Калининской и Московской областях (по данным Б. С. Жукова) [2].

В основу представлений о волосовской культуре лег богатый и своеобразный материал главной Волосовской стоянки (Волосово I, работы Антропологической комплексной экспедиции), которую исследовали А. С. Уваров [3], В. А. Городцов и Б. С. Жуков. Но для формирования современных взглядов на волосовскую культуру сыграли большую роль исследования аналогичных поселений: Холомонихи, Владычинской, Черной Горы, Володарской (в бассейне Оки), Борань, Станок, Языковской, Николо-Перевозской, Вашутинской (в бассейне Верхней Волги) и других, в том числе и Панфиловской, которая по всем основным признакам должна быть причислена сюда же.

Однако представления о волосовской культуре очень различны. И. К. Цветкова в своей сводной работе [4] рассматривает ее как неолитическую локальную культуру, развивавшуюся преимущественно в области Нижней и Средней Оки в течение нескольких столетий. А. Я. Брюсов чрезвычайно растягивает ее хронологически — от мезолита до конца бронзовой эпохи [5].

Нам представляется правильным подход к определению памятников волосовского типа у И. К. Цветковой и неправильным у А. Я. Брюсова. У последнего к волосовской культуре отнесены местные памятники мезолита, неолита и бронзы, т. е. памятники, оставленные населением, обитавшим на Нижней Оке на протяжении по крайней мере четырех тысячелетий и отличавшимся на отдельных этапах совершенно различными формами хозяйства, быта и материальной культуры; более того, объединяя в одну культуру памятники неолитического (с ямочно-зубчатой керамикой), волосовского и поздняковского типов, А. Я. Брюсов игнорирует такие крупные исторические события, как переселение на Оку чуждых племен, которые может и обязан различать археолог.

От волосовских поселений остались часто интенсивно окрашенные, сильно гумусированные культурные слои на поверхности боровых террас и на берегах озер, насыщенные остатками материальной культуры и остатками долговременных жилищ-полуземлянок.

В 1910 г. В. А. Городцовым были раскопаны круглые полуземлянки на Волосовской стоянке [6], а в 1924 г. такие же полуземлянки на Панфиловской стоянке [7]. Однако позднее на той же Волосовской стоянке Б. С. Жуковым [8], а на Панфиловской стоянке Е. И. Горюновой [9] были обнаружены четкие очертания четырехугольных землянок, соединенных друг с другом углубленными в землю коридорами (рис. 2). Столь полное несоответствие формы жилищ на одних и тех же поселениях, но в разных раскопках может навести на мысль о несовершенстве методики в тех или иных раскопках. В. А. Городцов обычно вычищал культурный слой из углублений полуземлянок; при этом при недостаточно четких очертаниях углубления от его внимания могли ускользать слабовыраженные углы. Б. С. Жуков и его ученики исследовали землянки последовательными горизонтальными срезами с фиксацией очертаний на каждом горизонте. Четы-

[1] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.— «Труды Владимирского гос. областного музея», вып. II. Владимир, 1925.

[2] *O. Bahder.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale.— ESA, IV. Helsinki, 1929.

[3] А. С. Уваров открыл Волосовскую стоянку еще в 1877 г.

[4] *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена.— «Труды ГИМ», вып. XXII, 1953.

[5] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[6] *В. А. Городцов.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г.— «Древности», т. XXIV. М., 1914.

[7] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка, рис. 3—5.

[8] *Б. С. Жуков.* Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического научно-исследоват. ин-та (1925—1927 гг.).— «Известия Ассоциации научно-исследоват. институтов при физ.-мат. фак. МГУ», т. I, вып. 1—2. М., 1928.

[9] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 94, 1961.

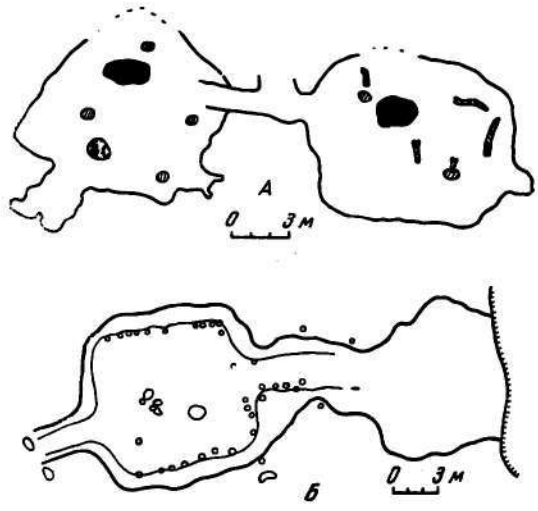


Рис. 2. План четырехугольных полуземлянок с переходами на Панфиловском (А, по Е. И. Горюновой) и Володарском (Б, по И. К. Цветковой) поселениях волосовского типа (с пятнами очагов, хозяйственных и столбовых ям и пятен от остатков деревянных конструкций внутри)

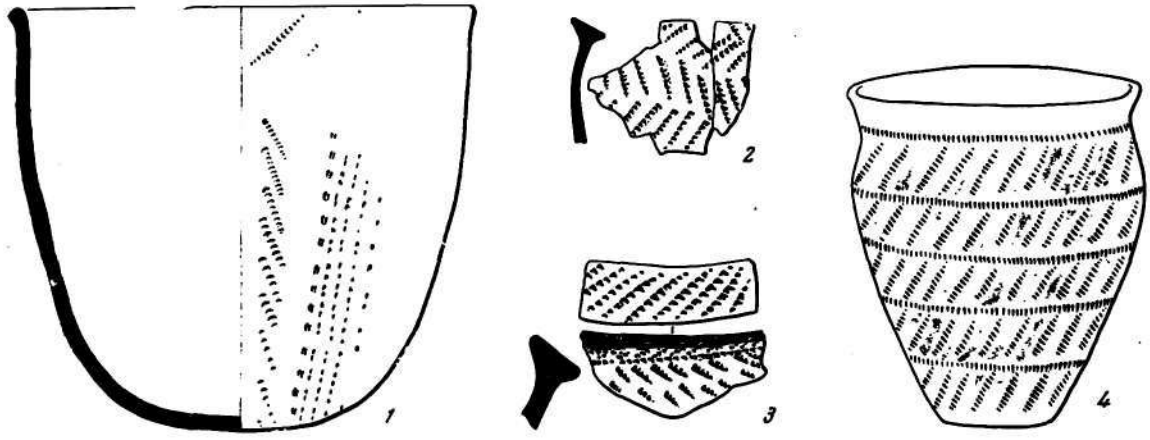


Рис. 3. Керамика волосовских поселений

1 — сосуд из Волосова; *2, 3* — обломки шеек сосудов из Холомонихи; *4* — сосуд из Панфилова

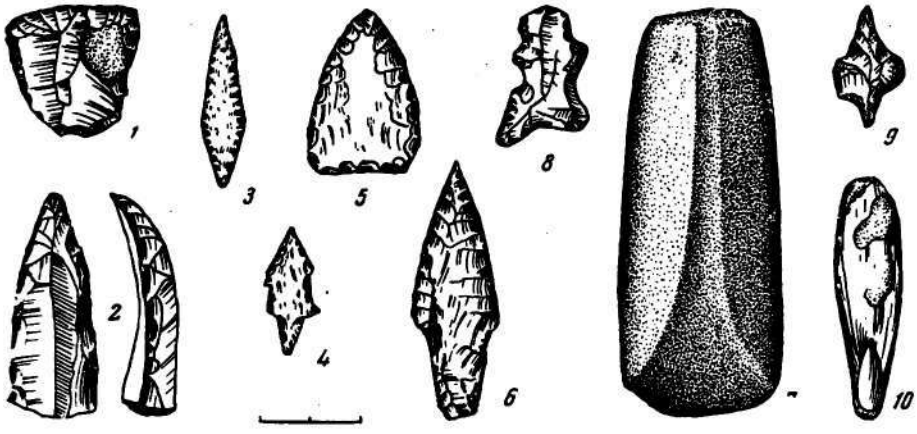


Рис. 4. Каменный инвентарь волосовских поселений

1, 7, 10 — по И. К. Цветковой, происхождение не указано;
2, 4, 5 — Панфилово;
3, 6 — Володары;
8, 9 — Подборица-Щербининская
1 — скребок;
2 — долотовидное орудие;
3—5 — наконечники стрел;
6 — наконечник дротика;
7, 10 — шлифованные долота;
8 — фигурный кремень;
9 — сверло

рехугольную форму волосовских жилищ в раскопках Б. С. Жукова я наблюдал в 1927 г. сам, и она не оставила у меня ни малейших сомнений [10]. Е. И. Горюнова, применяя ту же методику, установила четырехугольную форму жилищ в Панфилове. Впрочем, можно допускать, что на Панфиловском поселении строились и круглые и четырехугольные жилища.

Но господствующей формой жилищ на волосовских поселениях безусловно была четырехугольная форма с переходами, что подтвердили последние раскопки И. К. Цветковой на Володарском [11], Вашутинском [12], Гавриловском I, Подборица-Щербининском [13] и в особенности на Ибердусском поселении, где переходами были соединены три четырехугольные полуземлянки.

Материальная культура волосовских поселений также очень своеобразна и резко отличается от культуры поселений с ямочно-зубчатой керамикой.

Глиняная посуда имела либо круглое (Волосово), либо уплощенное (Холомониха) и даже плоское (Панфилово) дно, невыраженную или слабовыраженную шейку и прямой, уплощенный или отогнутый наружу, а иногда грибовидный в сечении венчик (рис. 3). Сосуды лепились от руки с помощью ленточной техники, имели относительно толстые стенки, в особенности на ранних поселениях, таких, как Волосовское. К гончарной глине примешивались толченая раковина и какие-то растительные остатки, выгоравшие при обжигании. Внутренняя поверхность сохраняет следы обработки ее зубчатым орудием (штампом?); эта особенность, между прочим, может повсеместно служить у нас признаком принадлежности такой керамики уже к эпохе металлов. Наружная поверхность сглаживалась и орнаментировалась с помощью штампов. Заполнение орнаментального поля было сплошным, но не всегда, что особенно характерно для поздней керамики. Орнамент обычно покрывал и уплощенные венчики. Характерно «отсутствие геометрической правильности орнаментального рисунка, расположение орнаментальных линий как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях; использование для нанесения орнамента разнообразных зубчатых или рамчатых штампов. Наиболее характерными орнаментальными узорами являются зигзаг, сетка и елочный узор, а также беспорядочно разбросанные по поверхности сосуда разнообразные ямчатые вдавления» [14]. К этому перечню необходимо добавить один очень характерный элемент узора: остроугольный зубчатый зигзаг, «шагающую гребенку», как его называют у нас, или «волчий зуб», как его называют некоторые зарубежные авторы.

Каменный инвентарь отличается широким использованием кремневых отщепов при его выделке и высокой техникой обработки. Особенно характерны формы подчетырехугольных, массивных скребков (рис. 4, *1*), миниатюрных долот с узким концом (рис. 4, *2, 10*), наконечников дротиков с широким черешком (рис. 4, *6*), своеобразных сверл с одним или двумя концами, ограненными сколами типа резцовых и с расширением в средней части (рис. 4, *9*) [15].

Изделия из рога и кости, как всегда, плохо сохраняются, но на отдельных памятниках богаты и своеобразны.

В волосовской культуре появляется и металлургия меди, но ее развитие происходит очень медленно, причиной чего прежде всего следует считать отсутствие меднорудного сырья к западу от Среднего Поволжья. Из Волосовской стоянки происходит несколько металлических предметов, к сожалению, плохо документированных. Абсолютно достоверна принадлежность к волосовскому культурному слою небольшого обоюдоострого, четырехгранного шила из стоянки Холомониха. Спектральный анализ известного плоского тесла из Панфиловской стоянки, происхождение которого В. А. Городцовым, И. К. Цветковой и другими авторами связывалось с Кавказом, показал, что оно сделано из меди, полностью аналогичной фатьяновскому металлу [16]. На поздневолосовской стоянке Луговой Борок в Горьковской области раскопками А. Х. Халикова обнаружены «следы местной обработки меди в виде большого плоского тигля с приставшими к его поверхности медными корольками, анализ которых показал, что они выплавлялись из местных поволжских руд» [17]. Все же волосовские племена, надо полагать,

[10] *Б. С. Жуков.* Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции..., рис. 2.

[11] *И. К. Цветкова.* Неолитические жилища стоянки Володары.— СА, 1958, № 2.

[12] *И. К. Цветкова.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского.— «Труды ГИМ», вып. 37. М., 1960.

[13] *И. К. Цветкова.* Стоянка Подборица-Щербининская.— СА, 1961, № 2.

[14] *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена, стр. 26, 27.

[15] Характерные образцы волосовского кремня и керамики недавно опубликованы со стоянки на оз. Сахтыш. См. *А. Ф. Дубынин.* Стоянка Малый Островок на озере Сахтыш в Ивановской области.— Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, рис. 1—3.

[16] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 77.

[17] Там же.

чаще пользовались готовыми привозными металлическими изделиями; иллюстрацией этому может служить Владычинское погребение, по ритуалу и стратиграфическому положению, скорее всего, волосовское, но содержавшее богатый набор фатьяновских украшений [18]. Е. Н. Черных полагает, что именно фатьяновские племена на позднем этапе их существования передали волосовцам свой металлургический опыт [19]. Однако на таких позднейших волосовских поселениях, как Подборица-Щербининская, найдены медные предметы абашевского типа (см. рис. 15), а на более раннем Пировском поселении плоский клиновидный медный топор (см. рис. 91) также абашевского или турбинского типа. Имея в виду родственность турбинской и волосовской культур, на позднейших волосовских поселениях следует ждать находок медных предметов сейминско-турбинских типов.

В целом же металл использовался волосовским населением еще относительно мало, что иллюстрирует все еще очень высокая техника обработки кремня и обширный, очень дифференцированный набор каменных орудий волосовцев.

На некоторых поселениях волосовского типа в культурном слое обнаружены погребения, которые, по-видимому, относятся к тому же времени и к той же культуре. Так, давно известны находки отдельных черепов на Волосовской стоянке; один череп был найден здесь и в 1927 г. На поселении Холомониха в 1926 и 1927 гг. мною найдены плохой сохранности череп, нижняя челюсть, отдельно два зуба и остатки костей рук. Кости лежали в беспорядке.

На Володарском поселении, в его центральной части, невдалеке от жилищ и рядом с местом изготовления кремневых орудий были найдены два погребения, одно парное (мужское и женское), другое тройное; оба плохой сохранности. Все скелеты лежали на спине. У одного из скелетов первого погребения ноги, согнутые в коленях, были опущены в ямку, вырытую на дне могилы; во втором погребении сохранились в нетронутом положении лишь кости ног одного из скелетов, согнутые в коленях [20].

На Панфиловском поселении одно погребение (в раскопках В. А. Городцова) обнаружено также близ жилища, над очажной ямой, содержавшей золу, угольки, редкие обломки глиняной посуды, осколки кремня и несколько костей животных [21]. Сохранившиеся кости лежали в беспорядке. Другое погребение (в раскопках Е. И. Горюновой) обнаружено на полу жилища № 5, у кострища; скелет лежал на животе, с руками под тазом, головой на северо-восток [22].

На Владычинском поселении, в погребении, которое залегало в волосовском культурном слое, скелет лежал на спине, в вытянутом положении [23]. Вероятно, к тому же времени относятся и некоторые погребения на соседней стоянке Черная Гора.

Во всех семи погребениях на Языковской стоянке скелеты лежали в вытянутом на спине положении, головой на юг [24]. Как и во Владычине, их культурная принадлежность не может быть установлена с уверенностью, однако залегание их хотя и в культурном слое с ямочно-зубчатой керамикой, но близ его поверхности при наличии на поселении хорошо выраженного волосовского культурного комплекса, так же как и древнетекстильной керамики, делает наиболее вероятной волосовскую принадлежность языковских погребений. Последнее заключение подтверждает находка типично волосовского массивного скребка подчетырехугольной формы среди костей седьмого скелета. Остатки вытянутых на спине костяков недавно обнаружены Д. А. Крайновым в волосовском слое стоянки Сахтыш Ивановской области [25].

В некоторых погребениях, исследованных И. К. Цветковой, оказалась красная охра, несомненно являвшаяся принадлежностью погребального ритуала: охрой засыпали покойника или дно могильной ямы. Во второй могиле на Володарском поселении охрой была засыпана куча кремневых осколков и орудий на дне могилы. Следы охры были обнаружены и у черепов в обеих володарских могилах. Кроме того,

[18] *О. Н. Бадер.* Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи (печатается).

[19] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы.

[20] *И. К. Цветкова.* Стоянка Володары.— КСИИМК, XX, 1948.

[21] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.

[22] *М. М. Герасимов.* Восстановление лица по черепу.— «Тр. ИЭ», новая серия, т. XXVIII. М., 1955, стр. 383.

[23] *О. Н. Бадер.* Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи.

[24] *О. Н. Бадер.* Археологические работы у деревни Языково и на озере Скорбеж летом 1935 г. в связи с вопросом о древнем лапоноидном компоненте в антропологическом типе современного населения Восточной Европы.— «Антропологический журнал», 1936, № 2, стр. 257; *Он же.* Неолитические погребения на Верхней Волге — СА, т. III, 1937.

[25] *Д. А. Крайнов.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции за 1964 год. Тезисы доклада в секторе неолита и бронзы ИА АН СССР 20.III 1965 г.; *О. С. Гадзяцкая* и *Д. А. Крайнов.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.— КСИА, 100, 1965, стр. 37—38.

в первой могиле на Володарском поселении было обнаружено кострище с пережженными орудиями.

За пределами Волго-Окского края, на р. Свияге А. Х. Халиковым недавно исследовано очень интересное погребение на Мало-Кокузинском ранневолосовском поселении. Плохой сохранности скелет лежал в могиле (размером 2,10×0,95 м, глубиной 0,65 — 0,70 м) в вытянутом на спине положении, головой на юго-запад и был в нескольких местах присыпан углем и охристой крошкой.

Все перечисленные погребения объединяет одна общая особенность: отсутствие в их инвентаре глиняных сосудов.

В интересах полной объективности необходимо сказать, что принадлежность всех перечисленных погребений волосовцам не является вполне достоверной. Может быть, некоторые из них являются более древними, как это мы считали для Языкова или как допускает это В. А. Городцов для Панфилова [26], а может быть, и более поздними. Так, И. К. Цветкова [27] в Володарах частично проследила могильные ямы в культурном слое. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в волосовских поселениях найдены медные или бронзовые предметы, а в перечисленных погребениях (исключая владычинское) их нет; это кажется странным, так как именно в погребениях находки дорогих предметов встречаются чаще. Все же бо́льшую часть перечисленных погребений можно относить к волосовским.

Только что сказанное о недостаточной достоверности волосовской принадлежности всех перечисленных погребений находится в соответствии с их очень большой антропологической неоднородностью.

Череп из раскопок Б. С. Жукова на Волосовском поселении пропал, но сохранилась его полевая фотография. По просьбе автора Г. Ф. Дебец любезно дал общую характеристику этого черепа по фотографии. Череп мужской, характеризуется менее выступающим носом, чем у протоевропейских черепов, что, вероятно, является следствием древней метисации; слабый альвеолярный прогнатизм, как и у женщины из Гавриловской стоянки [28], вероятно, местного происхождения, он наблюдается и на абашевских черепах из Катергина-Бишева, и у современных марийцев. Таким образом, волосовский череп является европеоидным, но обнаруживает слабую монголоидную примесь.

Оба черепа из первой могилы на Володарском поселении являются европеоидными [29]. Мужской череп, по М. М. Герасимову, принадлежит к типу «малоголового европейца» и этим отличается от всех известных более ранних и несколько более поздних черепов нашей лесной полосы [30]. Женский череп из Володар, по устному сообщению М. М. Герасимова, имеет некоторые общие черты с женским черепом из Шигирского торфяника в Среднем Зауралье. Мужской череп, лежавший на полу землянки Панфиловского поселения, сближается с поздним кроманьонским типом в том варианте, который представлен черепами Сурского острова и стоянки Игрень VIII в порожистой части Днепра, но с более грацильным лицом. М. М. Герасимов считает возможным южное происхождение панфиловцев [31].

Единственная сохранившаяся черепная крышка из Языковского могильника, очень массивная и широкая, принадлежала черепу с низким лбом. Рост людей, вычисленный по костям из нескольких погребений, малый [32].

Основываясь на особенностях мезо-брахикранного черепа и низком росте языковцев, Г. Ф. Дебец сближает их с лапоноидным типом [33]. На вологодской стоянке Модлона с керамикой, близкой волосовской, найден женский череп палеосибирского типа [34].

Таким образом, палеоантропологический материал говорит о распространении в южной части лесной полосы в волосовское время главным образом двух антропологических типов: палеоевропейского, кроманьоидного в его различных вариантах и в различной мере смешанного, европеоидно-монголоидного, обозначаемого как лапоноидный, свидетельствующего об инфильтрации ослабленно монголоидных элементов с востока. Этот факт находится в полном соответствии с основанным на палеоантропологических данных общим заключением Г. Ф. Дебеца: «...даже помимо археологических материалов можно считать установленным, что еще задолго до начала н. э. происходило переселение людей в западном направлении из северной Си-

[26] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.
[27] *И. К. Цветкова.* Стоянка Володары.
[28] *М. М. Герасимов.* Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
[29] *М. С. Акимова.* Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР.— КСИЭ, XVIII, 1953.
[30] *М. М. Герасимов.* Восстановление лица по черепу.
[31] Там же.
[32] *М. С. Акимова.* Новые палеоантропологические находки эпохи неолита.
[33] *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР.— «Тр. ИЭ», новая серия, т. IV, 1948.
[34] *М. М. Герасимов.* Восстановление лица по черепу.

бирп. На севере Европейской части СССР эти переселенцы с востока смешались с представителями другой переселенческой волны, шедшей откуда-то с юга»[35].

Набор производственного инвентаря орудий и обилие костей диких животных и рыб, наконец, целые пласты рыбьей чешуи и отпечатки сетей на глине в Волосове и Панфилове свидетельствуют об основной роли охоты и рыболовства в хозяйстве волосовского населения. Собака, видимо, использовалась на охоте; целый скелет ее найден на Волосовском поселении, череп на стоянке Володары, а в Панфилове ее копролиты, переполненные мелкими костями рыб.

Вместе с тем находки довольно большого числа костей поросят в Панфилове послужили В. А. Городцову для предположения об одомашнении свиньи и начале ее разведения[36]. Учитывая окружение волосовцев и их ближайший контакт с соседними земледельческо-скотоводческими племенами, вывод об использовании ими домашних животных надо считать более чем вероятным. При этом надо принять во внимание, что население турбинской культуры, во многих отношениях близкой волосовской, уже разводило свиней, коров и, вероятно, даже лошадей.

Волосовские поселения далеко не синхронны. К группе наиболее ранних памятников (*первый этап*) относятся поселения Среднего Поволжья типа Майданского, сохраняющие еще свежие следы предшествующей, неолитической культуры, особенно в инвентаре каменных орудий[37].

К поселениям *второго этапа* относится прежде всего собственно Волосовское поселение на Оке, а, по мнению И. К. Цветковой, также верхний слой поселений Владычинского и Коренец на Мещерских озерах, причем Владычинское поселение она считает наиболее ранним. Керамика поселений этой группы отличается преобладанием раковинных примесей в глине, округлым или слабоуплощенным дном и значительной толщиной стенок (до 10—15 мм, по Воеводскому)[38]. Кремневый инвентарь на этом этапе отличается большим разнообразием форм и высокой техникой; особенно ярко это иллюстрируется знаменитым Волосовским кладом[39].

Поселения *третьего этапа*, с более развитой культурой, характеризуются такими памятниками, как Холомониха и Володары. В глиняном тесте керамики этих поселений уже преобладают растительные примеси; уплощенные днища сосудов делаются обычными, венчики часто приобретают сильно сплющенную сверху и грибовидную форму. В орнаментации помимо зубчатого штампа применяется нарезка. Наиболее распространенными элементами орнамента являются зигзаг и «елочка». Каменный инвентарь сохраняет типично волосовские формы и великолепную технику. Если на Волосовской стоянке имеются плохо документированные следы меди или бронзы, то на Холомонихе я в 1926 г. своими руками вынул из культурного слоя четырехгранное обоюдоострое медно-бронзовое шило.

Памятником, характерным для *четвертого этапа* в истории волосовских поселений на Оке, я считаю Панфиловское поселение вопреки И. К. Цветковой, которая относит его к числу более ранних[40]. Сюда же относится и поселение Подборица-Щербининская[41]. На этом этапе наряду с круглодонными встречаются сосуды с плоскими днищами и сосуды с гофрированными шейками. Техника обработки кремня ухудшается, уменьшается число ножей и топоров. Зато увеличивается количество металлических орудий: только в раскопках 1924 г. на Панфиловской стоянке найдены медные или бронзовые тесло-рубанок, проволочная спиралька и остатки еще одного, сильно разрушившегося предмета[42]. Появляются стрелы с усеченным основанием (подтреугольной формы). Увеличивается количество «фигурных кремней» — изображений животных и человека (Панфилово). Наконец, распространяется животноводство (кости свиньи в Панфилове).

Абсолютная датировка поселений волосовского типа достаточно трудна. Последняя датировка, предложенная А. Я. Брюсовым (IV — начало III тысячелетия до н. э.)[43], представляется

[35] *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР, стр. 93.

[36] *В. А. Городцов.* Бронзовый век на территории СССР — БСЭ, изд. 1, т. VII, 1927, стр. 618.

[37] *А. Х. Халиков.* Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дисс. Казань, 1966.

[38] *М. В. Воеводский.* К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР.— СА, т. I. М.— Л., 1936, стр. 62.

[39] *И. К. Цветкова.* Волосовский клад.— «Труды ГИМ», вып. XXIII. Памятники культуры. М., 1957.

[40] *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена. В последнее время В. П. Третьяков выделил в керамике Панфиловской стоянки несколько более ранний комплекс; см. *В. П. Третьяков.* Волосовская керамика Панфиловской стоянки.— СА, 1966, № 1.

[41] *И. К. Цветкова.* Стоянка Подборица — Щербининская.

[42] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.

[43] *А. Я. Брюсов.* Восточная Европа в III тысячелетии до н. э.— СА, 1965, № 2, стр. 50.

нам неприемлемой, как и радиоуглеродная датировка Плещеевской III стоянки — 2770 ± 50 лет [44].

Датировать ранний этап второй четвертью II тысячелетия до н. э. по металлическим браслетам владичинского погребения, как это делает И. К. Цветкова, я не считаю возможным из-за ненадежности отнесения этого погребения к тому или иному этапу в истории волосовских поселений. Нельзя также определять дату третьего этапа по сосуду, украшенному поясом из выпуклин, найденному в Старшем Волосовском могильнике [45], так как этот памятник относится не к волосовскому, а к более позднему, поздняковскому типу.

Поселения майданского типа, по А. Х. Халикову, относятся к концу III и не позже самого начала II тысячелетия до н. э.; мы присоединяемся к этой датировке.

При датировке следующей группы волосовских поселений можно исходить из их несомненной культурной близости к поселениям раннего этапа турбинской культуры на Каме, т. е. к поселениям гаринского типа [46]. Но материальная культура Волосовского поселения представляется несколько более архаичной как в керамике, приближающейся к керамике Левшинского поселения на Каме, так и в кремневом инвентаре, еще сохраняющем, например, в изобилии бесчерешковую иволистную форму наконечников стрел. И если начальная дата поселений гаринского типа определяется как XIX—XVIII вв. до н. э. [47], то появление поселений волосовского типа на Оке можно ориентировочно отнести ко времени около грани между III и II тысячелетиями до н. э., не исключая и конец III тысячелетия. Именно этой или близкой ей начальной даты волосовской культуры придерживается большинство современных авторов [48], а М. Е. Фосс прямо говорит о возникновении волосовской культуры в начале II тысячелетия до н. э. [49] А. Я. Брюсов в качестве одного из аргументов приводит находки топоров борисово-лепельского типа.

Третий, володарский этап не может датироваться третьей четвертью II тысячелетия до н. э., как полагает И. К. Цветкова [50]. Дело в том, что кремневых наконечников стрел сейминского типа, на которые автор опирается при датировке, в Володарской стоянке нет, по крайней мере среди опубликованных, а если и есть, то они единичны и вряд ли связаны с основным комплексом. К этому отрезку времени относится Сейминский могильник, погребения которого отличаются от володарских погребений; эти расположенные рядом, у одной речки памятники не могли относиться к одному времени, и Володары, конечно, старше Сейминского могильника.

Для датировки этой хронологической группы волосовских поселений имеет интерес находка в культурном слое поселения Холомониха целого, явно привозного андроновского сосуда, орнаментированного крупными косыми треугольниками, заполненными оттисками зубчатого штампа. Дно его формовано как круглое, но затем к нему примазан кружок, заменяющий плоское дно, формованное на подставке [51]. Этот сосуд близок обнаруженным в раскопках С. Н. Дурылина и К. В. Сальникова у с. Федоровка в Челябинской области [52] и может быть отнесен к числу раннеандроновских. Как известно, С. В. Киселев относил сложение андроновской культуры к XVII—XVI вв. до н. э. [53] Но С. С. Черников в последние годы относит ранний, усть-буконьский этап андроновской культуры в Восточном Казахстане к XVIII—XVI вв. до н. э. [54] Исходя из этого, андроновский сосуд с Холомонихи можно датировать XVI в. до н. э. и к этому времени относить все поселение. Датировка Холомонихи и Володар XV в. до н. э. невозможна, так как к этому времени относится Сейминский могильник, расположенный рядом с Володарским поселением. Для последнего даже маловероятна хронологическая смежность с Сейминским могильником. Кроме того, на дне володарской землянки № 1 найден валикообразный топор [55]. Подобные орудия на Севере датиру-

[44] Списки радиоуглеродных датировок, полученных в лабораториях СССР за период с 1 января 1962 г. по 1 января 1966 г.— Сб. «Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология». М., 1966, стр. 275, анализ № 265 (ГИН-114).

[45] *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена, стр. 33.

[46] *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ КАЭ.

[47] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье.— МИА, 99, 1961.

[48] *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена; *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен.

[49] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, 29, 1952, стр. 189.

[50] *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена.

[51] Сосуд был утрачен в Московском областном музее.

[52] *С. Н. Дурылин.* Раскопки под Челябинском.— «Записки Уральск. об-ва любителей естествознания», т. 40, вып. 2. Свердловск, 1927, стр. 105—122; *К. В. Сальников.* Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области.— МИА, 1, 1940.

[53] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

[54] *С. С. Черников.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 88, 1960.

[55] *И. К. Цветкова.* Неолитические жилища стоянки Володары.— СА, 1958, № 2, рис. 9, *3*.

ются началом II тысячелетия до н. э.[56] Поэтому Володарское поселение можно считать несколько более ранним, чем Холомониха, и относить ориентировочно к XVIII—XVII вв. до н. э.

В связи с этим, если Владычинское погребение действительно принадлежало волосовцам, то его следует по времени относить также к этому, володарскому этапу их истории.

Наконец, четвертый, панфиловский, этап прежде всего не может быть датирован второй половиной III тысячелетия до н. э., как это делал В. А. Городцов, основываясь на сходстве металлической пластинки тесла-рубанка с кавказскими; это противоречит всей современной системе дат для культур лесной полосы. Время этого памятника, одного из позднейших среди поселений волосовского типа, может быть определено по наконечникам стрел. Среди 56 наконечников в раскопках В. А. Городцова имеется один подтреугольный, с усеченным основанием (см. рис. 4, *5*); такие наконечники впервые появляются на Оке в поселениях поздняковской культуры и в Сейминском могильнике, т. е. в XV в. до н. э., но существуют и позже. Но другой наконечник стрелы, также единичный в Панфилове, имеет уникальную для Оки четырехшипную форму (см. рис. 4, *4*); теперь такие наконечники стрел хорошо известны на поселениях раннего, гаринского, этапа турбинской культуры, но на позднейших поселениях этого этапа типа Выстелишны их уже нет. Следовательно, на Каме они относятся ко времени не позже XV в. до н. э. Приведенными сопоставлениями время Панфиловского поселения определяется как XV в. до н. э. Такая датировка согласуется и с антропологическим типом погребенного на дне одной из панфиловских землянок, совпадающим, как указывалось выше, с типом древнего населения украинских степей.

Массовое же проникновение южных племен на Оку относится как раз к XV в.

К несколько более позднему времени можно относить поселение Подборица-Щербининская близ г. Павлова, в котором найдены абашевские металлические вещи и керамика[57]. Оно относится, вероятнее всего, к XIV в. до н. э. Вряд ли оно может быть позже, т. е. относиться ко времени широкого распространения по Оке поздняковской культуры. На Пировском поселении найдены кремневые стрелы сейминского типа (см. рис. 91, *1*).

Установленные таким образом датировки относятся лишь к районам Нижней и Средней Оки, но не охватывают всего времени существования поселений волосовского типа. В таких периферийных районах, как Мещерский край и бассейн Верхней Волги, куда медленнее и слабее достигали волны переселившихся на Оку лесостепных земледельцев и скотоводов, поселения волосовского типа продолжали существовать, вероятно, до конца третьей четверти II тысячелетия до н. э. Таковы поселения Борань и Станок на Верхней Волге в Костромской обл.[58], Вашутинское близ Переславля-Залесского, вероятно, Буньковское на Клязьме[59], Николо-Перевоз на р. Дубне в Московской обл. и другие. Особенно интересно в этом отношении поселение Николо-Перевоз, где тонкий горизонт с балановской керамикой, относящейся к XIV в. до н. э., подстилается и перекрывается волосовским культурным слоем[60].

Таким образом, в нашем представлении датировка этапов истории поселений волосовского типа выглядит следующим образом: 1-й, майданский этап — конец III тысячелетия до н. э. и, вероятно, самое начало II; 2-й, волосовский этап — XX—XVIII вв. до н. э.; 3-й, володарский этап — XVIII—XVI вв. до н. э.; 4-й, панфиловский этап — XV—XIII вв. до н. э. Как это было указано, приведенные датировки весьма ориентировочны; твердых абсолютных датировок пока нет.

Здесь необходимо остановиться на вопросе об отнесении волосовской культуры к неолиту, чего до сих пор по традиции придерживаются И. К. Цветкова, Д. А. Крайнов и другие. Такое определение мы считаем неправильным. Окское Поволжье во II тысячелетии до н. э. не было глухим медвежьим углом, где существовала застойная культура. В это время здесь обитали уже фатьяновские племена, а с середины тысячелетия поздняковские и абашевские. В фатьяновских могильниках металлические вещи встречаются не чаще, чем в волосовских поселениях, хотя в погребения подобного рода предметы клались специально, а на поселениях мы находим только потерянные металлические вещи; и тем не менее уже давно никто не относит фатьяновскую культуру к неолиту, как это делали во времена А. С. Уварова.

[56] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, 29, 1952, рис. 57, *2*.

[57] *И. К. Цветкова.* Стоянка Подборица-Щербининская.

[58] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье.— МИА, 110, 1963.

[59] *В. М. Раушенбах.* Неолитическая стоянка у дер. В. Буньково.— КСИИМК, XXXII, 1950.

[60] *В. М. Раушенбах.* Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз.— «Труды ГИМ», вып. 37, 1960.

Еще В. А. Городцов относил Панфиловскую стоянку к поздней поре палеометаллической эпохи [61] и в то же время указывал, что панфиловская культура возникла на базе волосовской. Отмечая находку в Панфилове нескольких медных или бронзовых предметов, он справедливо допускал, что в быту жителей стоянки их было много и что они уже успели вытеснить некоторые категории каменных орудий, как напр. ножи, топоры и пр. На Подборице-Щербининской найдено несколько металлических предметов; на Холомонихе — граненое медно-бронзовое обоюдоострое шило; неподалеку на Пировской стоянке — плоский медный топор (рис. 91, *4*). Остатки каких-то разрушившихся медно-бронзовых предметов оказались и на Волосовском поселении.

Богатое металлом Владычинское погребение, по всей вероятности волосовское, дополняет нарисованную картину.

Для сравнения укажу, что на многочисленных гаринских поселениях в Среднем Прикамье найдено не намного больше металлических предметов, чем на волосовских поселениях бассейна Оки, и это, несмотря на широчайшие раскопки на них и на присутствие в этом районе месторождений меди. И тем не менее поселения турбинской культуры, даже на ее раннем этапе, в послевоенные годы никто уже не называет поздненеолитическими. Равным образом и поселения волосовского типа следует относить к медно-бронзовой эпохе.

Традиционное представление о распространении волосовской культуры лишь в восточном Поочье [62] претерпело коренные изменения, в особенности за самое последнее время. Еще в 1929 г., характеризуя памятники типа Волосово — Холомониха, я указал, что «эта культура распространена в Вязниковском, Муромском и Мещерском районах моих обследований, известна по последним раскопкам Б. С. Жукова на Языковской стоянке Тверской губ. и на стоянке Николо-Перевоз Московской губ. и распространялась также несколько шире к югу, северу и, кажется, к западу...» [63] При этом упоминались новые тогда находки Д. Н. Эдинга на Ростовском озере и В. И. Смирнова в Костромской губ.

В 50-х годах я отметил также присутствие волосовских комплексов в Среднем, прикамском Поволжье и к северу от Верхнего Поволжья далеко на западе: на Модлоне, Кончанской и Бологовской стоянках вплоть до стоянок Тамула и Нарва в Эстонии и Карелии включительно [64].

По И. К. Цветковой, основной территорией расселения волосовских племен был район Средней и Нижней Оки и часть Средней Волги вниз от окского устья. Но на своей последней карте [65] она помещает еще пять поселений волосовского типа, расположенных далеко на северо-запад от указанной территории: это уже упоминавшиеся поселения Буньковское на Клязьме, Вашутинское на Плещеевом озере, Станок и Языковское на Верхней Волге, Николо-Перевоз на Дубне. Этот перечень может быть уже сейчас существенно пополнен (например, стоянкой Сахтыш в Ивановской обл. и др.). Но лишь детальное сравнительное изучение всех памятников может решить вопрос, принадлежат ли поселения указанной северо-западной группы к единой локальной волосовской культуре или другим близкородственным волосовской культурам того же типа.

То же самое следует сказать и о вновь открытой усть-камской группе поселений волосовского типа. По словам их исследователя А. Х. Халикова, «анализируя весь материал таких стоянок, как Сумская I, Обсерватория III (верхний горизонт) и Займище III (нижний горизонт), мы должны, во-первых, подчеркнуть его преемственность от материала предшествующих по времени стоянок и, во-вторых, отметить его большую близость к материалу стоянок волосовской культуры (особенно раннего этапа)...» И далее: «Сходство их настолько велико и очевидно, что, даже опираясь на еще слабо изученный материал приказанских поздненеолитических стоянок, можно предполагать этническое и культурное родство волосовских племен и населения Казанского Поволжья...» [66]

Сходство приказанских памятников с волосовскими и даже несомненную принадлежность их к волосовской культуре признает теперь и И. К. Цветкова [67].

В последних работах П. Н. Третьяков полностью присоединяется к выводу о широчайшем распространении волосовской культуры и ее

[61] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка; *Он же.* Бронзовый век на территории СССР.— БСЭ, изд. 1, т. 7, 1927.

[62] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен; *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена.

[63] *O. Bahder.* Zur Erforschung..., S. 99, 100.

[64] *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ КАЭ..., стр. 57; *O. Bahder.* Kulturen der Bronzezei..., S. 15, и др.

[65] *И. К. Цветкова.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского, рис. 3.

[66] *А. Х. Халиков.* Неолитические памятники в Казанском Поволжье.— МИА, 61, 1958, стр. 42, 43.

[67] *И. К. Цветкова.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского, стр. 54.

ТАБЛИЦА 1

Сопоставление волосовской и части территориально и хронологически смежных ей культур по некоторым признакам

Культурные признаки	Окский неолит с ямочно-зубчатой керамикой	Волосовская культура	Турбинская культура	Камский неолит с зубчатой керамикой	Культурные признаки	Окский неолит с ямочно-зубчатой керамикой	Волосовская культура	Турбинская культура	Камский неолит с зубчатой керамикой
1. Преобладание круглоямочного конического орнамента	+				9. Обилие фигурных кремней		+	+	
2. Преобладание зубчатого орнамента		+	+	+	10. Распространение каменных плоских колец		+	+	
3. Зубчатый орнамент «шагающая гребенка»		+	+	+	11. Стрелы с усеченным основанием и четырехшипные		+	+	
4. Приплюснутость венчиков у сосудов		+	+	+	12. Мелкие долотца с узким концом		+	+	
5. Органические примеси к гончарной глине		+	+		13. Круглые полуземлянки	+	?		
6. Сглаживание сосудов зубчатым орудием		+	+		14. Четырехугольные полуземлянки		+	+	+
7. Рамчатый штамп		+	+						
8. Распространение изображений животных и птиц на сосудах		+	+						

сильных влияниях на территории между Прикамьем и Балтикой [68].

Таким образом, в широком смысле волосовские и культурно близкие им поселения распространены от Прикамья до Белого моря и Прибалтики, но эта огромная территория была занята, конечно, не одной, а несколькими родственными локальными культурами.

Юго-западная граница между культурой волосовского типа и сохранившей свои традиции местной, волго-окской культурой с ямочно-гребенчатой керамикой во II тысячелетии до н. э., по П. Н. Третьякову [69], отсекала Верхнюю Оку от волосовской территории. На Верхней Оке волосовское влияние совсем не ощущалось. Местные племена продолжали жить и в ряде районов внутри Волго-Окского края, занятого волосовцами, в особенности в бассейне Средней Оки.

Происхождение волосовской культуры почти не являлось предметом специального рассмотрения и подавляющим большинством исследователей решалось в традиционном духе: признавалось, что она сложилась на основе предшествовавшей ей неолитической культуры с ямочно-зубчатой керамикой. Основные исследователи волосовской культуры стоят на точке зрения автохтонного формирования волосовской культуры, т. е. сложения ее на Оке на местной основе [70].

Но еще в 1947 г., приступая к организации Камской археологической экспедиции, я обратил внимание на некоторые специфические черты сходства между культурными комплексами Левшинской стоянки на Каме и поселений волосовского типа на Оке [71]. Через пять лет, по мере накопления новых материалов по эпохам неолита и бронзы, этот вопрос стал гораздо более ясным, что позволило мне выступить с аргументированными положениями о том, что: 1) «происхождение волосовской культуры надо связывать никак не с культурой ямочно-гребенчатого неолита льяловского типа, а с западной группой неолитических племен камской этнокультурной области»; «территориальный центр распространения памятников волосовского типа

[68] *П. Н. Третьяков.* У истоков этнической истории финно-угорских племен.— СЭ, 1961, № 2; *Он же.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966.

[69] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 56, 57.

[70] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен; *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена.

[71] *О. Н. Бадер.* Каменный век на Урале.— «Первое уральское археологическое совещание. Доклады научных конференций Пермского университета», вып. 1—4. Пермь, 1948, стр. 14.

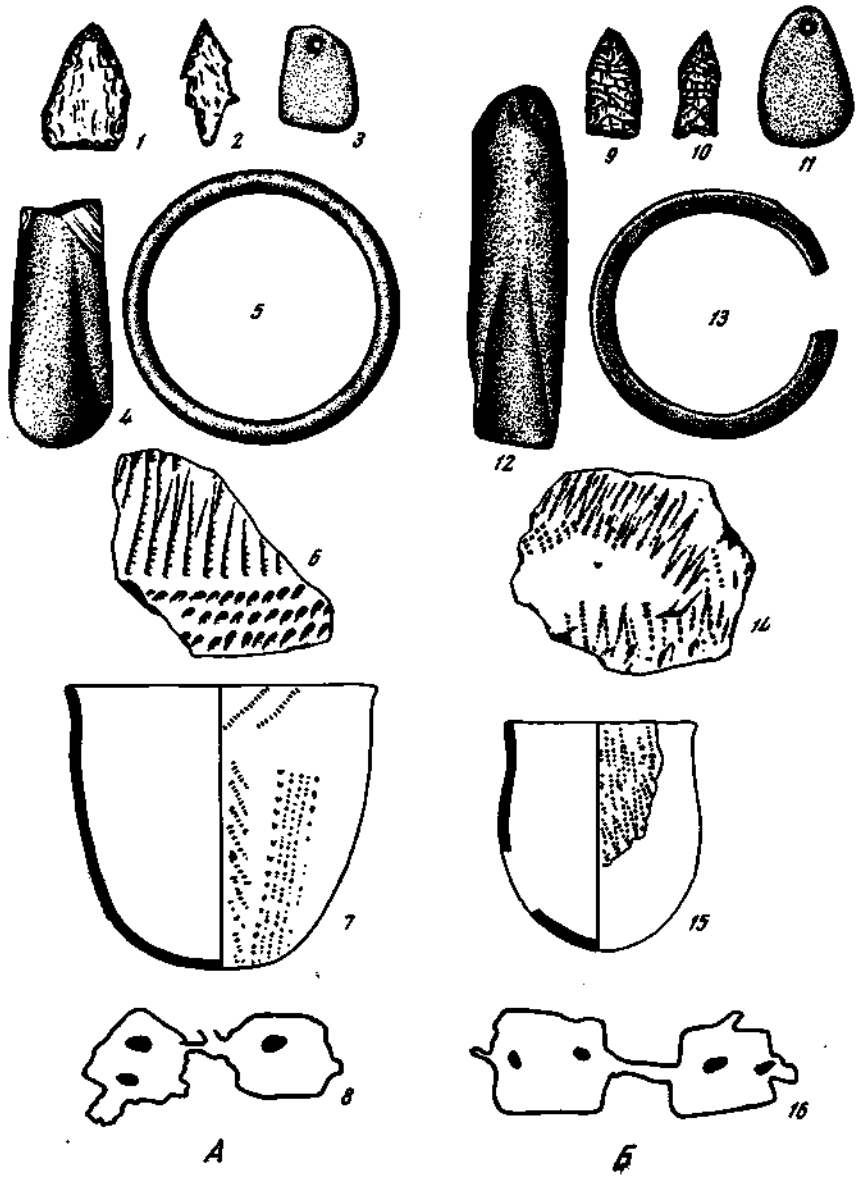


Рис. 5. Некоторые сходные элементы культуры волосовских (А) и раннетурбинских (гаринских, Б) поселений

1, 2 — Панфилово;
3, 4, 6, 8 — Володары;
5 — Пирово;
7 — Волосово;
9—12, 14 — Бор I;
13 — Боровое озеро III;
15 — Левшино (верхний горизонт);
16 — Выстелишна
1, 2, 9, 10 — кремневые наконечники стрел;
3, 11 — каменные шлифованные подвески;
4, 12 — каменные шлифованные долота;
5, 13 — каменные шлифованные кольца;
6, 14 — обломки глиняных сосудов;;
7, 15 — реконструкции формы глиняных сосудов,
8, 16 — планы жилищ-полуземлянок

находится гораздо восточнее, чем это сейчас думают, где-то в Среднем Поволжье, между Окой и Камой»; 2) «создается картина этнического сдвига с востока, из области Поволжья и Прикамья, на запад, происшедшего в начале II тысячелетия до н. э. и приведшего к смене позднеэнеолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой чуждыми им волосовскими племенами в восточной части Верхнего Поволжья, а на севере — близкими им племенами, просочившимися еще дальше на запад, до самой Карелии. Однородность культурной среды от Оки до Урала обеспечила легкость распространения в ней и металлических уральских изделий, достигавших без переливки Нижней Оки и Галичского озера и бытовавших там во множестве» [72].

Эти положения получили развитие в ряде более поздних работ автора, А. Х. Халикова и П. Н. Третьякова. Даже А. Я. Брюсов, автохтонист в этом вопросе, все же отметил в материале стоянок раннего этапа волосовской культуры своеобразное отклонение от других стоянок окской долины, сближающее, по его мнению, «этот тип волосовской культуры со среднеуральскими и северными стоянками, ко-

[72] *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ КАЭ..., стр. 57.

торые можно приписывать потомкам древнейшего населения Севера, пришедшего сюда из Среднего Зауралья»[73].

Чтобы не ограничиваться ссылками и в то же время не повторять уже приведенных аргументов, привожу сводную сравнительную таблицу 1 (см. стр. 35), в которой по некоторым признакам материальная культура поселений волосовской культуры сопоставляется с турбинской, а также с культурой окского и камского неолита.

Культурная близость между волосовскими и гаринскими (турбинскими) поселениями и отношение их к окскому и камскому неолиту выступают достаточно наглядно (рис. 5). В то же время волосовские и турбинские памятники резко отличаются от фатьяновских, балановских, срубных и поздняковских, что еще больше объединяет их.

Сложение турбинской локальной культуры на основе камской неолитической культуры, выясненное в последние годы[74], не оставляет сомнений. Аргументация, использованная для доказательства этого положения, почти целиком может быть применена и для доказательства аналогичного генезиса волосовской культуры; и это тем более, что в последнее время неолитические стоянки камского типа на Волге между устьями Камы и Оки обнаруживаются все дальше и дальше на запад.

Без сомнения, и распространение сублапоноидных и даже палеосибирских антропологических элементов в Волго-Окский край и дальше на запад, прослеживаемое по некоторым из рассмотренных выше погребений, также шло из Приуралья и связано с расселением оттуда людей на запад.

Изложенные выше выводы получили веское подтверждение в недавних работах А. Х. Халикова в Казанском Поволжье. Им был изучен ряд поселений волосовского типа, дотоле там достоверно не известных. А. Х. Халиков связывает их с ранневолосовскими памятниками Поочья и объединяет их с камскими поселениями того же времени «в территориально различные, но по материальной культуре близкие группировки». В итоге автор приходит к выводу, что «сравнение всего материала приказанских поздненеолитических стоянок с материалом волосовских стоянок подчеркивает их глубокую общность и, возможно, родственную этническую культурную связь их населения»[75]. По его мнению, это позволяет считать районы Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья областью формирования волосовской культуры.

Правда, в одной из последних работ А. Х. Халиков поставил под сомнение генетическую связь между волосовской культурой и культурой камского неолита и, ссылаясь на резко выраженный европеоидный тип скелетов из Панфилова и Володар, вслед за М. М. Герасимовым предполагает более южные связи волосовцев[76]. Против приведенной аргументации можно возразить, что наиболее резко европеоидный тип выражен не у ранних, а у поздних волосовцев, т. е. на втором (Володары) и третьем (Панфилово) этапах их истории, тогда как более ранний череп из Волосова, да и второй череп из Володар отличаются некоторыми сублапоноидными, уральскими чертами. В дальнейшем А. Х. Халиков всецело вернулся к мнению о генетической связи волосовской культуры с волго-камской неолитической культурой[77].

Возражая против гипотезы о первоначальном сложении волосовской культуры в области Приказанского Поволжья, И. К. Цветкова отмечает поздний характер культуры приказанских волосовских поселений и рассматривает их появление как результат расселения волосовских племен с Оки, происходившего не ранее рубежа между третьей и четвертой четвертями II тысячелетия до н. э.[78] Напомним, что А. Х. Халиков, наоборот, считает приказанские поселения ранневолосовскими. Разрешение этого очень существенного спора требует специального изучения соответствующих материалов. Но я хочу лишь напомнить, что близкое культурное родство между раннетурбинскими и волосовскими поселениями, существовавшее в течение всей первой половины II тысячелетия до н. э., предполагает и их продолжительное и тесное соприкосновение, которое должно было происходить именно в Среднем Поволжье.

Доказывая местное, окское происхождение волосовской культуры, И. К. Цветкова использует свои новейшие находки на поздненеолитической стоянке Черная Гора в Мещере. Здесь

[73] *А. Я. Брюсов.* Некоторые теоретические основы хронологии неолита.— СА, т. XVIII, 1953, стр. 47.

[74] *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ КАЭ...; *Он же.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье.— МИА, 99, 1961; *Он же.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы.— ОКВЭ, т. 2, 1961.

[75] *А. Х. Халиков.* Неолитические памятники в Казанском Поволжье.— МИА, 61, 1958, стр. 43.

[76] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы,— «Тр. МАЭ», т. 1. Йошкар-Ола, 1960, стр. 181, 182.

[77] *А. Х. Халиков.* Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дисс.

[78] *И. К. Цветкова.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского, стр. 54, 55.

вместе с керамикой рязанского локального варианта найдена и ранневолосовская керамика. Наряду с этим обнаружены как обломки рязанской керамики с типично волосовским рамчатым орнаментом, так и обломки волосовской керамики с примесью толченой раковины к глине, но с совершенно не характерным для нее «воротникообразным» выступом края, украшенным оттисками перевитой веревочки, с ямочным и ямочно-зубчатым орнаментом[79]. Эти факты И. К. Цветкова расценивает как свидетельство генетической связи между указанными культурами, перерастания одной культуры в другую. Но такой вывод не представляется убедительным. Поселения рязанского типа на протяжении почти двух этапов их истории сосуществуют в некоторых районах Среднего Поочья с поселениями волосовского типа, продолжая отличаться от них по культуре. И «гибридную» керамику следует расценивать как результат взаимной ассимиляции. Не случайно подобная керамика обнаруживается не на таких больших путях, как долина Оки, где пришельцы волосовцы, вероятно, быстро вытеснили или уничтожили аборигенов, а в таких глухих районах, как Мещерские озера, Плещеево озеро[80] или Петровские озера[81], куда пришельцы проникали в меньшем числе, где продолжало жить местное население и ассимилятивный процесс протекал более равномерно и длительно. О сосуществовании волосовской керамики с ямочно-гребенчатой сообщает и Д. А. Крайнов, основываясь на материале своих новейших раскопок в Верхнем Поволжье[82].

В последнее время вопрос о происхождении культуры волосовских поселений очень осложнился выявлением днепро-донецкой и нарвской культур и чрезвычайно интересным открытием Т. Д. Белановской, исследовавшей у станицы Раздорной на Нижнем Дону всего в 108 км к северу от Ростова интереснейшую стоянку Ракушечный Яр. Керамика этого памятника, хотя и плоскодонная, близка волосовской, а отчасти и раннетурбинской (гаринской) по примеси толченой раковины к глине, массивности стенок, обработке их поверхности зубчаткой, присутствию волнистого орнамента «отступающей лопаточки» и хорошо выраженному орнаменту — «шагающей гребенке»; наряду с такой керамикой имеются и подквадратные скребки, и узкие долотца, близкие волосовским[83]. Памятник датирован геологом Г. И. Горецким IV тысячелетием до н. э., и Т. Д. Белановская пока не дает другой даты.

Ракушечный Яр не по одному, не по двум, а по целой сумме признаков, даже по своему общему облику тяготеет к уральскому неолиту, и нахождение его на Нижнем Дону трудно объяснить. В связи с этой находкой мне вспомнилась моя старая гипотеза о том, что волосовская культура является северной разновидностью энеолитической ямной культуры, с которой ее роднит керамика с примесью толченой раковины, и что появление ее на Оке произошло под давлением ранних культур земледельцев и скотоводов типа балановской и фатьяновской, сформировавшихся на юге и двинувшихся на север в самом начале II тысячелетия до н. э., а может быть, и в конце III тысячелетия[84]. В последнее время А. Х. Халиков, ссылаясь на южные связи антропологического типа волосовцев из Панфилова и Володар и имея в виду близкие волосовским находки в Верхнем Подонье, также намечает связь между появлением волосовцев на Оке и движением балановцев на север[85].

Но вопрос не может быть решен сейчас в этом плане. Остаются несомненными связи культуры волосовских поселений с Уралом, и этого нельзя забывать.

Аналогичным образом ждет своего разрешения и проблема культурной близости ряда существенных элементов зауральской, турбинско-волосовской и днепро-донецкой историко-культурных зон. Это сходство выражается не только в керамике, но и в некоторых весьма специфических деталях, как, например, утюжки-гладилки из мягкого камня или глины с поперечным желобком[86]. Вопрос нуждается в специальном изучении.

Особенно большой интерес для проблемы во-

[79] *И. К. Цветкова.* Доклад на пленуме Ин-та археологии в апреле 1964; см. также ее «Отчет о работе Рязанской археол. экспедиции 1963 г.» в Архиве ИА АН СССР.

[80] *А. Л. Никитин.* Дикариха.— МИА, 110, 1963.

[81] *О. Н. Бадер.* Неолитические поселения Петровских озер.— МИА, 13, 1950.

[82] *Д. А. Крайнов.* Итоги работы Верхневолжской экспедиции и некоторые спорные вопросы древнейшей истории Верхнего Поволжья.— «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г.» М., 1964.

[83] *Т. Д. Белановская.* Доклад на пленуме Ин-та археологии АН СССР в апреле 1964 г.

[84] *О. Н. Бадер.* К истории первобытного общества в бассейне Оки и Верхней Волги. Рукопись, 1944—1945.

[85] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 182.

[86] *Д. Я. Телегин.* История племен днепро-донецкой культуры (V—III тысячелетия до н. э.). Автореф. докт. дисс. Киев, 1967.

лосовской культуры имеет недавно выявленная нарвская культура в Восточной Прибалтике. Ее керамика очень близка волосовской по примеси толченой раковины к глине, обработке поверхности, орнаменту, в том числе и присутствию «шагающей гребенки». Н. Н. Гурина справедливо замечает, что «керамика нарвского типа обладает целым рядом таких черт, которые мы обычно привыкли связывать с позднеэнеолитической керамикой и эпохой бронзы»[87]. Характерно, что Н. Н. Гурина склонна включать в число памятников нарвской культуры и стоянку Коломцы на оз. Ильмень, в то время как П. Н. Третьяков, А. Х. Халиков и автор относят эту стоянку к памятникам волосовского типа.

Общие черты нарвской и волосовской культур, в частности «удивительное сходство» их керамики[88] вряд ли возможно объяснять конвергенцией, так как эти культуры близки и территориально, и хронологически. Видимо, они входили в какую-то очень большую, но все же единую культурную зону, исторически так или иначе связанную с Уралом.

В вопросе об основном районе сложения этой обширной культурной общности район нарвской культуры имеет то преимущество, что его памятники относятся, по данным радиокарбонового анализа, к более раннему времени, чем время волосовской культуры в представлении большинства специалистов: Кяапа (Эстония) имеет дату 2400 ± 220 лет до н. э., а Сарнате (Латвия) даже 2950 ± 250 и 3770 ± 200 лет. Для памятников волосовской культуры имеется пока лишь одна радиокарбоновая дата: 2770 ± 50 лет до н. э. (уголь из Плещеевской IV стоянки). Эти даты нуждаются в проверке контрольными анализами.

Кроме того, вопрос о происхождении культур волосовского типа не обязательно должен решаться однозначно. Нарвская культура могла сложиться независимо от приуральской волосовской, но на близкой по происхождению, генетически уральской культурной основе, проникновение которой в Прибалтику произошло еще в мезолитическое время в процессе первоначального заселения освобождавшихся из-под таявшего ледника пространств.

Нарвская культура, вполне естественно, должна была впитать в себя местные элементы, которые мы находим в прибалтийском мезолите, в памятниках типа Эртебёлле и Кунда. Стратиграфическое соотношение керамики нарвского типа с керамикой, орнаментированной гребенчатым и ямочным штампами, до сих пор нигде не установлено с достоверностью, но по другим данным, и в частности радиокарбоновым, гребенчато-ямочные комплексы считаются здесь в целом более поздними, хотя и сосуществовавшими долгое время на смежных территориях, что характерно и для родственных культур Средней России.

В период второго большого движения населения из области Урала, иллюстрируемого распространением на запад поселений волосовского типа, еще существовавшее население нарвской культуры слилось с группами пришельцев, и этот сформировавшийся этнический массив в дальнейшем лег в основу сложения финно-угорских племен Северо-Восточной Прибалтики. Конечно, высказанная гипотеза нуждается в дальнейшем изучении и более детальном обосновании.

Тесные связи камского неолита с зауральским и не менее тесные связи с Зауральем среднекамской турбинской культуры в эпоху бронзы, подтвержденные недавно и М. Гибутас[89], позволяют достаточно уверенно определять эти культуры как финно-угорские, точнее, древнефинские. Отсюда вытекает и древнефинская принадлежность обитателей поселений волосовского типа.

В волосовских поселениях мы вправе видеть следы мощной уральской, древнефинской миграционной волны в Окском Поволжье, а в их обитателях — древнейших предков волжских и окских финнов, живших в этих местах во времена начальной русской летописи, позднее ассимилированных, а частью и до наших дней сохранивших свое этническое лицо.

Есть основания говорить о существовании в волосовское время обширной волго-камской этнокультурной области, занятой родственными локальными культурами. Одна из них — турбинская культура в Среднем Прикамье; другая, вероятно, средневолжская волосовская; третья — волосовская в бассейне Оки. Но этот перечень, несомненно, будет продолжен, так как распространение поселений, близких волосовским, значительно шире, особенно, как уже указывалось, в северной части Верхнего Поволжья, где волосовская керамика имеется и на наиболее западных поселениях Петровских озер[90], и еще дальше на запад — на озерах Пирос и Бологое, у с. Кончанского и дер. Репище в Новгородской

[87] *Н. Н. Гурина.* Из истории древних племен западных областей СССР.— МИА, 144, 1967, стр. 174.
[88] Там же, стр. 172.
[89] *M. Gimbutas.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris — London, 1965.
[90] *О. Н. Бадер.* Неолитические поселения Петровских озер.— МИА, 13, 1950.

обл. [91], на вологодской стоянке Модлона [92] и еще дальше на запад и на север, что недавно показано на карте П. Н. Третьякова [93].

О том, как далеко докатилась приуральская волна переселенцев, свидетельствует интереснейший материал из раскопок 1960—1963 гг., произведенных Ю. А. Саватеевым в низовьях р. Выг в Карелии. На стоянке Золотец VI и на некоторых соседних стоянках оказалась материальная культура, близкая культуре турбинских и волосовских поселений [94]. Видимо, восточные, уральские связи иллюстрируют и керамика карельских стоянок типа Соломенное IX на Онежском озере [95], более поздние горизонты некоторых нарвских стоянок, где имеются не только многочисленные обломки с густой примесью толченых раковин unio, но и зубчатый орнамент в виде «шагающей гребенки» [96], стоянки Усть-Рыбежна и приладожские стоянки [97], а также керамика стоянки Тамула в Эстонии [98].

Как и на поселениях волосовского типа, в Волго-Окском крае, на указанных поселениях Прибалтики найдены погребения. Так, на поселении Нарва-Рийгикюла I в контурах двух жилищ обнаружено по одному скелету в вытянутом на спине положении, головой на север; из-за залегания в культурном слое сопровождающий инвентарь неясен [99]. На поселении Тамула в культурном слое обнаружено 7 погребений: два костяка лежали на спине, в вытянутом положении, с богатым инвентарем (преимущественно украшения); три скелета лежали в скорченной позе и сопровождались менее богатым инвентарем; от двух погребений сохранились только следы [100]. На стоянках Коломцы и оз. Бологого тоже найдены многочисленные погребения, а на Модлоне — женский череп. Ни одно из перечисленных погребений, так же как и аналогичные погребения Верхней Волги и Оки и погребения Сейминского и Турбинского могильников, не сопровождалось глиняными сосудами, что роднит их ритуал. Очень важно, что некоторые черепа из Прибалтики, относящиеся к этой эпохе, отличаются ослабленно монголоидными чертами [101].

Как справедливо указывает П. Н. Третьяков, «в западной части Волго-Окской области — в ряде районов в верховьях Волги, на Верхней Оке с притоками и на Десне — материальная культура уральско-камского или волосовского характера не найдена. Во II тысячелетии до н. э. там переживали старые местные традиции. Это обстоятельство чрезвычайно важно для обоснования гипотезы о расселении на запад уральско-камских племен. Если бы культура волосовского типа была не пришлой, а местной культурой эпохи бронзы, сложившейся на основе неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, то она появилась бы не только в восточной, но и в западной части Волго-Окской неолитической области. Этого, однако, не наблюдалось» [102]. Аналогичным образом и в восточной области установлено существование в некоторых районах наряду с волосовскими поселений с ямочно-гребенчатой керамикой, на что отчасти уже указано выше [103].

Если для Окского Поволжья волосовская волна переселенцев была первой археологически фиксируемой древнефинской волной, то для областей, лежащих на север от верхнего течения Волги, она не была первой. На Северо-Западе СССР еще в гораздо более раннее время существовали признаки близости с Приуральем. Их можно связывать еще с мезолитической эпохой. Бассейны Камы, Печоры,

[91] *Н. К. Рерих.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой.— ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1, 1903; *А. А. Спицын.* Бологовская стоянка каменного века.— Там же; *М. П. Зимина.* Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях.— СА, 1968, № 2.

[92] *А. Я. Брюсов.* Свайное поселение на р. Модлоне.— МИА, 20, 1951; *С. В. Ошибкина.* Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

[93] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, рис. 13.

[94] *Ю. А. Саватеев.* Доклад на пленуме ИА АН СССР в апреле 1964 г.

[95] *Ю. А. Саватеев.* Соломенские стоянки.— «Сб. научных работ студентов Петрозаводского гос. университета», вып. 4. Петрозаводск, 1957.

[96] *Н. Н. Гурина.* Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. Древние поселения и городища.— «Археологич. сборник Эстонской АН», т. I. Таллин, 1955.

[97] *Н. Н. Гурина.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР.— МИА, 87, 1961; *А. А. Иностранцев.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера, 1882.

[98] *Л. Ю. Янитс.* Новые данные по неолиту Прибалтики.— СА, т. XIX, 1954; *Он же.* Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР.— КСИИМК, 54, 1954; *Он же.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.

[99] *Н. Н. Гурина.* Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии.

[100] *Л. Ю. Янитс.* Позднеолитические могильники в Эстонской ССР.— КСИИМК, XLII, 1952.

[101] *К. Ю. Марк.* Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии.— Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 224.

[102] *П. Н. Третьяков.* У истоков этнической истории финно-угорских племен.— СЭ, 1961, № 2, стр. 87.

[103] *И. К. Цветкова.* Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки.— МИА, 110, 1963.

Вычегды, Оки, Клязьмы и Верхней Волги, как выяснилось, были заселены человеком еще в палеолите; при этом культура части камских и печорских верхнепалеолитических стоянок (например, стоянки Талицкого и стоянки в Медвежьей пещере) сохраняла черты большой близости к культуре сибирского палеолита, в то время как стоянки Клязьмы и Верхней Волги (например, Сунгирь и Алтыново) принадлежали к восточноевропейскому культурному ареалу. Именно с этих плацдармов, т. е. с востока, юго-востока и юга, люди должны были в конце плейстоцена и в древнем голоцене расселяться на пространства Северо-Запада Европы, постепенно освобождавшиеся из-под медленно отступавших в Фенноскандию материковых льдов. При этом южный фронт наступления был более широким, чем восточный; восточные, по своему происхождению приуральские группы расселявшихся людей, естественно, осваивали более северные районы.

Следы древней восточной или приуральской волны в заселении Северо-Запада можно усматривать в костяных изделиях из Сарнате, во многом близких шигирским, в некоторых формах кремневых стрел из ножевидных пластин и костяных наконечников стрел и гарпунов из памятников Лубанского озера и более северных районов Прибалтики (например, из Оленеостровского могильника), костяных кинжалов с вкладными лезвиями из того же могильника, в керамике типа «сперрингс», близкой древнейшей уральской керамике, и в ряде других признаков, как, например, общность в орнаментации ямочно-гребенчатой керамики «геометрического стиля» на Северо-Западе СССР и в Финляндии, и керамики неолитических культур Приуралья (типа Боровое озеро I) и Зауралья, отмеченная недавно В. П. Третьяковым[104]. Антропологически носители культуры ямочно-гребенчатой керамики в Прибалтике принадлежали к промежуточной группе между монголоидами и европеоидами и могли проникнуть в Прибалтику только с востока[105]. Эти древнейшие памятники нашего Северо-Запада этнически скорее всего связаны с протосаамским населением Севера, близко соприкасавшимся на востоке с древнесамодийскими группами.

При освещении процесса освоения людьми Северо-Запада в послеледниковое время наряду с археологическими материалами очень важную роль, несомненно, приобретают и данные об антропологическом составе древнейшего населения. Сейчас становится все более и более несомненным, что население это уже в IV—III тысячелетиях до н. э. не было однородным в расовом отношении, но состояло из представителей двух больших рас — европеоидов и монголоидов, постепенно смешавшихся между собой[106].

Например, среди обильного палеоантропологического материала Оленеостровского могильника при общем преобладании европеоидного расового типа, близкого кроманьонскому, выделяется несколько черепов с хорошо концентрированными монголоидными признаками. По мнению Е. В. Жирова, изучавшего этот материал, «антропологические особенности людей Южного Оленьего острова возникли в результате метисации высокорослых, весьма широколицых, хамеконхных европеоидов, т. е. кроманьонцев, с более малочисленной монголоидной популяцией»[107]. Смешанный монголоидно-европеоидный тип хорошо представлен и среди черепов из могильника Корованиха в Вологодской области, относящегося ко II тысячелетию до н. э.[108] «Некоторые из этих черепов обнаруживают черты сходства с современными лапоноидными формами, для которых также характерно сочетание европеоидных и монголоидных особенностей (при очень специфическом общем морфологическом облике)»[109]. С тем же лапоноидным типом сближаются, по Г. Ф. Дебецу, и черепа из Языкова и Волосова. Аналогичны и черепа из Риннекальнса в Латвии[110], так же как и череп из Шигирского торфяника[111]. Некоторые древнейшие черепа на территории Эстонии, происходящие из погребений на стоянках Нарва I и III, также иллюстрируют присутствие монголоидной примеси[112].

[104] *В. П. Третьяков.* Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического» стиля.— КСИА, 111, 1967.

[105] *М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров.* Этническая антропология восточной Прибалтики.— «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2. М., 1959, стр. 158 и след.

[106] *Н. Н. Чебоксаров.* К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы.— СЭ, 1952, № 1, стр. 41, 42.

[107] *Е. В. Жиров.* Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова.— КСИИМК, VI, 1940, стр. 54.

[108] *М. М. Герасимов.* Основы восстановления лица по черепу, стр. 88, 89.

[109] *Н. Н. Чебоксаров.* К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы, стр. 42.

[110] *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 87.

[111] *М. М. Герасимов.* Восстановление лица по черепу, стр. 408—414, рис. 158.

[112] *К. Ю. Марк.* Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, стр. 224.

Таким образом, присутствие монголоидных компонентов в составе неолитического населения лесного севера Восточной Европы и Зауралья можно считать твердо установленным. Компоненты эти на рассматриваемой территории с глубокой древности смешивались с массивными европеоидными типами кроманьонского облика, ярко выраженными, например, среди известных ладожских черепов [113] или среди костных находок из различных стоянок Эстонии, относящихся ко II тысячелетию до н. э. [114] «Нет ни малейшего сомнения, что монголоидные и европеоидные типы, принадлежащие к двум различным большим расам, не могли возникнуть одновременно в пределах одной и той же географической области. Учитывая сравнительно позднее заселение людьми лесного европейского Севера (в мезолите и раннем неолите), следует предполагать, что как монголоиды, так и европеоиды проникли сюда различными путями в уже сложившемся виде. Монголоиды могли распространиться, очевидно, только с востока, из-за Урала, где в Центральной Азии находилась по всем данным область их формирования» [115]. Этот вывод, сформулированный Н. Н. Чебоксаровым уже более 15 лет назад, подтвержден за это время новыми находками черепов в Нарве и на Урале и археологическими данными о древнейшем заселении Северного Приуралья.

Нет никаких оснований полагать, что древний матриархально-родовой строй, расцвет которого относится у нас ко времени неолита, претерпел у волосовских племен существенные изменения.

Представляя себе древних волжских финнов как носителей волго-камских по происхождению культур волосовского типа и их распространение в это время с востока на запад, следует вспомнить некоторые обобщения нашего крупнейшего финно-угроведа Д. В. Бубриха. Касаясь вопроса об историческом существе различных финно-угорских языков и их древней территориальной общности, Д. В. Бубрих пишет: «Замечательно, что сходные слова составляют своего рода систему, прямо обрисовывающую культурное состояние на пороге эпохи металла. Раскрывается картина обитания в теплой полуземлянке, охоты с помощью лука и стрел, рыболовства с помощью довольно сложного ассортимента орудий, скромнейших начатков животноводства и земледелия, экзогамных родовых отношений и т. д.; металл появляется в украшениях. К этому прибавляются некоторые географические показатели. Раскрывается картина климата со снегом и льдом зимою, растительностью южного пояса лесной полосы, животного мира бассейна Волги без низовья». Ссылаясь на одну из работ Л. С. Берга, автор отмечает отсутствие старых финно-угорских названий вневолжских рыб, например угря и лососевых. «Совершенно ясно,— говорит он далее,— что накануне металла где-то в бассейне Волги еще не сошел со сцены контакт между языками, в котором определился финно-угорский характер этих языков, выработка на определенной ступени развития множества общих лексем и общих основ грамматики. В условиях контакта эти языки были, разумеется, ближе друг к другу, чем оказались позднее, когда контакт расторгся» [116].

П. Хайду, устанавливая некоторые общие для финно-угров названия деревьев (вяз, береза, сосна, ива, лиственница), также приходит к заключению, что древняя область, занимавшаяся предками финно-угров, находилась в лесной зоне [117]. Но вяз распространен только в Европейской части СССР и за Уралом отсутствует, что можно сказать и о названиях меда и пчел, также общих у различных групп финно-угров. Эти факты могут соответствовать археологическим культурам волго-камского и отчасти зауральского неолита, а в более позднее время — турбинско-волосовской историко-культурной области.

Столь значительное совпадение результатов совершенно не связанных друг с другом археологических и лингвистических исследований о происхождении финно-угорского (точнее, древнефинского) населения Северной Европы — весьма знаменательно.

Мы намеренно остановились более подробно на волосовской странице первобытной истории Окского Поволжья, ибо ее освещение очень важно для понимания всей дальнейшей истории этого обширного края и этногонических процессов, протекавших на его пространствах.

[113] *А. П. Богданов.* Человек каменного века.— В кн. *А. А. Иностранцев.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882; *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР, стр. 89—90.

[114] *J. Aul.* Etudes anthropologiques des ossements humaines néolitiques de Sope et d'Ardou. Tartu, 1935; *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР, стр. 90—92.

[115] *Н. Н. Чебоксаров.* К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы, стр. 42.

[116] *Д. В. Бубрих.* О советском финно-угроведении.— СЭ, 1949, № 2, стр. 192.

[117] *P. Haidu.* Über die alter Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie.— «Acta Linguistica», t. XIV, f. 1—2. Budapest, 1964.

Фатьяновская культура

В конце III тысячелетия до н. э. (по В. А. Городцову, О. А. Кривцовой-Граковой, А. Я. Брюсову) или в начале II тысячелетия (по Д. А. Крайнову) [1], в Волго-Окском крае появляются могильники фатьяновского типа, состоящие из довольно глубоких могил без насыпи над ними, со следами прямоугольных внутримогильных сооружений на дне, в которых помещались покойники в скорченном на боку положении, с различной ориентировкой по сторонам света, сопровождаемые погребальным инвентарем: тонкостенными бомбовидными глиняными сосудами с цилиндрической шейкой или без нее, орнаментированными зубчатым штампом или оттисками шнура в верхней части, каменными сверленными боевыми топорами, плоскими клиновидными кремневыми топорами, кремневыми стрелами, скребками и ножами, орудиями из кости и единичными изделиями — оружием и украшениями из меди и бронзы (рис. 6). Фатьяновская культура лучше других древних культур интересующего нас района освещена в литературе; мы отсылаем читателя к недавно опубликованным двум капитальным выпускам «Свода» [2] и остановимся лишь на некоторых вопросах, имеющих существенный исторический интерес.

Яркая своеобразная материальная культура фатьяновских могильников, сильно отличающаяся от культуры местных позднеенеолитических и энеолитических поселений, так же как резко выраженный европеоидный антропологический тип, заставляет считать фатьяновские племена пришлыми [3]; против этого положения сейчас никто не возражает. Но вопрос об их происхождении еще далеко не решен, и решение его крайне осложняется, с одной стороны, отсутствием достаточно близких аналогий на соседних территориях и, с другой — почти полным отсутствием следов фатьяновских поселений, что очень сужает источниковедческую базу.

В общеисторическом плане для нас важно, что фатьяновская культура, население которой обитало в Волго-Окском крае, принадлежит к кругу более южных и западных культур эпохи бронзы, известных под именем культур с каменными боевыми топорами. К их числу кроме фатьяновской принадлежат также балановская, среднеднепровская, висло-неманская, прибалтийская, финляндская, культура одиночных могил Швеции и ряд культур Юго-Запада СССР, Польши и Германии. Все они, вместе взятые, с достаточным основанием расцениваются как индоевропейские в языковом отношении [4].

Точка зрения Т. Сулимирского о происхождении финно-угров от фатьяновцев [5] не может быть принята ни в какой мере.

Не уточняя далее вопроса о происхождении фатьяновцев, отметим лишь, что с наибольшей вероятностью исходные территории их расселения следует искать на юге или юго-западе от Верхнего Поволжья.

Несмотря на отсутствие достоверных фатьяновских поселений, уже давно удалось выяснить земледельческо-скотоводческий характер хозяйства фатьяновских племен [6], чем они сначала резко отличались от местного охотничье-рыболовческого населения. Появление фатьяновцев в Верхнем Поволжье относится ко времени среднего голоцена, когда здесь получили распространение широколиственные леса, а основная часть Поочья входила в зону лесо-

[1] *В. А. Городцов.* Бронзовый век на территории СССР.— БСЭ, изд. 1, т. 7, 1927, *О. А. Кривцова-Гракова.* Хронология памятников фатьяновской культуры.— КСИИМК, XVI, 1947, стр. 33; *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 91; *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры, московская группа.— «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. В 1—19. М., 1963, стр. 37.

[2] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры, московская группа; *Он же.* Ярославско-калининская группа.— «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. В 1—20. М., 1964 (работы содержат необходимую библиографию).

[3] *А. А. Спицын.* Медный век в Верхнем Поволжье.— ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1, 1903; *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России.— Отчет Росс. историческ. музея за 1914 г. М., 1915; *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР.— «Тр. ИЭ», новая серия, т. IV. М.— Л., 1948.

[4] «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР». М., 1956; *Б. А. Серебренников.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским.— «Труды АН Литовской ССР», серия IA(2). Вильнюс, 1957; *Х. А. Моора.* О древней территории расселения балтийских племен.— СА, 1958, № 2; *А. Я. Брюсов.* Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э.— СА, 1961, № 3; *Б. В. Горнунг.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.

[5] *T. Sulimirski.* Polska prehistoriczna, I. London, 1955, str. 156.

[6] *О. Н. Бадер.* Лихачевский могильник (к вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры).— СА, т. II, 1937; *Он же.* К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла.— ВДИ, 1939, № 3.

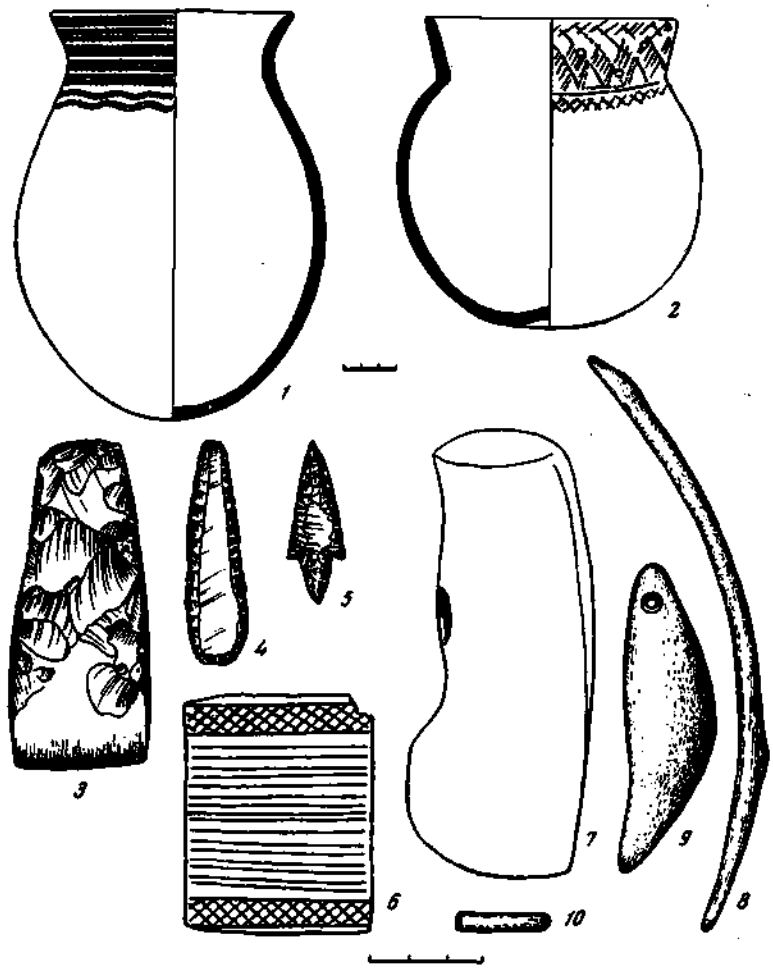


Рис. 6. Инвентарь некоторых фатьяновских могильников Подмосковья и бассейна Клязьмы

1 — Давыдково;
2—4 — Протасово;
5 — Буньково;
6, 8 — Мытищи;
7 — Ковров;
9, 10 — Кузьмино
1, 2 — реконструкции глиняных сосудов с орнаментом;
3 — кремневый полированный топор или долото;
4 — кремневый нож;
5 — кремневый наконечник стрелы;
6 — бронзовый манжетовидный браслет;
7 — каменный шлифованный сверленый топор;
8 — костяное лощило;
9 — амулет-подвеска из медвежьего клыка;
10 — проиаака из трубчатой косточки

степья. Это создавало благоприятные условия для продвижения тех групп древнего населения, в хозяйстве которых наряду с земледелием играло роль пастушеское скотоводство.

Нужно отказаться от старого мнения о том, что фатьяновцы расселились в Верхнем Поволжье еще в эпоху господства там неолитической культуры с ямочно-зубчатой керамикой. Многие факты говорят за то, что их появление произошло уже после того, как этот край принял первые волны древнефинских переселенцев с востока, принесших сюда культуру волосовского типа. Так, М. Е. Фосс, отмечая ряд находок фатьяновских топоров в долине Оки близ Мурома и Волосова, считает, что они «указывают на проникновение фатьяновских племен в область волосовской культуры». Она обращает особое внимание на найденный на Волосовской стоянке сверленый топор укороченных пропорций с едва намечающейся лопастью, который, судя по материалу и по приемам обработки, она считает местным, волосовским подражанием фатьяновским формам [7]. С другой стороны, в материальной культуре фатьяновских могильников отмечается присутствие некоторых волосовских форм кремневых орудий (например, наконечников дротиков или копий с широким черешком) [8]. Н. Н. Гурина, изучая Костромское Поволжье [9], и Д. А. Крайнов, касаясь более западных районов Верхнего Поволжья, отмечают случаи совместного нахождения предметов волосовского и фатьяновского культурных комплексов. Очень важно наблюдение

[7] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, 29, 1952, стр. 189.
[8] *О. Н. Бадер.* Фатьяновские могильники бассейна р. Шоши.— Сб. «Новое в советской археологии (памяти С. В. Киселева)». М., 1965.
[9] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции).— МИА, 110, 1963.

Д. А. Крайнова об отсутствии находок фатьяновских предметов на стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой и, наоборот, об обилии их на волго-окских стоянках волосовской культуры, начиная с их средней по времени группы и до ранних поселений с «текстильной» керамикой включительно[10]. Н. Н. Гурина не исключает возможность мирного сосуществования волосовцев и фатьяновцев на каком-то отрезке времени, на что «может указывать весьма своеобразная керамика, соединяющая в себе элементы фатьяновские и волосовские»[11]. При этом она имеет в виду особую группу сосудов с поселения Станок I и отчасти II, относительно толстостенных, с растительной примесью, резко отогнутым наружу венчиком и с тщательно залощенной внешней и внутренней поверхностью, украшенных тонкими нарезками. «Такая керамика, не имеющая себе аналогий в памятниках с чистым комплексом, встречается вместе с тем в поселениях, содержащих волосовскую и фатьяновскую керамику»[12]. Подобные факты свидетельствуют о процессе взаимной ассимиляции между волосовскими и фатьяновскими племенами. В таких окраинных районах, как Костромское Поволжье, куда фатьяновцы вряд ли проникли значительными массами, они могли быть быстрее ассимилированы местным волосовским населением. В таких же районах, как район Петровских озер[13], Плещеева озера[14] или окской Мещеры[15], да и на некоторых стоянках Верхней Волги[16], где продолжали обитать потомки неолитического, доволосовского населения (уже достаточно сложный конгломерат местного населения), включение фатьяновцев сделал его состав еще более сложным.

Таким образом, все говорит за то, что пришлое фатьяновское население не только не истребило, но и не вытеснило местное население. Оно, следовательно, сосуществовало с ним в одной и той же обширной стране. Одним из ярких доказательств синхронности является тонкая балановская прослойка в мощном культурном слое волосовского поселения у с. Николо-Перевоз к северу от Москвы; эта балановская прослойка хорошо датируется XIV в. до н. э., следовательно, волосовцы обитали здесь и раньше, и позже этого времени. Фатьяновскую же культуру все без исключения авторы распространяют на всю или почти на всю первую половину II тысячелетия до н. э.

Тем самым устанавливается как бы чересполосное расселение фатьяновцев среди местного населения и встает вопрос об установлении микрорайонов этого расселения на всей обширной Волго-Окской, точнее, Волго-Клязьминской территории.

На расселение фатьянцев и аборигенов, несомненно, оказывала непосредственное влияние экономика каждой из этих групп. Местные волосовские и эпинеолитические племена охотников и рыболовов стремились держаться в тех же местах, где они жили раньше, т. е. по берегам небольших рек и озер, в речных истоках и устьях, в долинах крупных рек, но не непосредственно на их берегах, где они селились лишь временно, в периоды сезонного промысла[17]. Фатьяновские могильники и отдельные находки фатьяновских сверленых топоров лишь отчасти занимают те же места, а главным образом лесные и даже водораздельные районы той же страны. Это положение хорошо иллюстрируется составленной мною картой распространения указанных памятников к северу от Москвы[18]. Полагаю, что поселения фатьяновцев должны были располагаться невдалеке от могильников и в районах наибольшего скопления находок сверленых топоров; факт расположения фатьяновских памятников преимущественно в стороне от рыболовных угодий, в лесных участках страны, следует поставить в прямую зависимость от ведущей роли огневого земледелия в хозяйстве фатьяновцев. И даже расположение части фатьяновских памятников вдоль берегов больших рек, в местах, мало удобных для рыболовства при тогдашней его технике[19], диктовалось интересами не рыболовства, а того же подсечного земледелия на не заселенных или слабо заселенных рыболовами участках

[10] *Д. А. Крайнов.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.— КСИА, 97, 1964, стр. 19; *Он же.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа.— «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. В 1—20. М., 1964.

[11] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 199.

[12] Там же.

[13] *О. Н. Бадер.* Неолитические поселения Петровских озер.— МИА, 13, 1950.

[14] *А. Л. Никитин.* Дикариха.— МИА, 110, 1963.

[15] *П. К. Цветкова.* Раскопки последних лет.

[16] *Д. А. Крайнов.* Итоги работы Верхневолжской экспедиции. М., 1964.

[17] *О. Н. Бадер.* Неолитические поселения Петровских озер.— МИА, 13, 1950.

[18] *О. Н. Бадер.* Фатьяновские могильники Северного Подмосковья.— МИА, 13, 1950, рис. 17; см. также карты в «Сводах» Д. А. Крайнова.

[19] См. нашу карту распространения находок каменных сверленых топоров в Калининской области.— СА, т. III, 1937.

речных долин и удобствами выпаса скота на пойменных лугах.

Так в основном следует представлять себе расселение фатьяновцев среди местного населения не только в районах к северу от Москвы, но и во всем Волго-Окском крае.

Как известно, для первобытного лесного земледелия выжигание леса является «необходимым условием получения урожая. Огонь здесь играет роль важнейшего средства обработки земли, а не только средства расчистки участка из-под растительности. Далее, подсечное земледелие, как правило, связано с особым видом хозяйствования, где большое значение имеют охота, рыбная ловля и лесные промыслы»[20]. Фатьяновская культура соответствует всем этим признакам. Хорошими орудиями для подсека служили великолепные плоские кремневые топоры — основное орудие труда, находимое в погребениях, без которого вообще нельзя себе представить жизнь в лесных районах. Найдены и орудия обработки земли — каменные и костяные наконечники мотыг, а также и зернотерки. Не раз встречены и кости лесных зверей: медведя, рыси, лося, бобра, северного оленя и др. Однако ландшафт занятых фатьяновцами районов, как уже отмечалось, нельзя считать всецело лесным. Участки леса чередовались с безлесными участками, создававшими особенно благоприятные условия для занятия скотоводством; присутствие в могильниках костей всех видов домашних животных и резкое количественное преобладание их над остатками диких убедительно говорит о существенной экономической роли животноводства.

Если процесс первоначального проникновения фатьяновских племен в Волго-Окский край, несомненно, сопровождался военными столкновениями с местными племенами[21], то в дальнейшем они — рыболовы и охотники, с одной стороны, и земледельцы и скотоводы — с другой,— надо полагать, образовали своего рода хозяйственный симбиоз, сопровождавшийся оживленным межплеменным обменом.

Большой интерес представляет вопрос о металлургии у фатьяновцев. В настоящее время известно уже довольно много медных предметов вооружения, орудий труда и украшений из фатьяновских могильников. Эти предметы, в том числе даже вислообушные топоры, имеют специфические формы и орнамент, что говорит против их импортного происхождения, хотя их большая близость западным, нежели уральским, образцам не подлежит сомнению. По данным спектральных анализов, произведенных Е. Н. Черных[22], все предметы из фатьяновских могильников сделаны из чистой меди и не отличаются от балановских, несколько отличаются от турбинских и значительно — от кавказских.

Фатьяновский металл образует обособленную, самостоятельную группу. Но источники сырья, питавшие фатьяновскую металлургию, остаются пока невыясненными. По давнему мнению Д. А. Крайнова, сходство орнаментальных мотивов мытищинского браслета и фатьяновской керамики говорит о местном, фатьяновском, производстве металлических изделий[23]. Однако в Верхнем Поволжье не известны месторождения меди. В то же время медь фатьяновских изделий не отличается от балановской, а последняя имеет большую близость к турбинской и абашевской меди[24]. Поэтому источник медного сырья для фатьяновцев был, надо думать, тот же, что и для балановцев, и, скорее всего, находился в Среднем Поволжье, где-то в области распространения пермских медистых песчаников. Литье же было местным. В 1964 г. в Волосово-Даниловском могильнике найдено убедительное подтверждение высказанному положению в виде погребения металлурга с двумя литейными формами для отливки вислообушных топоров и с литейным «тиглем»[25].

Таким образом, «есть все основания полагать, что племена фатьяновской культуры в конце III — начале II тысячелетия до н. э. на базе местных медистых песчаников Среднего Поволжья независимо от Кавказа создают собственную металлургию меди. Фатьяновские племена, — заключает Е. Н. Черных свой анализ фатьяновского металла, — не вступают в заметный контакт в области металлургического производства с более южными культурами типа ямной и катакомбной и сохраняют своеобразие своего металлического инвентаря на протя-

[20] *П. Н. Третьяков.* Подсечное земледелие в Восточной Европе.— ИГАИМК, XIV, вып. 1, 1932, стр. 4.

[21] Девять погребений в коллективной могиле на волосовском поселении Николо-Перевоз, на которые в этом случае любят ссылаться некоторые авторы, не имеют к этому процессу никакого отношения, так как погребения эти не фатьяновские, а балановские и гораздо более поздние.

[22] *Е. Н. Черных.* Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов.— Приложение к книге О. Н. Бадера «Балановский могильник». М., 1963.

[23] *Д. А. Крайнов.* Вауловский могильник.— «Труды ГИМ», вып. XII, 1941, стр. 128.

[24] *Е. Н. Черных.* Указ. соч., стр. 368.

[25] *Д. А. Крайнов.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции за 1964 год. Тезисы доклада в секторе неолита и бронзы ИА АН СССР 20.III 1965 г.

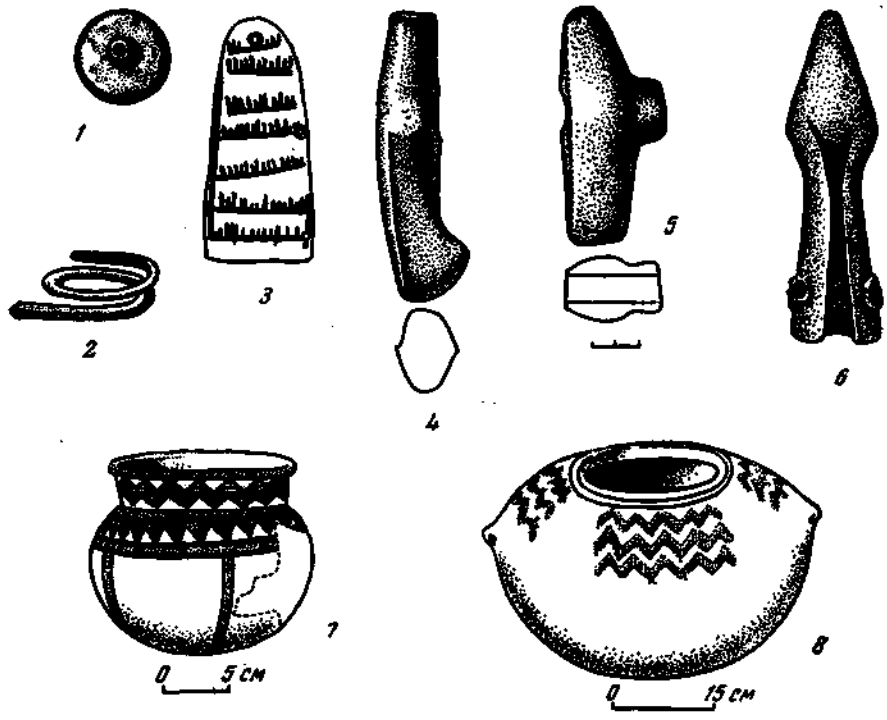


Рис. 7. Некоторые предметы, характеризующие балановскую культуру

1—3, 6—8 — Балановский могильник;
4 — Тояба;
5 — Кабы-Копры;
1 — глиняное колесико от игрушечной повозки;
2 — бронзовое кольцо-подвеска;
3 — костяная пластинка;
4, 5 — каменные шлифованные сверленые топоры;
6 — бронзовый наконечник копья;
7, 8 — глиняные сосуды

жении многих сотен лет»[26]. С этим мнением можно согласиться.

Это было еще то время, когда уральский металл не получил широкого распространения, имеющего столь яркую иллюстрацию в инвентаре Сейминского могильника на Оке. Кроме того, характер фатьяновского металла подчеркивает южные и юго-западные связи фатьяновского населения; в частности, манжетовидная форма браслетов типа мытищинского (см. рис. 7), скорее всего, воспринята из Средней Европы того времени, где она была широко распространена в унетицкой культуре[27].

Сейчас еще нельзя написать историю фатьяновских племен, их происхождения, развития и исчезновения. Не разработана даже периодизация фатьяновской культуры Верхнего Поволжья. В последних работах Д. А. Крайнов выделяет семь групп, или локальных вариантов. В некоторых, как например, в московско-клязьминской группе, отмечается три хронологические подгруппы памятников; в других, как, например, в верхневолжской группе,— две такие подгруппы. Эта дробность преимущественно локально-географических групп памятников и подразделений внутри них затушевывает развитие фатьяновской культуры в целом. В этих работах при систематизации материала дается приоритет скорее географическому, а не культурному признаку, что для историко-археологического исследования нельзя считать правильным.

Радиокарбоновые датировки для определения абсолютного возраста фатьяновских памятников пока отсутствуют. Тем больший интерес имеет недавно опубликованная дата угля из очагов землянок VII и VIII поселения культуры шнуровой керамики в урочище Кут у с. Зозов Ровенской обл. (раскопки И. К. Свешникова): 2140±80 (ГИН, № 152), т. е. XXII в. до н. э. или четвертая четверть III тысячелетия до н. э.[28] Эта дата говорит в пользу более ранней из принятых датировок фатьяновской культуры.

На карте долины Средней Оки и ближайших к ней районов нет ни одного достоверного фатьяновского могильника, а лишь местонахождения преимущественно сверленых боевых топоров[29]. В территорию, занятую многочис-

[26] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 77.
[27] *О. Н. Бадер.* Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи.— «Sbornik Národnicho Muzea v Praze». Rada A — Historié, Svazek XX (1966), čislo 1/2 (60— Jiří Neustuphý).
[28] Списки радиоуглеродных датировок, полученных в лабораториях СССР за период с 1 января 1962 г. по 1 января 1966 г.— Сб. «Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология». М., 1966, стр. 280.
[29] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. 1.

ленными могильниками фатьяновского типа, входит лишь северная часть окского бассейна, а именно верховья Москвы-реки и Клязьмы. Отсутствие могильников на Средней Оке вообще ставит под вопрос принадлежность этого района к территории фатьяновских племен. Не исключено, что в первой половине II тысячелетия до н. э. эта территория, вследствие более степного характера ее ландшафта, чем Верхнее Поволжье, была менее благоприятна для применения хозяйственных навыков фатьяновских земледельцев, что здесь в то время продолжал сохраняться более сильный массив местных энеолитических племен и что пребывание здесь носителей культур с каменными боевыми топорами имело эпизодический характер. Некоторые авторы предполагают, что Ока служила дорогой расселения этих групп, в частности балановских племен, на восток[30]. Вряд ли последняя точка зрения может быть принята, но принадлежность Оки с самого начала не к фатьяновской, а к балановской территории вполне вероятна. В частности, типы сверленых топоров Балановского могильника и Приказанья, как, например, обушковый втульчатый, имеют аналогии главным образом среди окских находок.

Фатьяновские племена принесли в Волго-Окский край навыки развитого земледельческо-скотоводческого хозяйства и древней металлургии, так же как, вероятно, и более развитые формы общественных отношений с более или менее закрепившимися элементами патриархата. Но масса аборигенов, которых фатьяновцы застали здесь, была, несомненно, гораздо более значительной, и не только на фатьяновских окраинах, каким является Костромское Поволжье[31], но и в других районах. Фатьяновское население было в конечном счете полностью ассимилировано, потеряло свою культуру и язык и не оставило, как полагает и П. Н. Третьяков[32], заметных следов в материальной культуре более позднего населения Волго-Окского края.

Нельзя согласиться с мнением А. Я. Брюсова о преобладании враждебных отношений местных рыболовных племен к пришлым фатьяновцам, о чем, по его мнению, якобы «красноречиво свидетельствует отсутствие признаков какой-либо культурной связи между теми и другими на протяжении более 500 лет»[33]. Остроту противоречий между ними сглаживали различные системы хозяйства и несовпадение микрорайонов обитания. Кроме того, на многих синхронных фатьяновцам волосовских поселениях, как было показано выше (стр. 44, 45, наблюдения М. Е. Фосс и Д. А. Крайнова), были найдены фатьяновские вещи, а на многих фатьяновских могильниках (типа Тургиновского и Ошурковского) обнаружены кремневые орудия волосовского типа[34]. Эти факты свидетельствуют о процессе ассимиляции фатьяновцев более многочисленными волосовцами. «Победителями фатьяновцев были не волго-окские племена, утратившие свои позиции в Волго-Окском междуречье на рубеже III и II тысячелетий до н. э., а волосовские финно-угорские племена»[35],— справедливо заключает П. Н. Третьяков.

Данные топонимики интересующей нас территории также свидетельствуют, что индоевропейцы-фатьяновцы не оставили на ней существенных следов. Впрочем, не так давно Б. А. Серебренников указал на древнебалтийские заимствования в языках восточных финно-угров. Эти элементы он считает очень близкими современным балтийским языкам, а распространение их на территорию финно-угров в Волго-Клязьминском междуречье датирует началом II тысячелетия до н. э., что совпадает с *расселением фатьяновцев*[36]. В свете всего сказанного выше мнение Б. А. Серебренникова представляется вполне правдоподобным; и нельзя согласиться с Г. С. Кнабе, который, возражая Б. А. Серебренникову, пишет, что «фатьяновцы московской и ярославской групп не вступали ни в какие отношения с аборигенами и соответственно не могли оказывать никакого влияния на их язык»[37]. Наоборот, приведенные в этой главе факты позволяют утверждать очень близкое соприкосновение фатьяновцев с аборигенами вплоть до полного растворения в их среде.

[30] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.

[31] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье.

[32] *П. Н. Третьяков.* У истоков этнической истории финно-угорских племен.— СЭ, 1961, № 2.

[33] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР..., стр. 94; *Он же.* Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тысячелетия до н. э., стр. 33.

[34] *О. Н. Бадер.* Фатьяновские могильники бассейна р. Шоши.

[35] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 88.

[36] *Б. А. Серебренников.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским.

[37] *Г. С. Кнабе.* Словарные заимствования и этногенез (К вопросу о «балтийских заимствованиях» в восточных финно-угорских языках).— «Вопросы языкознания». М., 1962. № 1.

До сих пор остается не решенной проблема фатьяновских поселений. Как объяснить, что нам известно уже до 200 грунтовых фатьяновских могильников, обнаруживаемых гораздо труднее и реже, чем культурные слои, и ни одного поселения с керамикой фатьяновского типа, исключая отдельные обломки. В то же время рядом, на балановской территории, систематические поиски (главным образом П. Д. Степанова) за короткий срок привели к открытию более трех десятков балановских поселений. Настало время заключить, что, вероятно, лишь древнейшие фатьяновские поселения содержат керамику, аналогичную керамике могильников, что нам давно известны поселения, на которых жили фатьяновцы, но бытовая керамика на них была иной, чем в могильниках, а керамика могильников, будучи ритуальной, традиционно сохраняла свои старые черты. И давно пора выделить комплекс фатьяновских кремневых орудий, подойти с этой меркой к оценке тех поселений Верхнего Поволжья, которые могут по времени примерно соответствовать фатьяновском могильникам. Это тот путь, идя по которому, следует начать трудную, но не безнадежную работу по сопоставлению фатьяновских могильников с уже известными поселениями.

Балановская культура

Основная часть территории распространения балановской культуры лежала на восток от Оки, в Среднем Поволжье, ближе к устью Камы, в Правобережье Волги. Ока относилась к числу ее периферийных районов на западе.

Большинство археологов до сих пор считают балановскую культуру восточным вариантом фатьяновской, а некоторые даже ее позднейшим вариантом, возникшим в результате движения фатьяновцев с Верхней Волги на восток [1]. Но мы еще в 1950 г. сочли необходимым выделить памятники балановского типа в особую культуру, хотя и очень близкую фатьяновской [2]. На этой же точке зрения стоит А. Х. Халиков, исследовавший недавно многие новые балановские памятники [3], П. Н. Третьяков [4], а также антропологи, занимавшиеся изучением палеоантропологических материалов из Балановского и фатьяновских могильников.

Принадлежа, как и фатьяновская, к числу «культур с каменными боевыми топорами», балановская культура отличается от фатьяновской обилием коллективных погребений в могильниках, присутствием курганных захоронений, устойчивым положением мужских скелетов на правом, а женских на левом боку, преобладанием южной ориентировки мужских погребений. Среди сосудов имеются шаровидные амфоры с проткнутыми ручками, сосуды хорошего черного лощения; в орнаментации сосудов характерен многозонный штампованный и нарезной орнамент в виде крупного двойного зигзага, заполненного вертикальными отпечатками в виде простых и оконтуренных ромбов и треугольников; имеются богато орнаментированные днища, что совершенно чуждо фатьяновской керамике; зато на балановском и атликасинском этапах совершенно нет шнурового орнамента, имеющегося на фатьяновской керамике, в особенности в могильниках московской группы. Балановскую территорию отличают прямослинные боевые топоры со втулкой, что было установлено еще А. Эуропеусом [5], а также топоры с выпуклым «лбом» и архаичные формы с пестиком на обушке. Балановские могильники отличаются обилием медных изделий, частью очень своеобразных типов, и, с другой стороны, отсутствием таких характерных для фатьянова форм, как манжетовидные браслеты. Для балановских могильников характерны также орнаментированные костяные пластинки, носившиеся на руках, гребни из кости и дерева, глиняные втульчатые колесики от игру-

[1] *О. А. Кривцова-Гракова.* Хронология памятников фатьяновской культуры.— КСИИМК, XVI, 1947; *Д. А. Крайнов.* Итоги работы Верхневолжской экспедиции и некоторые спорные вопросы древнейшей истории Верхнего Поволжья.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964.

[2] *О. Н. Бадер.* К вопросу о балановской культуре.— СЭ, 1950, № 1; *Он же.* Балановская культура.— СА, 1961, № 4.

[3] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», т. 1. Йошкар-Ола, 1960.

[4] *П. Н. Третьяков.* Рецензия на книгу Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья».— СА, 1962, № 4.

[5] *A. Äyräpää.* Über die Streitaxtkulturen in Russland.— ESA, VIII. Helsinki, 1933.

шечных колесниц и другие вещи (рис. 7) [6]. Отмечаются более тесные связи с Кавказом. Наконец, балановцы принадлежали к восточносредиземноморскому антропологическому типу [7] и этим также отличались от фатьяновцев [8]. Последнее обстоятельство особенно важно и еще в большей мере, чем различия в материальной культуре, говорит о различных исторических судьбах балановцев и фатьяновцев.

Восточносредиземноморский антропологический тип балановцев, учитывая также заметные южные элементы в материальной культуре, делает вероятной связь балановцев с ареалом распространения того же, восточносредиземноморского типа на Южной Украине в эпоху мезолита и неолита (Волошский, Васильевский и Вовнигский могильники).

Главный противник выделения особой, балановской культуры Д. А. Крайнов, прослеживая распространение своеобразных балановских вещей (топоры, металл, керамика), считает возможным говорить об особом пути переселения балановских племен на Среднюю Волгу, совсем ином, чем путь продвижения фатьяновцев; этот вывод в сочетании с антропологическими данными может служить дополнительным аргументом в пользу самостоятельности балановской культуры.

Появление балановских племен в Среднем Поволжье трудно датировать точно; но о том, что они были уже здесь в начале II тысячелетия до н. э., можно говорить с уверенностью [9]. Таким образом, не может быть и речи о том, что памятники балановского типа представляют собой поздний этап фатьяновской культуры.

Данные, полученные при изучении Балановского могильника, указывают на несколько более северное положение ландшафтных зон, имевшее место в ту эпоху в Среднем Поволжье [10].

Кроме могильников известно уже несколько десятков балановских поселений, главная заслуга открытия и изучения которых принадлежит П. Д. Степанову.

Несмотря на сравнительно очень недавнее открытие памятников балановской культуры, их изучение продвинулось дальше, чем изучение памятников фатьяновской культуры. Разработана подробная периодизация памятников балановской культуры, без которой невозможно изучать историю любой археологической культуры.

История балановской культуры подразделена на четыре (А. Х. Халиков) или даже пять (О. Н. Бадер) этапов, тесно связанных друг с другом и укладывающихся в промежуток времени от начала II и до первых веков I тысячелетия до н. э. [11] За это время балановская культура претерпела большие изменения, под давлением южных соседей сократила свои пределы на юге и западе и расширила их на севере и востоке (на атликасинском и ошпандинском этапах, в XV—XII вв. до н. э.), а в конце II тысячелетия, будучи уже в значительной мере ассимилирована, еще сохраняла за собой некоторые районы в Среднем, а возможно, и в Верхнем Поволжье, пока не исчезла совсем ко времени становления городищ городецкого и дьяковского типов.

На раннем этапе памятники балановского типа (например, могильники козловского типа и случайные находки сверленых лопастных топоров и клиновидных топоров прямоугольного сечения) занимают наиболее восточные районы средневолжского правобережья, по которым протекает р. Свияга [12]. Эти памятники обнаруживают наибольшее сходство с памятниками ранней, московской группы фатьяновской культуры, но имеют и специфические отличия от них, свойственные балановской культуре вообще (зигзаговый и разнонаклонный зональный орнамент на сосудах, сверленые топоры со втулкой и лопастные с выгнутым «лбом», медные трубочки-пронизки). Эти памятники, оставленные первыми племенами балановской культуры и имеющие значительное сходство с культурой московских фатьяновских могильников, по мнению А. Х. Халикова, заставляют «полагать родственное происхождение балановских и фатьяновских племен, которые, оказавшись на разных территориях, начали развивать самостоятельные черты» [13]. С этим положением можно согласиться в том смысле, что предки балановцев

[6] *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.

[7] *М. С. Акимова.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника.— Приложение к книге О. Н. Бадера. «Балановский могильник».

[8] *Т. А. Трофимова.* К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры.— СЭ, 1949, № 3; *М. М. Герасимов.* Восстановление лица по черепу.— «Тр. ИЭ АН СССР», новая серия, т. XXVIII, 1955.

[9] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; *О. Н. Бадер.* Балановский могильник; *А. Х. Халиков.* Балановские памятники в Татарии.— КСИА, 97, 1964.

[10] *О. Н. Бадер.* Балановский могильник, Глава 10 (Образ жизни, хозяйство, ландшафт).

[11] *А. Х. Халиков* и *Е. А. Халикова.* Васпльсурское поселение эпохи бронзы.— МИА, 110, 1963; *О. Н. Бадер.* Балановский могильник.

[12] *А. Х. Халиков.* Балановские памятники в Татарии.

[13] Там же, стр. 58.

и фатьяновцев до их движения на Волгу были исторически тесно связаны. Но против полного единства их происхождения говорят их различные антропологические черты, изобличающие различные корни этих племенных групп до их вхождения в общность племен со сверленными боевыми топорами, где они сблизились в хозяйственном и культурном отношении, продолжая обитать на, видимо, смежных территориях, с которых и произошла их миграция в одном случае на Верхнюю, в другом — на Среднюю Волгу.

По наблюдениям А. Х. Халикова, ни на Мокше, ни на большей части течения Суры, ни на рязанском побережье Оки нет памятников волосовской культуры, датируемых позже начала II тысячелетия до н. э.; в то же время здесь многочисленны каменные сверленые топоры раннебалановских типов. Этот факт иллюстрирует раннее заселение балановскими племенами этих районов или, может быть, их проход через Оку.

Памятники интересующей нас культуры имеются лишь на Верхней Оке, где они смыкаются с могильниками московской группы на севере и с могильниками деснинско-днепровской группы на юге. На Средней и Нижней Оке не найдено ни одного могильника, а имеются лишь отдельные находки, главным образом боевых топоров. В то же время в этих районах — у широких окских пойм, между Москвой-рекой и Волгой, в Мещерской и Балахнинской низинах — известно множество поселений местных охотничье-рыболовческих племен волосовской, второго этапа рязанской и второго этапа балахнинской культур, относящихся как раз к этому времени — к первой половине II тысячелетия до н. э. Эти районы были менее удобны для огневого земледелия балановцев и фатьяновцев; не случайно и отдельные находки боевых топоров локализуются главным образом на окском правобережье и вообще на высоких берегах Оки и в смежных районах [14].

Тем не менее относительное обилие находок топоров на Оке и отдельные находки связанной с ними керамики устанавливают присутствие здесь и поселений их хозяев, хотя бы и относительно редких, а преобладающий характер сверленых топоров (преимущественно втульчатого и длиннолопастного типов) указывает на принадлежность Оки того времени скорее к балановскому, нежели к фатьяновскому ареалу. П. Н. Третьяков даже Буньковский могильник в верховьях Клязьмы относит к балановской культуре [15]. Здесь безусловно балановской является не только часть керамики, но и сверленый топор со втулкой [16]; подобные топоры имеют восточный, преимущественно средневолжский, т. е. балановский, ареал распространения, как показал еще А. Эуропеус [17]. Типы боевых топоров Ковровского могильника на Клязьме (ниже Владимира) также вполне укладываются в балановский культурный комплекс, хотя реставрированный сосуд из него имеет шнуровой орнамент [18].

Далее на восток, на Нижней Оке, на ее левом берегу, за Клязьмой, давно известный Чуркинский могильник также принадлежит к балановской культуре, обнаруживает наибольшую близость к Таутовскому могильнику в Чувашии и датируется XVI—XV вв. [19]

Между прочим, Чуркинский могильник, расположенный на высоком коренном берегу, в лесах, у края Балахнинской низины, на пространстве которой раннебалановские памятники отсутствуют, является одним из ярких примеров сосуществования земледельческо-скотоводческого и охотничье-рыболовческого населения в одной и той же стране, но в районах с различным ландшафтом, представлявшим удобства для разных форм первобытного хозяйства.

Таким образом, вопреки традиционному мнению о принадлежности Средней и Нижней Оки с Клязьмой к территории фатьяновской культуры, можно законно поставить вопрос о принадлежности их к северной части балановского ареала. К фатьяновской же культуре, без сомнения, относятся могильники московской, калининской и ярославской групп, наиболее тесно связанных с территориями, лежащими на запад [20] и юго-запад [21]. В свете такого решения делается понятным спорадическое появление отдельных балановских элементов в некоторых

[14] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа.— «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. В 1—19. М., карта на табл. 1.

[15] *П. Н. Третьяков.* Рецензия на книгу Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья».

[16] *A. J. Brjusov.* Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultaten der Archäologie (Die Entstehung der Fatjanovokultur) — Acta Archaeologica, XXV. København, 1954.

[17] *A. Äyräpää.* Uber die Streitaxtkulturen in Russland.

[18] *А. Ф. Дубынин.* Ковровский фатьяновский могильник.— КСИИМК, 53, 1954, рис. 25.

[19] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 133.

[20] *О. Н. Бадер.* Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой.— «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 5. Л., 1962.

[21] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа.

фатьяновских могильниках, что вообще типично для зоны контакта между различными синхронными культурами, а между родственными, как фатьяновская и балановская,— тем более.

Однако зона контакта между фатьяновскими и балановскими племенами не оставалась стабильной на всем протяжении их существования. Балановцы, занимавшие более южное положение, испытали на себе более сильные удары со стороны населения лесостепья, пришедшего в движение в середине II тысячелетия до н. э., и эти удары отразились и на их границах с фатьяновцами и другими соседними племенами на севере и востоке.

Около середины II тысячелетия до н. э. в Среднем Поволжье появляются абашевские племена [22] и занимают часть балановской территории. Не случайно именно в это время, в конце собственно балановского этапа, в смежных районах поселения балановцев переносятся на труднодоступные мысы, а в XV—XIV вв. на атликасинском этапе даже укрепляются земляными валами [23].

Именно к этому времени относятся древнейшие памятники балановской культуры в волжском левобережье (например, поселение Галанкина гора) и в Волго-Вятском междуречье (например, Павлушатский могильник на р. Немде, буйские поселения на р. Вятке), где они продолжают существовать и на следующем, атликасинском этапе. К этому же времени относятся и некоторые памятники Северного Поочья и бассейна Клязьмы, как, например, Чуркинский могильник. Усиление балановских элементов в бассейне Оки на этом историческом этапе вряд ли подлежит сомнению. Одной из иллюстраций может служить сосуд из Бужаровского карьера в Московской обл. и многие другие находки [24]. Возможно, что к числу памятников атликасинского типа относится и давно известное местонахождение боевого топора в кургане у Петряихи во Владимирской обл.

Вскоре вслед за движением абашевских племен Среднее Поволжье и Поочье подверглись новой агрессии со стороны племен срубной культуры, которые расселились, в частности, в бассейнах Мокши и Дона и проникли оттуда на Оку, где древнейшие памятники поздняковского типа в районе Мурома относятся к XV—XIV вв. Столкновение с поздняковскими племенами, проникшими очень далеко в глубь Волго-Окского междуречья, было наиболее тяжелым для балановского, а затем и для фатьяновского населения, потому что поздняковцы также жили главным образом скотоводством и земледелием, и, следовательно, сосуществование с ними в одной и той же стране было невозможно.

Трудность борьбы с продвигающимися на север поздняковскими племенами может объяснить массовый отход балановского населения на север, что иллюстрируется появлением остатков его материальной культуры во многих пунктах Верхнего Поволжья уже не в виде отдельных элементов, а в виде целых комплексов. Эти остатки (прежде всего керамика) носят черты позднего, ошпандинского этапа балановской культуры, относящегося к XIV—XII вв. до н. э. Для наиболее массового материала — керамики — характерно исчезновение лощения и орнамента по венчику сосудов, более грубый и редкий орнамент, преимущественно нарезной и двухзонный, с узором из традиционных заштрихованных треугольников, ромбов, зигзагов, а также появление новых элементов: вертикальных полос с поперечной заштриховкой, вертикальных «елочек», решеток.

Именно такая керамика найдена на Дикарихе у Плещеева озера [25], у Николо-Перевоза на р. Дубне [26], на Скомороховском могильнике в Ивановской области и в других пунктах Верхнего Поволжья.

Погребение, по-видимому убитых, девяти балановцев в коллективной могиле на поселении волосовцев у Николо-Перевоза служит иллюстрацией трагической судьбы балановского населения, принужденного бежать со своих исконных племенных территорий и искать спасения в других местах, среди чуждого населения и нередко находить там свою могилу.

Но балановцы-ошпандинцы не были целиком истреблены во время своего вынужденного движения и успели расселиться далеко на северо-запад, продолжая развивать там и дальше традиционные черты своей материальной культуры. Яркой иллюстрацией справедливости этих слов служит находка обломков двух-трех глиняных сосудов в пределах г. Калинина, у моста через Волгу. Они являются безусловно балановскими и принадлежат к позднему, ошпандинскому или даже к хуласючскому типу [27], хорошо представленному далеко на востоке, на исконной балановской тер-

[22] *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков*. Абашевская культура в Поволжье.— МИА, 97, 1961.

[23] *А. Х. Халиков* и *Е. А. Халикова*. Васильсурское поселение эпохи бронзы.

[24] *О. Н. Бадер*. Балановский могильник, стр. 240, 241; рис. 161.

[25] *А. Л. Никитин*. Дикариха.— МИА, 110, 1963.

[26] *В. М. Раушенбах*. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз.— «Труды ГИМ», вып. 37, 1960.

[27] *О. Н. Бадер*. Балановский могильник, стр. 241—243, рис. 162.

ритории, в бассейне Суры, и относящемуся к XI—IX вв. до н. э. Ни один конкретный фатьяновский памятник пока не датирован этим временем, и вопрос о соотношении фатьяновских и балановских элементов в Верхнем Поволжье на заключительном этапе их истории остается неясным.

Все же создается впечатление, что показанное выше массовое внедрение балановцев в родственную им фатьяновскую среду, происшедшее в третьей четверти II тысячелетия до н. э., повело к нивелированию существовавших между ними различий, к слиянию этих культур и их носителей. Первоначальные судьбы этих племен и их история в период расселения и расцвета их самобытной культуры были различны, а на этапе их окончательной ассимиляции и исчезновения еще два-три столетия сохранялся балановский островок в Посурье. В Верхнем Поволжье балановцы и фатьяновцы слились, окончательно растворились вместе с поздняковскими группами в местной, древнефинской среде и вместе с ней образовали тот, видимо уже единый, этнокультурный конгломерат, который в начале I тысячелетия до н. э. послужил основой для формирования дьяковской культуры раннего железного века.

В заключение необходимо остановиться на новой концепции происхождения фатьяновской и периодизации балановской культуры, предложенной П. М. Кожиным в нескольких статьях и кандидатской диссертации [28], поскольку она идет вразрез всему сказанному выше.

М. П. Кожин сделал попытку типологической и хронологической дифференциации обширного материала Балановского могильника. Он подверг анализу материал могил, хотя бы в небольшой мере перерезающих или затрагивающих друг друга, подразделил остальные могилы на две группы — одиночные и коллективные — и проверил корреляцию этих групп с материальной культурой и деталями ритуала; эта проверка оправдала дифференциацию первоначально выделенных групп. Затем он подверг детальному анализу керамику могильника и построил свою схему развития балановской культуры. Он выделил особую протофатьяновскую группу, которая, по его мнению, легла в основу позднейшей фатьяновской культуры на Верхней Волге. Одновременно он выделил особую атликасинскую культуру и как результат скрещения ее с протофатьяновской — балановскую культуру, широко распространившуюся в область Верхнего Поволжья, а также особую же постпротофатьяновскую культуру, или группу, продолжавшую существовать в Среднем Поволжье и иллюстрирующую «местное развитие протофатьяновского комплекса».

Столь сложная картина развития представляется слабо аргументированной и крайне искусственной. Эти культурные группы более или менее совпадают с веделенными мною группами: балановской, атликасинской, ошпандинской и хуласючской, которые я рассматриваю, однако, в прямой последовательной связи как этапы развития единой балановской культуры. Особенно неубедительно выделение атликасинской культуры, представленной почти только одним маленьким курганным могильником в Атли-Касах и группами керамики в некоторых других памятниках.

Далее, основываясь на развитии конструкций для подвешивания сосудов — рельефных поясков и ручек со сквозными отверстиями — и постепенном переходе их в орнаментальные мотивы, П. М. Кожин делает вывод о проникновении фатьяновской культуры в Верхнее Поволжье с востока, из Среднего Поволжья. Эта точка зрения диаметрально противоположна мнению О. А. Кривцовой-Граковой, Д. А. Крайнова и всех прочих авторов, приходящих к выводу о появлении фатьяновцев в Верхнем Поволжье с запада или юго-запада, где лежит центральная часть территории, занятой родственными культурами с шаровидной керамикой и боевыми топорами. Последнее мнение обосновано анализом обширного круга источников, включая и палеоантропологические, а не только одного признака, как это делает П. М. Кожин. Что же касается процесса изменения ручек сосудов, то он должен быть проверен на более обширном материале других родственных культур. Существует мнение, что амфоры с ручками для подвешивания не являются древнейшими (И. К. Свешников, Д. А. Крайнов). Есть факты, противоречащие датировкам П. М. Кожина, и на нашей территории. Так, например, на дне одного из жилищ поселения Галанкина гора на Средней Волге, А. Х. Халиковым была найдена крупная шаровидная амфора с очень длинными сквозными ручками, которая лежала не с протофатьяновской, а с среднеатликасинской керамикой и крупными горшками камского ольховского типа не старше XV—XIV вв. до н. э.

[28] *П. М. Кожин.* Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников.— СА, 1963, № 3, стр. 37.— *Он же.* О технике выделки фатьяновской керамики.— КСИА, 101, 1964; *Он же.* О западной границе фатьяновской культуры.— Сб. «Новое в советской археологии (памяти С. В. Киселева)». М., 1965; *Он же.* Происхождение фатьяновской культуры. Автореф. канд. дисс. М., 1967.

Поселения большекозинского типа и Сейминский могильник

Было бы ошибкой думать, что основным содержанием этнических взаимоотношений в Волго-Окском крае в третьей четверти II тысячелетия до н. э. были отношения между фатьяновскими и балановскими племенами. Обе эти группы представляли собой пришлые наслоения на основной местный этнический массив, развитие которого шло своим путем, испытывая лишь некоторое влияние со стороны пришельцев. Этот массив был неоднородным по своему составу, включая древние местные эпинеолитические и волосовские группы при преобладании последних, поселения которых в ряде зарегистрированных случаев занимали места более древних неолитических стоянок. Волосовские древнефинские племена победили и в языковом отношении; их язык в основе сохранился у населения этих мест до времен первых русских летописей; археология не дает нам никаких указаний о каких-либо волнах переселенцев с востока в послеволосовское время.

Во второй половине II тысячелетия до н. э., когда в бассейне Оки появились сильные поздняковские и абашевские племена, население Окского Поволжья разделилось на несколько более или менее обособленных областей. Одной из них была самая восточная часть Поочья и, видимо, смежные части волжского левобережья; центром этой территории была Балахнинская низина. От более западных территорий окского бассейна ее уже в XV в. до н. э. отрезали поздняковцы, занявшие долину Оки от устья Клязьмы до Мурома и Рязани и постепенно распространившиеся далеко к северу от этой полосы. Но в Балахнинскую низину они не проникли или почти не проникли, и местное население там продолжало развиваться автохтонно, сохраняя как древние местные традиции, так и восточные связи с Волго-Камьем.

Неолитические поселения Балахнинской низины отличаются известным своеобразием, что послужило основанием для выделения их в особую локальную культуру, входившую в обширную историко-культурную область неолита с ямочно-зубчатой керамикой и несколько более позднюю, чем поселения льяловского типа. На первом и отчасти на втором этапе истории племен балахнинской культуры, т. е. в III тысячелетии до н. э., они занимали все Нижнее Поочье, включая и Муромский район [1].

Поселения Балахнинской низины дают неоднородный материал: на них выделяется комплекс сосудов из глины с растительными примесями, открытой полуяйцевидной и частью бомбовидной формы, со следами обработки поверхности зубчаткой, с разреженным, преимущественно зубчатым орнаментом, в котором отсутствует глубокая коническая ямка (рис. 8). В свете новых данных по археологии Прикамья мне пришлось пересмотреть вопрос о возрасте этого культурного комплекса (обозначенного мною как комплекс Б), датировать его более поздним временем и указать на отсутствие прямых генетических связей между ним и неолитом с ямочно-гребенчатой керамикой [2]. Эта точка зрения была принята и некоторыми другими авторами, а в последнее время В. П. Третьяковым [3].

По моему мнению, некоторые поселения Балахнинской низины, как, например, большекозинские, содержащие как ранний, так и поздний типы керамики [4], заселялись дважды; при последнем заселении культурные остатки втаптывались в рыхлый песчаный более ранний культурный слой и смешивались с ним. Сравнительно непрочная керамика позднего комплекса Б тем не менее дошла до нас частью в виде крупных фрагментов сосудов, давших возможность реставрировать несколько целых сосудов, тогда как вся керамика более раннего комплекса А, гораздо более прочная, оказалась измельченной. Это обстоятельство послужило одним из оснований для хронологической дифференциации двух керамических комплексов поселений Балахнинской низины. Окончательно этот вопрос был решен открытием нескольких поселений с чистым, несмешанным позднебалахнинским керамическим комплексом Б: таковы поселения Решетихинское, Сейминское I, Володарское II и отчасти Гавриловское III [5], где имеется, впрочем, небольшая примесь и более ранней керамики. К сожалению, каменный инвентарь этих поселений выявлен пока плохо.

[1] *О. Н. Бадер* и *М. В. Воеводский*. Стоянки Балахнинской низины.— ИГАИМК, 109, 1935; *И. К. Цветкова*. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки.— МИА, 110, 1963.

[2] *О. Н. Бадер*. Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции.— КСИИМК, XXVI, 1949; *Он же*. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье.— СА, т. XX, 1954.

[3] *В. П. Третьяков*. Неолитические племена Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 12, 13.

[4] *О. Н. Бадер* и *М. В. Воеводский*. Стоянки Балахнинской низины.

[5] *И. К. Цветкова*. Стоянки балахнинской культуры...

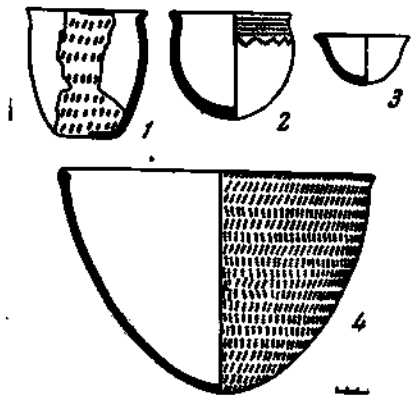


Рис. 8. Керамика поселений большекозинского типа
1 — Выжумское поселение;
2—4 — Большекозинское IV поселение

Мы не будем в дальнейшем называть поселения этого типа позднебалахнинскими, ибо они в своем происхождении не связаны с раннебалахнинскими и не входят в балахнинскую культуру, а будем обозначать их как большекозинские. Они не выходят на запад за пределы Балахнинской низины, но распространяются на восток, в левобережье Волги, что доказывают некоторые местонахождения. Эта культурная группа памятников не выходила за пределы более ранней волосовской территории. В восточной части своей области она, видимо, контактировалась с довольно близкой ей типологически и по времени группой поселений новоильинского типа (в Казанском Поволжье к ней принадлежит, например, средний слой Обсерваторского III поселения и Займища III А с «флажковым» орнаментом на керамике). Поселения новоильинской культуры в XVI — XV вв. до н. э. распространились далеко на северо-восток, включая Среднее Прикамье [6].

Еще ближе нашим памятникам по материалу поселения борского этапа турбинской культуры на Средней Каме. Я далек от мысли относить те и другие к одной культуре, но в культурной близости их совершенно уверен. Их объединяют характер поселений, четырехугольная форма жилищ и главным образом керамика: сосуды из глины с растительными примесями, открытой полуяйцевидной формы, со слабо отогнутым венчиком, с разреженным орнаментом в виде зубчатых и неглубоких продолговато-ямочных вдавлений [7]. Сходство между этими двумя культурными комплексами подтверждает и И. К. Цветкова, а также П. Н. и В. П. Третьяковы и М. Гимбутас [8].

Группы поселений в Балахнинской низине с керамикой большекозинского типа И. К. Цветкова относит к третьему этапу периодизации балахнинской культуры и датирует ее третьей четвертью II тысячелетия до н. э. [9] А. Х. Халиков склонен относить эту группу памятников к несколько более раннему времени: к концу первой половины II тысячелетия до н. э. [10], и эта точка зрения также представляется в известной мере правильной. Главный аргумент И. К. Цветковой в датировке поселений рассматриваемой группы — это сходство их керамики с керамикой верхнего горизонта стоянки Володары, которую она относит к третьей четверти II тысячелетия до н. э. [11] Но, как было показано выше, третий этап в истории волосовских поселений, к которому принадлежит и Володарское, следует относить к XVIII — XVI вв. до н. э. Следовательно, формирование культуры поселений большекозинского типа, которые сменяют средневолосовские на территории Балахнинской низины, происходило, вероятно, уже в XVI в. до н. э., расцвет же их относится к XV—XIV вв. до н. э.; в XIV или даже XIII в. до н. э. они сменяются поселениями чирковско-сейминского типа.

Характеристика образа жизни и хозяйства большекозинских племен затрудняется очень плохой сохранностью культурных слоев на поселениях, расположенных преимущественно на песчаных поверхностях боровых террас. Поселения имеют облик оседлых. В хозяйственном отношении большекозинское население оставалось в основном рыболовческо-охотничьим, но есть основания предполагать знакомство его со скотоводством и мотыжным земледелием, что наблюдается в это время и у турбинских племен.

Обращаясь к вопросу о происхождении культуры поселений большекозинского типа, нужно прежде всего отметить резкое отличие ее от таких синхронных ей культур, как балановская

[1] *О. Н. Бадер.* Третье Ново-Ильинское поселение.— ОКВЭ, т. II, 1961; *Он же.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы.— Там же.

[7] *O. Bahder.* Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland.— SMYA. 59. 1. Helsinki, 1957, Abb. 7

[8] *И. К. Цветкова.* Стоянки балахнинской культуры..., стр. 63; *В. П. Третьяков.* Неолитические племена Волго-Окского междуречья, стр. 13; *M. Gimbutas.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europa. Paris — London, 1965.

[9] *И. К. Цветкова.* Указ. соч.

[10] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», т. 1. Йошкар-Ола, 1960.

[11] *И. К. Цветкова.* Указ. соч., стр. 63.

и поздняковская; при сопоставлении с ними можно говорить лишь о некоторых признаках их влияний, которые можно усматривать в появлении бомбовидной формы сосудов и расположении орнамента в верхней части сосудов (балановские черты), а затем и уплощенных днищ (поздняковские черты).

В то же время кажется убедительной близкая связь рассматриваемой культуры с культурой поселений волосовского типа. Их связывает керамика из глины с растительными примесями, с обработкой поверхности зубчатым орудием и с разреженным, главным образом зубчатым, а также неправильно-ямочным орнаментом. Имеют общее с волосовскими и некоторые кремневые орудия.

Учитывая при этом резкие отличия большекозинского комплекса от комплексов прочих синхронных и более ранних территориально близких культур и, без сомнения, хронологическую смежность волосовских и большекозинских поселений, мы можем прийти к выводу о существовании генетической связи между волосовскими и большекозинскими поселениями. Этот вывод всецело поддерживается и А. Х. Халиковым, который обосновывает его анализом обширного вновь собранного материала.

На указанной территории имеется ряд памятников как бы переходного характера, на которых волосовские и большекозинские черты выступают в настолько слитном виде, что их трудно дифференцировать; примером может служить одна из групп керамики поселения на месте Сейминского могильника [12].

Изложенная концепция находится в противоречии с точкой зрения И. К. Цветковой, которая относит рассматриваемую группу поселений к балахнинской неолитической культуре, к позднейшему ее этапу [13]. Основанием для этого служит присутствие некоторых переходных черт между двумя хронологически крайними комплексами, которые она отмечает в материале промежуточного, второго, этапа балахнинской культуры. Не возражая против переходного характера этих признаков, я рассматриваю их как результат начавшейся ассимиляции балахнинского неолитического населения волосовцами, которые появились на окраине Балахнинской низины уже достаточно рано (Володарское и Гавриловское поселения). И. К. Цветкова вполне объективно отмечает, что керамика из балахнинских поселений третьего этапа ее периодизации, т. е. керамика комплекса Б (по Бадеру и Воеводскому), значительно отличается от керамики ранних этапов балахнинской культуры и что эту керамику нельзя назвать ямочно-зубчатой. Отмечу, что все особенности, которые отличают ее от ямочно-зубчатой, сближают ее с волосовской керамикой, к которой она вообще гораздо ближе, чем к ямочно-зубчатой.

Материальная культура поселений большекозинского типа явилась результатом ассимиляции местного неолитического или, вернее, эпинеолитического населения более многочисленными и экономически более прогрессивными пришлыми волосовскими племенами.

Следы ассимиляции балахнинских неолитических племен (с керамикой комплекса А) волосовцами, начавшими продвигаться в Волго-Окское междуречье в III — начале II тысячелетия до н. э., обнаруживаются очень рано. По наблюдению В. П. Третьякова, на некоторых памятниках, входящих в группу балахнинских поселений с керамикой типа А (Плеханов Бор, Балахна, Выселки), была обнаружена керамика, которая, являясь органической частью комплекса А, отличается от него сочетанием обычных ямочно-гребенчатых и волосовских узоров (рамчатый штамп, «елочка» и т. п.). Тот же автор в соответствии с моей точкой зрения полагает, «что ни способ изготовления, ни орнаментальные мотивы не свидетельствуют о генетической связи между отмеченными выше двумя комплексами (А и Б). Причем, если первый из них представляет собой результат дальнейшего развития льяловской керамики, то второй является чуждым для волго-окского неолита» [14].

По мнению А. Х. Халикова, волосовские племена окончательно ассимилировали остатки поздних балахнинских племен уже в первой четверти II тысячелетия до н. э. С этим заключением трудно согласиться; противоречивые факты содержатся и в построениях А. Х. Халикова.

Дело в том, что, по его мнению, древнейшими волосовскими поселениями в Балахнинской низине являются поселения типа Володарского, которые он относит к первой четверти II тысячелетия до н. э., а более поздние и многочисленные (как Гавриловское и Подборица-Щербининское) датирует второй четвертью того же тысячелетия. Если принять эти датировки, то на Володарском поселении мы были бы вправе ожидать присутствие большекозинских культурных черт, а волосовские стоянки Балахнинской низины типа Гавриловской считать более

[12] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы; *О. Н. Бадер.* Сейминский могильник и поселение (ч. II настоящей книги).

[13] *И. К. Цветкова.* Стоянки балахнинской культуры...

[14] *В. П. Третьяков.* Неолитические племена Волго-Окского междуречья, стр. 12, 13.

поздними, чем большекозинские поселения. Между тем на волосовских поселениях Балахнинской низины не обнаружено ни одного большекозинского сосуда, что признает и А. Х. Халиков, так же как и на большекозинских поселениях нет типичной волосовской керамики. Волосовские элементы имеются, как отмечалось выше, на более ранней позднеэнеолитической балахнинской керамике группы А, относящейся к первой половине II тысячелетия до н. э.

Из приведенных фактов вытекает, что большекозинские поселения в Балахнинской низине не совпадали по времени с волосовскими поселениями. Следы взаимной ассимиляции относятся здесь к первой половине II тысячелетия до н. э., результатом ее явилась культура, представленная на большекозинских поселениях, относящихся к третьей четверти II тысячелетия до н. э., когда волосовская культура исчезала, и лишь некоторые элементы ее сохранились на большекозинских поселениях.

Именно такой датировке соответствует и сходство большекозинской керамики с борской на Каме, которая складывается там с участием новоильинских элементов [15], близких культуре позднебалахнинских поселений, распространявшихся от Балахнинской низины по волжскому левобережью вплоть до Казани [16].

Приведенные А. Х. Халиковым в защиту его датировки соображения о раннем характере некоторых находок на стоянке Плеханов Бор не убеждают, так как этот памятник содержит разновременный материал. Со своей же стороны дополнительно укажу на очень низкое расположение над уровнем водоемов некоторых стоянок рассматриваемого типа, что свидетельствует о совпадении их с периодом засушливости середины II тысячелетия до н. э., а никак не с периодом усиленной увлажненности конца III — начала II тысячелетия до н. э. (по схеме А. В. Шнитникова).

Спор с А. А. Халиковым по поводу датировки поселений большекозинского типа я не считаю решенным за недостатком убедительных аргументов как с одной, так и с другой стороны.

В большекозинской керамике заметны следы и балановских влияний. Они заключаются в появлении небольших сосудов бомбовидной формы, с низкими шейками и орнаментом только на шейке и под ней.

Поселения большекозинского типа сменяются местным вариантом чирковско-сейминской культуры, хорошо представленным в культурном слое на Сейминской дюне.

Не приходится сомневаться в финно-угроязычности большекозинцев, точнее, в принадлежности их к древней волго-финской группе.

Именно в этой связи одним из наиболее ярких явлений в археологии Окского Поволжья является Сейминский могильник, расположенный в Балахнинской низине рядом с поселениями большекозинского типа и относящийся как раз к их времени — XV — XIV вв. до н. э. Этот могильник, столь богатый замечательным бронзовым оружием, поступавшим сюда из области Урала, показывает, что в то время население Балахнинской низины было одним из форпостов древнефинских племен Среднего Поволжья, преграждавших путь поздняковским племенам, продвигавшимся из более западных окских районов на восток.

Сейминский могильник и его материальная культура детально описываются и полностью публикуются в этой книге, поэтому я укажу лишь, что он располагался на Сейминской дюне, сохранившей помимо следов погребений остатки нескольких разновременных поселений.

По времени Сейминский могильник хорошо сопоставляется с Турбинским могильником, который лишь отчасти совпадает с ним и является, несомненно, более ранним [17], с Покровским курганным могильником срубной культуры [18], с ранними памятниками абашевской культуры [19] и другими более отдаленными южными и восточными памятниками [20]. В результате учета аналогий и сопоставлений со всей системой известных памятников II тысячелетия до н. э. необходимо, с моей точки зрения, относить могильник к XV—XIV вв. до н. э. М. Гимбутас в последнее время сочла возможным довести верхний предел даты Сейминского могильника до середины XIII в. до н. э., сохраняя XV в. в качестве его начальной даты [21]. Датировка Сейминского могильника в пределах, предложен-

[15] *О. Н. Бадер.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы.

[16] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.

[17] *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

[18] *Н. Я. Мерперт.* Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, 111, 1962.

[19] *А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова.* Пепкинский курган (Абашевский человек).— «Тр. МАЭ», т. III. Йошкар-Ола, 1966.

[20] *M. Gimbutas.* Barodino, Seima and their Contemporaries. Key sites for the Bronze Age Chronology of Eastern Europa.— Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University. Proceedings the Prehistoric Society for 1956, vol. XXII. Cambridge, 1956.

[21] *M. Gimbutas.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europa., p. 105.

пых М. Гимбутас, представляется мне вероятной. Но с попыткой В. А. Софронова датировать Сейму и Турбино временем с середины XIII и до конца XII в. до н. э.[22] я не могу согласиться.

Сейминский могильник насчитывал около 50 могил, занимавших на дюне значительную площадь. Вопрос о связи могильника с окрестными поселениями рассматривается различными авторами очень по-разному; большая их часть (начиная с В. А. Городцова)[23] оперирует понятием «сейминская керамика», связывая ее только с погребениями. Это мнение ошибочно.

Керамика Сейминской дюны, как это в особенности выяснили раскопки Б. С. Жукова в 1922 и 1929 гг.,— это типичная керамика поселений, мелко раздробленная, а не целая, как обычно бывает в могилах, состоящая преимущественно из обломков крупных бытовых сосудов; она залегала в хорошо выраженном на дюне культурном слое и связана с другими характерными остатками — хозяйственными ямами, очагами и, по-видимому, углубленными в землю жилищами. Бо́льшая часть найденных более или менее целых сосудов может быть с уверенностью связана именно с деталями поселения. При этом не нужно забывать, что ритуал Сейминского могильника, относящегося к числу могильников турбинского типа, как правило, исключал помещение керамики в могилы.

Ни одно из поселений, располагавшихся в различное время на небольшой площадке Сейминской дюны, не могло совпадать по времени с могильником, занимавшим всю основную часть дюны; поселения могли или предшествовать могильнику или быть более поздними.

Керамика с Сейминской дюны далеко не однородна и подразделяется на следующие разнокультурные группы: неолитическую, балахнинскую, поздневолосовскую, большекозинскую, балановскую и собственно сейминскую[24]. Это подразделение подтвердил А. Х. Халиков с той разницей, что поздневолосовскую и большекозинскую керамику он объединяет в одну группу, а названную мною собственно сейминской называет чирковско-сейминской[25], хотя лучше бы называть ее просто чирковской.

Оценивая эти разновременные культурные комплексы с точки зрения наибольшей близости их к могильнику, нужно сразу же исключить из рассмотрения неолитическую керамику как более раннюю и балановскую, которая принадлежит к концу балановского этапа и, следовательно, также относится к более раннему времени, чем могильник, не говоря уже об отличии погребального ритуала и погребального инвентаря могильников фатьяновского и турбинского типов. Допущение о хронологической близости к могильнику можно сделать только в отношении поздневолосовской и большекозинской керамики, но, вполне возможно, составляющих здесь единый бытовой комплекс, относящийся на дюне ко времени раньше могильника. Наконец, чирковско-сейминская керамика, наиболее многочисленная на дюне, связанная с большекозинской генетически, осталась от позднейшего поселения на дюне; возникновение этого поселения относится ко времени не раньше XIII в. до н. э.

Таким образом, рассмотрение керамики Сейминской дюны также приводит нас к выводу о наиболее вероятной связи могильника с поселениями большекозинского типа. Этот вывод подкрепляется и обликом единичных глиняных сосудов, которые есть основание связывать с погребениями могильника: по форме они очень близки бомбовидным сосудикам из Большекозинского IV поселения[26].

Сравнивая культурный облик памятников середины II тысячелетия до н. э. в низовьях Оки и на Средней Каме, нельзя не отметить общее сходство между ними: на Каме могильники турбинского типа связаны с поселениями гаринского и борского типов; на Оке Сейминский могильник, относящийся к той же турбинной группе, связан с последовательной в своем развитии группой поселений: поздневолосовской, аналогичной гаринской и большекозинской, аналогичной борской на Каме.

Исходя из этого, в качестве рабочей гипотезы можно наметить существование параллельно с турбинской культурой на Каме сейминской локальной культуры на Нижней Оке, позднее с волосовским и большекозинским этапами, более или менее соответствовавшими гаринскому и борскому этапам на Каме. Распространение этой культуры на раннем этапе неясно; на позднем, большекозинском этапе она занимала Нижнюю Оку и часть левобережья. Вопрос о сейминской локальной культуре может быть разрешен только дальнейшими исследованиями.

[22] *В. А. Сафронов.* Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы.— Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге. М., 1966, стр. 185.

[23] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России.— Отчет Росс. историческ. музея за 1914 г. М., 1915.

[24] *O. Bahder.* Kulturen der Bronzezeit...

[25] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.

[26] *О. Н. Бадер.* Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями.— «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 6. Л., 1964, рис. 6 и 7.

Поздняковская культура

Около XV в. до н. э. на Средней Оке в районе Рязани и на Нижней Оке в районе Мурома появляются многочисленные поселения поздняковской культуры, которая не имеет генетических связей с более ранними культурами Окского Поволжья, но обнаруживает близкое сходство с памятниками лесостепных и степных племен срубной культуры [1]. Поэтому вывод о пришлом происхождении поздняковских племен можно сделать с полной уверенностью. Поздняковская культура являлась северной окраиной огромного историко-культурного массива земледельческо-скотоводческих «срубных» племен; носители культур срубного типа, согласно традиционному мнению, совершили в середине II тысячелетия до н. э. мощное движение с востока вдоль степей и лесостепей Южной России и заняли большие пространства, сменив ранее господствовавшее там население древнеямной и катакомбной культур. В силу того же традиционного мнения срубные племена, как и родственные им андроновские в Приуралье и Южной Сибири, были ираноязычными.

Путями первоначального проникновения поздняковских племен на Оку, скорее всего, послужили долины ее южных притоков Мокши и Цны, верховья которых уходят особенно далеко на юг [2], а также, вероятно, сближающиеся своими истоками Дон и Проня; на последней нам в 1928 г. удалось обнаружить следы целого ряда поздняковских поселений. Их появление совпало с установлением наиболее ксеротермического климатического режима, о чем говорит распространение культурного слоя некоторых поздняковских поселений на незаливаемые поймы [3] (рис. 9). В то время произошло расширение зоны лесостепей к северу (см. стр. 20), что облегчало продвижение поздняковцев.

Нельзя согласиться со старой точкой зрения А. Я. Брюсова [4], получающей в последнее время поддержку со стороны некоторых археологов, о возникновении поздняковской культуры на местной основе. В ней слишком ярко выражены срубные и полтавкинские черты прежде всего в керамике, устройстве жилищ и в погребальном ритуале. Продвижение на Оку северной группы «срубных» племен, которыми и являлись ранние поздняковцы, не подлежит сомнению. В дальнейшем начавшийся ассимилятивный процесс с местным населением быстро сказался на уже местном развитии поздняковской культуры, и в частности инвентаре кремневых орудий, богатство которого определялось удалением от источников металла.

Если встать на точку зрения А. Я. Брюсова, считавшего, что поздняковская культура на Оке сформировалась на местной, волосовской основе под сильным влиянием соседней срубной культуры, то срубные черты должны быть особенно ощутимы не на первом, а хотя бы на втором этапе развития поздняковской культуры в результате более длительного влияния на нее соседней срубной культуры. На самом же деле наблюдается обратная картина: на раннем этапе поздняковская культура наиболее близка срубной и наиболее резко отличается от волосовской и других местных культур; и лишь на последующих этапах ее развития ясно сказываются следы влияния на нее местной, в своей основе волосовской этнокультурной среды. Ассимилятивный процесс завершается полным поглощением поздняковской культуры местной средой у грани железного века.

Поздняковцы, проникшие на Оку, видимо, сразу в большом числе и продвинувшиеся постепенно очень далеко на север, включая Верхнюю Волгу и внутренние районы междуречья, сыграли очень большую роль в развитии населения этого края во второй половине II тысячелетия до н. э.

Поселения поздняковских племен на Оке, известные уже в числе более четырех десятков, расположены по-прежнему главным образом на боровых террасах, в условиях, удобных для рыбной ловли, но не в меньшей мере и для выпаса стад на широких окских заливных лугах. На поселениях строились большие наземные дома со слабо углубленным в землю основанием. Стены их состояли из врытых в землю столбов, вероятно переплетенных прутьями. Внутри домов сохранились следы перегородок, отделявших передние сени от большого жилого помещения с очагом в центре. Выход, также несколько углубленный в землю, был, очевидно, крытым (рис. 10). Подобные жилища име-

[1] *O. Bahder.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale.— ESA, IV. Helsinki, 1929.

[2] *Т. Б. Попова.* Происхождение поздняковской культуры.— «Труды ГИМ», вып. 37, 1960.

[3] *О. Н. Бадер.* Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматологической схемой Блитта — Сернандера.— БКЧ, № 6—7, 1940.

[4] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

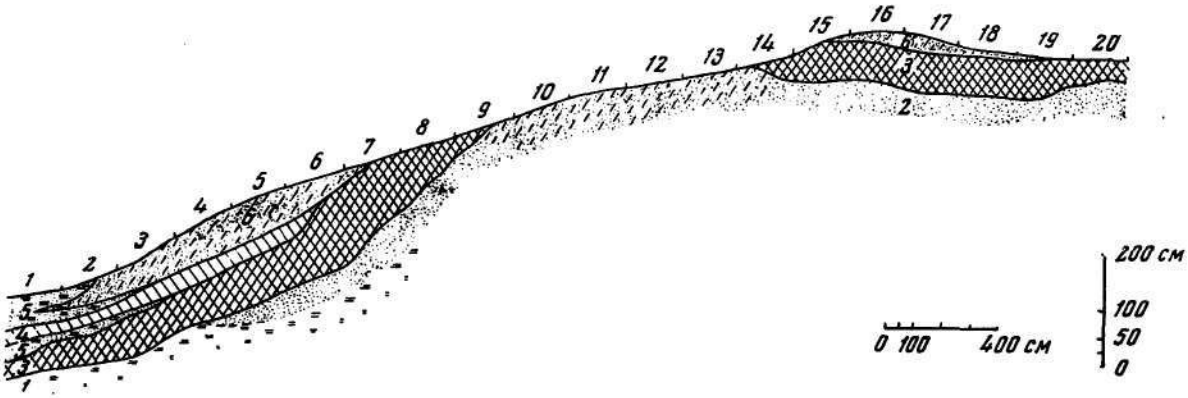


Рис. 9. Схематический разрез Подборновского поселения близ Касимова

1 — глина вязкая аллювиальная;
2 — песок мелкозернистый;
3 — культурный слой;
4 — почва сильно гумусированная, вязкая, без культурных остатков;
5 — суглинок аллювиальный, красновато-серый, пестрый, слабо слоистый, без культурных остатков;
6 — позднейший песчаный нанос на культурном слое, сероватый с отдельными предметами из культурного слоя во вторичном залегании

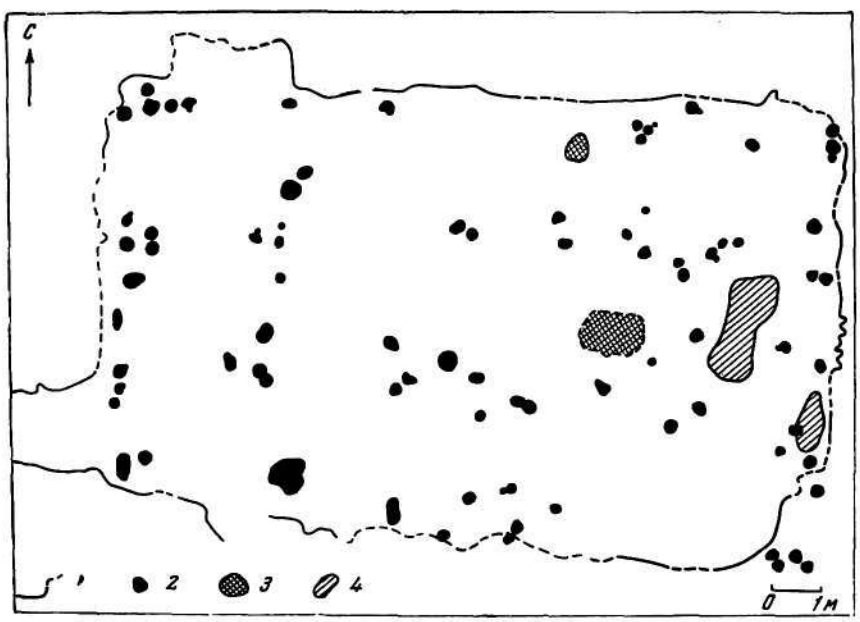


Рис. 10. План большого четырехугольного жилища 1 с выходом на Подборновском поселении

1 — контуры углубления жилища;
2 — столбовые ямки;
3 — прокаленные пятна очагов;
4 — скопления золы

ют близкие аналогии на поселениях срубной культуры Дона и Нижней Волги. Раскопками изучены Поздняковское, Велетьминское, Подборновское, Малый Бор, Ефанское, Липкинское, Ибердусское и некоторые другие поселения на Оке.

Помимо поселений на Оке исследовано несколько курганных могильников поздняковской культуры, погребальный ритуал которых также очень близок ритуалу могильников срубной культуры юга. Из них лучше изучены Мало-Окуловский[5], Старый Волосовский[6], Коренецкий[7], Битюковский, Борисоглебский[8] мо-

[5] *А. В. Збруева.* Мало-Окуловские курганы.— СА, т. IX, 1947.

[6] *А. С. Уваров.* Археология России. Каменный период, т. I, 1881; *В. А. Городцов.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г.— «Древности», т. XXIV. М., 1914.

[7] *Т. Б. Попова.* Коренецкий могильник и стоянка.— СА, 1965, № 1.

[8] *Т. Б. Попова.* Погребение поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике.— Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.

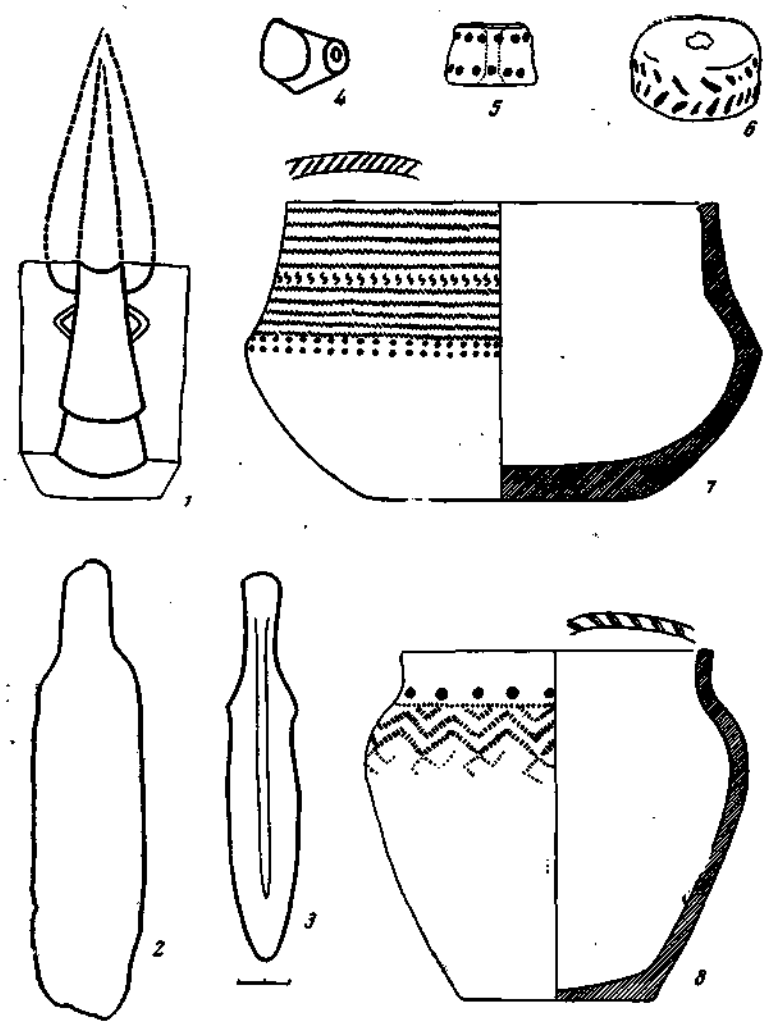


Рис. 11. Предметы из окских памятников поздняковской культуры

1, 5 — Подборновское поселение;
2 — Мало-Окуловский могильник;
3 — дюна Подборица;
4, 6 — поселение Малый Бор;
7 — место находки не установлено (хранится во Владимирском музее);
8 — Битюковские курганы
1 — каменная литейная форма для копья и реконструкция его формы;
2, 3 — бронзовые ножи;
4 — обломок глиняной литейной льячки;
5, 6 — глиняные грузила или пряслица;
7, 8 — глиняные сосуды

гильники. При скелетах плохой сохранности, помещенных в могильную яму или положенных на поверхность почвы, обнаружена керамика, а также медно-бронзовые изделия срубных и андроновских типов.

Материальная культура поселений поздняковской культуры опубликована очень недостаточно, поэтому уделим ей больше места в иллюстрациях.

Плоскодонная посуда сделана из глины с примесью песка, шамота и изредка толченой раковины, имеет баночную, горшковидную и остроребёрную форму; последняя чаще встречается в могильниках. Сосуды орнаментированы преимущественно в верхней части (изредка совсем не орнаментированы); орнаментальный узор состоит из зубчатых, линейных, неправильно-ямочных вдавлений и нарезных линий, составляющих узоры в виде треугольников, зигзагов, меандров, изредка свастики, с нередкой насечкой сверху по венчику (рис. 11). Характерной чертой поздняковского орнамента является глубокий ямочный орнамент, нанесенный изнутри и проступающий снаружи в виде полушарных выпуклостей — «жемчужин», образующих обычно поясок, опоясывающий шейку сосуда. Из глины изготовлялись также орнаментированные грузила и пряслица, а также льячки для металлургического производства. На всех поселениях имеется более или менее значительная примесь керамики с текстильными отпечатками. Льячки и литейные формы указывают на местное изготовление медно-бронзовых вещей, хотя часть их, без сомнения, была импортной.

Каменные орудия у поздняковцев были многочисленны (рис. 12). Это кремневые наконечники стрел иволистной формы, чаще с усеченным основанием или с черешком (*4—6*); скребки на высоких ребристых отщепах, с кру-

Рис. 12. Каменные орудия с поздняковских поселений Оки
1—3 — скребки;
4—6 — наконечники стрел;
7, 8 — ножи;
9 — боевой сверленый топор;
10, 11 — рабочие топоры

тым рабочим концом (поздняковского типа) (*1, 2*), а также более плоские, с округлым рабочим краем (*3*); ретушированные ножи (*7, 8*); рабочие клиновидные топоры, кремневые линзовидного сечения (*11*) и плечиковые из вязких пород камня (*10*), а также и боевые сверленые топоры с обухом пестиковой формы (*9*). Этот комплекс резко отличается от волосовского.

В основе хозяйства поздняковских племен лежало мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство. Об этом свидетельствуют находки мотыгообразных орудий и частей зернотерок и кости домашних животных: крупного рогатого скота, лошади и свиньи[9]. Кости мелкого рогатого скота не найдены, но в соседних более южных районах в близких по культуре памятниках они имеются[10]. Весьма возможно, что поздняковцами практиковалось мотыжное земледелие на пойменных низинах, как это предполагает К. В. Сальников в отношении андроновских племен Зауралья[11]. Этим может объясняться и преобладающее расположение поздняковских поселений на первой надпойме; перенесение поселений на высокие берега произошло позднее, уже на третьем этапе развития поздняковской культуры (см. рис. 1).

На некоторых поздняковских поселениях кости диких животных вообще не встречены, на других они найдены в очень небольшом числе. Это, надо полагать, соответствует небольшой роли охоты в хозяйстве. Данных для суждения о роли рыболовства еще меньше. Но отрицать его применение нет оснований.

В основу периодизации поселений поздняковского типа я кладу степень близости их к поселениям срубной культуры юга, т. е. «свежесть» исходных культурных черт, а также степень примеси «текстильной» керамики, которая на поселениях с наиболее заметно выраженными срубными чертами ничтожна, а в наиболее поздних — преобладает.

Соответственно древнейшими поселениями являются такие, как собственно Поздняковское, Велетьминское, Подборновское, характеризующие ранний этап истории рассматриваемой культуры. К среднему этапу относятся поселения типа Малый Бор, на котором примесь «текстильной» керамики уже значительна, а на некоторых сосудах одновременно присутствуют и текстильные отпечатки, и поздняковский орнамент. Наконец, к позднему этапу относятся памятники типа Ефановского поселения и нижнего слоя Соловьевского городища, на которых уже видоизмененные поздняковские орнаментальные мотивы представляют собой лишь примесь к древней «текстильной» керамике, приближающейся к облику раннегородищенской керамики. Именно эти позднейшие поселения постепенно отходят от непосредственной близости к водоемам и переносятся на высокие берега, в чем нельзя не видеть увеличения роли огневого, подсечного земледелия.

Датировка памятников поздняковской культуры сперва была довольно неопределенной. В. А. Городцов в 20-е годы датировал Старший Волосовский могильник временем, не выходя-

[9] *О. Н. Бадер.* К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла.— ВДИ, 1939, № 3.

[10] *О. А. Кривцова-Гракова.* Памятник бронзовой эпохи у селений Мокшаны и Пустынь.— «Труды ГИМ», вып. XII, 1941.

[11] *К. В. Сальников.* Андроновские поселения Зауралья.— СА, т. XX, 1954, стр. 245.

щим за пределы второй половины II тысячелетия до н. э.[12], против чего нет возражений и сейчас; но Алекановское поселение, относимое сейчас к числу раннепоздняковских, он же относил ко времени Младшего Волосовского могильника, т. е. приблизительно к X в. до н. э.[13] Лишь накопление материала в 20-х и 30-х годах позволило установить более достоверные даты, которые (с помощью аналогий с памятниками срубной культуры) охватывают всю вторую половину II тысячелетия до н. э.[14] и заходят в начало I тысячелетия до н. э.

Для установления начальной даты особенно важен Мало-Окуловский курганный могильник, расположенный между дер. Волосово и Окой. В инвентаре и в погребальном ритуале этого могильника в чистом виде сохранились традиции пришельцев, оторвавшихся от основного массива племен срубной культуры. Основываясь на этом и на форме пластинчатого ножа (рис. 11, *2*), встречающейся в позднекатакомбных погребениях, А. В. Збруева правильно отнесла Мало-Окуловский могильник к раннему этапу срубной культуры[15]. Позднее А. Я. Брюсов счел возможным, ссылаясь на сходство некоторых малоокуловских сосудов с сосудами из Старшего и Младшего Волосовских могильников, датировать Мало-Окуловский могильник концом II тысячелетия до н. э.[16] Но О. А. Кривцова-Гракова и Н. Я. Мерперт выступили в защиту датировки А. В. Збруевой. О. А. Кривцова-Гракова подчеркивала, что «остроребериые широкие и низкие сосуды Окуловского могильника на Оке со своеобразной зональной орнаментацией напоминают некоторые позднеполтавкинские или раннесрубные сосуды». О том, что могильник датируется именно этим временем, свидетельствуют и другие находки, например «бронзовый нож листовидной формы, характерный для эпохи полтавкинской и катакомбной культур»[17]. Н. Я. Мерперт повторяет ту же аргументацию, особенно подчеркивая архаизм шнуровой керамики в Мало-Окулове, характерной для полтавкинских погребений, и датирует малоокуловские погребения временем, непосредственно примыкающим ко времени памятников полтавкинского типа, т. е. серединой или самым началом третьей четверти II тысячелетия до н. э. В настоящее время против этой датировки вряд ли могут быть выдвинуты серьезные возражения. Не без оснований Н. Я. Мерперт указывает на чисто срубный характер Мало-Окуловского могильника и полагает, что раннесрубное население, связанное с этими памятниками, позднее сыграло роль в создании поздняковской культуры на Оке и культуры поселений займищенского типа в Приказанском Поволжье[18].

Но я полагаю, что обособлять Мало-Окуловский и подобные ему могильники от древнейших поселений поздняковского типа не следует; к тому же на Оке не известны чисто срубные поселения. Более же чистый срубный облик погребального инвентаря по сравнению с инвентарем поселений находит объяснение в присущей ритуальным памятникам консервативности.

Так или иначе, но начальной датой развития поздняковской культуры на Оке можно считать XV в. до н. э.: на поселении среднего этапа (Малый Бор) найден фрагмент керамики ошпандинского этапа балановской культуры (XIV — XII вв. до н. э.)[19] (или даже еще более поздний); поздний же этап поздняковской культуры заканчивается вместе с полным растворением свойственных ей особенностей в складывающейся на Оке местной культуре поселений с «текстильной» керамикой, соединившей в себе все местные и пришлые элементы, т. е. в конце II или даже начале I тысячелетия до н. э.

Наиболее своеобразные ранние и чистые от посторонних примесей памятники поздняковской культуры известны на Оке; распространение же поздняковской культуры (преимущественно на север) очень значительно: поздняковские элементы прослеживаются до Усть-Выми в Коми АССР.

Западнее окского бассейна был раскопан (К. М. Поликарповичем) Юдиновский могильник в бассейне р. Десны, где найдены глиняные сосуды типа малоокуловских. Там же, на

[12] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.— «Труды Владимирского гос. областного музея», вып. II. Владимир, 1925, стр. 20.

[13] *В. А. Городцов.* Галичские клад и стоянка.— ТСА, т. III, 1928.

[14] Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927.

[15] *А. В. Збруева.* Мало-Окуловские курганы.

[16] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 31.

[17] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 46, стр. 79.

[18] *Н. Я. Мерперт.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 61, 1958, стр. 79; *Л. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», вып. 1. Йошкар-Ола, 1960, стр. 176, 177; *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 249, 250.

[19] *О. Н. Бадер.* К вопросу о балановской культуре.— СЭ, 1950, № 1, рис. 6, 4.

левом берегу Десны, у с. Боровичи, в 20 км выше Новгорода-Северского, раскопано древнее поселение с керамикой, весьма сходной с поздняковской (в особенности характерным «жемчужным» орнаментом вокруг шейки).

На востоке, в правобережье Волги вплоть до устья р. Сундырки близ Козьмодемьянска в послевоенные годы А. Х. Халиковым были изучены Аккозинское, Шарнейское, Шавское и Безводнинское поселения поздняковской культуры; первое из них, довольно широко раскопанное, относится к раннему этапу, а Шавское и Безводнинское — ко второму [20].

На север от Оки памятники поздняковской культуры известны в Мещере и на Клязьме [21], но распространились они, несомненно, еще шире. По крайней мере, поздняковские черты в керамике древних поселений усматриваются и в Волго-Клязьминском междуречье [22], и к северу от Волги [23], вплоть до таких удаленных северных районов, как Белое озеро [24] и даже бассейн Вычегды [25].

Чем дальше на север, тем черты поздняковской культуры выступают все в более смешанном виде. Этот факт иллюстрирует слияние носителей поздняковской культуры с местным населением в Верхнем Поволжье, уже завершившееся в эпоху становления древнейших городищ [26].

В Окском Поволжье имеется много примеров слияния местных культурных элементов с поздняковскими, начиная с образования гибридных типов раннепоздняковской керамики с поздневолосовской и позднерязанской.

Археологические памятники второй половины II и начала I тысячелетия до н. э. рисуют убедительную картину того, как и без того смешанные племена основной части Окского и Верхнего Поволжья восприняли новых, поздняковских пришельцев, в значительной мере ассимилировавших их и вместе с ними создавших основу, на которой сформировались племена раннего железного века со своеобразной, новой культурой.

[20] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.

[21] *O. Bahder.* Zur Erforschung der neolitischen Wohnplätze im Okatale; *A. V. Zbrujev.* Der Wohnplatz von Lipki in Gouv. Vladimir — ESA. IV. Helsinki. 1929.

[22] *А. Л. Никитин.* Дикариха.— МИА, 110, 1963.

[23] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье.— МИА, 110, 1963; *М. Е. Фосс.* Новые памятники в районе галичской культуры.— КСИИМК, XVII, 1947.

[24] *И. К. Цветкова.* Неолитические поселения в районе Белого озера.— «Сборник по археологии Вологодской области». Вологда, 1961.

[25] *Г. М. Буров.* Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке. Автореф. канд. дисс. Сыктывкар, 1963.

[26] *П. Н. Третьяков.* Древнейшие городища Верхнего Поволжья.— СА, т. IX, 1947, рис. 6, 7.

Абашевская культура

Еще одна очень своеобразная культура — абашевская — коснулась Окского Поволжья эпохи бронзы. И, хотя она здесь представлена очень слабо, исключить ее из нашего обзора нельзя.

Среди многих нерешенных вопросов древней истории лесного Поволжья абашевская проблема до сих пор является одной из самых неясных и трудных.

Памятники абашевской культуры занимают территории преимущественно южнее и восточнее Оки: основная масса их находится в правобережье Средней Волги в пределах Чувашии, затем в левобережье в пределах Марийской республики, далее, в Приуралье в пределах Башкирии и даже в Зауралье и близ Магнитогорска; немного их в северной части Подонья, на Оке и Верхней Волге. Недавно исследовано типично абашевское Ульяновское погребение в Коми АССР [1].

Наиболее многочисленный и компактный массив абашевского населения, судя по археологическим памятникам, находился в Среднем Поволжье, между Камой и Сурой.

[1] *В. Ф. Смолин.* Абашевский могильник в Чувашской республике.— «Труды Общества изучения Чувашского края», т. I, вып. I. Чебоксары, 1928; *О. А. Кривцова-Гракова.* Абашевский могильник.— КСИИМК. XVII, 1947; *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье.— МИА, 97, 1961; *А. Х. Халиков.* Памятники абашевской культуры в пределах Марийской АССР.— МИА, 97, 1961; *К. В. Сальников.* Абашевская культура на Южном Урале.— СА, т. XXI, 1954; *П. Д. Либеров.* Мастюгинские курганы.— СА, 1961, № 3; *Он же.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964; *Г. М. Буров.* Вычегодский край.— Очерки древней истории. М., 1965, стр. 91.

Всеми специалистами в настоящее время абашевская культура датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. с диапазоном между XVI и XII вв. включительно [2]. К. В. Сальников подразделил историю абашевских племен Приуралья на три этапа и отнес 1-й этап к концу первой половины II тысячелетия до н. э., 2-й этап к XV—XIV вв. и 3-й этап к XIV—XIII вв. до н. э. В Среднем Поволжье абашевские племена, по мнению большинства исследователей, также появляются в середине II тысячелетия до н. э., но наиболее поздняя группа их на территории Марийской АССР существует и в последней четверти II тысячелетия до н. э.

В датировке абашевских памятников Волго-Окского края археологи расходятся. Так, А. Х. Халиков считает их наиболее ранними, К. В. Сальников, наоборот, поздними.

Некоторые авторы считают существование абашевской культуры очень непродолжительным, в особенности в отдельных районах. Например, по мнению А. Х. Халикова, в правобережных районах Среднего Поволжья абашевцы обитали, возможно, не больше одного столетия [3].

Особенностью памятников абашевской культуры, как и фатьяновской, является отсутствие поселений на большей части ее территории; они до сего времени не обнаружены ни на Средней Волге, ни на Оке и Верхней Волге. В то же время в Приуралье их известно уже довольно много. Эти факты сами по себе наводят на мысль о том, что Приуралье являлось районом более длительного обитания людей, создавших абашевскую культуру, так же как Среднее Поволжье — для людей, создавших балановскую культуру.

Преобладающий погребальный обряд абашевцев представляется следующим: умерших хоронили в могилах поодиночке, изредка коллективно; группы могил позднее нередко покрывались общей курганной насыпью. Умерших клали на спину, с согнутыми и раздвинутыми в стороны коленями, как в погребениях ямной культуры, головой преимущественно на юго-восток и восток [4].

Погребальный инвентарь сравнительно богат и состоит преимущественно из медно-бронзовых и серебряных украшений и керамики. При этом среди украшений есть только одна специфически абашевская форма — круглая бляшка-розетка (см. рис. 14, *1*). Очень характерны и сложные (нашивные) украшения, состоящие из сочетания цилиндрических трубочек-пронизок и бляшек. Оружие и орудия труда в абашевских погребениях встречаются крайне редко, и это представляет собой особенность погребального ритуала. Каменных сверленых топоров абашевцы вообще не изготовляли.

Среди абашевских памятников относительно много кладов, что говорит о тревожной обстановке, в которой жили абашевцы. О том же свидетельствуют раннеабашевские курганы с братскими могилами убитых абашевских воинов.

Вопрос об абашевских металлических изделиях, традиционно решавшийся по материалу кладов, обнаруженных на абашевской территории (например, Верхне-Кизыльский клад), сейчас получает иное решение: дело в том, что эти клады (как, впрочем, почти все клады вообще) дают отнюдь не однокультурный материал, а разнородные вещи, среди которых, например, есть вещи, встреченные в погребениях Турбинского могильника и отсутствующие в абашевских погребениях [5]. Принимая во внимание результаты спектральных анализов наиболее достоверного абашевского металла, произведенных в последние годы Е. Н. Черных, можно говорить о значительном сходстве абашевского и турбинского металла — мышьяковистой меди. Вероятно, турбинцы и абашевцы разрабатывали одни и те же месторождения меди, расположенные в Южном Зауралье. Кроме этого основного металлургического сырья абашевцы, как, впрочем, и турбинцы, изредка использовали и медь, выплавляемую из пермских медистых песчаников. Но оловянистые бронзы, хорошо представленные в наиболее ранней группе изделий Турбинского и Сейминского могильников, в абашевском материале отсутствуют. Абашевцы вообще не употребляли искусственных сплавов. Тот же автор пришел к выводу, что абашевский металл из памятников Поволжья характеризует более ранний этап развития абашевской металлургии, чем металл из Приуралья [6].

Формы абашевских металлических изделий образуют своеобразный комплекс, вместе с ке-

[2] *О. Н. Евтюхова.* Племена абашевской культуры в Среднем Поволжье. Автореф. канд. дисс. М., 1964.

[3] *А. Х. Халиков.* Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дисс. Казань, 1966.

[4] *О. Н. Евтюхова.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры.— МИА, 97, 1961.

[5] *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 142.

[6] *Е. Н. Черных.* О металле абашевской культуры.— Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964; *Он же.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

рамикой и другими элементами создающий неповторимый облик абашевской культуры. Выше уже упоминались специфически абашевские формы крупных бляшек-розеток; абашевцы, судя по находке литейной формы в Пепкинском кургане, отливали, а возможно, и изобрели вислообушные топоры с слабовислым обухом; у них были широко распространены медно-бронзовые орудия и оружие с несомкнутыми и коваными втулками, желобчатые браслеты, очковидные «привески».

Турбинцы, сейминцы, а отчасти и поздневолосовские племена использовали некоторые абашевские формы металлических изделий: орудия с коваными втулками, желобчатые браслеты, тонкие реберчатые трубочки-пронизки и пр.

В то же время абашевцы заимствовали у турбинцев бесчерешковой нож-клинок (по Е. Н. Черных), отдельные формы кремневых стрел (по П. Н. Третьякову), но не восприняли кельтов и копий с литой втулкой, а турбинско-сейминские племена, за исключением отдельных случаев, не восприняли специфически абашевских украшений, нашивавшихся на одежду.

От соседних срубных племен абашевцы заимствовали форму медно-бронзового ножа с перехватом. Височные колечки с несомкнутыми и расширенными концами, употреблявшиеся абашевскими племенами, характерны также для срубной и позднекатакомбной культур [7].

Абашевская керамика лепилась от руки из глины с примесью толченой раковины, шамота и каких-то растительных материалов, выгоравших при обжиге. По форме она подразделяется на четыре типа: 1) колоколовидные миски и горшки, 2) широкогорлые круглодонные горшки, 3) остроребериые горшки и 4) цилиндрические баночные сосуды. Сосуды украшены зональным геометрическим орнаментом, сделанным нарезкой или зубчатым штампом и расположенным в верхней части сосудов; некоторая часть сосудов вообще лишена орнамента [8]. Орнаментация многих абашевских сосудов богаче и сложнее, чем в других культурах эпохи бронзы на Русской равнине.

Эта керамика достаточно своеобразна и далека как от керамики более древних местных культур, так и от балановской, фатьяновской, срубной и андроновской, но в каждом из районов своего распространения включает некоторые элементы смежных культур: на Средней Волге — срубной, в Приуралье — андроновской и там и здесь — балановской.

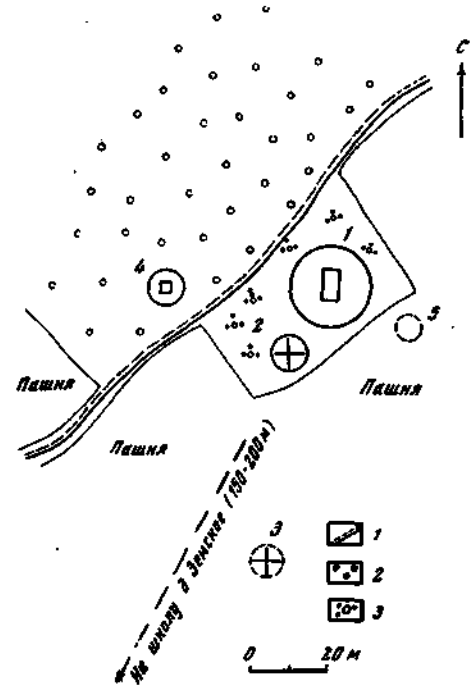


Рис. 13. План курганного могильника абашевской культуры у дер. Земское. Крестом обозначены курганы, раскопанные Б. А. Куфтиным в 1925 г.; третий раскопанный им курган (5) распахан; курган 4 раскопан колодцем в 1926 г. неизвестными лицами

1 — проселочная дорога;
2 — лес;
3 — молодняк с кустами

Абашевская культура принадлежит к числу земледельческо-скотоводческих культур. По крайней мере, кости домашних животных в ее памятниках обнаружены.

Первые абашевские погребения были исследованы в бассейне Оки: это курганы у с. Огубь на р. Протве близ Малоярославца, раскопанные В. А. Городцовым в 1921 г., и курганы у дер. Земское на Оке близ Касимова, раскопанные в 1925 г. Б. А. Куфтиным. Но только после опубликования результатов раскопок В. Ф. Смолина близ Абашева стало ясным, что все эти памятники принадлежат к своеобразной культуре позднего бронзового века [9].

О Земском могильнике, как об одном из очень редких на Оке памятников, скажу несколько подробнее, тем более что в 1937 г. я продолжил

[7] *П. Н. Третьяков.* Абашевская культура.— «Památky archeologické», LII, Praha, 1961, стр. 381.

[8] *О. Н. Евтюхова.* Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье.— Сб. «Памятники каменного и бронзового веков в Евразии». М., 1964.

[9] *А. Б. Алихова.* Абашевские курганы близ с. Земского Рязанской области.— КСИИМК, 64, 1956.

его раскопки, результаты которых не опубликованы.

Могильник расположен в 150—200 м на северо-восток от школы дер. Земское, на лесной опушке, у дороги, и частью распахан; в момент моих раскопок он состоял из пяти сильно оплывших курганов плохой сохранности: четырех маленьких и одного большого (рис. 13). Из них лишь один большой курган диаметром 22 м, хотя и со следами не очень большой кладоискательской ямы, как представлялось, мог сохранить нетронутое погребение; все остальные курганы были уже раскопаны. Наши раскопки большого кургана обнаружили, что кладоискательская яма все же разрушила погребение, лежавшее, по-видимому, на почве, как и в курганах, раскопанных Б. А. Куфтиным.

Инвентарь земских курганов является типично абашевским (рис. 14). Близ дер. Земское, по литературным данным, известны находки кремневых стрел.

Кроме погребений в Огуби и Земском на Оке имеется примесь абашевской керамики на некоторых поселениях[10] и отдельные находки металлических предметов абашевского типа, но в небольшом количестве. Все эти находки характеризуют Оку все же как один из периферийных районов распространения абашевских памятников.

Абашевскую культуру нельзя считать прямым продолжением ни одной из известных нам археологических культур, так как весь комплекс слагающих ее разнообразных признаков в целом оригинален. Она не принадлежит к кругу культур с боевыми топорами и шнуровой керамикой, так же как и к кругу андроновско-срубных культур; связь ее с местными культурами столь же трудно доказуема. Антропологический тип абашевцев — европеоидный, но отличается и от балановского, и от срубного, и от андроновского и включает очень слабые негроидные черты (Катергино-Бишевский могильник), которые, впрочем, свойственны и некоторым нижнеокским позднеолитическим племенам (погребения на Гавриловской стоянке).

Но, несмотря на сложность проблемы, существует несколько гипотез происхождения абашевской культуры.

Первоначально я выдвинул гипотезу о формировании абашевской культуры на балановской основе, поддержанную и развитую затем О. А. Кривцовой-Граковой, К. В. Сальниковым

Рис. 14. Вещи из абашевского могильника у дер. Земское

1 — медная бляшка-розетка;
2 — медная очковидная подвеска;
3, 4 — медные цилиндрические пронизки из спирально-завитой проволоки;
5, 6 — медные полушарные бляшки;
7 — медная пластинчатая пронизка с двумя отверстиями сбоку;
8 — завязанный узлом ремешок с остатками медного предмета в нем;
9 — костяной гребень;
10 — медный (?) браслет трехгранного сечения;
11 — медное четырехгранное обоюдоострое шило;
12 — обломок медной пряжки (?);
13—15 — обломки керамики;
16 — реставрированный сосуд

и другими[11]. Позднее, когда выяснилось несоответствие между абашевским и балановским антропологическими типами, я отошел от этой гипотезы и высказал предположение о южном происхождении культуры[12]; недавно А. П. Смирновым высказаны соображения о сильных влияниях срубной культуры на фатьяновскую (балановскую) и абашевскую[13].

[9] *И. К. Цветкова.* Стоянка Подборица-Щербининская.— СА, 1961, № 2; *Она же.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского.— «Труды ГИМ», вып. 37, 1960.

[11] *О. Н. Бадер.* Археологические исследования Центрального чувашского музея.— «Сов. Музей», 1937, № 5; *Он же.* Могильник в урочище Карабай близ дер. Балаково в Чувашии.— СА, т. VI, 1940; *О. А. Кривцова-Гракова.* Абашевский могильник.— КСИИМК, XVII, 1947; *К. В. Сальников.* Абашевская культура на Южном Урале.— СА, т. XXI, 1954.

[12] *О. Н. Бадер.* К вопросу о балановской культуре.— СЭ, 1950, № 1.

[13] *А. П. Смирнов.* К вопросу о формировании абашевской культуры.— МИА, 97, 1961.

На различные связи абашевской культуры указывают и П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, но не придают им генетического значения. Истоки абашевской культуры они склонны искать в области среднеднепровской культуры (среди памятников типа Гатного). По их мнению, племена, создавшие абашевскую культуру, двигались из Поднепровья в Среднее Поволжье по Оке [14].

Одновременно Н. Я. Мерперт высказывается против возможности генетической связи абашевской культуры со среднеднепровской и считает, что обе эти культуры сложились на общей энеолитической основе, объясняющей известное сходство между ними. Того же мнения придерживается и О. Н. Евтюхова в диссертации, посвященной абашевской культуре в Среднем Поволжье [15].

На близкой точке зрения стоит и А. Х. Халиков. Он находит сходство между абашевской и ямной культурами в форме курганов, погребальном обряде, керамике и отчасти в металлических изделиях. Это приводит его к выводу, «что абашевская культура возникла и оформилась на позднеямной основе где-то в районах северной области распространения ямной культурной общности. Таким районом следует считать весьма плохо изученное до сих пор в археологическом отношении Окско-Донское междуречье, включая сюда верховья Дона и правобережья Верхней и Средней Оки, где известно несколько пунктов с находками вещей абашевского типа». А. Х. Халиков относит абашевские памятники Верхнего Подонья к числу наиболее ранних, так же как и окские Огубские и Земские курганы и находки на поселении Подборица-Щербининская. Окские памятники, по его мнению, обозначают путь, по которому абашевцы под давлением срубных племен около середины II тысячелетия до н. э. двинулись в районы средневолжского правобережья, откуда уже на рубеже третьей и четвертой четвертей II тысячелетия под усилившимся давлением «срубников» «абашевское население вынуждено было перейти Волгу и обосноваться на короткое время на территории Волго-Вятского междуречья. Дальнейшая судьба поволжского абашевского населения, очевидно, неразрывно связана с приуральскими абашевскими племенами, которые, скорее всего, представляют собой непосредственных потомков поволжского населения» [16].

Эта гипотеза кажется наиболее стройной, но, как и все другие, выглядит умозрительной из-за отсутствия памятников исходной культуры в предполагаемой области формирования абашевских племен и по еще одной существенной причине: отсутствию надежных датировок для памятников, принадлежащих к различным локальным группам.

Поэтому наряду с перечисленными гипотезами имеет право на существование и диаметрально противоположная гипотеза К. В. Сальникова, который, базируясь на своих новых исследованиях в Южном Приуралье, доказывает ранний, досрубный возраст абашевских поселений этой территории. По его мнению, «из числа бронзовых культур наиболее ранними поселениями в Юго-Западной Башкирии нам представляются племена абашевской культуры. В начале второй половины II тысячелетия до н. э. их замещают продвинувшиеся с юга срубные племена». Годом позже, ссылаясь на свои более ранние работы, К. В. Сальников подтверждает, что «при наличии бесспорных связей с фатьяновской культурой основным компонентом в сложении абашевской культуры надо признать, в особенности для племен Южного Урала, местных, энеолитических предшественников» [17]. По-видимому, на эту точку зрения встала и Е. И. Горюнова [18].

Естественно, что столь же различны и взгляды на этническую принадлежность абашевских племен. Если П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков связывают абашевскую культуру «с историей племен шнуровой керамики, с их наиболее восточными ответвлениями» [19], подчеркивая, что племена со шнуровой керамикой были одной из основных групп древнего индоевропейского населения Европы, то К. В. Сальников отвергает индоевропейское происхождение абашевских племен. В то же время он подчеркивает резкие отличия племен абашевской культуры от ирано-

[14] *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье.— МИА, 97, 1961.

[15] *Н. Я. Мерперт.* Абашевские курганы Северной Чувашии.— МИА, 97, 1961; *О. Н. Евтюхова.* Племена абашевской культуры в Среднем Поволжье.

[16] *А. Х. Халиков.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР.— МИА, 97, 1961, стр. 223, 224, 226.

[17] *К. В. Сальников.* О датировке культур эпохи бронзы в Юго-Западной Башкирии.— «Научные исследования исторического факультета Уральского гос. университета за 1958 учебный год (тезисы научн. конференции)». Свердловск, 1959, стр. 33; *Он же.* Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала.— Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 11.

[18] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 94, 1961, стр. 13.

[19] *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье, стр. 96.

язычных племен срубной и андроновской культур, исключающие саму возможность их родственности абашевскому населению. В итоге он приходит к выводу, что «есть достаточно оснований относить абашевцев к финно-угроязычным племенам. Многие элементы абашевской культуры на протяжении тысячелетий сохранялись у ряда финноязычных народов Поволжья и Приуралья, а порой донесены почти до наших дней. Особенно показательны в этом отношении украшения, главным образом входящие в состав женского костюма» [20], на что обратили внимание еще раньше П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков [21]. В 1962 г. на III Уральском археологическом совещании К. В. Сальников признал не уральское, а восточноевропейское происхождение абашевской культуры, но утверждал, что башкирские абашевские памятники не менее древние, чем чувашские [22].

К этому нужно добавить возникновение некоторых форм свойственных абашевцам медных изделий в более ранней, турбинской среде в Прикамье [23].

При рассмотрении вопроса об этнической принадлежности абашевского населения действительно нельзя обходить молчанием нередко поразительное сходство между украшениями, с одной стороны, абашевской, с другой — ананьинской, пьяноборской и рязано-окской культур, древнефинская принадлежность которых является общепризнанной. Достаточно просмотреть хотя бы некоторые важнейшие публикации материалов перечисленных культур железного века [24], чтобы убедиться в этом сходстве. Таковы круглые маленькие бляшки, частью парные, имеющиеся в Ананьинском и Пьяноборском могильниках на Каме и Кошибеевском могильнике на Оке, спиральные пронизки-вертушки из тех же могильников, а также из окских Борковского и Кузьминского; проволочные спирали-завитки, имеющие вообще широкое распространение в камских и окских финских могильниках. В совместной работе П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова приведена специальная таблица нашивных блях и украшений из ананьинских могильников, близких абашевским. Авторы подчеркивают, что аналогии усматриваются «не в керамике и не в орудиях труда и предметах вооружения... но в предметах убора и украшениях. Весьма вероятно, что убор абашевских женщин, состоящий из бронзовых бляшек и подвесок, послужил одним из компонентов ананьинского убора, также изобилующего металлом». «Абашевские традиции в ананьинской культуре оказались очень устойчивыми. Так, женский головной убор в виде венчика, состоящего из бляшек и спиралек, с косником сзади, сложившийся еще в абашевское время, являлся одним из характерных элементов материальной культуры народов Поволжья в конце I тысячелетия до н. э. и в I тысячелетии н. э. Такие головные уборы имеются в относящихся к этому времени пьяноборских, а также рязаноокских, тамбовских и поволжских могильниках, принадлежащих древним мордовским, муромским, марийским и удмуртским племенам» [25]. При этом необходимо учитывать глубокую традиционность и этнографическую устойчивость женского убора, а также и хронологическую близость абашевских и ананьинских могильников на Каме и аналогичных им памятников на Оке. Имеются даже памятники, относимые специалистами то к абашевской, то к ананьинской культуре; так, например, Второй Маклашеевский курганный могильник на р. Утке, ниже камского устья, А. В. Збруева относит к числу раннеананьинских [26], а А. П. Смирнов — к числу позднеабашевских. «...по обряду погребения и по вещам Маклашеевские курганы (группы I и II) весьма близки абашевской культуре. В то же время близкие аналогии в инвентаре всех абашевских курганов и погребений ананьинской культуры дают основание полагать, что абашевская культура вошла как основной компонент в состав ананьинской культуры» [27].

Если и не соглашаться с последним заключением, то все же все вышесказанное свидетельствует о том, что из всех культур бронзовой эпохи Волго-Камья абашевская культура оставила, пожалуй, наиболее глубокий след во вновь сформировавшихся пермско-финских, волго-финских и окско-финских культурах железной эпохи. Этот факт еще не доказывает с непреложностью финноязычности абашевцев, так как

[20] *К. В. Сальников.* Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала.

[21] *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье, стр. 95.

[22] *К. В. Сальников.* Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Башкирии.— «III Уральское археологическое совещание в Уфе (тезисы докладов)». Уфа, 1962.

[23] *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

[24] *А. А. Спицын.* Древности бассейнов рек Оки и Камы, вып. I.— «Материалы по археологии России», № 25. СПб., 1901.

[25] *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье, рис. 32, стр. 95.

[26] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 30, 1952, стр. 29.

[27] *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— в эпоху неолита и бронзы. МИА, 28, 1952, стр. 13.

можно допускать передачу некоторых элементов культуры абашевцев (как, например, женский убор) местному населению в процессе культурной ассимиляции; но все же для допущения финноязычности абашевцев известные основания имеются, тем более что их южное происхождение отнюдь не доказано.

После всего сказанного по поводу далеко не решенной и крайне запутанной проблемы происхождения абашевской культуры позволю себе высказать некоторые новые соображения, не претендующие на решение проблемы, но акцентирующие местные связи абашевцев.

Абашевская культура не принадлежит к числу культур с боевыми топорами и шнуровой керамикой, так же как и к числу срубно-андроновских. В то же время поражает ее распространение: ее памятники вытянуты полосой от Малоярославца и Воронежа до Магнитогорска, т. е. более чем на 1500 км по прямой линии, а следуя по расположению основных групп памятников, и на 2 тыс. км. В то же время обращает на себя внимание совпадение абашевской культурной зоны с зоной наиболее интенсивного взаимодействия и скрещения южных земледельческо-скотоводческих культур с северными охотничье-рыболовческими. Это обстоятельство находится в соответствии и с крайне смешанным характером абашевской культуры при отсутствии для нее прямых прототипных комплексов. Так, в погребальном обряде (курганы, погребальные камеры с настилами, положение скелетов) наблюдаются черты древнеямной, срубной и балановской культур; в керамике (раковинные примеси к глине, круглодонная, плоскодонная, остроребериая формы, орнамент) имеются черты фатьяновской, срубной и андроновской культур; в металлических изделиях главную роль играл металл турбинского Приуралья и Поволжья [28]. Ряд авторов отмечают преобладание балановских и срубных черт в культуре средневолжской группы абашевских памятников; андроновских и срубных черт — в Приуралье; срубных — на Дону; фатьяновских — в Верхнем Поволжье.

Формирование абашевской культуры со всеми присущими ей чертами в каком-то еще неизвестном нам районе, как это представляют себе некоторые специалисты, с последующими тысячекилометровыми миграциями на север, с запада на восток, затем снова на запад (Приуралье — Дон) в среде воинственных, хорошо вооруженных племен кажется малоубедительным, а порой и фантастичным.

Я не хочу исключать известной роли в сложении абашевской культуры всех или почти всех упомянутых здесь племен, включая и какие-то еще неизвестные позднеямные, так же как и некоторые смещения, передвижения уже сформировавшихся абашевских племен. Но сам процесс их формирования мне представляется как результат длительного взаимодействия южных земледельческо-скотоводческих и северных охотничье-рыболовческих племен в пределах широкой и далеко вытянутой с запада на восток зоны их контакта и скрещения. Абашевская культура включила элементы всех перечисленных южных культур, но не в меньшей, а, скорее, в большей мере и местных, северных культур, преимущественно волосовского и турбинского, приуральского типов. Поэтому не исключается, что если не все, то по крайней мере восточная часть абашевских племен была финноязычной, что и объясняет включение таких заметных абашевских культурных элементов, как сложный и очень специфический женский убор, в состав позднейших древнефинских культур Волго-Камья.

Чтобы не быть голословным, еще раз укажу на ряд абашевских вещей, найденных на поздневолосовских поселениях бассейна Оки и Верхнего Поволжья, на поселениях борского этапа турбинской культуры в Прикамье, а также ранних поселений чирковско-сеймипского типа (керамика на поселении Галанкина гора) [29]. Поздние волго-окские волосовские и камские турбинские поселения во многих районах совпадают по территории распространения с абашевскими памятниками. Они очень близки абашевским, а частью совпадают с ними по времени и также характеризуются керамикой с растительными и раковинными примесями. Особенно интересны в этом плане поселения типа Подборицы-Щербининской на Нижней Оке, относимой ее исследовательницей И. К. Цветковой к позднему этапу волосовской культуры, к третьей четверти II тысячелетия до н. э., т. е. к абашевскому времени [30]. Им свойственны сосуды очень характерных форм и орнамента (рис. 15). И формы, и орнаментация поздневолосовской керамики этого поселения уже отходят от традиционно волосовских и приближаются к аба-

[28] *Е. Н. Черных.* О металле абашевской культуры.— Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964; *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

[29] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», т. I. Йошкар-Ола, 1960, табл. XI.

[30] *И. К. Цветкова.* Стоянка Подборица-Щербининская.— СА, 1961, № 2.

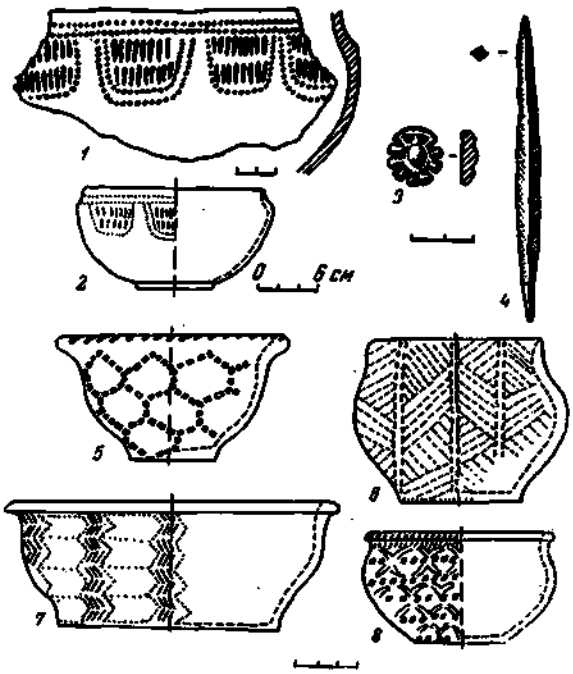


Рис. 15. Медные предметы (*3*, *4*) и керамика (*1*, *2*) абашевского типа и поздневолосовская керамика (*5*—8) из поселения Подборица-Щербининская (по И. К. Цветковой)

шевским; типично абашевские керамика и медные изделия найдены здесь же.

Кремневые наконечники стрел из абашевских памятников приближаются к некоторым волосовским и к сейминским формам.

В связи с рассматриваемым вопросом представляют интерес и данные палеоантропологии. М. М. Герасимов пришел к выводу об антропологической неоднородности абашевцев. Он отрицает сходство абашевских черепов с черепами населения древнеямной, срубной и андроновской культур. Он обращает внимание на более ранние черепа с абашевской территории: волго-окские и балановские — и считает, что уже к концу существования Балановского могильника, судя по периферийному положению могил со скелетами метисов, начался процесс активного смешения пришельцев с местным населением. На фоне этого более раннего материала при учете археолого-исторических данных он считает возможным сделать более широкие выводы. «Антропологический материал абашевской культуры,— говорит М. М. Герасимов,— имеет ряд признаков, свидетельствующих о сложном процессе формирования антропологического типа. Этот тип возник в результате последовательного ряда скрещений средиземноморского типа с местными вариантами неолитического антропологического типа. Местные неолитические племена, вступившие в контакт с пришельцами — балановцами, населяли низовья Оки и принадлежали к двум антропологическим типам — балахнинскому типу европеоида с псевдонегроидными чертами и волосовскому типу европеоида с чуть заметной сублапоноидной примесью. Распространившись на территории Волго-Окского междуречья, этот метисированный тип вступил в контакт с фатьяновскими племенами. Этот сложный путь формирования основного пласта антропологического типа абашевского населения зафиксировался в типе черепов из могильников Абашевского и Таш-Касы»[31]. Приведенное антропологическое заключение подтверждает мою мысль о большой роли окских и волго-камских эпинеолитических племен в формировании абашевской культуры.

Таким образом, можно предполагать, что абашевская культура сформировалась на широкой местной, древнефинской, волосовско-турбинской (или сейминско-турбинской) основе в результате длительного смешения и скрещения с южными земледельческо-скотоводческими племенами различных культур. Абашевские племена, в среде которых древнефинский элемент был основным, но проявлялся в разных районах в различной степени, прошли на протяжении второй половины II тысячелетия до н. э. сложную еще далеко не ясную нам историю, вошли в качестве одного из заметных компонентов в сложение новых культур железного века.

Отчасти этим можно объяснить и отсутствие на Оке и Средней Волге поселений с абашевской керамикой — такой же, как в могильниках. На Оке абашевцы могли жить на поздневолосовских поселениях типа Подборицы-Щербининской; в курганы же они клали не бытовую, а отличавшуюся от нее праздничную, ритуальную керамику.

Трудно допустить, что за время своего короткого пребывания в Волго-Камье немногочисленные, притом якобы этнически чуждые абашевцы, успели оказать на местное древнефинское (волосовское) население столь глубокое влияние, выразившееся даже в передаче ему своего женского костюма. Женский костюм справедливо считается одним из наиболее устойчивых и надежных этнических признаков. Недаром по распространению женских украшений А. А. Спицын в его классической работе уточнил географию расселения древнеславянских племен начальной летописи.

[31] *М. М. Герасимов.* Восстановление лица по черепу.— «Тр. ИЭ», новая серия, т. XXVIII, 1955, стр. 527—529.

Столь значительная близость, временами тождество украшений женского костюма абашевцев и позднейшего древнефинского населения Волго-Камья в железном веке могут быть объяснены, вероятнее всего, их этнической близостью.

Кроме того, если расселение абашевцев было коротким историческим эпизодом, как думает большинство исследователей, и они были к тому же чужаками, то остается совершенно непонятным, откуда у них взялось такое изобилие металла, как они успели разведать и широко освоить месторождения меди и распространить свои металлические изделия на огромную территорию от Урала до Протвы. Но и это явление становится понятным в свете гипотезы об этническом родстве абашевских племен с более ранним местным древнефинским населением.

Конечно, наша гипотеза происхождения абашевских племен находится в противоречии с гипотезой решения тахарской проблемы Б. В. Горнунга; последний, как известно, высказал предположение, что тахары и есть абашевцы [32].

Предложенная в этой главе гипотеза происхождения абашевской культуры требует к себе наряду с другими гипотезами внимания будущих исследователей.

[32] *Б. В. Горнунг.* Из предыстории образования общеславянского единства. М., 1963.

Поселения чирковско-сейминского типа

Кажется, единственным районом Окского Поволжья, который не был захвачен движением позднияковских племен, был район Балахнинской низины, смыкавшийся на востоке с обширным массивом древних волго-финских земель. Большекозинские племена Балахнинской низины были одним из западных форпостов населения этих земель, остановившим здесь продвижение поздняковцев на восток. Богатый великолепным бронзовым оружием Сейминский могильник, относящийся как раз к XV в. до н. э., служит яркой иллюстрацией справедливости этих слов, свидетельством бурного времени, частых военных столкновений, когда каждый здоровый мужчина был вооруженным, готовым к отпору воином. Поэтому не только на протяжении большекозинского этапа, но и во все последующее время поздней бронзы развитие населения Балахнинской низины и находящихся к востоку от нее районов волжского левобережья шло своим особым путем. Это хорошо видно из распространения на всей указанной территории своеобразных поселений чирковско-сейминского типа, сменяющих здесь большекозинские поселения.

Поселения чирковско-сейминского типа были в последнее десятилетие сразу в большом числе исследованы А. Х. Халиковым и выделены им в особую культуру. Пользуясь его работами [1], даю краткую характеристику этой группы поселений.

Территория расселения чирковско-сейминских племен охватывала Балахнинскую низину и левобережье Средней Волги, включая бассейн Ветлуги. Невдалеке от Сеймы расположено несколько довольно крупных чирковско-сейминских поселений: Володары IV, Решетиха (Березовая Грива), Исток Мельничный, Сокорка. Вряд ли прав А. Х. Халиков, указывая на распространение чирковско-сейминской культуры до Галичского озера, Шексны и Модлоны включительно [2]. Думается, что А. Х. Халиков еще недостаточно четко, вернее, слишком обобщенно представляет себе чирковско-сейминскую культуру, которая в его представлении занимает огромное пространство от вологодской Модлоны близ оз. Воже до Сорочьих гор и Ерзовки на Каме. На этом пространстве следует ожидать существования не одной, а нескольких позднебронзовых культур.

Сложение чирковско-сейминской культуры представляется как результат взаимодействия и скрещения местного древне-финского населения на древневолосовском и большекозинском этапах его истории и населения балановской культуры, начавшего в это время, в середине II тысячелетия до н. э., интенсивное расселение в левобережье. Следы балановских влияний сказываются уже на большекозинском этапе в виде сосудов бомбовидной формы, орнаментированных в верхней части (см. рис. 8, *2*). Время этого первоначального контакта А. Х. Халиков определяет XVI и первой половиной XV в. до

[1] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», т. I. Йошкар-Ола, 1960.

[2] *А. Х. Халиков.* Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дисс. Казань, 1966.

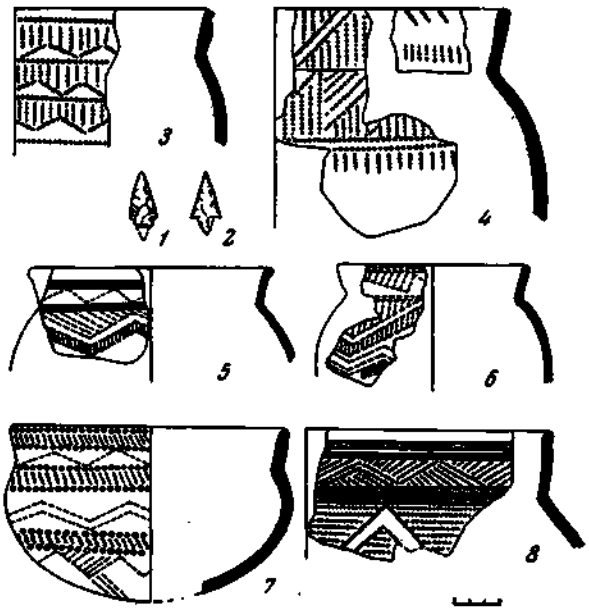


Рис. 16. Инвентарь чирковско-сейминских поселений (по А. Х. Халикову)

Наконечники стрел из верхнего слоя Чирковского поселения (*1, 2*), керамика из Носельского поселения (*3, 4*), Сумского I поселения (*5, 6*) и Васильсурского поселения (*7, 8*)

н. э. и рассматривает его как первый этап развития чирковско-сейминской культуры. Но в это время свойственные этой культуре черты еще далеко не получили своего развития. Поэтому мне представляется более правильным датировать ранний этап развития рассматриваемой культуры второй половиной II тысячелетия, т. е. в пределах от XIV до XI в. до н. э., когда завершается процесс формирования основных черт этой культуры. К этому времени относятся позднее поселение на Сейминской дюне, Чирковское, Юринское, Носельское и близкие им поселения.

Для многих поселений этого типа характерно расположение на высоких естественно укрепленных мысах речных берегов. Как и в более раннее время, жилища, очевидно, сохраняли вид наземных бревенчатых сооружений прямоугольной формы.

Абсолютно преобладает основная для чирковско-сейминской культуры керамика с выпуклым и округлым туловом, переходящим в цилиндрическое или расширяющееся раструбом горло (рис. 16). Посуда изготовлялась из глины с примесью толченой раковины. Орнамент, наносившийся главным образом мелкозубчатым штампом и изредка резными линиями или клиновидными вдавлениями, в конце этого периода становится более богатым и состоит из зон заштрихованных зигзагов, горизонтальных полос, треугольников. Часто горло сосудов по краю венчика и на переходе к тулову украшается «змейкой». В керамике последней четверти II тысячелетия до н. э. (Чирки) начинает чувствоваться абашевское влияние, возникшее вследствие выхода абашевских племен в область Волго-Вятского междуречья.

Культурные слои наиболее поздней группы памятников той же культуры, относящихся к концу II и началу I тысячелетия до н. э. (Хмелевское поселение, Ройский шихан, нижний слой Богородского городища на Ветлуге), нередко подстилают нижние слои городищ начала железной эпохи. Основной тип керамики остается прежним, но переход от тулова к горлу сосудов сглаживается, сосуды приобретают все более открытую форму, появляются отпечатки шнура и изредка однорядные ямочные вдавления. На Хмелевском поселении вместе с чирковско-сейминскими встречены и сосуды, покрытые текстильными отпечатками, а в нижнем слое Богородского городища, относящегося к первой четверти I тысячелетия до н. э., керамика состоит из сосудов бомбовидной формы с цилиндрическим или расширенным в виде раструба горлом, напоминающих по форме чирковско-сейминские, но покрытых по наружной поверхности текстильными отпечатками. На этом основании А. Х. Халиков делает вывод, что, «очевидно, в первой четверти I тысячелетия до н. э. чирковско-сейминское население на Ветлуге и частично на Волге оказалось захлестнутым волной распространившегося с запада населения, в материальной культуре которого одним из признаков являлось наличие керамики с текстильными отпечатками».

Дальнейшая судьба чирковско-сейминских племен еще недостаточно ясна, но, по мнению А. Х. Халикова, «наличие характерной для них керамики в нижних слоях городищ раннего железного века, материальная культура которых и на Волге, и на Вятке, и на Ветлуге была довольно близкой к широкому кругу ананьинских памятников, заставляет считать, что эти племена приняли активное участие в создании западных вариантов ананьинской культурной общности»[3].

Появление в волжском левобережье в конце бронзовой эпохи поселений с «текстильной» керамикой тесно связано с историей населения этого времени в бассейне Оки.

[3] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 136.

Культура с «текстильной» керамикой

Поселения с керамикой, имеющей текстильные отпечатки на поверхности (которую для краткости называем просто «текстильной»), давно и широко известны, общепризнана их основная роль в формировании культур городищ дьяковского и городецкого типов [1], но вопрос о возникновении этой своеобразной культуры финальной бронзы далеко не решен; более того, этот сложный вопрос никем не подвергался специальному исследованию.

На «текстильную» («сетчатую», «ниточную» или «рябчатую») керамику, находимую в среднем течении Оки, впервые обратил серьезное внимание еще в конце прошлого века и правильно определил ее место в общеисторическом процессе В. А. Городцов. В своем отчете о работах на Оке в 1897 г. он писал: «До последнего времени имелось большое затруднение в определении времени или эпохи, к которой относилась такая посуда, так как по своему типу она не подходила ни к неолитической посуде, ни к посуде железного века, что и давало повод относить ее к особой, промежуточной культурной эпохе» [2]. В последующих работах В. А. Городцова «текстильная» керамика неоднократно упоминается при описании археологических памятников среднего и нижнего течения Оки. Примерно в тех же районах (в разведках 1924—1928 гг.) мною обследовано 14 поселений с «текстильной» керамикой, выяснено их позднее стратиграфическое положение (см. рис. 1) и отсутствие их в низовьях Оки, в Балахнинской низине [3], историческое развитие населения которой в конце бронзовой эпохи пошло другим путем. В 1928 г. в докладе на III совещании палеоэтнологов Центральной промышленной области в Москве автор демонстрировал карту Волго-Окского междуречья, на которой было нанесено уже до 60 поселений с «текстильной» керамикой.

Характеристику ткачества в лесной полосе Европейской части СССР по находкам на многих памятниках, и в частности в бассейне Оки, позднее дал в специальной статье А. Я. Брюсов [4]. Затрагиваемые многими авторами интересующие нас памятники Верхнего Поволжья особенно подробно рассмотрены в последних работах Н. Н. Гуриной, где опубликованы хотя и не полные, но интересные карты распространения древней «текстильной» керамики на очень широкой территории Северной Европы [5].

Как известно, «текстильная» керамика чаще всего встречается на поселениях вместе с керамикой других типов: поздняковской, фатьяновской, волосовской, позднейшей ямочно-гребенчатой [6] и пр. В связи с этим закономерно возникает вопрос: не является ли «текстильная» керамика лишь своеобразным типом посуды, свойственной одной из перечисленных культур, т. е. следует ли поселения с «текстильной» керамикой выделять в особую археологическую культуру или культурную группу, отличную от прочих?

На этот вопрос должен быть дан отчетливый положительный ответ: да, поселения с «текстильной» керамикой на позднем этапе их существования на всем пространстве Волго-Окского края, исключая низовья Оки, Балахнинскую низину, принадлежат к уже сложившейся, достаточно своеобразной культуре, в среде которой в свою очередь формируются культурные элементы, вошедшие затем в хронологически следующую дьяковскую культуру железного века.

Но когда и при каких обстоятельствах появляется культура с «текстильной» керамикой? На этот вопрос сейчас еще нельзя дать четкого ответа. Пытаясь ответить на него, не следует применять трафаретный в археологии прием: выводить ее, как почти всякую новую культуру, в готовом виде с иной территории, мало заботясь о том, имеются ли там памятники этой культуры или хотя бы ее достоверные истоки.

Наиболее характерный признак рассматриваемой культуры — «текстильная» керамика — вначале появляется в составе смешанных комплексов и лишь впоследствии, в конце бронзовой эпохи, образует относительно чистые комплексы, наиболее близкие раннедьяковским. Объективно создается картина автохтонного формирования новой культуры. Процесс формирования культуры с «текстильной» керамикой следует рассматривать как отражение процесса ассимиляции разнородных этнических

[1] *Б. С. Жуков.* Теория хронологических и территориальных модификаций неолитических культур Восточной Европы.— «Этнография», 1929, № 1.

[2] *В. А. Городцов.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 года.— «Древности», т. XVII. М., 1900, стр. 26.

[3] *O. Bahder.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale.— ESA, IV. Helsinki, 1929.

[4] *А. Я. Брюсов.* «Сетчатая» керамика.— СА, т. XIV, 1950.

[5] *Н. Н. Гурина.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР.— МИА, 87, 1961, рис. 29; *Она же.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье.— МИА, 110, 1963 рис. 80.

[6] *О. Бадер.* Указ. соч., табл. на стр. 93.

элементов и постепенного слияния их в единое целое. Этот процесс завершается в период появления на Оке поселений с резко преобладающей «текстильной» керамикой или только с ней одной (вероятно, в самом конце II или, скорее, в начале I тысячелетия до н. э.). Понятно, что процесс этот на всей обширной территории не мог протекать равномерно.

К сожалению, сейчас нельзя с уверенностью говорить о времени и месте появления древнейшей керамики с текстильными отпечатками в нашей лесной полосе. По мнению А. Я. Брюсова, можно «с уверенностью заявить, что на рубеже III и II тысячелетий до н. э. в лесной зоне Восточной Европы существовала выделка (плетение?) ткани — искусство, которое почти сразу распространилось среди племен, занимавших эти области» [7]. Тот же автор считает, что «древнесетчатая керамика... возникает и развивается на большом пространстве в древних культурах Волго-Окской области и севернее, в культурах с ямочно-зубчатой керамикой, а не в фатьяновской или абашевской культуре» [8]. Однако М. Е. Фосс, на которую А. Я. Брюсов при этом ссылается, совсем этого не говорит, а лишь указывает, что ею «прослежена преемственность между культурой дьяковских племен и культурой предшествующего времени, характеризуемой древнесетчатой керамикой, т. е. установлена связь между памятниками раннежелезной эпохи и предшествовавшими» [9], что было, впрочем, сделано и аргументировано на обширном материале Антропологической комплексной экспедиции МГУ Б. С. Жуковым и мною ровно двадцатью годами раньше, еще в конце 20-х годов [10]. А еще раньше, в начале 20-х годов Ю. Айлио писал, что в Северной и Восточной Европе «сетчатая» керамика появляется в позднее время гребенчатой керамики неолита и связана так или иначе с «сетчатой» керамикой городищ [11]. Подчеркиваю, что Айлио пишет о позднем времени гребенчатой керамики, т. е. не о неолитической эпохе, а о более позднем времени II тысячелетия до н. э.

Как указывалось, еще в 90-х годах прошлого века В. А. Городцов правильно отнес «сетчатую» керамику на Оке к бронзовой эпохе [12]. Пользуясь обширным новым материалом, я в 20-х годах пришел к выводу, что «культура «текстильной» керамики с кремневой индустрией, будучи иногда связанной с материальными остатками упадочного неолита, является культурой металла и, непосредственно переходя к культуре городищ, дает чрезвычайно поздние пережитки» [13]. По Б. Ф. Землякову, в Северо-Западной области лишь в пору третьей, позднейшей фазы керамики с гребенчатым (а не ямочно-гребенчатым) орнаментом, и только в эту пору, «встречаются также остатки сосудов, покрытые сетчатым узором, полученным при помощи плетения или грубой ткани» [14].

По новейшим наблюдениям, сделанным на этой территории Н. Н. Гуриной, поселения с «текстильной» керамикой, которые она связывает с финно-угорскими народами, относятся на Северо-Западе к концу II тысячелетия до н. э. Тем не менее недавно Н. Н. Гурина, рассматривая вопрос о происхождении «текстильной» керамики, сочла маловероятным ее зарождение в недрах фатьяновской, волосовской, галичской и турбинской культур и вслед за А. А. Спицыным, Б. С. Жуковым и другими авторами пришла к выводу о наибольшей вероятности развития «текстильной» керамики из позднейших вариантов поздненеолитической ямочно-гребенчатой керамики, мотивируя это некоторым сходством разреженного ямочного орнамента, круглодонной формы и профилировки сосудов, а также составом глиняного теста того и другого керамических комплексов [15]. На ту же точку зрения недавно встал и В. П. Третьяков [16]. С этим выводом трудно согласиться.

Прежде всего представляется принципиально ошибочным сам подход к решению этого вопроса, т. е. желание вывести культуру с «текстильной» керамикой непременно из какой-либо определенной, одной культуры из числа уже долго сосуществовавших бок о бок культур середины II тысячелетия до н. э., в значительной мере уже слившихся.

[7] *А. Я. Брюсов.* — «Сетчатая» керамика, стр. 302.

[8] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 258.

[9] *М. Е. Фосс.* Итоги Галичской экспедиции. — КСИИМК, XXVI. 1949, стр. 39.

[10] См. статьи *Б. С. Жукова* и *О. Н. Бадера* в: ESA, IV. Helsinki, 1929.

[11] *J. Ailio.* Fragen der russischen Steinzeit. — «Finska Fornminnesföreningens Tidskrift», XXXIX, I. Helsinki. 1922.

[12] *В. А. Городцов.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 года, стр. 26.

[13] *O. Bahder.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale, S. 101.

[14] *Б. Ф. Земляков.* Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время. — «Доклады Академии наук СССР», 1928, стр. 85.

[15] *Н. Н. Гурина.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, стр. 167; *Она же.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 201—203.

[16] *В. П. Третьяков.* Неолитические племена Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 16.

Переходя к конкретным возражениям, необходимо указать на следующее:

1. Между эпохой неолита с ямочно-гребенчатой керамикой и появлением «текстильной» керамики существует значительный хронологический разрыв.

2. Культура позднейших потомков неолитических волго-окских племен, которая могла войти в качестве одного из компонентов в состав формировавшейся культуры с «текстильной» керамикой около середины II тысячелетия до н. э. или в его второй половине, была уже сильно видоизменена в результате ассимилятивных процессов с волосовской, фатьяновской, балановской, а вероятно, и с поздняковской и абашевской культурами и сохранилась к этому времени лишь у разрозненных групп, уже не составлявших большинства населения края.

3. Круглодонная форма, свойственная сосудам с текстильными отпечатками, характерна не только для неолитической ямочно-гребенчатой керамики, но и для волосовской, и фатьяновской, и балановской, и абашевской; по составу же глины, толщине стенок, так же как по еще более характерной для нее плоскодонной горшковидной форме и орнаменту, «текстильная» керамика ближе всего к поздняковской керамике; в частности, для нее очень характерен орнамент из ямочных оттисков продолговатого штампа в виде «городков», поясков из круглоямочных вдавлений вокруг шейки и в особенности поясков из выпуклых «жемчужин»; шнуровой орнамент, встречающийся на «текстильной» керамике, также чужд ямочно-гребенчатый керамике, но обычен на фатьяновской и поздняковской.

4. Двумя годами раньше выхода в свет цитированной выше работы Н. Н. Гурина, подводя итоги исследованиям древних памятников Северо-Запада Европейской части СССР, приходит к диаметрально противоположному и, с нашей точки зрения, правильному выводу о том, что «керамика с отпечатками ткани весьма отлична от предшествующей ей ямочно-гребенчатой», и подробно и убедительно аргументирует этот вывод [17]. «На территории Карелии мы не можем указать такой последовательности, где бы элементы (даже элементы! — *О. Б.*) «текстильной» керамики зарождались в предшествующей стадии. Она резко отлична и по тесту, и по орнаменту. Как правило, стоянки с «текстильной» керамикой в пределах Карелии и Ленинградской области имеются в чистом виде, без примеси более ранних элементов... Таким образом, стоянки с «текстильной» керамикой как бы не имеют своих предшественников» [18].

С этим можно целиком согласиться, и это понятно, так как в Карелии и Ленинградской области недостает большей части тех культурных элементов, из которых слагается культура с «текстильной» керамикой в Волго-Окском крае. Из всей суммы фактов и заключений Н. Н. Гурина делает конечный и совершенно логичный вывод о том, что «носители «текстильной» керамики в первой фазе ее в Южной Карелии и северной части Ленинградской области не были аборигенами, а представляли собой пришлый элемент, сложившийся где-то вовне рассматриваемой нами территории» [19].

Остается неясным, почему на Северо-Западе не произошло формирования культуры с «текстильной» керамикой на базе предшествовавшей ей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, а в Волго-Окском крае именно такой процесс представляется Н. Н. Гуриной наиболее вероятным.

5. Поселения с «текстильной» керамикой имеются и на Ветлуге и в районах Казанского Поволжья, куда неолитическая культура с ямочно-гребенчатой керамикой вообще не распространялась. По А. В. Збруевой, «сетчатая» керамика имеется в незначительной примеси на поселениях финальной бронзы — Старо-Грязнухинском, Зеленовском, Усть-Камском и Гроханском на Каме близ устья Вятки, но восточнее не распространяется. На Морквашинском поселении сетчатая керамика составляет 40% [20], а на Казанском (по Н. Ф. Калинину) — 67% [21]. Она распространяется здесь лишь в конце II тысячелетия до н. э. в памятниках приказанской культуры (Займище II, Волжская, Криуши) и в начале I тысячелетия. По мнению А. Х. Халикова, это произошло, «очевидно, в результате некоторого сдвига волго-окских племен на восток» [22]. Но использование здесь теории сдвигов неприемлемо по той причине, что на указанных поселениях «текстильная» керамика находится не в волго-окских комп-

[17] *Н. Н. Гурина.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, стр. 157, 158.

[18] Там же, стр. 163.

[19] Там же, стр. 164.

[20] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в анаьинскую эпоху.— МИА, 30, 1952.

[21] *Н. Ф. Калинин.* Казанская стоянка.— «Историко-археологический сборник Ин-та краеведческой и музейной работы». М., 1948.

[22] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 165.

лексах, а в комплексах приказанской культуры и не в виде посторонней примеси: текстильные отпечатки на сосудах «нанесены преимущественно вместе с орнаментом (однорядные ямочные вдавления и резные узоры) позднеприказанского типа» [23]. Естественнее всего и здесь смотреть на появление «текстильной» керамики как на результат автохтонного процесса, конечно не изолированного от аналогичного процесса на смежных с запада территориях. Из элементов, которые нужно принимать во внимание при рассмотрении вопроса о сложении культуры с «текстильной» керамикой в Волго-Окском крае, в Приказанском Поволжье нет или почти нет ямочно-гребенчатой керамики, но есть и волосовская, и балановская, и абашевская, и срубно-поздняковская. Таким образом, на примере Казанского Поволжья можно видеть, что ямочно-гребенчатая керамика не является основой для керамики с текстильными отпечатками; более того, не обязательно даже ее участие в этом процессе.

Высказанными соображениями опровергается гипотеза о сложении культуры с «текстильной» керамикой в недрах позднеэнеолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

Нельзя исключать известной роли фатьяновской культуры в рассматриваемом процессе. Более того, вполне возможно, что фатьяновцы Верхнего Поволжья на поздних этапах своей истории даже жили на поселениях с «текстильной» керамикой, сохраняя свои традиционные культурные черты лишь в погребальном ритуале. Об этом свидетельствуют теперь уже многочисленные находки фатьяновской керамики на поселениях с «текстильной» керамикой и даже примеры совмещения текстильных отпечатков с фатьяновским орнаментом на одних и тех же круглодонных сосудах (Ватажка, по П. Н. Третьякову). О значительной роли фатьяновской культуры в формировании культуры с «текстильной» керамикой говорит и Д. А. Крайнов [24].

Но фатьяновская керамика значительно отличается от «текстильной», в этом совершенно права Н. Н. Гурина [25]. Судя по профилировке, массовому появлению уплощенных и плоских днищ, составу глиняного теста, способам обработки поверхности и наиболее характерным орнаментам («городки», пояски ямок и выпуклых «жемчужин» вокруг шейки сосудов), на типе «текстильной» керамики гораздо ближе сказывается влияние поздняковской культуры.

В этом отношении интересен пример Среднего Поволжья. Там на обширной территории смешения балановской и пережиточно-неолитической (в которую вошли и элементы ямочно-гребенчатой) культур — культура с «текстильной» керамикой не возникла, а сложилась чирковско-сейминская культура. Примесь «текстильной» керамики появляется лишь в позднейших памятниках — в смежной, частью перекрывшей территорию чирковско-сейминской культуры приказанской культуре. Следовательно, не балановская, родственная фатьяновской, а срубно-поздняковская культура прежде всего была здесь фактором, сопровождавшим появление «текстильной» керамики. Очевидно, аналогичную картину мы имеем и на Оке, и на Верхней Волге. Но нельзя забывать и того факта, что в поздняковской культуре «текстильная» керамика появляется, по-видимому, позже начала этой культуры.

Подводя итог всему сказанному по поводу сложения культуры с «текстильной» керамикой, необходимо отметить, что ее истоков нельзя искать в какой-либо одной культуре. Она являлась как бы синтезом всех элементов, составивших смешанное население Волго-Окского края в середине II тысячелетия до н. э. В соответствии с этим нет оснований возражать против участия в ее формировании потомков неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой [26], как и волосовских, фатьяновских, балановских, поздняковских и абашевских элементов. Ее образование явилось актом нивелировки, слияния всех разнородных элементов, которые впитал в себя Волго-Окский край в предшествующие века богатого событиями II тысячелетия до н. э.

Изложенная точка зрения на возникновение культуры с «текстильной» керамикой была аргументирована мною в специальной статье [27]. Эту же точку зрения развивает и П. Н. Третьяков в своей последней монографии. Он приходит к выводу, что «распространение «текстильной» керамики следует рассматривать как один из показателей культурно-этнической интеграции, основной силой которой являлись

[23] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 165.

[24] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры.— «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. В 1—20. 1964, стр. 41—42.

[25] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье, стр. 201, 202.

[26] Например, в 1936 г. П. Н. Третьяковым произведены раскопки позднеэнеолитического поселения с керамикой, покрытой редко расположенными округлыми ямками, вместе с которой встречена архаическая «текстильная» керамика.

[27] *О. Н. Бадер.* Культура с «текстильной» керамикой.— СА, 1966, № 3.

финно-угорские племена Поволжья и Прибалтики». В процессе этой интеграции «исчезало различие между потомками местных и волго-окских пришлых финно-угорских камско-уральских племен, утратились последние следы фатьяновских, балановских и абашевских традиций. Поздняковские племена вошли в рамки той же культуры» [28].

Время становления культуры с «текстильной» керамикой в Волго-Окском крае нельзя отождествлять с моментом первого появления одного из ее признаков: отпечатков ткани или плетенки на сосудах. Оговариваясь, что устанавливаемые этапы этногонического процесса условны и что нет еще достаточных фактов для уточнения искомой даты, можно приурочить существование уже сложившейся культуры с «текстильной» керамикой к последней четверти II тысячелетия до н. э., скорее, к концу ее. При этом не подлежит сомнению, что процесс сложения культуры не был равномерным на всем пространстве огромного края, что в некоторых районах она сложилась раньше, в других позднее и, вероятно, в различных локальных вариантах.

Возникшая таким образом новая культура характеризуется многочисленными поселениями, часть которых, вероятно более поздняя, содержит уже более или менее чистый комплекс «текстильной» керамики. Эти поселения еще очень плохо изучены и требуют внимания исследователей. До сих пор не существует удовлетворительных классификации и периодизации «текстильной» керамики. Проявляющаяся естественная тенденция считать круглодонную керамику более древней далеко не всегда подтверждается материалом; так, например, А. В. Збруева датирует такую керамику на Ляпкинской стоянке в низовьях Клязьмы вместе со всем ее комплексом временем около 1000 лет до н. э. [29]; А. Х. Халиков указывает, что «текстильная» керамика примерно того же времени в Казанском Поволжье почти вся круглодонная [30].

Культура с «текстильной» керамикой — это развитая земледельческо-скотоводческая культура с уже упадочным кремневым инвентарем, что всегда свидетельствует о прогрессе в употреблении металлических орудий; к сожалению, на многих поселениях со смешанной керамикой кремневый инвентарь нельзя с уверенностью связать с тем или иным керамическим комплексом.

Поселения располагаются обычно еще на низких берегах рек и озер, чаще всего на краю надпойменной террасы или на дюнах. Но некоторые позднейшие поселения с «текстильной» керамикой начинают отодвигаться от водоемов и переносятся на высокие берега, превращаются, по археологической терминологии, из стоянок в селища; это обстоятельство следует связать с существенными переменами в экономике — преобладанием огневого земледелия над остальными формами хозяйства. Наконец, уже на этой ступени появляются первые укрепленные поселения — городища. Таково, например, Мокеевское городище на берегу Лебединого озера в Мещерском крае, открытое мною в 1928 г.; оно расположено на невысоком песчаном мысу и укреплено сильно оплывшим валом; на площадке городища найдена «древнетекстильная» керамика с кремневым инвентарем. Мнение о столь раннем возникновении городищ высказано и П. Н. Третьяковым, предположительно относящим это явление к рубежу II и I тысячелетий до н. э. [31]

Могильники, которые обладали бы специфическими особенностями и которые можно было бы с уверенностью связать с рассматриваемой культурой, пока не исследованы. Может быть, сюда относится Ефановский могильник, где найдены бронзовые кельты, и Младший Волосовский могильник [32]. В последнем уже обнаружены остатки железных предметов; его бронзовые кельты еще сохраняют форму, близкую сейминской, и расширенное лезвие, но уже теряют свойственную Сейме шестигранность.

Непосредственная историческая связь между финально-бронзовой культурой с «текстильной» керамикой и раннежелезной культурой городищ дьяковского типа в Окском Поволжье и на Верхней Волге не подлежит никакому сомнению, так же как и связь культуры дьяковских городищ с финноязычными племенами той же территории, упоминаемыми начальной летописью [33]. Тем самым устанавливается и финноязычность населения культуры с «текстильной»

[28] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 135.

[29] *A. V. Zbrujev.* Der Wohnplatz Lipki im Gouv. Vladimir.— ESA, IV. Helsinki, 1929.

[30] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.

[31] *П. Н. Третьяков.* Древнейшие городища Верхнего Поволжья.— СА, т. IX, 1947; *Он же.* Восточнославянские племена. изд. 2. М., 1953, стр. 85.

[32] *Т. Б. Попова.* Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников.— «Труды ГИМ», вып. 40, 1966.

[33] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 94, 1961.

керамикой. Гипотеза о связи дьяковской культуры с волго-окской топонимикой Б. А. Серебренникова[34], выдвинутая недавно П. Н. Третьяковым[35], представляется неприемлемой. Эта топонимика является гораздо более древней. Впрочем, в своей последней монографии автор уже не поддерживает упомянутой гипотезы.

Поселения с «текстильной» керамикой и инвентарем каменных орудий можно рассматривать как памятники раннего этапа дьяковской культуры. Из всего этого необходимо сделать тот вывод, что происходившие на рассматриваемой территории в эпоху бронзы этнические сдвиги и скрещения древнефинских волго-окских, индоевропейских и индоиранских групп в конечном счете привели к победе финских языков, первыми носителями которых были здесь племена с культурой волосовского типа.

Как справедливо отмечает П. Н. Третьяков, «в целом область распространения «текстильной» (и рогожной) керамики полностью соответствовала установившемуся во II тысячелетии до н. э. ареалу финно-угорских племен в Поволжье и Восточной Прибалтике, обрисовываемому данными топонимики (гидронимии), истории, археологии и этнографии. На территории Латвии и Литвы «текстильная» керамика уже не известна за исключением отдельных фрагментов. Нет ее и в нижнем течении Западной Двины, на Немане и в бассейне Верхнего Днепра. Она не характерна также и для Верхней Оки, куда в предыдущий период не проникли камско-уральские племена. То, что культура «текстильной» керамики принадлежала поволжским и прибалтийским финно-уграм, является бесспорным; этот факт никем и никогда не оспаривался»[36].

Мне представляется наиболее вероятным, что культура с «текстильной» керамикой, включая сюда и городища дьяковского типа, принадлежала древним волжским финнам, тогда как камская протоананьинская и ананьинская — пермским финнам. В основе первой из них лежала волосовская культура, в основе второй — турбинская.

Изучение древних памятников с «текстильной» керамикой — одна из актуальнейших наших задач.

[34] *Б. А. Серебренников.* Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР.— «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

[35] *П. Н. Третьяков.* Волго-окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья.— СЭ, 1958, № 4.

[36] *П. Н. Третьяков* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 141.

Часть вторая

Сейминский могильник и поселение

Предварительные замечания

Сейминский памятник и понятие о сейминской культуре уже давно и прочно вошли в археологию Северо-Восточной Европы. В то же время этот важный памятник до сего времени оставался неизданным, недостаточно выяснено соотношение могильника и стоянки, а последняя не описана почти совершенно, что служило и продолжает служить причиной многих недоразумений. И не случайно Д. Н. Эдинг указывал, что «небрежное обследование Сейминского могильника сводит материал из него на степень случайных находок» [1].

В настоящей публикации автор ставит целью систематизировать отрывочные данные по старым раскопкам Сейминского памятника, охарактеризовать содержание стоянки и выяснить соотношение могильника и стоянки, использовав для этого неопубликованные результаты раскопок советского периода, хранящиеся в Институте антропологии Московского университета, а также коллекции Горьковского областного музея.

В процессе работы автор столкнулся с крайней скудостью источников по дореволюционным раскопкам, усугубляемой потерей некоторых рукописных отчетов и иллюстраций, ссылки на которые имеются у различных авторов и в инвентарях Горьковского музея. Досадна и потеря подробных записей бесед автора в 1924—1926 гг. с участниками раскопок С. М. Парийским и А. Я. Садовским, тем более что теперь уже не осталось в живых никого из руководителей старых раскопок у Сеймы и выяснение многих недоуменных вопросов сделалось невозможным.

За советский период открыто несколько новых памятников сейминско-турбинского типа (последний в 1949 г. у г. Перми), поставлены и разрешаются многие вопросы ранней истории Поволжья и Приуралья, к которым Сейминский памятник имеет самое непосредственное отношение и которые заставляют снова и снова к нему возвращаться. В то же время даже общие представления о Сейминском памятнике и о его культурной принадлежности продолжают оставаться у разных авторов весьма различными, что объясняется, конечно, главным образом трудностью ознакомления с

[1] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала.— «Труды ГИМ», вып. X. М., 1940, стр. 87.

его неизданными материалами. Поэтому публикация их представляется более чем своевременной.

Пользуясь многочисленными, но крайне разрозненными архивными и литературными источниками, автор, принимая во внимание их скудость и малую доступность, использует и цитирует их намеренно с возможно большей полнотой.

Наружное описание памятников

Сейминский памятник находится в юго-западной части Балахнинской низины, близ слияния Волги и Оки, в 4—5 км от современного русла последней, на ее левом берегу, в 6 км от ст. Сейма Горьковской (б. Московско-Нижегородской) ж. д., в сторону ст. Желнино, к югу от железнодорожной линии и к западу от дер. Решетихи, невдалеке от нее.

Памятник занимает вершину высокого дюнного всхолмления, расположенного у края песчаной первой надпойменной террасы р. Оки. У южного подножия дюны начинается заболоченная, поросшая кустарником низина, соединяющаяся невдалеке с протянувшейся с запада на восток старицей Оки; по этой низине вдоль дюны протекает ручей Совец. К востоку и частью к западу от дюны, судя по топографическому плану 1929 г. (рис. 17), различается пойменный уступ — на высоте 3—4 м над заболоченной низиной. Уступ боровой террасы приподнят над поймой на 13 м, а над болотом — на 17 м, что, по-видимому, может поставить под сомнение определение этой террасы как боровой.

Надо полагать, что заболоченная низина, по которой протекает ручей Совец, в свое время представляла собой окский проток или старицу, к которой и были приурочены и поселение, и могильник. Край надпойменной террасы в этом месте заметно изгибается на северо-восток, поэтому дюна с культурными остатками как бы вдавалась в водоем и господствовала

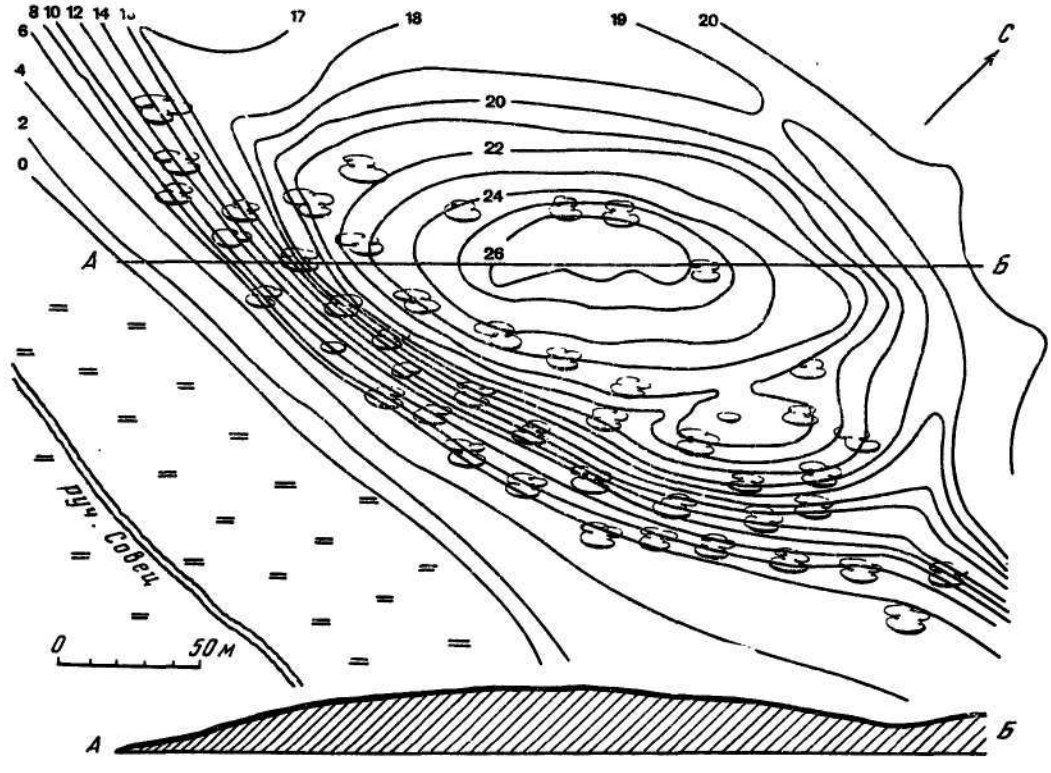


Рис. 17. Топографический план и продольное сечение Сейминского памятника (сняты М. В. Талицким в 1929 г.)

над ним; ее вершина и сейчас возвышается на 26 м над болотом.

С севера и с запада дюна примыкает к холмистой поверхности надпойменной террасы, покрытой аналогичными песчаными холмами с разбросанными повсюду следами старых окопов (здесь производились военные учения) и песчаными выдувами. Но окрестные холмы не столь высоки, благодаря чему и с этих сторон наша дюна занимает господствующее положение, что, надо думать, сыграло роль при выборе ее для могильника.

Дюна вытянута с юго-запада на северо-восток; длина ее по основанию достигает 225 м. Северо-западный склон ее круче юго-восточного, но наиболее крута нижняя часть юго-восточного, т. е. склон самой террасы к пойме, подмытый половодьями Оки. Южный, спускающийся к пойме склон покрыт сосновым, а в восточном конце — дубовым леском. Склоны на запад, север и восток в настоящее время почти оголены и поросли лишь редкими, разбросанными по ним кустами и деревьями. Но в 1912 г., когда на дюне начинались раскопки, лишь северный крутой склон ее и вершина были относительно свободны от растительности, остальные же, более пологие склоны были покрыты густыми зарослями.

На вершине дюны — вытянутая с юго-запада на северо-восток площадка длиной около 58 и шириной до 16 м, в настоящее время с сильно перекопанной поверхностью, но в 1912 г. почти ровная, лишь с тремя симметрично расположенными впадинами (ямами) на поверхности [1], по-видимому обозначавшими места древних жилищ-землянок.

Многократные раскопки и вырубание древесной поросли привели к тому, что поверхность памятника оказалась плохо защищенной и стала разрушаться водой и ветрами.

[1] Акт осмотра местонахождения предметов около станции Сейма, произведенного воинскими чинами 10-й пехотной дивизии и членами Нижегородской ученой архивной комиссии 4 июля 1912 г.— ДНУАК. Сборник, т. XIV, приложения. Н.-Новгород, 1913 (далее: Акт осмотра).

История изучения

Сейминский памятник подвергался раскопкам 10 раз в течение 18 лет (1912—1929 гг.), притом различными любителями и исследователями. Научные отчеты о большинстве этих раскопок отсутствуют. В печати появился только краткий отчет С. М. Парийского о раскопках 5—6 июля 1914 г.; по остальным раскопкам имеются лишь отрывочные сведения, причем наиболее крупные раскопки в июне 1914 г. остались совершенно не освещенными их авторами. Найденные при раскопках вещи были взяты с места раскопок (дореволюционного периода) далеко не все, а взятые поступили в Нижегородский музей далеко не полностью. Методика некоторых раскопок и, повидимому, в особенности крупнейших раскопок 1914 г. стояла на низком любительском уровне. По всем этим причинам сколько-нибудь полное научное освещение Сейминского могильника представляется безнадежным. К счастью, этого нельзя сказать о стоянке, два раза исследовавшейся в советский период; описание результатов этих раскопок поможет уяснить и некоторые вопросы, касающиеся могильника.

Попытаемся изложить историю изучения Сейминского памятника.

Открытие и раскопки 23 июня 1912 г.

Памятник был открыт 23 июня 1912 г. Командир роты 37-го пехотного Екатеринбургского полка штабс-капитан А. М. Конев, занимаясь с ротой, «случайно нашел, по-видимому, бронзовый или медный топор. Находка обнаружилась в отвалившемся крае окопа на глубине около $1^1/_4$ арш. в песке». Им же и поручиком того же полка А. А. Гринько «на расстоянии около 3 арш. от этого места вскоре было найдено при раскопке еще два топора, копье и два ножа — все такого же металла. Продолжая раскопки, на том же месте (площадь около $5 \times 5 = 25$ кв. арш.) нашли несколько кремневых наконечников стрел, плоский коричневый точильный камень величиной в ладонь взрослого человека, толщиной в $^1/_4$ вершка» [1].

В связи с сооружением на вершине холма военно-учебного укрепления — редута памятнику причинены сильные разрушения еще

[1] *Ф. Н. Малицкий.* Краткое сообщение 11 сентября 1912 года о находке на Сейминском становище.— ДНУАК, Сборник, т. XIV. Приложения. Н.-Новгород, 1913.

до начала на нем регулярных археологических раскопок.

О первых находках в Сейме В. А. Городцов 10 мая 1913 г. сделал сообщение в Московском археологическом обществе [2]. При перечислении найденных предметов он говорит о копьях во множественном числе, что дает основание считать, что копий было найдено не менее двух; далее говорится о находках кремневых ножей и скребков и «песчаниковых точильных брусков»; кроме того, дополнительно отмечается находка бронзовой пилы и двух колец из светло-зеленого нефрита.

Располагая, видимо, довольно подробной информацией о находке, В. А. Городцов указывал также на найденные вместе с вещами человеческие зубы и кости, иногда покрытые «зеленою окисью меди», и сделал из этого заключение, «что бронзовые и каменные орудия сопровождали покойников». Далее он определил, что «по своим типам бронзовые сейминские орудия ближе всего стоят к сибирским». В. А. Городцов уже тогда правильно определил и время открытого памятника; он отнес его к концу бронзовой эпохи, когда в центральную область современной Европейской России впервые проникло восточно-культурное течение, отклонив южно-кавказское течение, появившееся в той же области в более раннее время. Отмечая большой интерес находки, докладчик указывал на желательность научных раскопок у Сеймы [3].

К сожалению, Московским археологическим обществом эти археологические раскопки предприняты не были, а правильные научные определения, сделанные В. А. Городцовым, видимо, остались неизвестными лицам, производившим раскопки, или, во всяком случае, не были восприняты ими.

Осмотр 4 июля 1912 г.

4 июля был произведен осмотр места находок, в котором приняли участие воинские чины 10-й пехотной дивизии и члены Нижегородской ученой архивной комиссии — А. Я. Садовский (председатель), Ф. Н. Малинин, Н. И. Драницын и С. М. Парийский. При осмотре раскопок не производилось; внимание было обращено на выяснение условий находок, сделанных в июне, что было зафиксировано в особом акте [4]. Выяснено, что находки сделаны на песчаном холме, где велись саперные работы по возведению редута, «для чего с северной стороны холма сделан ров длиною 4—5 саж., шириною до $1^1/_2$ арш.». «Весь Екатеринбургский редут занимает пространство в длину более 15 саж., а в ширину на вершине до 5—7 саж.» В стенках траншей и 7—8 ям с обнаженными краями диаметром до двух арш. во многих местах наблюдался культурный слой с очертаниями ям и собран значительный подъемный материал. Был также обнаружен, «по-видимому, очень большой глиняный с орнаментом сосуд», который, однако, «не удалось выкопать... неповрежденным» [5].

Место первоначальных находок — северо-западная сторона вершины; отсюда раскопки велись на юго-восток, к ямам.

Комиссия пришла к выводу о «необходимости постановки на памятнике больших раскопок и приняла меры к его охране через посредство администрации военного лагеря, находившегося неподалеку, в северо-западном направлении, а также через балахнинского исправника» [6].

Судя по инвентарю Горьковского музея, в результате осмотра 4 июля 1912 г. в Нижегородский музей поступила собранная при осмотре керамика, кремень, а также бронзовые вещи, видимо полученные из числа июньских находок: шесть кинжалов, два кельта, копье и узкий, массивный, долотовидный клин.

Раскопки 5, 6 и 9 июля 1912 г.

5, 6 и 9 июля 1912 года штабс-капитан А. М. Конев произвел на памятнике новые раскопки, во время которых он «нашел еще 6 кремневых наконечников стрел разной величины и формы, два кремневых ножа длиною в 2 и $2^1/_2$ вершка, три плоских кольца с внутренним диаметром около $1^1/_4$ дюйма, 2 кольца бледно-зеленого камня и одно серо-коричнево-

[2] *В. А. Городцов.* О находке близ ст. Сейма Моск.-Нижегородск. ж. д.— «Древности», т. XXIV, 1914 г., стр. 360—361 (Протокол № 771 заседания Моск. археологического общества от 10 мая 1913 г.). (Возможно, что в сообщении В. А. Городцова, сделанном в Московском археологическом обществе 10 мая 1913 г., учтены также вещи, найденные в пробных раскопках летом 1912 г.— *О. Б.*)

[3] Там же, стр. 361.

[4] Акт осмотра.

[5] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.

[6] Акт осмотра; Журнал 140-го заседания (внеочередного) Нижегородской ученой архивной комиссии 11 сентября 1912 г.— ДНУАК. Сборник. т. XIV. Приложения. Н.-Новгород, 1913; Журнал 141-го заседания Нижегородской ученой архивной комиссии 24 сентября 1912 г.— Там же.

го, куски круглой кости и два коренных зуба, много мелкого и один кусок довольно крупного угля. Уголь найден на глубине $1^1/_4$ арш. Все эти вещи найдены на той же площадке и на глубине около 12 вершков.

При раскопках в трех ямах на глубине 12—16 вершков найдено много мелких черепков из необожженной глины, уголь, небольшие кусочки кости и обломок коричневого точильного камня» [7].

Раскопки 16—22 июля 1912 г.

Через неделю, 16—22 июля, А. М. Конев снова произвел раскопки памятника; при этом найдено «из бронзовых предметов: топор с хорошо сохранившейся орнаментировкой, два копья... два ножа с остатками костяных черенков... *пилка-нож, у которого с вогнутой стороны — зубья пилы, а выпуклая — лезвие ножа*; кремневые предметы: 10 наконечников стрел и дротиков, 5 точильных камней серого и коричневого песчаника, белый камень для правки лезвия, неоконченные наконечники стрел, много кремня», уголь, остатки костей и большого глиняного сосуда в яме. «Все предметы найдены на глубине $1—1^1/_2$ арш.» [8]

* * *

Досадно, что в те годы разрешались любительские раскопки лицам, среди которых не было ни одного специалиста-археолога; между тем, по указанию С. М. Парийского, «разведки и раскопки производились с разрешения и ведома Императорской археологической комиссии» [9].

Как бы то ни было, комиссия задалась целью сосредоточить все сделанные в Сейме находки в своем Историческом музее; но на этом пути встретились очень большие трудности, показывающие бессилие государственных научных организаций дореволюционного периода обеспечить охрану памятников старины, огромное количество которых попадало в частные руки и безвозвратно погибало. «К сожалению,— указывает член комиссии Ф. Н. Малинин,— попытки некоторых членов комиссии частными переговорами склонить лиц, почему-то считавших себя не только инициаторами и главными участниками находки, но и неотъемлемыми собственниками ее, передать все в ведение Нижегородской ученой архивной комиссии оказывались бесплодными. Приходилось ссылками на законы оспаривать права принадлежности того или иного лица, обращаться к владелице земли г-же Боклевской, составлять особый акт с закреплением в нем всего перечня найденного и т. д., дабы впоследствии тем или иным путем добиваться получения последнего и пр.» [10]

Нижегородская ученая архивная комиссия, считая себя ответственной за научное выявление памятника, не раз обсуждает связанные с этим вопросы.

Как выясняется из данных, попавших в печать, после доклада правителя дел комиссии С. М. Парийского о поездке членов комиссии 4 июля комиссия 11 сентября 1912 г. ставит на обсуждение «Краткое сообщение о находке на Сейминском становище» члена комиссии Ф. Н. Малинина [11], 24 сентября обсуждает вопрос об организации охраны памятника [12], 10 декабря — об организации больших раскопок [13] и т. д.

«Как только стало известно о находках в Сейминском становище, Архивная комиссия приняла все зависящие меры к тому, чтобы найденное не разошлось по рукам любителей и дилетантов и, таким образом, навсегда не погибло бы для тщательного и всестороннего изучения местной культуры, старины, древностей». Справедливо полагалось, что «даже если бы предметы находок и остались у кого-либо из частных лиц, но не в разрозненном виде и в цельности, то ознакомление с ними для жителей Нижегородского края оказалось бы более чем затруднительным». 5 августа 1912 г. штабс-капитан А. М. Конев передал комиссии через Ф. Н. Малинина все найденные им предметы и все, что он мог собрать, а также «два плана местности и краткий дневник своих изысканий» [14].

Гораздо труднее было получить коллекцию древних вещей, находившуюся у поручика А. А. Гринько, не говоря уже о некоторых других лицах, считавших себя собственниками отдельных предметов. Комиссии пришлось воздействовать на поручика Гринько через коман-

[7] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[8] Там же.
[9] *С. М. Парийский.* Нижегородская ученая архивная комиссия за двадцать пять лет своего существования.— ДНУАК, выпуск, посвященный 25-летнему юбилею комиссии. Н.-Новгород, 1913.
[10] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[11] См. Журнал 140-го заседания...; *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[12] Журнал 141-го заседания... Там же.
[13] Журнал 144-го заседания...
[14] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.

дира дивизии, и только в заседании от 10 декабря [15] комиссия заслушала сообщение «о доставлении в комиссию вещей из становища, находившихся у поручика Гринько». Впрочем, как сообщил автору в 1924 г. С. М. Парийский, Гринько были переданы далеко не все вещи, едва ли не лучшая часть их была оставлена поручиком у себя и затем увезена им. Подтверждение этому мы находим и у В. А. Городцова, который указывает, что «в Нижегородскую ученую архивную комиссию поступили не все вещи, найденные летом 1912 г.: некоторые и, как уверяют, хорошие экземпляры бронзовых орудий разошлись по рукам» [16], а в 1916 г. некоторые из них поступили в Государственный исторический музей [17].

Вопрос о больших раскопках и их руководителях также был поставлен комиссией еще в 1912 г., что вытекает из уже цитированных протоколов и, в частности, из Протокола заседания от 11 сентября 1912 г., где было решено сообщить о становище известным русским археологам А. А. Спицыну и В. А. Городцову [18] и просить их принять участие «в научной разработке становища», а также ходатайствовать о субсидии на раскопки перед Нижегородским биржевым обществом. В Протоколе от 10 декабря упоминается о письмах А. А. Спицына и В. А. Городцова с изъявлением согласия взять на себя руководство раскопками Сейминского становища.

Раскопки В. А. Городцова, на которые Московское археологическое общество даже ассигновало средства, не состоялись по причине отказа Нижегородской архивной комиссией уступить обществу половину найденных раскопками вещей [19].

12 декабря 1912 г. [20] Нижегородской ученой архивной комиссией было принято предложение директора Московского археологического института А. И. Успенского «произвести эту раскопку на средства и научными силами института», с командированием для руководства раскопками А. А. Спицына и с оставлением всех найденных предметов в собственности комиссии, о чем и было тогда же возбуждено соответствующее ходатайство перед Советом Московского археологического института.

Однако в следующем 1913 г. раскопки под руководством А. А. Спицына не состоялись. Из Журнала заседания комиссии от 2 сентября 1913 г. вытекает, что Московским археологическим институтом был командирован в Нижний Новгород археолог Эдинг, который на запрос комиссии «ответил о своем согласии произвести раскопки во второй половине августа» [21], но раскопки, отложенные затем на середину сентября, в 1913 г. так и не были произведены. Из протоколов заседаний комиссии явствует, что еще весной 1914 г. вопрос о руководителе оставался нерешенным. Наконец, на заседании 26 апреля раскопки были назначены на 31 мая [22], но состоялись 1 и 2 июня, — к сожалению, без участия А. А. Спицына и В. А. Городцова.

Раскопки 1 и 2 июня 1914 г.

Отчета о больших раскопках 1914 г. в печати не появилось. Известно, что они рассматривались как учебно-показательные раскопки Императорского московского археологического института. Краткие сведения о них содержатся в работе В. А. Городцова, которые и приводим.

«Нижегородская ученая архивная комиссия пригласила г. Трофимова из г. Гдова произвести новые раскопки в Сейме. Чтобы судить о научном достоинстве этих раскопок, следует указать, что они производились несколькими сотнями солдат, вызванных начальником местной дивизии из вверенных ему полков, при участии гг. офицеров, членов комиссии и других лиц, прибывших в значительном числе посмотреть на добывание древних вещей из почвы. Раскопки продолжались два дня, в первых числах июня. Раскопана была значительная площадь, причем были найдены человеческие черепа и другие кости, бронзовые и каменные орудия, а также большое количество обломков глиняных сосудов. В числе бронзовых орудий оказались топоры, копья, кинжалы, ножи, одно шило и др. Каменные орудия были представлены также топорами, стрелами, точильными камнями» [23].

Добавим к этому, что, по сведениям, сообщенным автору в 1924 г. участниками этих раскопок А. Я. Садовским, С. М. Парийским

[15] Журналы 140, 141 и 144-го заседаний...
[16] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России.— «Отчет Имп. российского исторического музея в Москве за 1914 год». М., 1915.
[17] *В. А. Городцов.* Письмо в редакцию Нижегородской газеты «Волгарь», № 17 от 18 января 1917 г. Перепечатано в «Археологической хронике» за 1917 г.— ИАК. Прибавление к вып. 66, 1918.
[18] По рекомендации А. А. Спицына.
[19] *В. А. Городцов.* Письмо в редакцию газеты «Волгарь».
[20] Журнал 144-го заседания...
[21] Журнал 153-го заседания Нижегородской ученой архивной комиссии 2 сентября 1913 г.— ДНУАК, Сборник, т. XVII, вып. 1. Н.-Новгород, 1914.
[22] Журнал 160 и 162-го заседаний... Там же.
[23] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 182.

и др., каждому солдату, сделавшему интересную находку, в поощрение тут же выдавалась чарка водки, благодаря чему некоторые особенно удачливые «копачи», «премированные» таким способом неоднократно, проявляли повышенное рвение, отнюдь не содействовавшее тщательности раскопок, руководящий персонал которых также чувствовал себя в обстановке веселого пикника. Таким образом, июньские раскопки 1914 г. в Сейме вошли в историю русской дореволюционной археологии в качестве одного из наиболее горестных ее эпизодов.

Есть основания считать, что раскопки были произведены Трофимовым большой траншеей, вытянутой вдоль северо-западного длинного края верхней площадки дюны; траншея была подразделена на участки.

В инвентарной книге Горьковского музея, по наведенной автором справке, из этих раскопок зарегистрированы бронзовые предметы: 2 кельта, вислообушный топор, копье, 7 ножей и кинжалов, шило, янтарная привеска, много обломков керамики и кремня.

Раскопки 5 и 6 июля 1914 г.

Вскоре же членами Нижегородской ученой архивной комиссии А. М. Коневым, Н. И. Драницыным, А. П. Мельниковым и С. М. Парийским (под руководством первого из них) произведены новые, довольно крупные раскопки Сейминского памятника, о которых благодаря С. М. Парийскому сохранились более подробные сведения [24].

Задачей этих раскопок было выяснение типов погребений и сопровождающей их обстановки, это, по-видимому, не было решено июньскими раскопками Московского археологического института. «Особенное внимание было обращено на культурный угольный слой на глубине двух аршин». Для выяснения характера этого слоя данные раскопки особенно интересны.

Раскопки произвели тремя траншеями «по нераскопанным местам, расширяя их до раскопанных (впересыпку) и углубляя до чистого песчаного грунта, т. е. до $1^1/_2$ арш., хотя в некоторых местах глубина была доведена до $2^1/_2$—3 арш.»

В первой траншее были обнаружены углистые очертания края большого округлого жилища (?), основная часть которого входила в площадь, раскопанную Трофимовым. Среди многочисленных остатков здесь обнаружены растрескавшиеся, но еще сохранившие форму большие круглодонные сосуды, один из которых взят с места раскопок монолитом, но из-за начавшейся через 2 недели войны не доставлен своевременно в Нижний Новгород. «Одновременно с работами в указанном месте производились раскопки по всей заложенной траншее», где «в юго-восточном углу кургана» кроме черепков найдены остатки погребений, в том числе часть человеческого черепа.

Во второй траншее, ориентированной с востока на запад, «кроме черепков, ничего не найдено, только в одном месте, в $2^1/_2$ саж. от указанной выше угольной дуги (жилища.— *О. Б.*) к югу, обнаружена куча кремневых поделок, начиная от камня, только что оббитого, до ясно выраженных скребков и наконечников стрел. Всех кремней собрано здесь более сорока».

Наконец, «к вечеру 6 июля была заложена траншея на юго-западе. Работа и здесь дала ценные результаты: на определенной для этого холма глубине — $1^1/_2$ арш. — была найдена бронза — два кельта — боевых топора — типа совершенно одинакового с найденными раньше, копье, остаток ножа, кончик какого-то орудия, точило и особенно интересный, прекрасно сохранившийся кинжал» с тройной сквозной прорезью.

Во время этих раскопок А. П. Мельников зарисовал общий вид памятника (рис. 18) и сделал другие зарисовки, которые вместе с фотографиями, по мнению С. М. Парийского, должны были дать «яркую картину обстановки самой работы». К сожалению, большая часть иллюстративных, документирующих материалов по дореволюционным раскопкам не дошла до нас.

В инвентарных книгах Горьковского музея значится: 5 кельтов, 2 копья и 3 ножа или кинжала из «раскопок Нижегор. уч. архивн. комиссии» без указания даты и руководителя раскопок; возможно, что вещи эти происходят из раскопок 5 и 6 июля 1914 г.

* * *

Вскоре, вслед за последними раскопками 1914 г., собранный на Сейминском памятнике материал изучался и был частью издан В. А. Городцовым в его сводном исследовании о культурах бронзовой эпохи в Средней России [25].

[24] *С. Парийский.* Вторые раскопки Сейминского становища. «Волгарь», № 196 от 21 авг. 1914 г. Н.-Новгород; *Он же.* К исследованиям Сейминского становища (5 и 6 июля 1914 г.).— ДНУАК. Сборник, т. XVII, вып. IV. Н.-Новгород, 1914; *Он же.* Вторые раскопки Сейминского становища.— ИАК, прибавл. к вып. 57. Археологическая хроника. Пг., 1915, стр. 48 (все три статьи лишь в деталях отличаются друг от друга; ниже при цитировании ссылки на эти статьи не даются).

[25] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России.

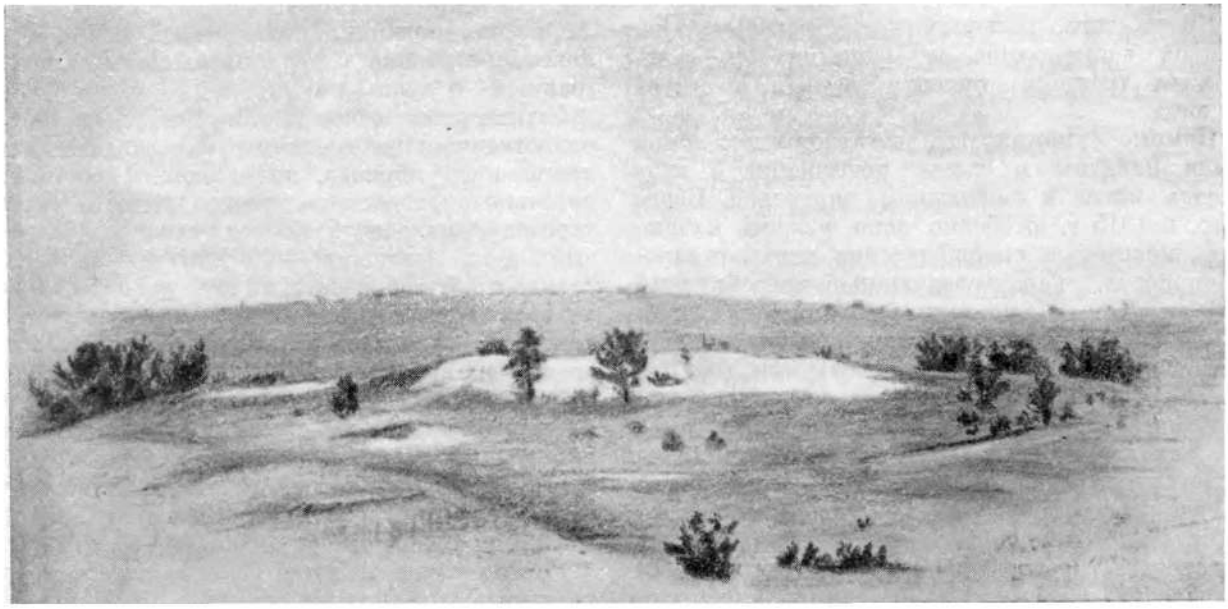


Рис. 18. «Сейминское становище» (рисунок А. П. Мельникова 5 июля 1914 г., (из архива Горьковского областного музея)

Проанализировав проникшие в печать сведения о раскопках памятника, В. А. Городцов пришел к безотрадному выводу, что все произведенные здесь в 1912 и 1914 гг. раскопки в смысле научных требований стояли на столь низком уровне, что «этими раскопками даже не выяснено, с какого рода коллективным памятником имеем дело: с могильником или со стоянкой», и что «в общем результате все это приводит к тому, что на вещи, найденные в окрестностях Сеймы, приходится смотреть как на интересную случайную находку и делать выводы, основываясь на вещах и лишь на некоторых наблюдениях раскапывателей».

После раскопок 1914 г. Сейминский памятник в дореволюционный период еще три раза подвергался раскопкам. В печать не проникло почти никаких сведений об этих раскопках, а о двух последних раскопках в печати нет даже упоминаний.

Раскопки в июле 1915 г.

Эти раскопки принадлежат к числу наименее документированных. В археологической хронике за вторую половину 1915 г. имеется краткая заметка [26], которую приводим полностью. «Нижегородской ученой архивной комиссией были произведены на Сейме опять удачные раскопки. Между прочим, найдены два хорошо сработанных бронзовых кельта, два кольца из камня искусной техники, затем точило, большая терка из камня и проч. В раскопках принимали участие: председатель комиссии А. Я. Садовский, правитель дел комиссии С. М. Парийский, члены А. П. Мельников и В. П. Павинский. Траншеи копали солдаты». Судя по инвентарной книге Горьковского музея, раскопками руководили А. М. Конев и С. М. Парийский. Отрывочные сведения о них можно также почерпнуть из рукописного отчета А. М. Конева о раскопках 1916 г. [27] Один из рисунков А. П. Мельникова (в архиве Горьковского обл. музея) датирован 14 июля 1915 г.

Выясняется, что раскопки 1915 г. затронули одну из трех больших ям-впадин на вершине холма, именно восточную, наиболее богатую остатками угля, золы, черепками глиняных сосудов, камнем и похожую по форме на землянку. «Здесь при раскопках в 1915 г. ясно прослеживался выход (ход) из землянки» [28].

[26] ИАК, прибавление к вып. 59, Пг., 1916, стр. 33, «Археологические раскопки» (перепеч. из «Нижегородского Листка» от 23 июля 1915 г., № 198).

[27] *А. М. Конев.* Отчет о раскопках на Сейме, произведенных Нижегородской ученой архивной комиссией 10 и 11 июля 1916 г. Рукопись на 10 стр. машинописного текста.— Архив Горьковского обл. музея краеведения. (Далее: отчет...).

[28] Там же.

Кроме того, раскопки коснулись и юго-западной части дюны, где упоминается заложенная траншея, ориентированная с севера на юг.

Помимо упомянутых остатков поселения были найдены и следы погребений в виде следов могил и могильного инвентаря. Более того, в 1915 г. особенно ясно удалось наблюдать некоторые специфические черты и закономерности, характеризующие погребальный ритуал. Так, в упомянутой траншее (в юго-западной части дюны) были обнаружены остатки погребения в виде небольшого горшка, бронзовых браслетов и оружия.

Помимо обломков керамики, кремня и вообще находок, происходящих, без сомнения, из культурного слоя, в инвентаре Горьковского музея зарегистрировано из раскопок 1915 г.: 2 кельта, 9 кинжалов и ножей, 2 бронзовых браслета, 7 бронзовых стержней (шильев или заготовок?) и 6 плоских каменных (нефритовых) шлифованных колец.

Одновременно в окрестностях были произведены разведки, не давшие положительных результатов.

В Хельсинки, в национальном музее Финляндии хранятся за № 8611 «фрагменты керамики из Сейминского могильника»[29]; видимо, они были собраны А. М. Тальгреном в 1915 г. во время его поездки в Поволжье.

Раскопки 10 и 11 июля 1916 г.

Эти раскопки снова имели целью «получение более полных данных к выяснению погребений или поселения, становища»[30] и решение вопроса «о возможности нахождения здесь разных культурных наслоений, о чем высказывались предположения при прошлых раскопках».

Раскопки производились в присутствии А. М. Конева, А. Я. Садовского (председателя Нижегородской ученой архивной комиссии) и А. В. Богородского. Как явствует из находящегося в нашем распоряжении рукописного отчета, составленного А. М. Коневым, в качестве рабочей силы использовались снова солдаты, но только «8 нижних чинов, работавших в две смены. Рабочим даны указания, как работать, участки обозначались номерами, каждый участок в два аршина». Как следует из дальнейшего, каждый рабочий работал на участке в 2×2 арш., чем при одновременной работе 4 человек определялась и длина закладывавшихся траншей—8 арш.

Упомянутый отчет А. М. Конева является единственным документом о раскопках дореволюционного периода, позволяющим составить довольно определенное представление о характере памятника и об объеме раскопок. «В первый день раскопок — 10 июля — заложена траншея № 1 с севера на юг, рядом (параллельно) с прошлогодней, к востоку от нее, в которой были признаны погребения... Длина траншеи 8 арш. при ширине вначале в 2 арш.» Далее из отчета следует, что в траншее найдено темное пятно и вещи в нем, несомненно изобличающие погребение, а также еще две группы бронзовых вещей, связанных, по крайней мере, еще с двумя могилами. Траншея в глубину доведена до $1^1/_2$ арш.

«После обеда 10 июля была заложена новая траншея № 2 таких же размеров, как и первая, к востоку от нее, в 8 саж., направлением с ЮЗ на СВ.» И здесь обнаружены следы темных пятен и многочисленные вещи, говорящие о наличии 3—4 могил. Отмечается, что остатки найденных ножей все плохой сохранности, «что вообще наблюдалось у всех бронзовых предметов, найденных близко к поверхности».

11 июля «утром была заложена траншея № 3 в направлении с В на З, от СВ конца траншеи № 2, раскопанной 10 июля». И здесь обнаружен ряд бронзовых и каменных предметов, говорящих об одном или более погребениях.

Следует отметить, что во всех трех первых траншеях следы культурного слоя и связанных с ним находок отсутствовали. Зато они отмечаются во множестве в четвертой и пятой траншеях.

Во второй половине дня 11 июля исследовали «впадину на западной части дюны, носящую признаки ямы. В этом месте был построен окоп и в нем обнаружился уголь на глубине $1^1/_4$ арш.

Начатая на месте ямы из окопа траншея № 4 с Ю на С обнаружила на указанной глубине массу угля и золы... Вокруг зольника с возможной осторожностью и тщательностью снят песок на площади 5×5 арш.» Характер зольника в яме с массой осколков кремня, недоделанных и готовых каменных орудий и с многочисленными обломками глиняной посуды привел А. М. Конева к заключению, что здесь было расположено жилище.

Из того же окопа начата была траншея с С на Ю—5-я траншея. «Здесь тоже сначала найдены мелкие черепки», а затем на глубине 10—

[29] *А. Х. Халиков.* Отчет о командировке в Финляндию. Изд-во Всес. ин-та научной и технической информации. М., 1962.

[30] *А. М. Конев.* Отчет...

12 вершков бронзовый нож и еще несколько бронзовых орудий, в том числе большой бронзовый кельт с двумя ушками.

Таким образом, вскрытая этими раскопками площадь составила, по-видимому, всего около 45 кв. м.

В инвентаре Горьковского музея из раскопок 10 и 11 июля 1916 г. зарегистрировано: 9 кельтов, вислообушный топор, 6 копий, 11 кинжалов и ножей, 2 бронзовых браслета, 1 бронзовая пилка, 3 литейные песчаниковые формочки для медно-бронзовых стержней, много кремневых орудий и осколков, а также обломки керамики. Этот перечень не вполне совпадает с данными цитированного отчета, в котором, помимо того, упоминается бронзовое долотовидное орудие, 4 стержня (шилья или заготовки), изогнутая бронзовая скоба. Не совпадает и количество названных предметов.

Из раскопок 10 и 11 июля 1916 г. происходит целый ряд исключительно интересных находок: вислообушный топор, кельт с двумя ушками и наиболее сложным орнаментом, нож с навершием в виде двух лошадей, два браслета, три песчаниковые литейные формочки. Все эти вещи в публикацию В. А. Городцова не попали и частично были изданы Б. С. Жуковым в 1925 г.

В 1916, как и в предыдущем году, «были произведены разведки в окрестности лагеря как на дюнных холмах, так и в лощинах, лесах, в береговых осыпях, у подошвы берега и т. п. Разведки не дали никаких находок и указаний. Исследованные холмы в окрестностях раскопок представляют то же естественное дюнное образование, как и горка с раскопками. Никаких следов поселения обнаружить пока не удалось». Впрочем, А. М. Конев считал, что древнее поселение располагалось на том же дюнном холме, что и могильник, и было одновременно с последним.

Вторые раскопки (?) 1916 г.

В отчете А. М. Конева о раскопках 1916 г. указывается, что в том же году в июле же месяце «чинами 4-й роты 62-го пехотного запасного полка во время занятий найдены на той же дюне: копье, кельт, нож, бронзовая пилка-нож, согнутый гвоздь, несколько кремневых стрелок и черепки. Обстановку этих находок выяснить не было возможности. Перечисленные вещи сданы в Архивную комиссию». Но исчерпывается ли находка этими предметами или были и другие, и куда они поступили, выяснить, к сожалению, не удалось. В музей эта коллекция, по-видимому, поступила вместе с коллекцией Конева — Садовского из раскопок того же года.

Раскопки 1922 г.

Крайне низкая техника дореволюционных раскопок Сейминского памятника и отсутствие сколько-нибудь полных публикаций последнего вызвали необходимость его дополнительных исследований уже в советский период. Эти раскопки, письменные материалы которых сохранились в архиве Института антропологии Московского университета, хотя и не дали новых материалов о могильнике, но во многом проливают свет на общий характер памятника и прежде всего на остатки древнего поселения.

Первые из этих раскопок произведены между 1 и 6 сентября 1922 г. под руководством преподавателя Московского университета Б. С. Жукова при содействии Российской академии истории материальной культуры и Нижегородской археолого-этнологической комиссии. Как явствует из отчета Б. С. Жукова[31], эти раскопки, явившиеся на памятнике девятыми, имели главной целью: «1) топографическое исследование дюны с выяснением размеров раскопанной и оставшейся нетронутой площади; 2) выяснение характера памятника, так как на основании предшествовавших раскопок не может быть окончательно установлено, имели ли мы здесь дело с могильником или же со стоянкою, а также остается нерешенным вопрос о принадлежности найденных при раскопках предметов, хранящихся в Нижегородском историческом музее, к одному или двум культурным напластованиям; 3) выяснение характера отдельных... элементов, наличность которых на дюне была установлена ранее, а именно: понижение культурного слоя (ям), угольных прослоек (кострищ), могильных пятен и др.»

Раскопки проведены в присутствии членов Нижегородской археолого-этнологической комиссии А. Я. Садовского, С. М. Парийского, П. М. Романова, А. В. Ликина, М. А. Окунькова (выполнившего топографические рабо-

[31] *Б. С. Жуков.* Отчет о раскопках, произведенных преподавателем Московского университета Б. С. Жуковым на дюне, содержащей в себе памятники бронзового века, расположенной в 6 верстах от ст. Сейма Моск.-Нижегор. ж. д., с 1 по 6 сентября 1922 г. (рукопись; хранится в архиве Ин-та антропологии Моск. ун-та). (Далее — отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.)

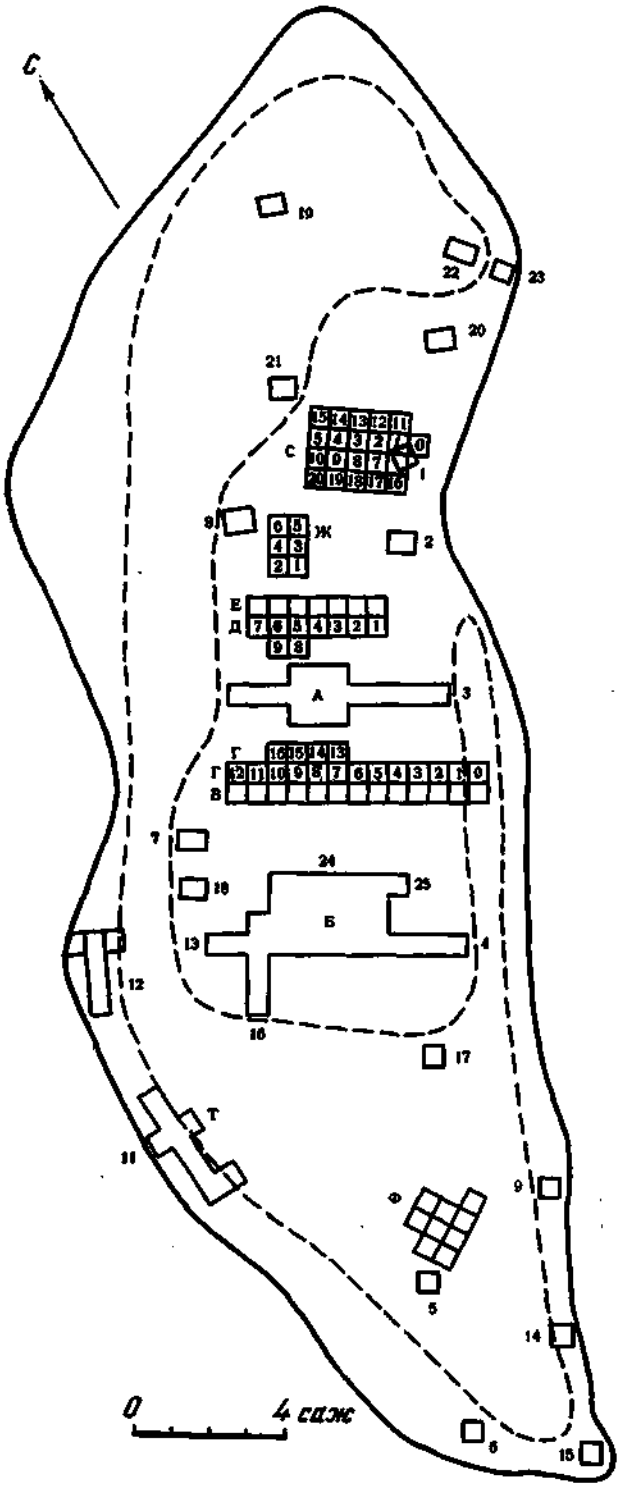


Рис. 19. План раскопок Б. С. Жукова в 1922 и 1929 гг. на верхней площадке сейминской дюны (пунктиром обведены площади, перерытые дореволюционными раскопками). Копия с черновика Б. С. Жукова

ты) и М. А. Шебцева силами студентов-антропологов МГУ и добровольцев — учащихся средней школы и студентов из Нижнего Новгорода, всего в количестве восьми человек.

На верхней площадке дюны (размером 30×8 саж.) было заложено 25 пробных колодцев и несколько пробных колодцев на ее склонах и на соседних дюнах. Пробные колодцы закладывались $1^1/_2 \times 1^1/_2$ арш., глубиной от $1^1/_2$ до 3 арш., в необходимых случаях они удлинялись. «Эти колодцы дали возможность установить границы перекопанных при предшествовавших раскопках участков, захватывавших главным образом юго-западный и северо-восточный концы площадки... (рис. 19). Нетронутою и еще содержащею в себе археологические предметы частью дюны оказался, таким образом, ее центральный удлиненный участок». Именно эта часть верхней площадки дюны была в 1922 г. прорезана в поперечном направлении двумя траншеями шириной по $1^1/_2$ арш., из которых первая — А (длиной в 11 арш.) была проведена почти через центр дюны, а вторая — Б (длиной в 13 арш.) пересекла верхнюю площадку дюны в 15 аршинах к юго-западу от первой траншеи. Ввиду обнаружившегося сильного понижения культурного слоя в траншее А, «ее участки 5-го и 6-го аршина были расширены по 2 аршина в каждую сторону, образуя раскопанную площадку $5^1/_2 \times 2$ арш. Для точного установления конфигурации темных включений зарисовка на клеточной бумаге их очертаний производилась здесь через каждые 2—3 вершка снимаемого песку. Снятый профиль траншеи и эти зарисовки позволили установить очертания культурного слоя как в продольном, так и в поперечном вертикальном сечении». Траншея Б также была расширена в средней части с северо-восточной стороны участком 6 × 5 арш. с послойной зарисовкой при ее раскопках.

Для всей нетронутой более ранними раскопками площади на вершине дюны было установлено присутствие сплошного пласта культурного слоя с землянкой в траншее А, которая будет описана ниже при характеристике стоянки. По данным хроникальной заметки в «Русском антропологическом журнале», «в центре дюны раскопки 1922 г. обнаружили остатки стоянки, относящейся, по-видимому, к более ранней поре бронзового века, чем Сейминский могильник»[32]. Надо полагать, это заключение принадлежит Б. С. Жукову.

[32] «Русский антропологический журнал», т. 12, книга 3-4. М., 1923, стр. 91 (Хроника).

Добытый раскопками материал состоит главным образом из обломков керамики, а также из нескольких небольших кремневых наконечников стрел, большого ножа-пилки из того же материала, прекрасной отделки, проколки, резцов, скребков и кремневых осколков. Бронзовых предметов не найдено ни одного. Весь собранный материал передан в Нижегородский музей, где и хранится.

Результаты раскопок привели Б. С. Жукова к заключению, «что Сейминский памятник является в настоящее время почти исчерпанным в отношении археологических находок; особенно это следует отметить в отношении находок бронзы. Обнаруженная раскопками 1922 г. стоянка должна быть отнесена к бронзовому веку. Констатируя тот факт, что групповые находки бронзовых предметов прежними исследователями (Конев, Парийский, Садовский, Трофимов) располагались главным образом в юго-западном конце дюны, который в настоящее время совершенно перерыт, а многочисленная керамика и кремневый инвентарь с осколками кремня, равно как и «ямы» (землянки) и очаги, были находимы преимущественно в ее северо-восточном конце, возможно предполагать на дюне присутствие как стоянки, так и могильника. Связь найденных ранее остатков человеческих скелетов с археологическими памятниками, не установленная с достаточной точностью при предшествовавших раскопках, остается невыясненной и после раскопок 1922 г., которые не обнаружили следов и остатков погребений»[33]. Находки 1922 г. из стоянки «являются однородными и принадлежащими к одной культуре»[34].

Обследование 1928 г.

В 1928 г. Б. С. Жуков и научный сотрудник Нижегородского музея М. П. Званцев произвели новое обследование Сейминского памятника; вскрытий поверхности не производилось.

В $^1/_4$ км к северо-западу от памятника, у края древнего берега Оки, в песчаных выдувах, на площади стоявшей здесь в 1910-х годах скотобойни военных лагерей был собран небольшой материал, состоящий из обломков керамики и кремневых осколков. Сделанные находки позволяют говорить о наличии здесь следов второй стоянки, названной Сейма II, по мнению обследователей, близкой по культуре основному памятнику[35].

Собранный в обследовании 1928 г. материал поступил в Нижегородский музей.

Раскопки 1929 г.

Последние раскопки Сейминского памятника, десятые со времени его открытия, были произведены Антропологической комплексной экспедицией Московского университета между 27 июня и 2 июля 1929 г. снова под руководством Б. С. Жукова, при участии аспиранта Антропологического института Г. Ф. Дебеца, студентов кафедры антропологии МГУ М. В. Талицкого и И. А. Семеновой, сотрудника Нижегородского музея М. П. Званцева и практикантки того же музея Е. В. Постниковой, на средства Нижегородского музея. Раскопки были предприняты с целью получения на немногих уцелевших от прежних раскопок участках памятника достаточного количества керамики, необходимого для характеристики стоянки, для чего раскопки производились заведомо на участках, принадлежащих к площади стоянки. «При планировании раскопок имелось также в виду получение дополнительных данных к стратиграфии памятника, хотя шансы в этом отношении представлялись небольшими ввиду выяснившейся еще раскопками... 1922 года почти полной исчерпанности памятника предыдущими раскопками...»[36]

В 1929 г., как это следует из цитировавшегося краткого отчета, на памятнике «кроме контрольной, не давшей находок шурфовки на склонах и на площади бывших раскопок, были вскрыты 4 площади (см. рис. 19), из коих 3 между обозначившимися весьма приблизительно участками прежних раскопок (ВГ, ДЕЖ и С) и один (Ф) на площади предполагаемого могильника, среди прежних раскопок, где тотчас под дерном обнаружено скопление довольно крупных фрагментов керамики, быть может относящейся к невзятой одним из предыдущих исследователей.»

«Раскоп ВГ, площадью в 16 кв. м, показал сплошную сильную перекопанность этой части памятника. Перекопы имели весьма неправильные очертания и направления. Местами

[33] *Б. С. Жуков.*— Отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.

[34] Там же.

[35] *Б. С. Жуков.* Краткий отчет по раскопкам Сейминского памятника 27.VI—2.VII 1929 года. Рукопись, хранящаяся в архиве Ин-та антрополгии Моск. ун-та; см. также регистрацию поступлений в инвентаре Горьковского областного музея.

[36] Там же.

они доходили до глубины 85 см, имея в среднем глубину в 50 см. Сверху перекопы почти сплошь задернованы. Снизу на некоторых участках — остаточные слабые линзы, по-видимому, нетронутого культурного песчаного слоя однородно-гумусовых оттенков со включением мелкого угля и мелких пережженных костей. Находки (исключительно керамика) преимущественно в старых перекопах.

«Раскоп ДЕЖ, общей площадью 24 кв. м, представил довольно сходную картину с тою разницею, что местами небольшие островки неперекопанного грунта подходили ближе к поверхности, как, например, на участке Е4, где нетронутый слабый культурный слой подходил островком к глубине 15 см.

«В этом раскопе на уч. ДЕ 4—6, на глубине 0,90—1,20 м, обнаружилось пятно в нетронутом слое. В наполненных мелким углем и пепелистыми включениями частях этого пятна найдены мелкие обломки обожженных костей, мелкие осколки кремня и обломки керамики.

«В раскопе Ж (уч. 3) на небольшом островке нетронутого слоя, на глубине 50 см, среди перекопок найден бронзовый ножичек.

«Раскоп С, площадью 20 кв. м, показал наиболее нетронутую предыдущими» раскопками часть дюны. Здесь почти на всех участках под дерном и небольшим слоем песка, на глубине 20—25 см, залегал слой пала мощностью в 5 см. Находки керамики оказались здесь довольно бедными. Залегание керамики имело нижнею границей нижний слой пала или местами верхний горизонт нижезалегавшего слоя желто-коричневого песка.

«В результате раскопок вскрыто около 75 кв. м площади».

Добыт керамический материал, поступивший для обработки в Антропологический институт Московского университета.

Кроме того, в 1929 г. была произведена пробная шурфовка стоянки Сейма II, обнаруженной в 1922 г. «Как показала эта шурфовка, давшая незначительный керамический материал и кремневые осколки, от памятника Сейма II... почти ничего не осталось, и о постановке его раскопок не может быть и речи» [37].

Был также снова произведен осмотр следов старых окопов и песчаных выдувов на протяжении 1 км от могильника, вдоль террасы. При этом, шагах в 100—120 к западу от главной дюны, на песчаной осыпи верхней террасы было обнаружено скопление кремневых отщепов, среди которых оказалось два обломка наконечников стрел и 2—3 куска кремня с ретушью. Зачистка близлежащего участка обнаружила залегание кремня под слоем дюнного песка.

Раскопки 1929 г. подтвердили исчерпанность Сейминского памятника; быть может, лишь вскрытие его сплошной площадью может дать нетронутые его куски. Этот печальный вывод заставляет с особым вниманием отнестись к анализу часто отрывочных фактов, сделавшихся все же известными по старым раскопкам.

Обследование 1933 г.

В 1933 г. памятник был осмотрен сотрудником Горьковского музея М. П. Званцевым, которым собрано всего несколько более двух десятков черепков на его поверхности, хранящихся в музее.

Обследование 1950 г.

Наконец, в 1950 г. памятник обследован сотрудницей Государственного исторического музея в Москве И. К. Цветковой. Произведенные ею поиски материала на поверхности и зачистки стенок старых ям не дали никаких следов культурного слоя или культурных остатков.

[37] *Б. С. Жуков.* Краткий отчет по раскопкам Сейминского памятника...

Сложный характер памятника

По поводу характера памятника мнения были весьма разноречивы.

Оценивая первые находки 1912 года, В. А. Городцов пришел к выводу, «что бронзовые и каменные орудия сопровождали покойников» [1].

Оперируя сделанными на памятнике наблюдениями, участник почти всех раскопок С. М. Парийский в 1914 г. «составил о Сейминском кургане совершенно определенное мнение, что мы здесь имеем дело со становищем, а не с могильником» [2]. В другом месте Парий-

[1] *В. А. Городцов.* О находках близ ст. Сейма.— «Древности», т. XXIV, 1914 г., стр. 361.

[2] *С. Парийский.* Вторые раскопки Сейминского становища. «Волгарь», № 196 от 21 авг. 1914 г.

ский указывает, что это мнение принадлежит не только ему, но и другим руководителям раскопок [3].

В. А. Городцов в 1915 г. пришел «к заключению, что в данном случае дело касается разрушения древнего могильника и остатков стоянки, относящейся, быть может, и не к одному времени с могильником» [4].

А. М. Конев после своих последних раскопок в 1916 г. резюмировал следующий вывод: «Имеющиеся в нашем распоряжении данные дают некоторое основание заключить, что Сейминская дюна заключает в себе следы поселения, становища и остатки погребений, существовавших в одно время» с поселением [5].

По мнению Б. С. Жукова (1922), «связь найденных ранее остатков человеческих скелетов с археологическими памятниками, не установленная с достаточной точностью при предшествовавших раскопках, остается невыясненной и после раскопок 1922 г., которые не обнаружили следов и остатков погребений» [6], так же как и последние раскопки 1929 г., но Б. С. Жуков считал, что «раскопки 1922 г., не давшие ни одной металлической поделки, доказали с несомненностью присутствие древней стоянки на дюне» [7].

Анализируя всю сумму имеющихся в нашем распоряжении фактов, мы приходим в вопросе о характере Сейминского памятника к совершенно определенным выводам.

В пользу существования здесь могильника говорят следующие доводы:

1) Медно-бронзовые предметы найдены в таком количестве и наборе (главным образом оружие), в каком они при раскопках поселений не встречаются, а находятся именно в древних могильниках.

2) Медно-бронзовые вещи в нескольких случаях находились группами в однообразном сочетании и в соединении с небольшими глиняными сосудами [8], представляя собой могильный инвентарь богатых погребений [9].

3) Несмотря на плохую сохранность костного материала (из-за песчаного грунта и неглубокого залегания), человеческие кости все же были много раз обнаружены. Так, по указанию Б. С. Жукова, при первых же раскопках кости, по-видимому, «были найдены в довольно значительном числе» [10]; остатки человеческих скелетов найдены также в раскопках 5—9 июля 1912 г., 16—22 июля 1912 г. [11], 1 и 2 июня 1914 г. (в том числе черепа) [12], 5 и 6 июля 1914 г. (в том числе черепа) [13], 1915 и 1916 гг. [14], т. е. почти во всех раскопках, давших находки могильного инвентаря из меди и бронзы. К этому надо заметить, что лишенными наглядности вещами и костями плохой сохранности, вероятно, в дореволюционных раскопках пренебрегали, оставляя их на месте раскопок; при иных методах раскопок и ином отношении к остаткам человеческих костей их, без сомнения, можно было зафиксировать и собрать гораздо больше.

4) Связь между находками костей и инвентаря бронзовых орудий, которую обычно считают недоказанной [15], на самом деле устанавливается с полной достоверностью. Так, автор лично наблюдал, что человеческие кости с Сейминской дюны, хранящиеся в Горьковском музее, в нескольких случаях окрашены в зеленый цвет, на что обратил внимание в свое время и В. А. Городцов [16]. Это могло произойти только в результате частого совместного залегания медно-бронзовых предметов и костей в земле. Кроме того, Конев в 1916 г. обнаружил не только человеческие кости со следами лежавших на них медно-бронзовых предметов в виде зелени, но и человеческую голень, на которой лежал бронзовый нож слабой сохранности [17].

6) Наконец, Конев же доказал наличие на памятнике могильных ям с находками в них человеческих костей и многочисленных предметов медно-бронзового могильного инвентаря [18], при отсутствии в этих пунктах остатков угля, черепков и осколков кремня, т. е. признаков культурного слоя.

[3] *С. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища (5 и 6 июля 1914 г.).— ДНУАК, сборник, т. XVII, вып. IV. Н.-Новгород, 1914.
[4] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1915, стр. 182.
[5] *А. М. Конев.* Отчет...
[6] *Б. С. Жуков.* Отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.
[7] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края.— Нижегородский краеведческий сборник. «Труды Нижегородского педагогического ин-та», т. 1. Н.-Новгород, 1925.
[8] *А. М. Конев.* Отчет...
[9] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[10] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края.
[11] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[12] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России.
[13] *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища...
[14] *А. М. Конев.* Отчет...
[15] *Б. С. Жуков.* Отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.
[16] *В. А. Городцов.* Указ. соч.
[17] *А. М. Конев.* Отчет...
[18] Там же.

Одновременно в пользу существования на месте раскопок остатков древнего поселения говорит следующее:

1) выраженный в цвете культурный слой с ямами-землянками и кострищами, покрывающий почти всю верхнюю площадку дюны;

2) характер остатков в слое, не свойственный могильнику и, наоборот, обычный для стоянки: уголь в слое, многочисленные разрозненные обломки керамики, осколки кремня, недоделанные кремневые орудия, раздробленные кости животных;

3) типичный для стоянок подъемный материал на поверхности. Так, весьма характерен в этом отношении состав находок, сделанных на памятнике во время первого осмотра его при участии членов Нижегор. ученой архивной комиссии 4 июля 1912 г., во время которого раскопок не производилось. «Результаты осмотра местности выражаются в следующих цифрах: глиняных черепков без орнамента найдено 648, с орнаментом — 75, наконечников стрел, скобелей и пилок из кремня —7, косточек —1, предметов из бронзы и железа не найдено [19]. Кремневые же осколки, очевидно, просто не собирались; в последующих раскопках их собрано множество.

Итак, наличие на дюне и поселения и могильника устанавливается с полной определенностью. Вопрос же о соотношении и взаимной связи культурных отложений Сейминской дюны и сделанных в ней захоронений может решаться только после подробного ознакомления с их содержанием.

[19] Акт осмотра.

Могильник

О Сейминском могильнике можно судить исключительно на основании старых дореволюционных раскопок, которыми этот ценнейший памятник, строго говоря, изучен не был, но исчерпан был полностью. Пользуясь всеми доступными сведениями, мы можем сказать о могильнике следующее.

Он был расположен в обширной Балахнинской низине, в местности, представляющей собою измененную, сильно перевеянную поверхность боровой террасы левого берега Оки, у ее старицы, на довольно высоком песчаном холме, господствующем над окружающей холмистой дюнной местностью и приречной низиной. Об искусственном «кургане», как его именовали сначала, не может быть и речи; это установлено еще до Б. С. Жукова А. М. Коневым (1916).

Могилы располагались на верхней площадке дюны, преимущественно у ее краев, в юго-западной ее половине, отчасти также и в начале ее склонов. Но остатки погребений в виде человеческих костей и бронзовых орудий найдены не только на юго-западе и западе, но и на северо-западе, северо-востоке и юго-востоке площадки.

Количество вскрытых могил и погребений (а вскрыты они, по-видимому, все) установить сколько-нибудь точно невозможно. Внимательный просмотр отрывочных сведений о раскопках позволяет фиксировать (по костям, могильным пятнам и погребальному инвентарю) не менее 20 погребений. Однако, если принять во внимание количество бронзовых орудий, погребений было на могильнике больше [1]. Здесь нужно сказать, что полный учет бронзового инвентаря также невозможен; так, Городцов в 1915 г. видел в сейминской коллекции около 10 кельтов, сейчас их в Горьковском музее налицо 19, а в инвентаре и по отчетным данным значится 25. Все же, используя реально восстанавливаемые цифры, мы видим, что кельтов было найдено не менее 25, бронзовых же наконечников копий — 14, а ножей и кинжалов — 46. Если ножи и кинжалы благодаря разнообразию их форм и размеров, а следовательно, и назначения могли быть положены и не по одному в могилу, то о кельтах и копьях это же сказать вряд ли можно; кельты, являвшиеся не только оружием, но и орудиями труда, могли быть принадлежностью не одних мужских могил, копья же, как специфический предмет вооружения воина, могут в известной мере говорить о количестве мужских погребений [2]. Их найдено не менее 15. Если присоединить к 15 достоверно мужским погребениям примерно столько же женских, то общее количество погребений можно принять равным при-

[1] Кремневые предметы не могут быть относимы здесь к могильнику с уверенностью, так как часть их, возможно, связана со стоянкой.

[2] В материалах о раскопках нет ни одного указания о залегании двух копий рядом.

мерно 30, не считая детских. Однако эта цифра на самом деле была еще больше, так как: 1) конечно, не все мужские погребения сопровождались копьями и вообще бронзовым оружием и 2) немалая часть бронзовых вещей (в том числе, надо думать, и наконечников копий) разошлась по рукам и учтена быть не может. Пятьдесят погребений на Сейминском могильнике представляется вполне надежной, минимальной цифрой.

Погребения лежали в могилах без следов земляных насыпей над ними. Глубина могил от современной поверхности устанавливается по залеганию человеческих костей и бронзовых предметов, сопровождавших погребения. Эта глубина очень постоянна и незначительна: всего от $7^1/_2$ вершка до $1^1/_2$ арш., т. е. от 0,32 до 1,08 м. Преобладают могилы глубиной от 12 вершков до $1^1/_4$ арш. (0,54—0,90 м).

Форма и устройство могил, так же как положение скелетов и весь погребальный ритуал, навсегда останутся для этого могильника неясными; по признанию Парийского «эта сторона обследована мало» [3]. Однако кое-что в этом отношении можно почерпнуть из наблюдений, сделанных Коневым, в особенности в отчете о его последних раскопках 1916 г., производившихся, видимо, гораздо внимательнее первых. Цитируем некоторые места отчета, касающиеся разбираемого вопроса, сопровождая их комментариями.

Как уже указывалось, в траншее 1915 г. «были признаны погребения (небольшой горшок, бронзовые браслеты-кольца, оружие)». В первой, заложенной рядом с ней траншее 1916 г. сперва был тщательно снят и осмотрен верхний растительный слой толщиной около 1 вершка. В нем ничего не найдено. «При дальнейшем постепенном снимании песчаного слоя, на глубине 11 вершков, у северного конца траншеи появилось темное пятно неправильной формы длиной (с северо-запада на юго-восток) около 1 арш. и шириной около 12 вершков. Признаков угля нет. На глубине 12 вершков обнаружилась бронза — небольшой нож весьма плохой сохранности; затем тут же, на площади около 1 кв. арш., найдено еще три таких же ножа, лежавших в разные стороны остриями, и несколько дальше от них к юго-западу, копье на площади того же пятна и бронзовая изогнутая пластинка скребка со следами деревянного черенка по одному из краев. Копье... лежало лезвием на северо-восток. Около копья найден небольшой сточенный нож копьевидной формы... На глубине 13 вершков темное пятно исчезло, начался чистый песок; траншея введена до глубины полтора аршина; черепков, камня и других остатков не было». Перед нами несомненные следы могилы, в которой залегало, видимо, одно погребение (назовем его № 1); описанное пятно фиксирует дно могилы, ее глубину, но никак не размеры и форму.

«В середине этой же траншеи, в расстоянии трех с половиной аршин от описанной находки, на той же глубине найдены прекрасно сохранившиеся кельт и копье. Какого-либо определенной формы пятна, как в вышеописанной находке, здесь не было, кроме пятен, окружавших найденные предметы. Кельт и копье лежали на расстоянии 11 вершков (с СЗ на ЮВ) один от другого. Несколько отдельно от них найден нож тоже хорошей сохранности». Эти остатки следует рассматривать как следы 2-го погребения.

«Ближе к южному концу траншеи найдены в той же обстановке отдельно лежащие кельт и копье отличной сохранности» — видимо, следы 3-го погребения.

«Какого-либо определенного порядка во взаимном расположении вещей не наблюдалось. Следов угля, черепков, камней в этой траншее не было».

Во второй траншее, как и в первой, «верхний слой ничего не дал. На глубине 6 вершков в середине траншеи во втором участке обнаружено темное пятно около 6—8 вершков и найден кельт, 3 сравнительно крупных и 8 мелких обломков ножей, лежавших на площади около двух аршин... Здесь же найдены четыре пары коренных зубов, лежавших вместе, но челюстей и других костей не обнаружено.

Темное пятно уходило на глубину всего полтора вершка, ниже шел песок с едва заметными темными прожилками, и на глубине 12 вершков в том же месте снова появилось темное пятно неопределенной формы величиной 8—10 вершков. В нем найдены кремневые наконечники стрел, из них узких и длинных — 8 штук и широких и коротких — 3 штуки, и два красно-коричневых кремневых ножа-пилки. Несколько отдельно от группы кремня в третьем участке на той же глубине найден кельт небольших размеров с круглой втулкой и уширенным лезвием. Кельт неправильной формы производит впечатление неудачной обработки... Около кельта найден бронзовый нож средней величины, слабо сохранившийся.

Черепков, угля и остатков костей не было. Темное пятно на глубине 14 вершков исчезло, дальше шел чистый дюнный песок до глубины полутора аршин».

[3] *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища (5 и 6 июля 1914 г.) — ДНУАК, Сборник т. XVII, вып. IV. Н.-Новгород, 1914.

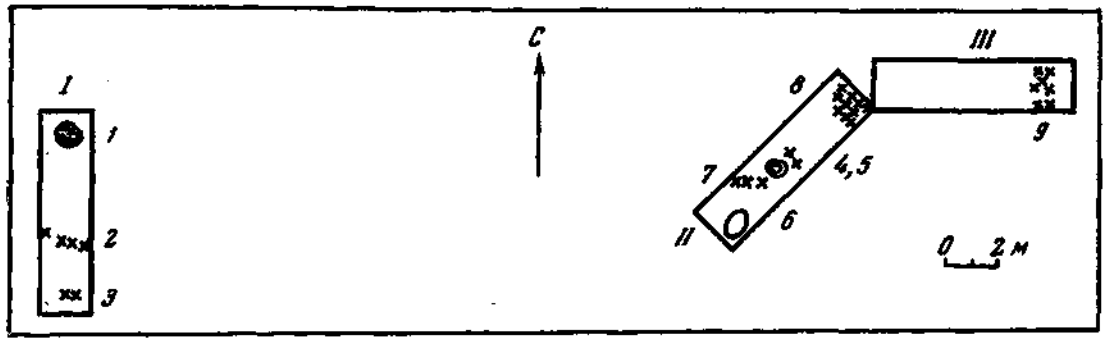


Рис. 20. Ориентировочная схема трех первых траншей раскопок Сейминского памятника 10—11 июля 1916 г. со следами погребений (в виде могильных пятен и предметов погребального инвентаря). Составлена автором по данным отчета А. М. Конева

Римскими цифрами обозначены траншеи, арабскими — погребения

Только что описанные остатки представляются нам остатками двух погребений. Первое из них (№ 4) было сделано в яме глубиной 14 вершков и сопровождалось кельтом и бронзовым ножом, одиннадцатью кремневыми наконечниками стрел и двумя кремневыми же ножами; второе погребение (№ 5) было позднее введено в ту же могилу на глубину 7½ вершка и сопровождалось кельтом и двумя-тремя (?) бронзовыми же ножами, найденными вместе с человеческими зубами.

«В ЮЗ конце траншеи, в первом участке, на глубине 11 вершков появилось темное пятно; оно шло в В угол конца траншеи. Тщательно снятые верхний слой и песок обнаружили темное пятно продолговатой формы в 12 × 16 вершков. Направление длиной оси эллипса было с ЮЗ на СВ, почти вдоль траншеи. На глубине 12 вершков обнаружена чашка черепа взрослого человека затылочной частью вверх. У черепа сохранилась часть ушной области. Череп слабой сохранности. К ЮЗ от черепа, на расстоянии 10 вершков, лежала ножная кость — голень, в двух кусках, значительно цементированная, а в 8 вершках к В от этой кости лежала другая голень, меньшей сохранности и крепости, с окраской окисью меди. На кости этой лежал нож средней величины, слабой сохранности. Несколько отдельно от черепа найдена часть левой нижней челюсти с четырьмя коренными зубами. Все кости лежали в одной плоскости. Черепков, угля, золы и каких-либо предметов рядом с костями не наблюдалось... Толщина слоя темного пятна вокруг черепа и костей около 1—2 вершков». Перед нами остатки несомненной могилы с трупоположением на дне (погребение № 6 по нашей нумерации). Судя по положению черепа и ног, скелет был ориентирован головой на северо-восток.

«В расстоянии около полутора аршин к С от черепа найдены кельт и кинжал, лежавшие недалеко друг от друга, оба хорошей сохранности. К В от них около 1 арш., во втором участке найден боевой топор с горизонтальным обухом (широкий вислый обух) прекрасной сохранности. Все эти предметы лежали на глубине 12 вершков». Надо думать, перед нами остатки 7-го погребения, притом богатого, судя по вислообушному топору и большому ножу с навершием на рукояти в виде двух лошадок.

«В СВ конце траншеи, на глубине 12 вершков, найден кельт, носящий следы продолжительной работы... Здесь же, на площади около 4 арш. и на той же глубине, найдено целое плоское точило, 3 обломка точил разной величины и формы, 2 терки, обломки ножей и 4 бронзовых гвоздя разной величины, не бывших в употреблении. В расположении предметов нельзя было усмотреть никакого порядка, все они лежали поодиночке». Все же надо полагать, что они лежали на дне могилы и принадлежали к погребению, в раскопках 1916 г. 8-му по счету.

В третьей траншее, в конце ее, «в первом участке, на той же 12-вершковой глубине найдены 3 небольших точила из весьма слабого песчаника с продольными желобками посредине (литейные формочки? — *О. Б.*). Здесь же найдены два парных бронзовых кольца-браслета, лежавшие на расстоянии 3—4 вершков друг от друга... К Ю от колец на 15 вершков найден кельт небольших размеров... Рядом с кельтом найден нож длиной 11 см, хорошей сохранности, очень тонкий. Костей, черепков угля и других остатков не обнаружено».

Последнюю группу находок можно связывать с 9-м погребением.

Четвертая и пятая траншеи выявили остатки еще одного, 10-го погребения.

Относительная подробность сообщаемых Коневым сведений позволила нам составить ориентировочную схему расположения погребений в трех первых траншеях раскопок 1916 г. (рис. 20).

Таким образом, в 1916 г. на юго-западной оконечности верхней площадки дюны были вскрыты остатки 9 погребений на пространстве протяжением около 40 арш., или 26 м, с промежутком около 16 м невскрытой площади. Выясняется совершенно достоверная картина погребений в очень неглубоких могильных ямах с трупоположениями на их дне, без следов сожжения костей, золы или угля.

Описанные темные пятна, к которым были в ряде случаев приурочены находки могильного инвентаря, никак не могут быть сочтены за очертания могил — по незначительности их размеров; нельзя судить по ним и об ориентировке могил. По-видимому, это следы заполненных гумусом провалов полых, перекрытых накатниками могильных ям, как это наблюдалось в Вауловском, Мытищинском и Балановском могильниках, или это просто участки хорошо сохранившегося тлена на дне могил; толщина некоторых пятен доходила до двух вершков, т. е. 9 см, но не более, ни разу не представляя собой засыпи могильной ямы.

Ориентировка погребений достоверно устанавливается только в одном случае (погребение № 6) — головой на СВ и почти параллельно старому руслу Оки. В двух случаях, если судить по малонадежному для этого расположению черепов, ориентировка была на СВ и ЮВ [4].

Могильный инвентарь довольно разнообразен, но нетрудно заметить, что почти в каждой могиле есть или кельт (чаще всего), или копье, иногда и то и другое, но во всех случаях по одному экземпляру; в одном случае кельт и вместе с ним боевой вислообушный топор; почти во всех погребениях — бронзовые ножи, нередко по два и более в одном погребении. Встречаются также кремневые нож и стрелы по крайней мере двух типов: 1) узкие и 2) широкие, короткие. Другие вещи встречаются реже и поэтому менее типичны.

Весьма ценные наблюдения относительно инвентаря отдельных могил сделаны Коневым еще в раскопках 1912 г. По сообщению Ф. Н. Малинина [5], «все найденное А. М. Коневым оружие лежало в следующем, почти однообразном порядке: топор, копье, нож (бронзовые), кремневые наконечники стрел и небольших копий (дротиков) от 4 до 8 штук в одном месте и точильный камень. Все эти предметы лежали очень близко один от другого или даже вместе в одной группе. Таких групп найдено четыре». Не подлежит сомнению, что в этом перечне нужно видеть могильный инвентарь четырех наиболее богатых мужских могил воинов. На этом основании А. М. Конев пришел к выводу, что «вооружение каждого воина составляли: копье, топор, нож (бронзовые), кремневые наконечники стрел и небольших копий (дротиков) от 4 до 8 штук и точильный камень» [6]. Коневу же мы обязаны наблюдением, что один из найденных им бронзовых ножей-кинжалов торчал в песке острием вниз; подобным же образом был воткнут в дно могилы меч-акинак в одном из погребений (№ 57) раннеананьинского Луговского могильника [7].

В отчете о последних дореволюционных работах (1916) Конев, «подводя итоги раскопкам Сейминской дюны», говорит о погребениях следующее: «При находке черепов или костей человека в четырех случаях повторялась очень сходная обстановка. В этих случаях наблюдалось темное пятно размерами 8—12 вершков и нахождение около них небольших горшков 3 вершков в диаметре и столько же в глубину. Горшки эти очень изящны по форме, с прекрасным орнаментом (есть рисунки и фотографии). В других местах этих горшков или их остатков не наблюдалось. В двух случаях, а особенно при раскопках в 1915 г., удалось довольно точно установить, что мы имеем перед собой погребения по известному, так сказать, плану. Около найденных черепов было темное пятно с длинной осью эллипса почти с З на В (с некоторым отклонением к С), и в расстоянии около 1 арш. к В находился горшочек.

В 1915 г. наблюдались два темных пятна на расстоянии одного аршина друг от друга и горшочек вблизи, к В от них. Здесь были найдены два кольца-браслета в южном пятне, и в расстоянии почти трех аршин к северу лежали в некотором порядке два кельта и два ножа.

Больших горшков вблизи найденных черепов и костей ни разу не найдено. Эти горшки всегда находились около зольников» [8].

[4] *Б. С. Жуков.* Остатки двух человеческих скелетов, найденные при раскопках береговой дюны близ ст. Сейма 1 и 2 июня 1914 г. Рукопись, хранящаяся в архиве Ин-та антропологии МГУ.

[5] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.

[6] Там же.

[7] *А. В. Збруева* Луговской могильник.— «Тр. ИЭ», новая серия, т. II, 1947.

[8] *А. М. Конев.* Отчет...

Итак, мы располагаем некоторыми твердыми данными о характере погребений и о размерах Сейминского могильника. По основным признакам эти данные соответствуют характеру двух других могильников того же типа — Турбинского и Усть-Гайвинского на Каме. Но единственное погребение этих могильников, для которых твердо установлена ориентировка, не идентично по этому признаку: в Сейме погребение (№ 6 в раскопках 1916 г. по нашей нумерации) ориентировано головой на северо-восток, параллельно реке; в Турбине — головой на юго-запад, ногами наискось к реке [9]. Положение скелетов в Турбине — вытянутое на спине; в Сейме и Усть-Гайве оно не зафиксировано.

Для представления о погребальном ритуале Сейминского могильника очень существенно наблюдение А. М. Конева о якобы закономерной связи маленьких горшочков с погребальным инвентарем могил; по незначительным размерам и тщательной выделке они отличаются от больших горшков, залегавших в зольниках, т. е. в культурном слое поселения. К сожалению, отсутствие этих сосудов или рисунков и фотографий их исключает возможность конкретизировать это наблюдение.

Костные остатки человека

Найденные при раскопках в Сейме костные остатки людей помимо их понятного палеоантропологического значения представляют также интерес как решающий аргумент в пользу наличия здесь древнего могильника. Поэтому начнем с возможно более полного перечня этого рода находок в порядке их нахождения.

В первых раскопках 23 июня 1912 г. вместе с бронзовыми и каменными вещами были найдены человеческие зубы и кости, иногда покрытые зеленой окисью меди [10]. Имеются указания, что при первых раскопках кости «были найдены в довольно значительном количестве» [11].

В раскопках 5, 6 и 9 июля 1912 г. были найдены «куски круглой кости и два коренных зуба» [12].

В раскопках 16—22 июля 1912 г.— «остатки костей, по-видимому, остаток человеческой челюсти с пятью коренными зубами-коронкамп, хорошо сохранившимися» [13]. По указанию В. А. Городцова, из найденных в 1912 г. «человеческих костей кроме нижней челюсти определялись коронки зубов, остатки трубчатых, вероятнее всего, ножных и ручных костей с отгнившими концами и кусок плечевой кости» [14].

В раскопках 1 и 2 июня 1914 г. «были найдены человеческие черепа и другие кости» [15]. По сохранившимся более подробным данным, «в первый день июньских раскопок 1914 г. в западном углу дюны, недалеко от места находки бронзовых орудий, на участке, обозначенном, согласно протоколу раскопок, под № 0, в траншее № 1, расположенной на краю дюны, на глубине немного более 1 арш., были найдены остатки человеческого скелета А: обломки черепных костей, позвонков и несколько цельных зубов» (всего 10); здесь же — обломок правой височной кости, прилегающая к нему часть затылочной кости и часть правой восходящей ветви нижней челюсти с обломанным суставным отростком.

«На довольно большом расстоянии от остатков скелета А,— сообщает Б. С. Жуков,— в траншее, прорытой в северо-восточной части дюны, были найдены обломки другого человеческого скелета В. Согласно протоколу раскопок, остатки его обнаружились в конце первой сажени, считая от запада на восток, на глубине 8 вершков.

Солдат, производивший выемку земли, очевидно, слишком поздно заметил находку, так как после тщательного освобождения костей от окружающего песка, на месте находки оказалось целым лишь около половины черепа». При черепе найдены также левая сторона нижней челюсти и обломки позвонков. Недалеко от черепа, в том же слое песка, найдена небольшая кремневая стрелка [16].

При раскопках 5 и 6 июля 1914 г. обнаружены «следы мелких костей, части суставов пальцев, остатки двух черепов, 4 зуба (всего найдено косточек 38) и теменно-височная левая часть черепа, которую удалось просушить и сохранить. Последняя находка особенно интересна тем, что заключает в себе совершенно ясные сечения, череп как будто разрублен каким-то орудием» [17].

От погребения № 5 (по нашей нумерации),

[9] *А. В. Збруева.* Работа. Камской археологической экспедиции ГАИМК на строительстве Пермской гидроэлектростанции (в 1932—1935 гг.). Рукопись в архиве Пермского музея.

[10] *В. А. Городцов.* О находках близ ст. Сейма.— «Древности», т. XXIV, 1914, стр. 360.

[11] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края.— Нижегородский краеведческий сборник. «Труды Нижегородского педагогического института», т. 1. Н.-Новгород, 1925.

[12] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.

[13] Там же.

[14] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1915.

[15] Там же.

[16] *Б. С. Жуков.* Остатки двух человеческих скелетов...

[17] *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища...

обнаруженного в раскопках 10 и 11 июля 1916 г., сохранились «четыре пары коренных зубов, лежавших вместе»[18]. От погребения № 6 дошла до нас «чашка черепа взрослого человека» слабой сохранности, левая часть нижней челюсти с четырьмя коренными зубами и две голени.

Без сомнения, перечисленные находки не исчерпывают всех случаев, когда человеческие кости наблюдались при раскопках Сейминского могильника. Костями, к тому же плохой сохранности, в раскопках дореволюционного периода часто пренебрегали, как и другими малоэффектными материалами. В Горьковском музее в настоящее время хранится лишь один (плохой сохранности) человеческий череп из Сеймы.

Песчаный грунт и небольшая глубина могил обусловили очень плохую сохранность костей, и это лишает нас крайне важного палеоантропологического источника для суждения о первобытном населении, оставившем этот замечательный могильник. Лишь два черепа из раскопок 1 и 2 июня 1914 г., сохранившиеся лучше других, стали объектом антропологического изучения, выполненного Б. С. Жуковым.

Будучи в 1914 г. студентом Московского университета и к тому же нижегородцем, Б. С. Жуков был приглашен участвовать в раскопках со специальной целью наблюдения за костными остатками человека, что и было им добросовестно выполнено. Так, черепа упомянутых скелетов А и В были осторожно расчищены кистью и сфотографированы перед выемкой[19]. В связи с неизбежностью нарушения костей черепа В при его выемке из земли с него были на месте сняты два краниологических размера, а именно передне-задний наибольший диаметр и передне-задний инионный диаметр. «Ввиду того что кости держались очень плохо, череп был вымазан изнутри столярным клеем, между костями наклеены бумажные ленты, после чего, с возможной тщательностью, части черепа были вынуты»[20].

Внимание и бережность к палеоантропологическим остаткам, обнаруженным в первых раскопках 1914 г., создали возможность для некоторой их научной характеристики, которая позднее и была выполнена Б. С. Жуковым.

Не останавливаясь на специальных деталях этого описания, отметим лишь наиболее существенные заключения.

По степени стертости зубов возраст скелета А определяется как сравнительно молодой. Зубные коронки скелета В порядочно стерты, в особенности у коренных зубов, что вместе с зарастанием швов на черепе «дает основание заключить, что возраст этого субъекта был значительно старше» первого.

Ниже приводятся размеры, которые Б. С. Жукову удалось получить путем измерения остатков второго черепа.

1.	Наибольшая длина черепа (наибольший передне-задний диаметр)	186 мм
2.	Передне-задний инионный диаметр	183 »
3.	Наибольшая ширина черепа (наибольший поперечный диаметр)	ок. 136 »
4.	Наибольший двумастоидальный диаметр	ок. 132 »
5.	Ширина верхнего края альвеол	62 »
6.	Высота, или стрелка, альвеолярной дуги	ок. 51 »
7.	Длина свода костного нёба	39 »
8.	Ширина свода костного нёба (от внутреннего края альвеол)	31 »
9.	Поперечная кривая черепа	ок. 302 »
10.	Наименьшая ширина восходящей ветви нижней челюсти	39,5 »
11.	Высота нижнечелюстного шва	ок. 37,5 »
12.	Высота тела нижней челюсти	31,5 »
13.	Наибольшая ширина тела нижней челюсти	14 »
14.	Черепной указатель	ок. 73,2 »

Череп, таким образом, долихокранный, «если только форму его не изменило посмертное давление, на что, однако, нет прямых указаний». Вместительность черепа предполагается значительная. Сравнивая полученные данные с описанием известных к тому времени черепов бронзовой эпохи смежных территорий, Б. С. Жуков обращает внимание на сходство сейминского черепа по головному указателю с фатьяновскими черепами. Вместе с тем он указывает, что «нёбные диаметры, определенные на сейминском черепе... отличаются от таких же размеров фатьяновских черепов довольно сильно». Впрочем, автор тут же делает оговорку, что это различие может зависеть от разницы взятых при измерениях анатомических точек[21].

Таким образом, основным признаком, установленным на сейминском черепе В, является его долихокранность. Этот вывод подтвержден

[18] *А. М. Конев.* Отчет...

[19] Этих фотографий ни в архиве Б. С. Жукова, ни в хранилищах не обнаружено.

[20] *Б. С. Жуков.* Остатки двух человеческих скелетов...

[21] Там же.

О Зак. 2602

Т. А. Трофимовой и Г. Ф. Дебецем, ознакомившимися с добытым Б. С. Жуковым цифровым материалом. По указанию Г. Ф. Дебеца, сейминский череп отличается слабым рельефом и принадлежал, вероятно, женщине.

К сожалению, всего этого совершенно недостаточно для серьезной расово-антропологической диагностики.

Материальная культура могильника

Количество вещей, добытых многочисленными раскопками из могильника, велико, но оно было еще больше, так как, в особенности при первых нерегулярных раскопках 1912—1914 гг., много вещей разошлось по рукам, оставлено себе на память участниками раскопок [22].

В некоторой части материал из погребений может быть лишь условно отделен от материала из культурного слоя поселения (как, например, изделия из кремня и камня, керамика и т. п.). К инвентарю могильника мы отнесли наиболее типичные кремневые изделия высокой техники, связь которых с могилами указана в ряде отчетов; далее так называемые литейные формочки и некоторые гладилки и точильные камни (условно), несколько небольших целых сосудов. Сюда же относятся и все металлические предметы.

По сведениям Большой советской энциклопедии, источник которых нам неизвестен, в Сейминском могильнике найдено 77 бронзовых предметов [23]. Но, по собранным нами данным, их 112; правда, эта цифра, по указанным причинам, минимальная.

Всего же к материалу могильника можно со сделанными оговорками отнести минимум 177 предметов, не считая керамики (табл. 2). Но сохранилось до наших дней и доступно для описания меньше вещей.

Все вещи, приведенные здесь в иллюстрациях, хранятся в Горьковском областном краеведческом музее. Несколько вещей было передано оттуда для экспозиции в Дзержинский музей Горьковской обл. (см. рис. 48).

Металл

Все металлические предметы отлиты из бронзы. Состав металла большинства предметов проанализирован спектроскопически в лаборатории ИА АН СССР; результаты анализов содержатся в прилагаемой статье Е. Н. Черных.

Помимо литья в изготовлении некоторых предметов применялась ковка. Таково одно из копий, имеющее кованую втулку; некоторые небольшие ножи сделаны путем плющения предварительно отлитых продолговатых болванок.

Копья

Имеются сведения о находке на могильнике 15 наконечников копий, но в настоящее время в Горьковском музее хранится всего 10 наконечников. Все они втульчатые, литые, но могут быть подразделены по некоторым признакам на 4 типа.

Первый тип представлен тремя копьями с вильчатым стержнем, что сближает Сейминский могильник с Турбинским. Ни одно из них не имеет ушек (рис. 21, 23). Одно копье, наиболее крупное, орнаментировано тремя рельефными валиками вокруг втулки, что придает этому копью совершенно турбинский облик (рис. 22).

Второй тип количественно преобладает и может быть назван сейминским: к нему относятся 4 копья с ромбическими стрежнями; при этом у трех из них на втулке сбоку по одному ушку и лишь четвертое ушка не имеет (рис. 22, 24).

Третий тип копий с ромбическим же стержнем представлен двумя экземплярами и отличается от второго типа более вытянутыми пропорциями и характерным утолщением — манжетой вокруг отверстия втулки; эти копья также имеют по одному ушку (рис. 21 Б, 25 А).

Четвертый тип представлен всего одним копьем с менее выраженным ромбическим стержнем и несомкнутой, кованой втулкой (рис. 25 Б).

Как известно, копья с вильчатым стержнем резко преобладают в Турбинском могильнике, где их найдено 11 экземпляров. Далее они известны в Западной Сибири, где обнаружены и формы для их отливки. Находки тянутся узкой полосой от Оки до Енисея по южной зоне лесов.

Копья с ромбическим стержнем второго и третьего типов в отличие от первого чаще встречаются к западу от Камы, а также на юге от Саратова до Южного Урала, хотя известны и в Западной Сибири в тех же районах, что и вильчатые копья. Одно копье с манжетой хранится в Пярнусском музее (Эстония).

Наконец, копья с несомкнутой втулкой являются местным, волго-камским типом и количественно преобладают в Казанском Поволжье [24].

[22] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России.

[23] Сейминская культура.— БСЭ, изд. 2, т. 38, стр. 381.

[24] *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, 90, 1960, Таблицы V, VI и VII.

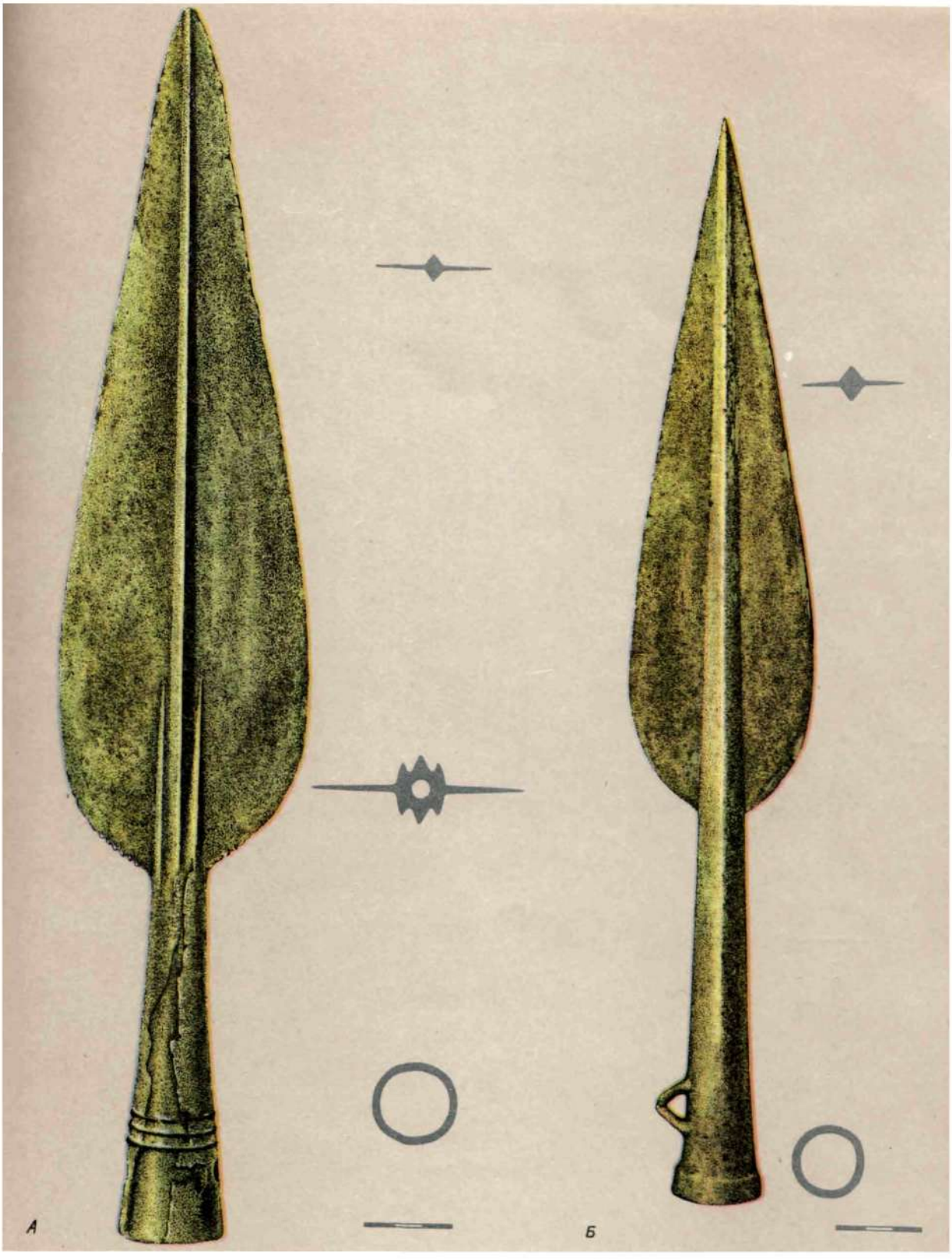


Рис. 21.

А. Бронзовое копье с вильчатым стержнем и орнаментом в виде трех рельефных поясков вокруг втулки. У основания пера ряды нарезок, образующих зубчатый край. У края втулки — два сквозных отверстия в плоскости пера для скрепления с древком. На втулке литейный изъян. Наиболее крупный наконечник, длина — 43,2 см. **Б.** Бронзовое копье с ромбическим стержнем, узким утолщением-манжетой вокруг края втулки и угловатым боковым ушком. Пропорции копья очень вытянутые, длина — 37,9 см

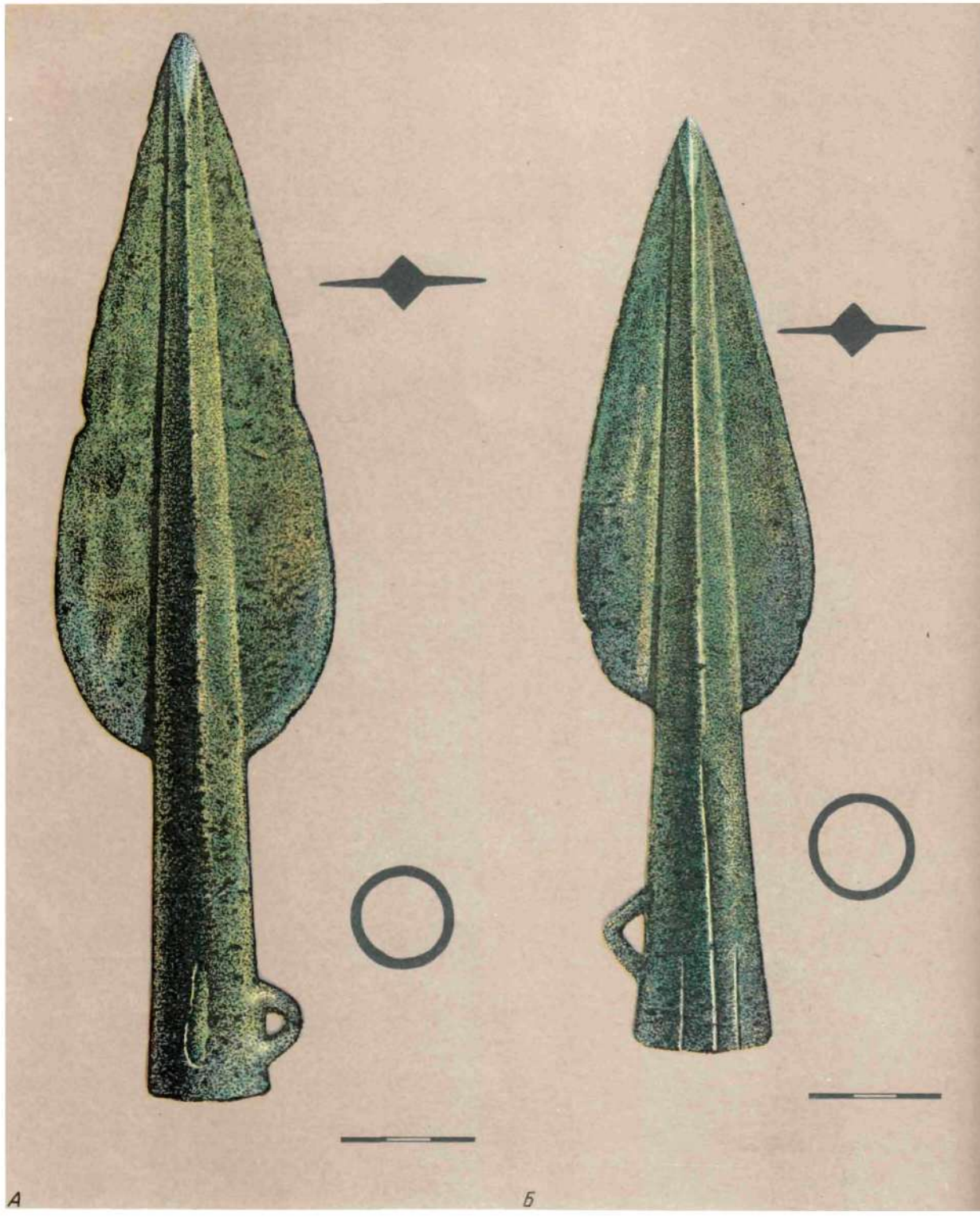


Рис. 22.

А — бронзовое копье с ромбическим стержнем и боковым ушком у конца втулки; *Б* — бронзовое копье с ромбическим стержнем и угловатым боковым ушком на втулке

ТАБЛИЦА 2

Минимальный перечень погребального инвентаря Сейминского могильника
(составлен по сведениям о раскопках и инвентарным книгам Горьковского музея)

Дата раскопок и обследований[1]	Бронза									Камень						
	топоры втулочные	кельты	копья	кинжалы и ножи	клиновидные орудия	стержни и шилья	пилки	скобы изогнутые	браслеты	привески янтарные	кольца каменные шлифованные	стрелы кремневые	ножи кремневые	точильные камни	«литейные формочки»	Итого
1912 г. 23 VI		3	2	2			1				2	Не менее 2	Не менее 2	2		16+*n*
1912 г., 4 VII		2*	1*	6*	1*											10
1912 г., 5—9 VII											3	6	2	1		12
1912 г., 16—22 VII		1	2	2			1					10		5		21
1914 г., 1—2 VI	1*	2*	1*	7*		1*				1*						13[2]
1914 г., 5—6 VII (Раскопки НУАК)		5*	2*	3*												10
1915 г.		2*		9*		7*			2*		6*			1		27
1916 г., 10—11 VII	1*	9*	6*	15	1	4	1*	1	2*			11	2	1	3*	57
1916 г. (раскопки «воинских чинов»)		1	1	1		1	1					Не менее 2				7+*n*
1929 г.[3]				1												1
Всего	2	25	15	46	2	13	4	1	4	1	11+*n*	31	6+*n*	10	3	174+*n*

Примечания.

[1] При наличии по одним и тем же раскопкам и отчетных и инвентарных цифр в таблице приведены более достоверные цифры. Цифры, взятые из музейных инвентарей, отмечены звездочкой.

[2] В отчетах упомянуто 16 бронзовых предметов.

[3] Материал обследований могильника в другие годы в таблице не использован, так как не содержит достоверных предметов погребального инвентаря.

Кельты

В Сейме зарегистрированы находки 25 кельтов, но сохранилось 20 в Горьковском музее и 2 в Дзержинском.

Все кельты литые, с сохранившимися литейными швами, по форме относятся к турбинско-сейминскому типу; исключение представляет один кельт с закованной втулкой. Кельты основной группы имеют сверху овальную или слегка угловатую втулку, в среднем сечении шестигранны, со слегка выпуклыми широкими сторонами и с хорошо выраженными выступающими ребрами-крыльями, обрамляющими широкие стороны. Все кельты безушковые и без дырок для гвоздей, исключая один, имеющий два боковых ушка.

Кельты основного, *первого* типа сильно варьируют по величине (от 17,0×8,0×3,8 до 9,7×4,4×2,2 см) и дифференцируются по орнаменту, позволяющему выделить несколько вариантов. Орнамент тонкий, геометрический, рельефный, следовательно, предварительно вырезанный на литейной форме.

К *первому* варианту относим один кельт, орнаментированный тремя узкими поясками вокруг втулки (рис. 26). Это единственный типично турбинский кельт в Сейме.

Ко *второму* варианту относятся три кельта, орнаментированные лишь поясом-лесенкой вокруг втулки; при этом у одного (рис. 27) лесенка чистая, у двух других ее нижняя линия пересечена поперечными штрихами (рис. 28, 29).

Третий вариант представлен одним кельтом, орнаментированным лесенкой и двумя косо заштрихованными треугольниками с одной стороны (рис. 30).

В *четвертом* варианте — три кельта, имеющие горизонтальные лесенки, по два заштрихованных треугольника с каждой широкой стороны и вписанные друг в друга треугольники — с узких (рис. 31 А, 32). При этом два из них настолько схожи во всех деталях, что могут рассматриваться как отлитые в одной форме.

Пятый вариант представлен наибольшим числом кельтов — шестью экземплярами (рис. 31 Б, 33, 34). Это средней величины кельты с одним косо заштрихованным треугольником под горизонтальной лесенкой и свисающими от этого треугольника наискось заштрихованными ромбами. Один из кельтов (рис. 31 Б), помимо того,

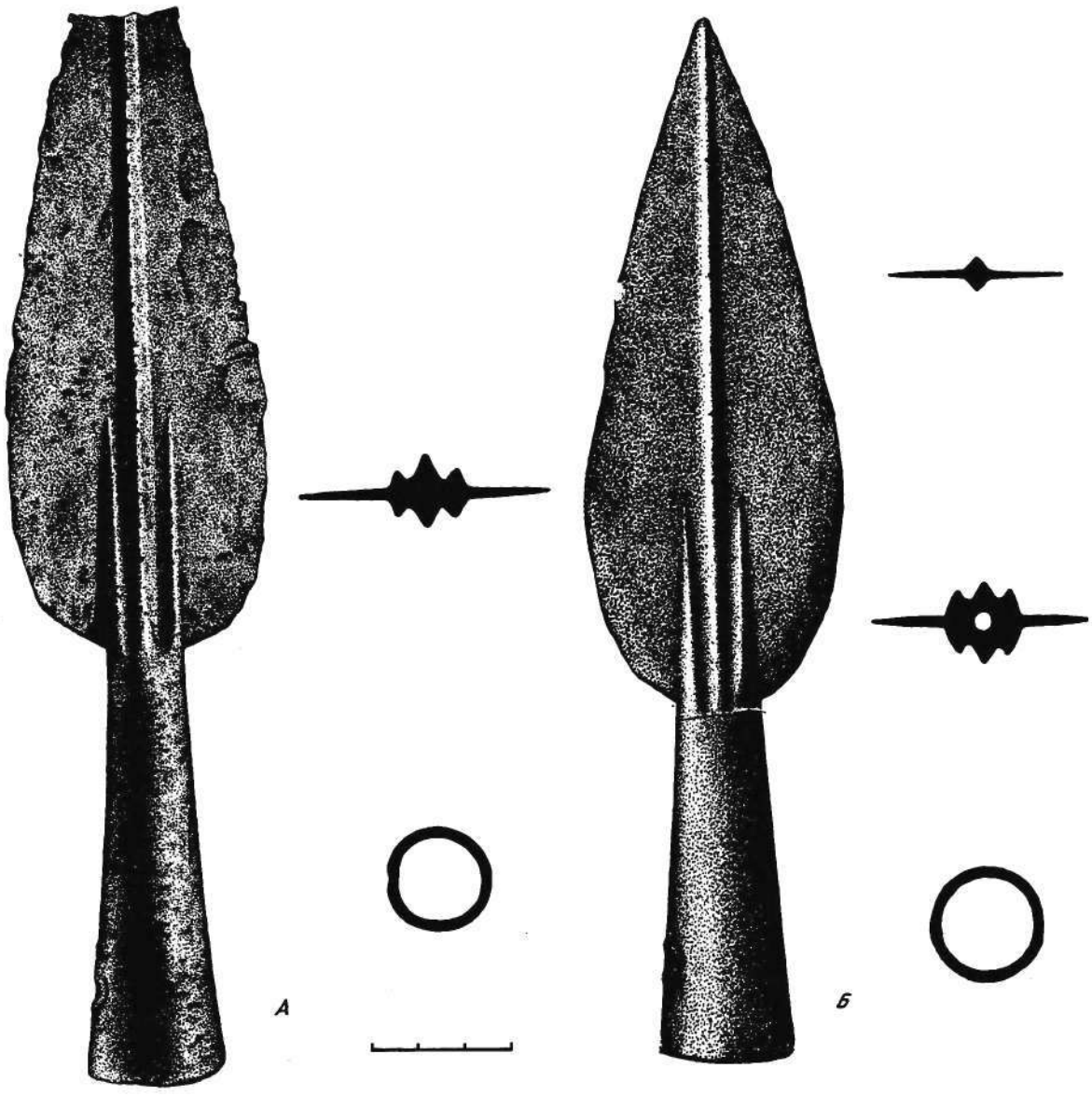


Рис. 23.

А — бронзовое копье с вильчатым стержнем и отломанным концом. На втулке сбоку два противолежащих круглых сквозных отверстия для скрепления с древком;

Б — бронзовое копье с вильчатым стержнем и круглыми сквозными отверстиями сбоку на втулке для скрепления с древком

имеет еще вписанные друг в друга треугольники по бокам. Орнамент в виде ромбов имеется всегда лишь на одной, как бы лицевой, стороне. Четыре кельта из только что упомянутых, надо полагать, отлиты в одной форме, хотя у них не вполне одинаковы длина и края втулок, не везде одинаково хорошо воспроизведен орнамент и неодинаково расковано и заточено лезвие, вследствие чего даже общая длина этих кельтов различается почти на 1 см. Этому варианту очень близок один кельт из Дзержинского музея, но на нем вертикальная цепочка начинается не треугольником, а ромбом.

Два крупных кельта *шестого* варианта (рис. 35, 36) имеют по два и три треугольника под горизонтальной лесенкой и под ними по два

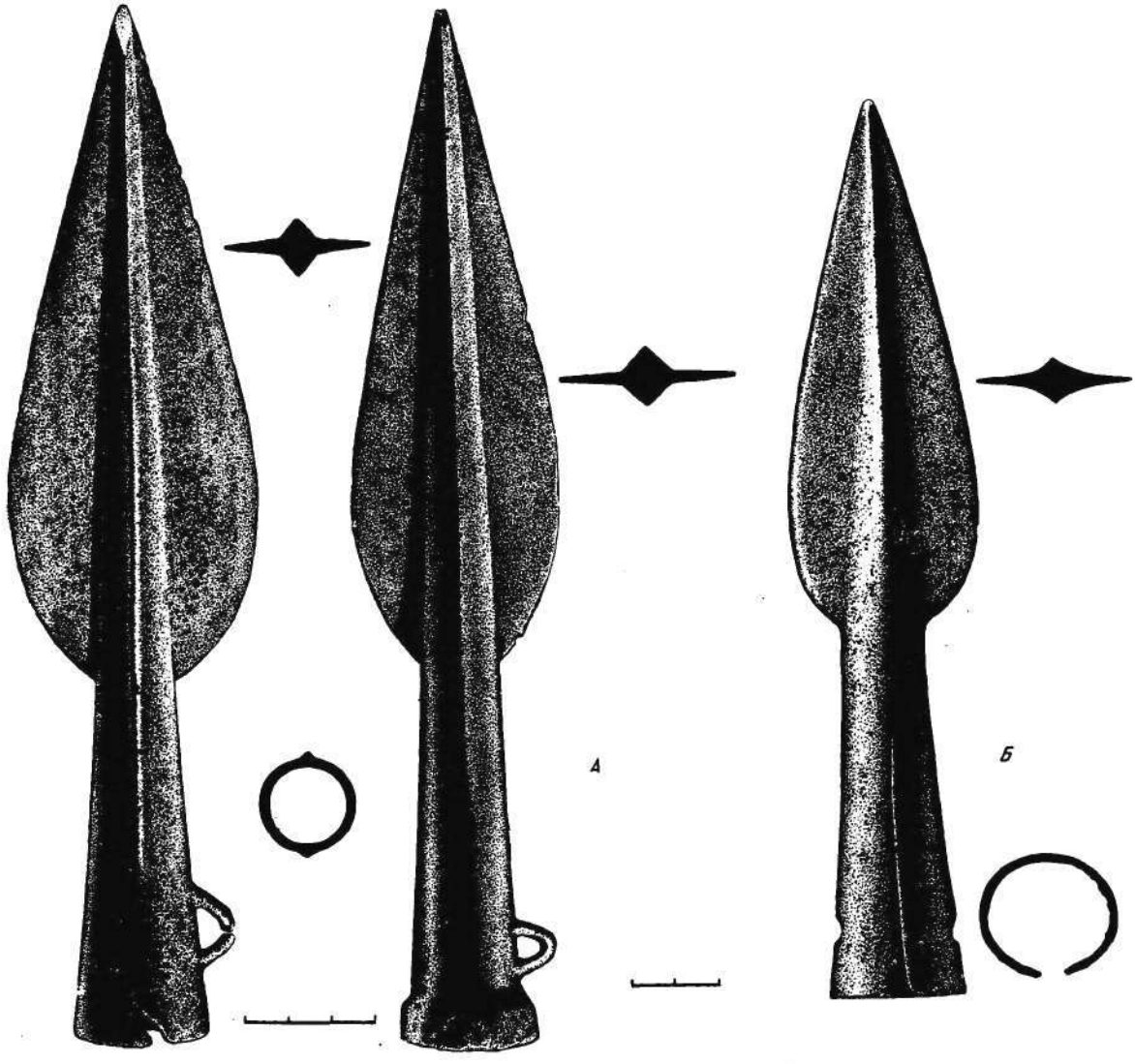


Рис. 24. Бронзовое копье с ромбическим стержнем, ребра которого заходят далеко на втулку, и боковом ушком. На втулке — литейный изъян

Рис. 25.

А — бронзовое копье с ромбическим стержнем, массивным утолщением-манжетой по краю втулки и ушком сбоку;

Б — бронзовое копье с ромбическим стержнем, несколько менее резко выраженным, и кованой втулкой, края которой образуют щель, видную на две трети длины втулки. Сбоку на втулке — два противоположных отверстия для скрепления с древком. Края втулки очень тонкие, остро раскованы. Лезвия пера наточены

свисающих ромба, в одном случае (см. рис. 36) композиционно оторванных от треугольников.

К *седьмому* варианту относятся два небольших кельта со свисающими ромбами, верхний из которых начинается между двумя треугольниками (рис. 37, 40). Они также настолько одинаковы, что могли быть отлиты в одной форме.

Следующий, самый крупный кельт, несмотря на несомненное сходство с предыдущими по форме и пропорциям, выделяется в особый *второй* тип. Он двуушковой и имеет наиболее сложный орнамент (рис. 38), не раз встреченный на западносибирских кельтах.

Наконец, к *третьему* типу относится совершенно своеобразный небольшой кельт, отличающийся почти круглой, короткой, притом явно закованной, а не литой втулкой. Хорошо видные с одной стороны швы не доходят до края втулки, что могло быть достигнуто, надо

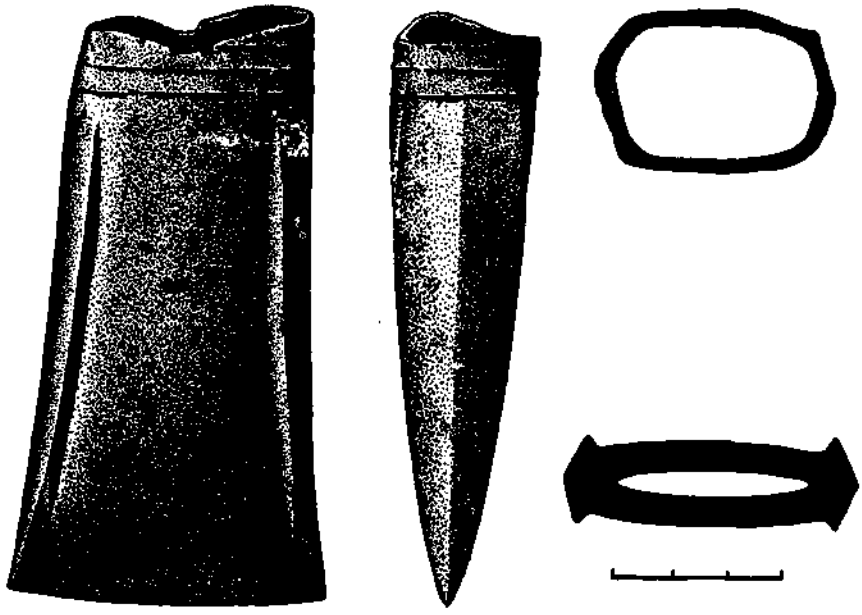


Рис. 26. Бронзовый кельт с орнаментом в виде трех рельефных поясков вокруг втулки

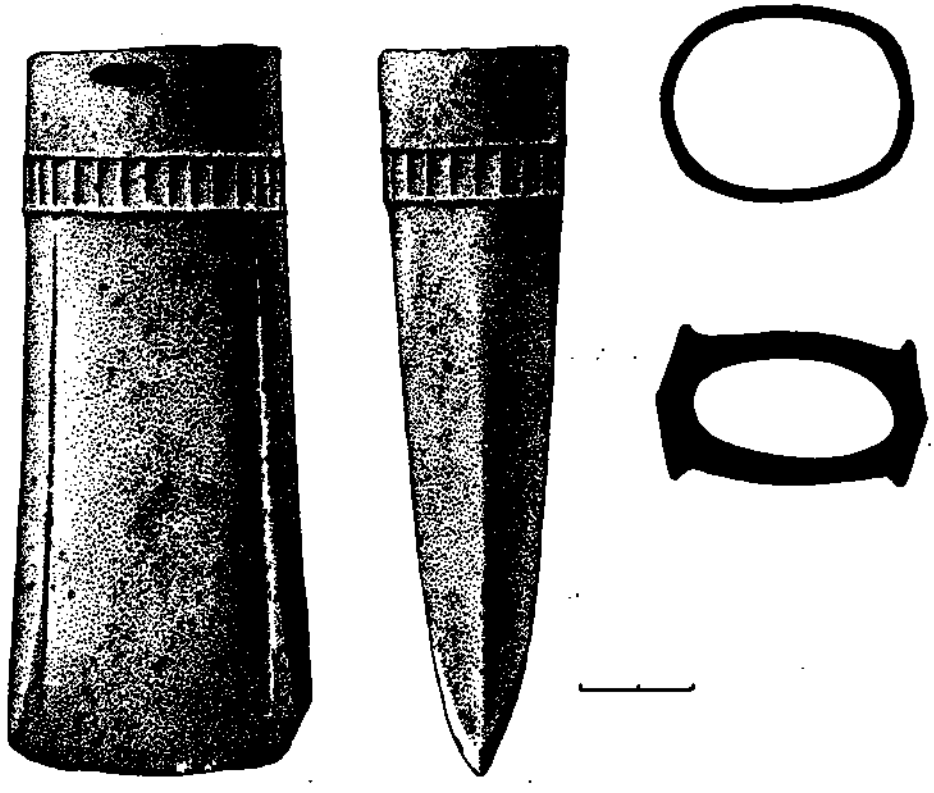


Рис. 27. Бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки вокруг кельта и с литейным изъяном у края втулки

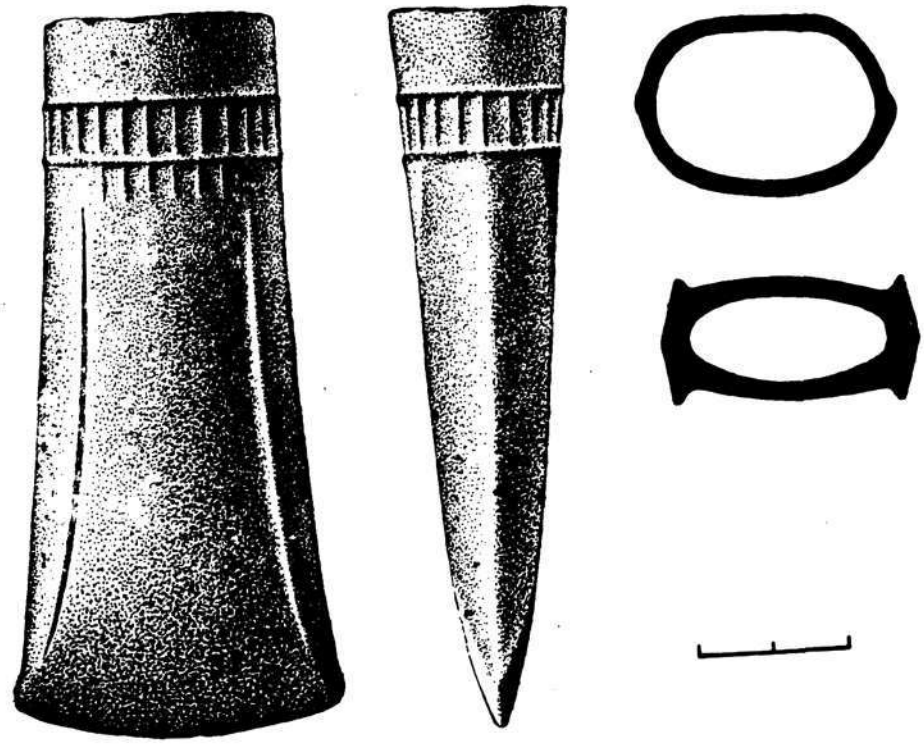


Рис. 28. Бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки и ряда коротких линий под ней

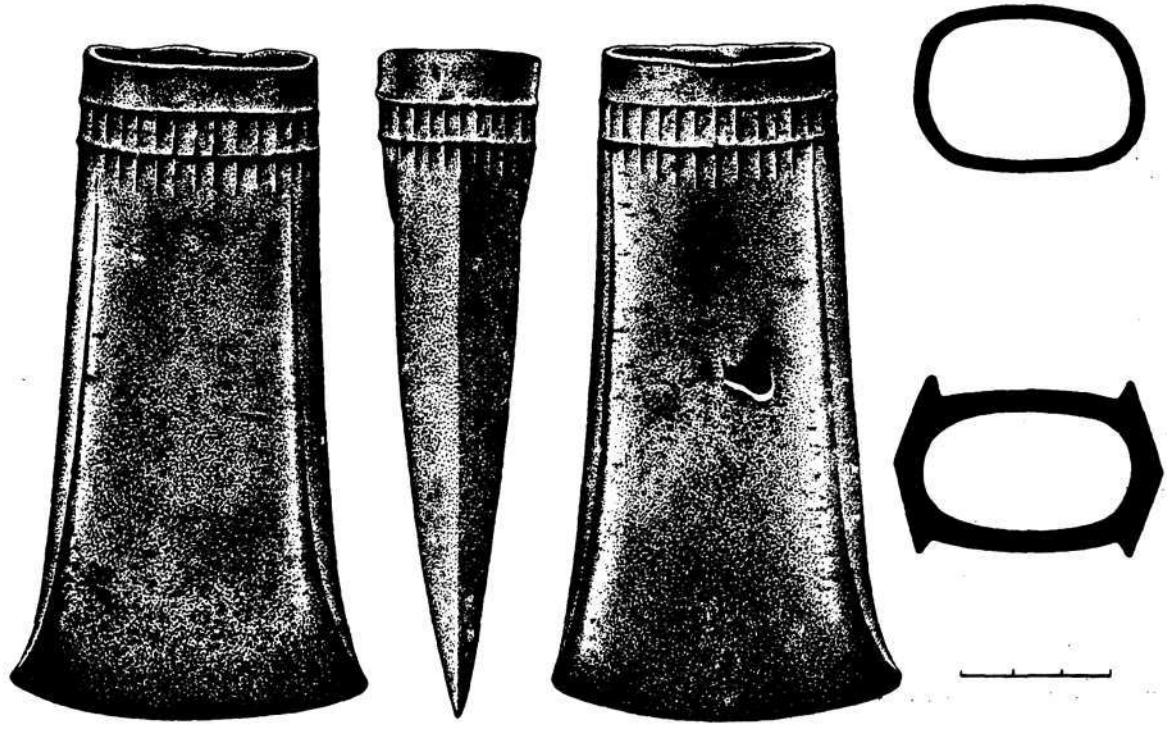


Рис. 29. Бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки и ряда коротких линий под ней. С одной стороны — литейный изъян

Рис. 30. Бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки и двух косо заштрихованных треугольников под ней на одной из сторон

полагать, только при длительной горячей ковке (рис. 39).

В некоторых кельтах сохранились остатки деревянных рукоятей. Особенно хорошо дошла до нас древесина в одном кельте (рис. 31 Б), в 1924 г. пропитанная автором раствором шеллака в спирту. На ней можно хорошо видеть, что клин, вгонявшийся во втулку кельта, предварительно хорошо обстругивался с обеих сторон очень острым лезвием.

В другом случае кусок древесины во втулке представляет собой лишь один бок загнанного в кельт клина, пропитанного медной зеленью. На его нижнем конце хорошо виден косой срез, сделанный острым орудием (по-видимому, ножом), и на нем — продольное направление годичных слоев древесины по отношению к широтному диаметру втулки (рис. 40).

По определению ученого лесовода А. Н. Тимошенко (г. Горький), дерево оказалось дубом.

Следуя заключению М. П. Грязнова о поперечном насаде кельтов, сделанному им на турбинском материале [25], нужно думать, что рукояткой кельта служил древесный сук, а прилегающая к нему часть ствола, оформленная в виде клина, туго загонялась во втулку кельта. Такой способ насада был подтвержден нами и для одного из кельтов раннеананьинского могильника Скородум [26], а А. Х. Халиковым — на материале Аккозинского могильника [27].

Рассматривая в свете этих данных остатки деревянного клина в сейминском кельте, можно прийти к аналогичному заключению о поперечном насаде кельта. Предполагать же, что рукоятка орудия выделана из ствола, а сук загонялся во втулку, трудно, так как это было бы гораздо более трудоемко и, следовательно, нерационально. С этим согласуется и наблюдение А. М. Конева: в одном найденном им кельте «сохранились остатки деревянного черенка из дерева хвойной породы, мелкослойного, *видимо из ствола* (курсив мой. — *О. Б.*), а не из корня» [28].

О поперечном насаде многих сейминских кельтов и, следовательно, об использовании их в качестве тесла, а не топора убедительно свидетельствует встречающаяся асимметрия бокового профиля и расположения орнамента. Так, лишь 6 кельтов имеют совершенно одинаковый орнамент с обеих сторон. У остальных орнаментированных кельтов мы видим одну, как бы лицевую, сторону богаче украшенной; например, узор в виде свисающих ромбов на кельтах имеется только с одной стороны. При продольном насаде кельтов (в качестве топоров) подобная устойчивая асимметрия орнаментации потеряла бы смысл. Наблюдается, что у кельтов с асимметричным орнаментом более орнаментированная лицевая сторона лезвия несколько выгнута в профиле по сравнению с другой стороной.

Не исключено, конечно, что некоторые во всех отношениях симметричные кельты могли насаживаться на рукоять по типу топоров, т. е. с лезвием, лежащим в плоскости рукояти.

Клиновидные топоры

В Сейме зарегистрированы всего два клиновидных плоских топора (рис. 41 А).

Оба они отличаются сравнительно вытянутыми пропорциями и принадлежат к архаичной разновидности орудий этого рода в Северо-Восточной Европе.

[25] *М. П. Грязнов.* К методике определения типа рубящего орудия (топор, тесло).— КСИИМК, XVI, 1947, стр. 170.

[26] *О. Н. Бадер.* Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры.— УЗ ПГУ, т. XII, 1, 1960.

[27] *А. Х. Халиков.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— «Тр. МАЭ», т. II. Йошкар-Ола, 1962, рис. 4.

[28] *А. М. Конев.* Отчет..., стр. 2.

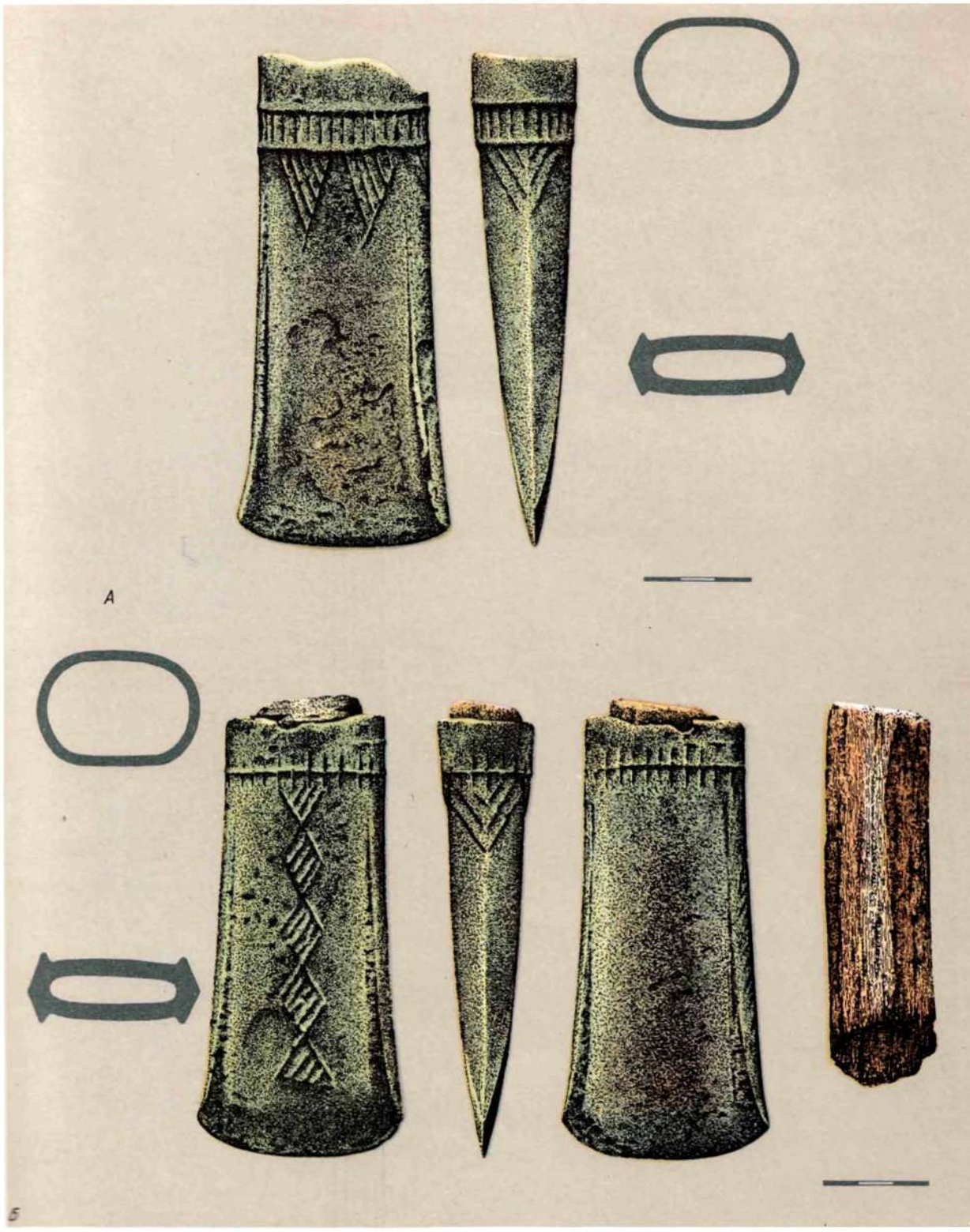


Рис. 31.

А — бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки, косо заштрихованных треугольников под ней с двух широких сторон и вписанных один в другой треугольников с боковых сторон. Края втулки очень неровны; *Б* — бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки с пересеченной нижней чертой и трех с половиной косо заштрихованных ромбов, свисающих от заштрихованного треугольника; с боковых сторон под лесенкой — вписанные треугольники. Во втулке хорошо сохранилось дерево

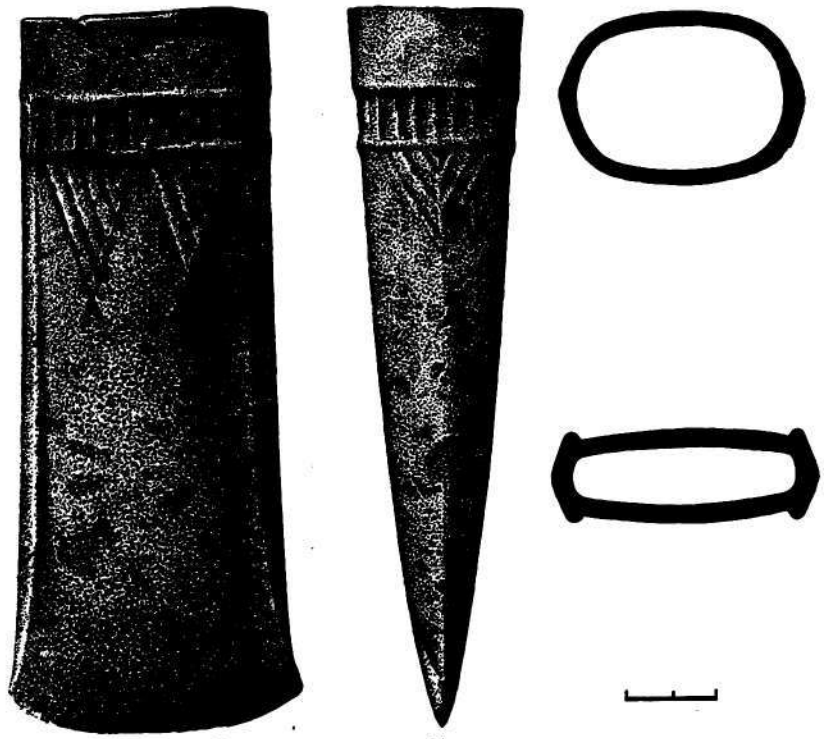


Рис. 32. Бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки и косо заштрихованных треугольников под ней на широких сторонах и вписанных треугольников — на боковых

Рис. 33.

А, Б — Бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки с пересеченной нижней чертой и трех с половиной косо заштрихованных ромбов под заштрихованным треугольником на одной из сторон;

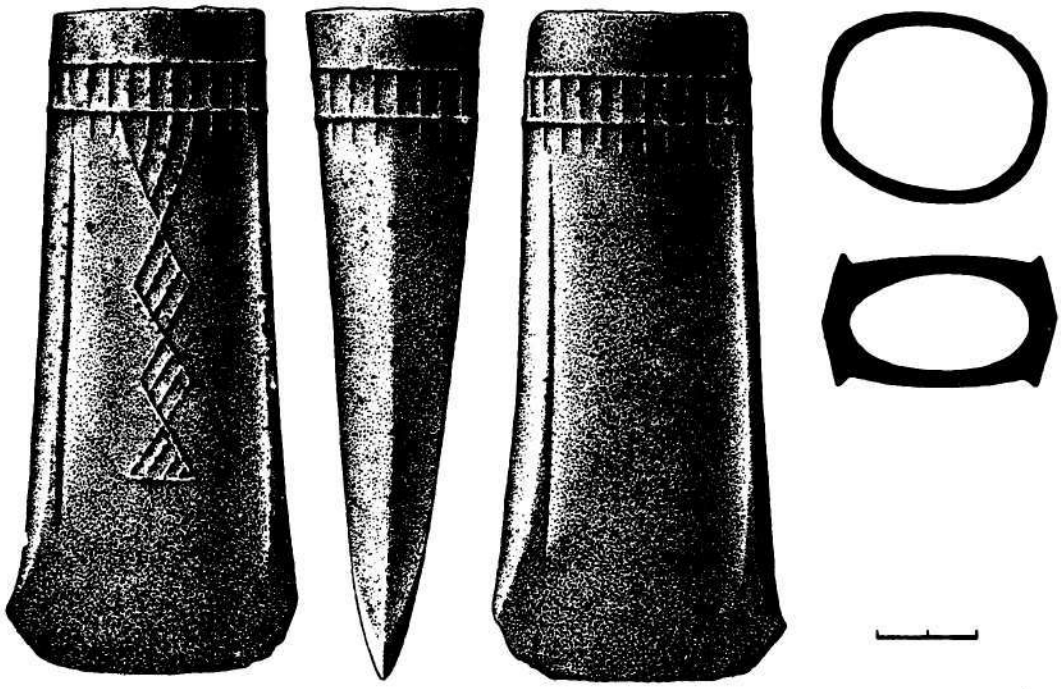


Рис. 34. Бронзовый кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки с пересеченной нижней чертой и двух с половиной косо заштрихованных ромбов под заштрихованным треугольником на одной из сторон

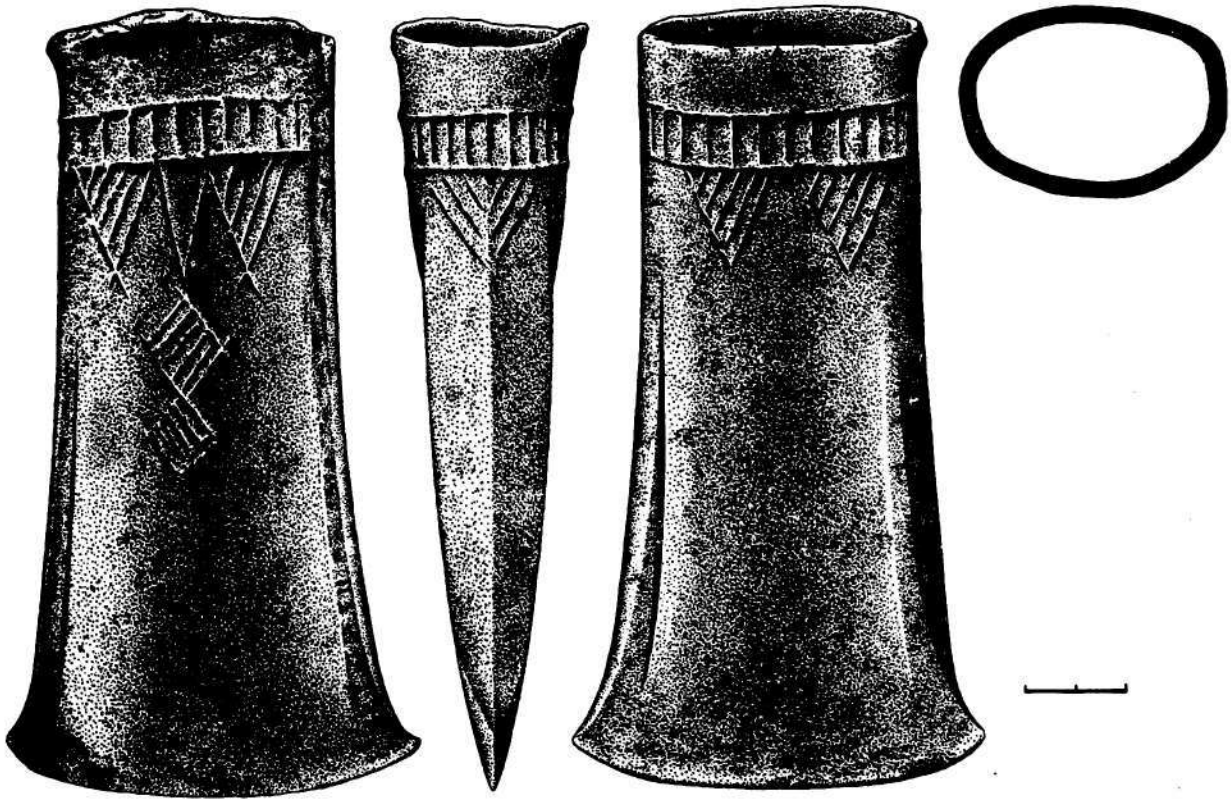


Рис. 35. Бронзовый крупный кельт с орнаментом на каждой стороне в виде горизонтальной лесенки и двух косо заштрихованных треугольников под ней; на боковых сторонах — по два вписанных треугольника и, кроме того, на одной из сторон — третий узкий, незаштрихованный треугольник в середине и два по-разному заштрихованных свисающих ромба

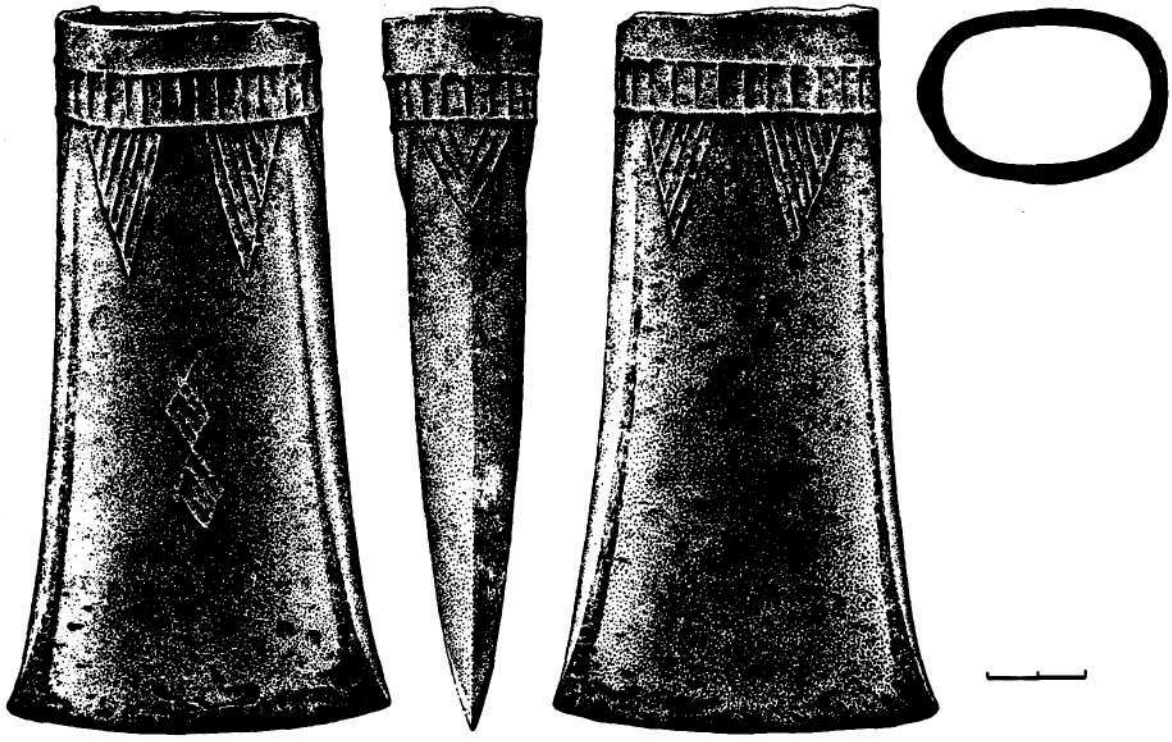


Рис. 36. Бронзовый крупный кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки, двух узких заштрихованных треугольников с каждой широкой стороны, вписанных треугольников с боковых сторон и еще двух заштрихованных свисающих ромбов на одной из сторон

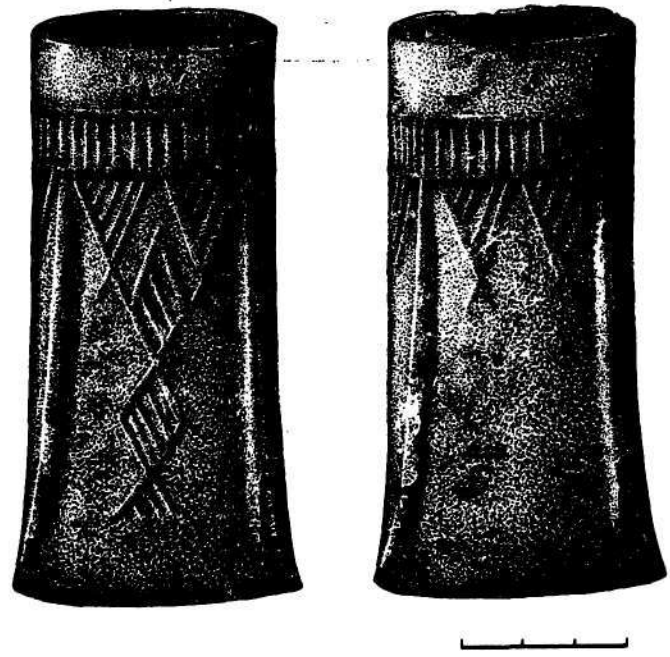


Рис. 37. Бронзовый небольшой кельт с орнаментом в виде горизонтальной лесенки, косо заштрихованных вписанных треугольников под ней и на одной из сторон — двух с половиной свисающих ромбов с косой штриховкой

Рис. 38. Бронзовый кельт, наиболее крупный, с двумя боковыми ушками и сложным орнаментом: горизонтальная лесенка в зоне ушков, вписанные треугольники с боковых сторон, шесть встечающихся остриями заштрихованных треугольников и свисающих от них ромбов с лицевой стороны и три длинных заштрихованных треугольника — с оборотной

Рис. 39. Бронзовый кельт с небольшой, почти круглой, закованной втулкой и плоским лезвием; без орнамента, с одной стороны хорошо сохранились следы швов, не доходящих, однако, до края втулки, что свидетельствует о применении горячей ковки

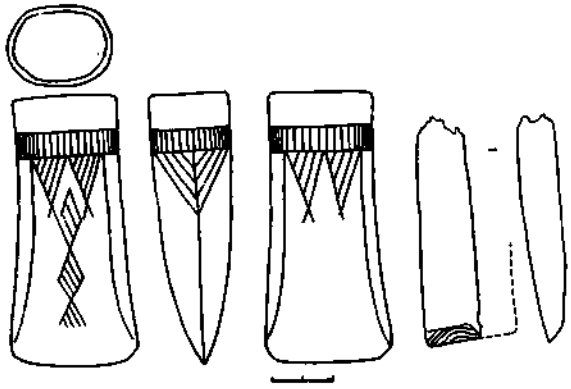


Рис. 40. Бронзовый кельт с сохранившейся во втулке частью деревянного клина от рукояти со следами годичных колец на срезе

Клевцы-топорики

В коллекции имеется один клевец-топорик, некоторыми авторами называвшийся клином. По форме это орудие очень близко турбинским и также, надо полагать, служило своеобразным и новым для того времени видом боевого оружия (рис. 41 Б).

Вислообушные топоры

В могильнике известно два вислообушных топора (рис. 42). Оба они принадлежат к одному типу, который В. А. Городцов называл широковислообушным[29], а Б. Г. Тихонов называет южноуральским[30]. Однако сейминские топоры имеют довольно заметную вогнутость краев выходного отверстия овального проуха, что было также отмечено Б. Г. Тихоновым[31], а это сближает их с камским типом.

Ножи

Бронзовых ножей и кинжалов в раскопках было найдено не менее 46 экземпляров. В настоящее время в Горьковском и Дзержинском музеях хранится почти столько же ножей, считая с обломками.

Основная масса ножей — это двулезвийные ножи-кинжалы с деревянными черенками, следы которых хорошо сохранились на некоторых экземплярах (рис. 43); в отчетах упоминается также находка двух ножей «с остатками костяных черенков»[32].

Среди ножей хорошо выделяются два наиболее многочисленных типа. К первому из них относится не менее 8 ножей с плоским клинком и с незначительным сужением на черешковом конце (рис. 43, 44); они могут быть названы сейминским вариантом ножей турбинского типа, черешковый конец которых вовсе не сужен. В Сейме найден всего один такой нож, но не плоский, как в Турбине, а ромбический в сечении.

Ко второму типу, наиболее многочисленному, относится более десятка ножей с более или менее узким черешком и граненым клинком, что достигалось путем слабого утолщения его вдоль средней линии (рис. 45, 46). Этот тип близок ножам срубной культуры. Черешки обычно плохой сохранности, но на некоторых из них еще видны характерные расширения на конце черешка, свойственные срубным ножам (см. рис. 45, *1*).

Наконец, третья, самая многочисленная группа ножей относится к промежуточному типу по обоим основным признакам: и по ширине черешка, и по степени уплощенности клинка (рис. 47, 48, *5*, *7*). Именно их можно с наибольшей вероятностью считать продуктом местного производства, соединившего некоторые признаки двух первых, различных форм. Один из таких ножей издан В. А. Городцовым, который считает его формой, «общераспространенной во всех областях древних цивилизаций бронзовой эпохи»[33] и, в частности, сопоставляет его с серебряным с золотой накладкой клинком из Бородинского клада.

В противоположность описанным простым ножам ни один из 6 ножей с металлическими литыми ручками не повторяет другого по форме, каждый из них вполне оригинален. Тем не менее по форме клинка их можно подразделить на 3 группы. К *первой* из них принадлежат 4 ножа; все они, несмотря на разнообразие рукояток, имеют сходные плоские клинки турбинского типа (рис. 49—51 А).

Все они по характеру рукояток имеют хотя и не абсолютные, но все же некоторые аналогии преимущественно среди более поздних ножей Сибири, на что указывал В. А. Городцов[34]. Близок им и известный нож из Галичского клада. Об одном из этих ножей — с навершием в виде головы лося — много писали. В. А. Городцов отмечал аналогии ему в Западной Европе, Северной и Восточной России и Сибири, обращая особое внимание на весьма близкую аналогию

[29] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России.
[30] *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.
[31] Там же.
[32] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[33] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России, рис. 54, стр. 205.
[34] Там же.

из Карелии — в виде каменной скульптурной головы лося на тыльном конце сверленого топора из Саккиярви близ Выборга и ряд прочих аналогий с территории Финляндии, Карелии и Архангельской области[35]. В. И. Равдоникас, продолжая аналогии, сопоставлял сейминский кинжал с более древней формой рогового кинжала с головой лося из Оленеостровского могильника на Онежском озере[36]; связывая возникновение этих форм с неолитом нашего европейского Севера, Д. Н. Эдинг также предполагал связь художественного литья из Сеймы и Турбина с искусством охотников лесной полосы; в частности, с замечательной деревянной скульптурой в Горбунове на Среднем Урале[37].

Горизонтальные пояски в виде валиков или борозд в нижней части рукоятей трех ножей аналогичны характернейшему орнаменту на турбинских копьях и кельтах.

Пятый кинжал отличается от первых четырех формой клинка — граненого и с расширением в середине (рис. 51 Б) — и по этому признаку принадлежит ко *второму* типу простых черешковых ножей и вместе с ними сближается с ножами срубной культуры. Его рукоятка с двумя просветами и кнопкой в навершии также может быть сближена с ножами более южных районов; в частности, с кинжалами из клада Сосновой Мазы близ Хвалынска, как указывал В. А. Городцов.

Наконец, шестой фигурный нож представляет *третий* тип по форме клинка: это кривой однолезвийный нож с решетчатой рукоятью, с навершием в виде лошадей (рис. 52). Эти его особенности определяют отсутствие его связей с примерно синхронными культурами Восточной Европы, а вместе с тем указывают и на его азиатское происхождение, где формы кривых ножей широко распространены во II тысячелетии до н. э. Наиболее близкая аналогия этому ножу известна в Турбинском II могильнике.

Если некоторые специалисты и предполагают связь художественного литья Сеймы и Турбина (в том числе и рассматриваемого ножа) с древним искусством охотников лесной полосы[38], то возникновение сюжетов наверший не только турбинского, но и сейминского ножа не могло произойти в лесной полосе. Дело в том, что на турбинском ноже изображены горные бараны,

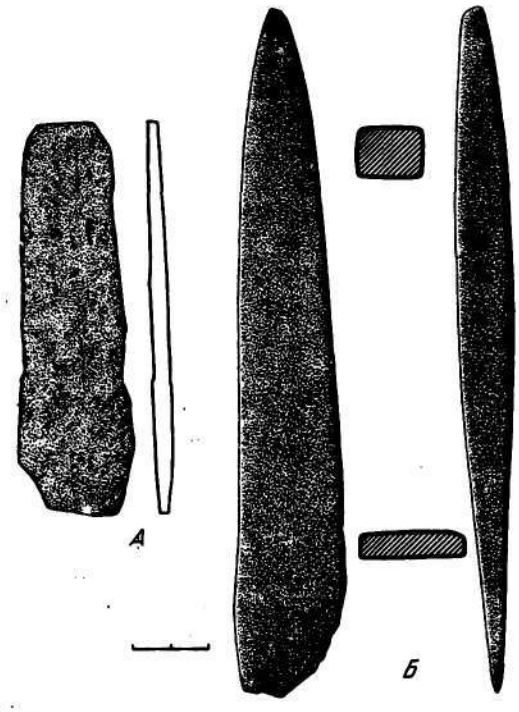


Рис. 41.

А — бронзовый плоский топор-тесло клиновидной формы; *Б* — бронзовый клевец-топорик с частично выкрошившимся лезвием

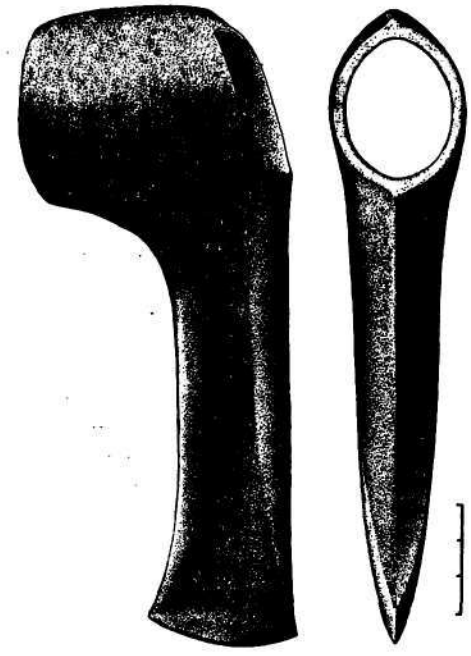


Рис. 42.

Бронзовый вислообушный топор с овальным проухом.

[35] *В. А. Городцов.* Указ соч., стр. 209.
[36] *В. И. Равдоникас.* Неолитический могильник на Онежском озере.— СА, т. VI, 1940, стр. 60.
[37] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала и «Труды ГИМ», вып. X. М., 1940, стр. 76.
[38] Там же.

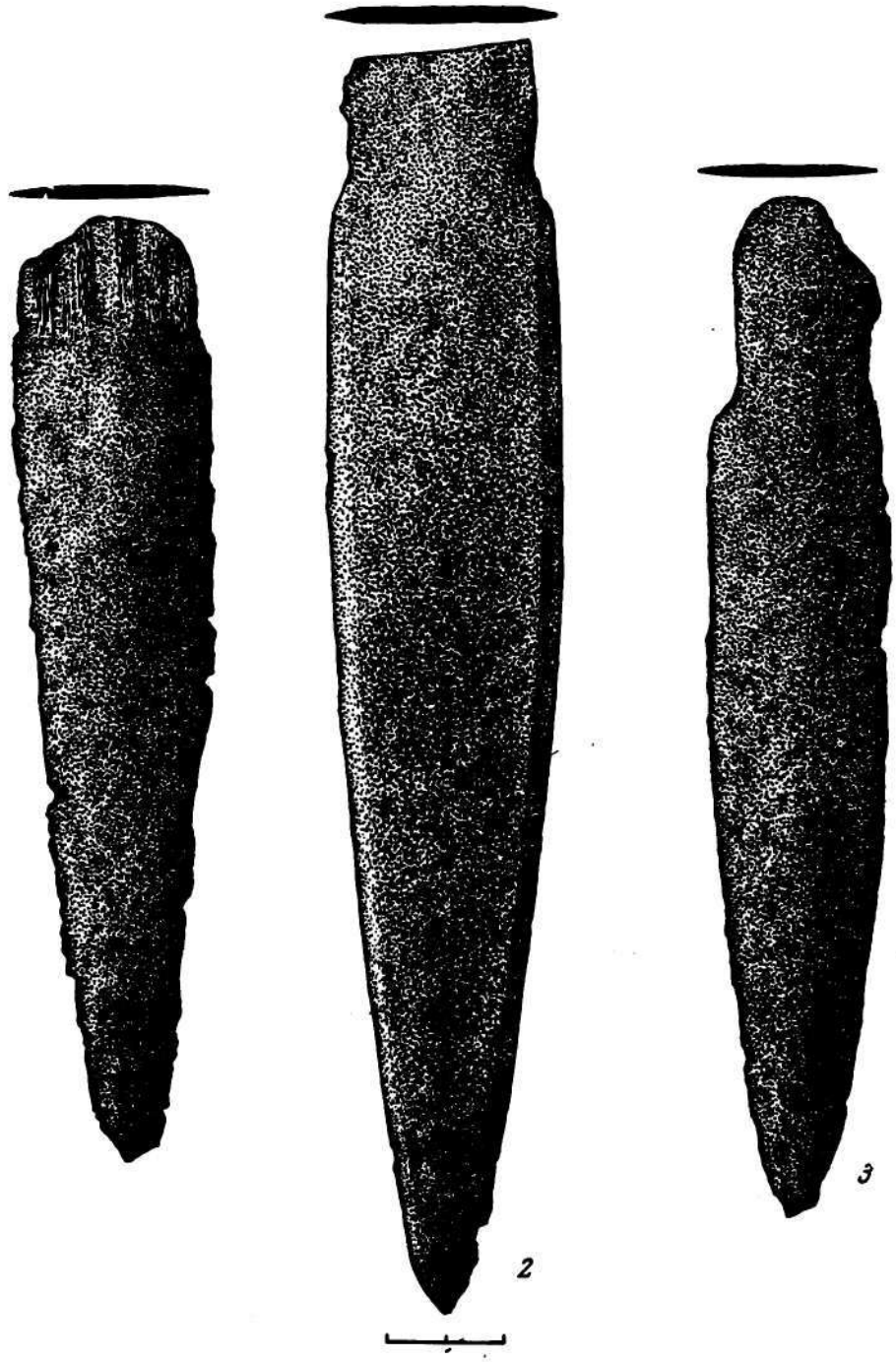


Рис. 43.

1 — бронзовый плоский нож с едва намеченным широким черешком и следами дерева на нем; *2* — бронзовый крупный, плоский, широкий нож со слабо суженным черешковым концом и с двух сторон хорошо прокованными и не заточенными лезвиями; *3* — бронзовый плоский нож со слабо суженным черешковым концом

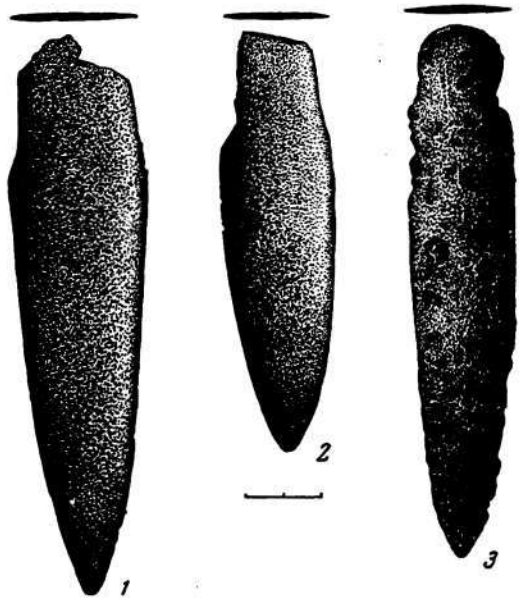


Рис. 44. Три бронзовых ножа с незначительным сужением на черешковом конце

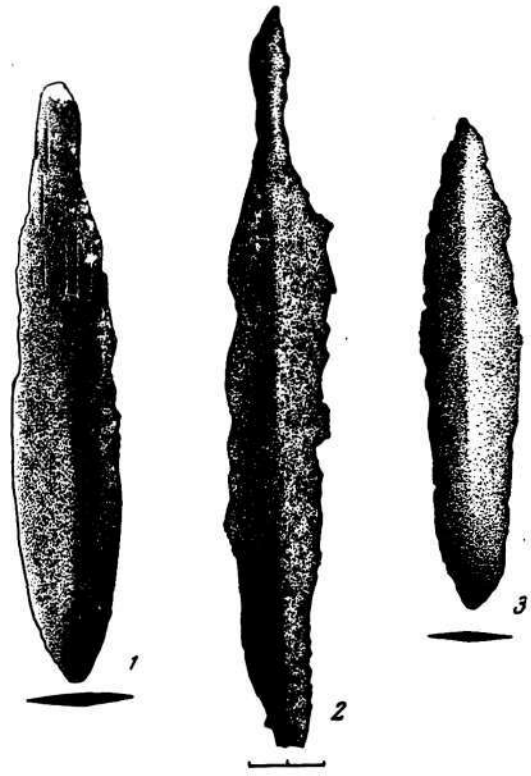


Рис. 46. Три бронзовых ножа, частично плохой сохранности, с утолщением вдоль середины клинка и узким черешком

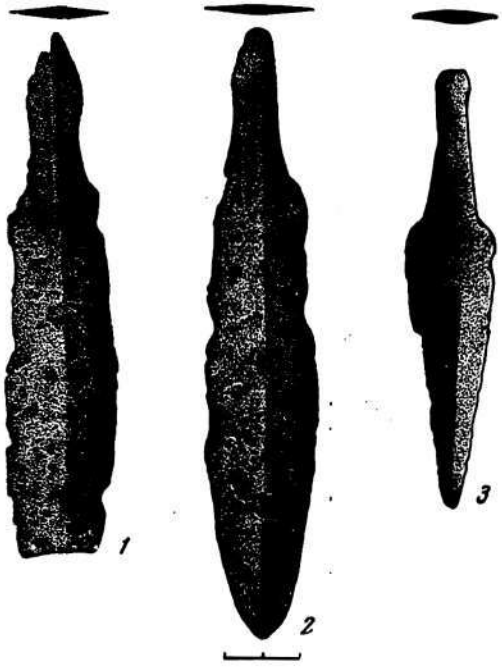


Рис. 45. Три бронзовых ножа с утолщением вдоль середины клинка и с хорошо выраженным узким черешком

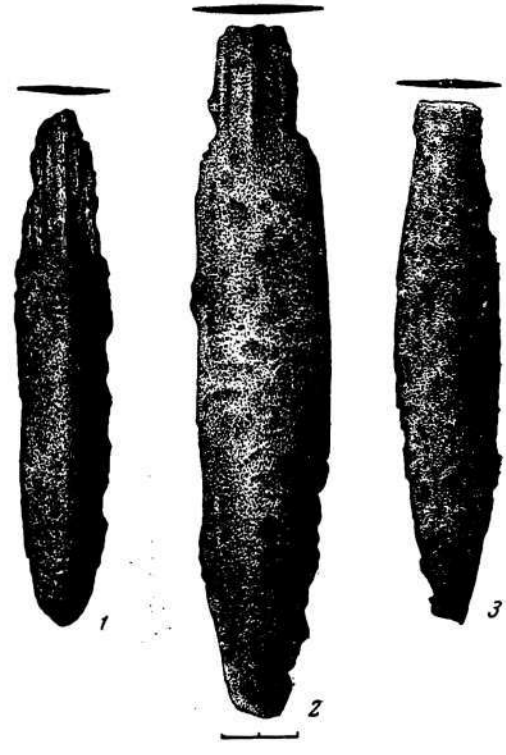


Рис. 47. Три бронзовых ножа со слабым утолщением вдоль середины клина и с широким черешком

совершенно неизвестные в лесной полосе, а на сейминском ноже изображены лошади.

Правда, по предположению С. В. Киселева, на сейминском ноже изображены не лошади, а куланы, но палеонтологи В. И. Громов и Н. К. Верещагин и зоологи С. Н. Боголюбский и В. И. Цалкин единодушно определяют фигурки как изображения лошадей. Того же мнения был и Д. Н. Эдинг[39]. Основными аргументами в пользу этого определения служат длинные хвосты и гривы. Весьма существенно и то, что на морде передней лошади изображена узда, которую трудно предполагать у кулана.

По мнению С. Н. Боголюбского, перед нами тип лошади Пржевальского с массивными головой и мордой, но уже со следами одомашнения, которые сказываются в длинной гриве и челке, у «пржевальца» отсутствующими. Также и по В. И. Цалкину: грубость частей тела и горболобость фигур напоминают лошадь Пржевальского; грива, по его мнению, скорее стоячая, ибо для лежачей она слишком высока, а шея животных в таком случае неправдоподобно толста; если грива действительно стоячая, то фигуры тем скорее изображают лошадь Пржевальского. Н. К. Верещагин полагает, что здесь тарпаноидный тип, или тип лошади Пржевальского (по его мнению, это одно и то же), выражен более или менее отчетливо.

Ареал распространения лошади Пржевальского в настоящее время искусственно сужен и ограничивается пустынями Джунгарии в Центральной Азии, но раньше, по мнению С. Н. Боголюбского, был значительно шире, охватывая степи Западной Сибири, возможно, до самого Урала, где ареал «пржевальцев» должен был соприкасаться с более легкой и грациозной европейской дикой лошадью — тарпаном. Лошадь Пржевальского считается типичным представителем степных лошадей.

Долгое время державшееся в науке мнение о происхождении если не всех, то по крайней мере северо-восточноазиатских лошадей от лошадей Пржевальского недавно поколеблено исследованиями В. Ф. Румянцева и В. И. Громовой. К тому же современные опыты по приручению лошади Пржевальского (например, в степном заповеднике Аскания Нова) не дали положительных результатов из-за дикости и неукротимости этих животных. Тем не менее, принимая существование не одного, а нескольких центров приручения лошадей в азиатских и европейских степях разных вариететов диких лошадей, С. Н. Боголюбский не исключает в этом процессе «и роль лошадей Пржевальского, хотя бы в скрещиваниях их с какими-то вариететами тарпанов»[40].

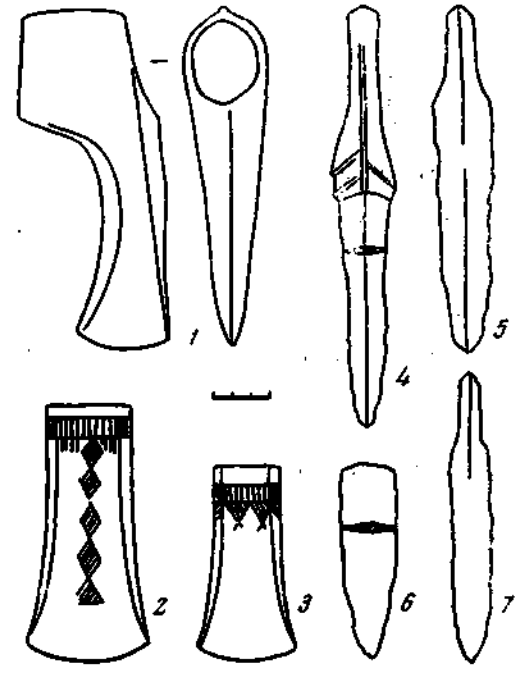


Рис. 48. Бронзовый топор (*1*), два кельта (*2*, *3*) и четыре ножа (*4*—*7*) из Сейминского могильника, хранящиеся в музее г. Дзержинска; на рукоятке первого ножа отливкой воспроизведены (по мнению В. А. Городцова) ремешки, как бы скрепляющие деревянные части черенка

Исключительный интерес имеет деталь на головке первой из сейминских фигурок, представляющая собой изображение узды. Один ремень ее идет от скулы под глазами через рот к другой скуле; его пересекает второй ремень, идущий вокруг морды, но вверху он по сторонам лба образует две отстающие ото лба петли, еще выше соединяющиеся, после чего ремень проходит между ушами, видимо соединяясь с ремнем, обнимающим шею сразу за головой.

Узда — несомненный признак одомашнения. К сожалению, он не может иметь отношения к характеристике хозяйства сейминцев, так как нож привезен к ним издалека — из степной или лесостепной Сибири.

Нож отлит из оловянистой бронзы. По мнению С. В. Киселева, он принадлежит к инвентарю южносибирской карасукской культуры[41],

[39] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала, стр. 87.

[40] *С. Н. Боголюбский.* Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959, стр. 496.

[41] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

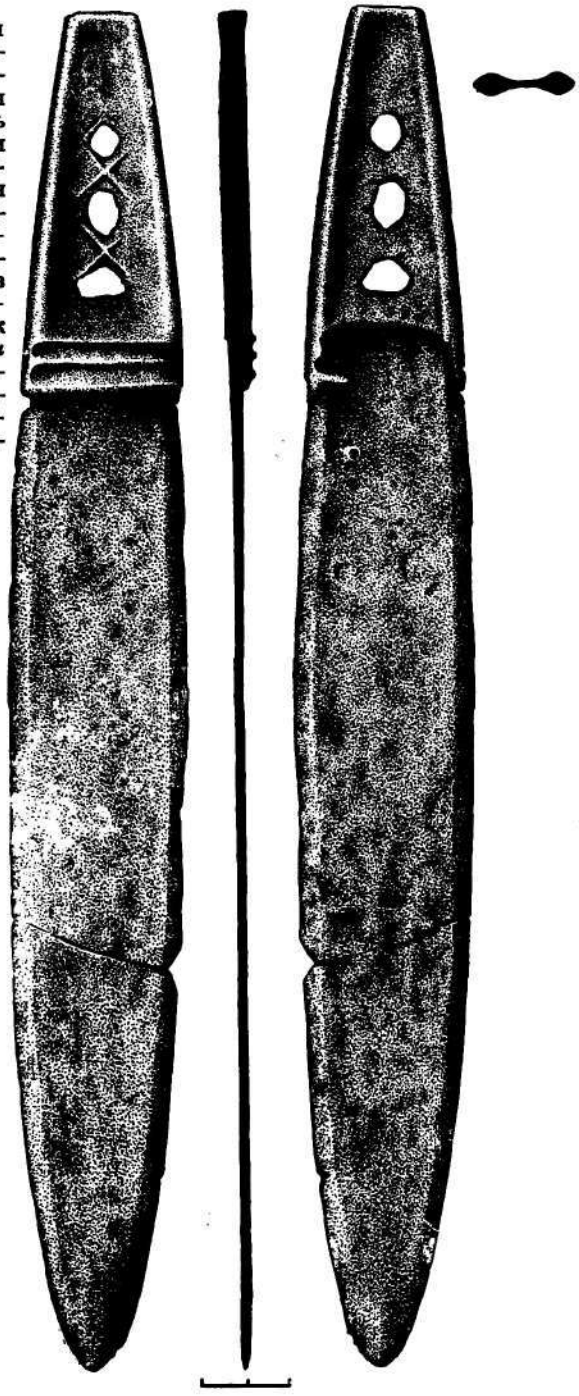


Рис. 49. Бронзовый нож или кинжал с плоским, заточенным по краям клинком турбинского типа; три отверстия неправильной формы на очень тонкой в середине рукояти позволяют предполагать существование с обеих сторон деревянных накладок, скреплявшихся через эти отверстия; вокруг отверстий — слабый рельефный орнамент в виде ромбов; черенок и клинок отлиты отдельно; клинок наложен на черенок на 1,5 *см* и припаян; на тыльной поверхности сохранилась капля-натек, с лицевой стороны черенка — три рельефных валика

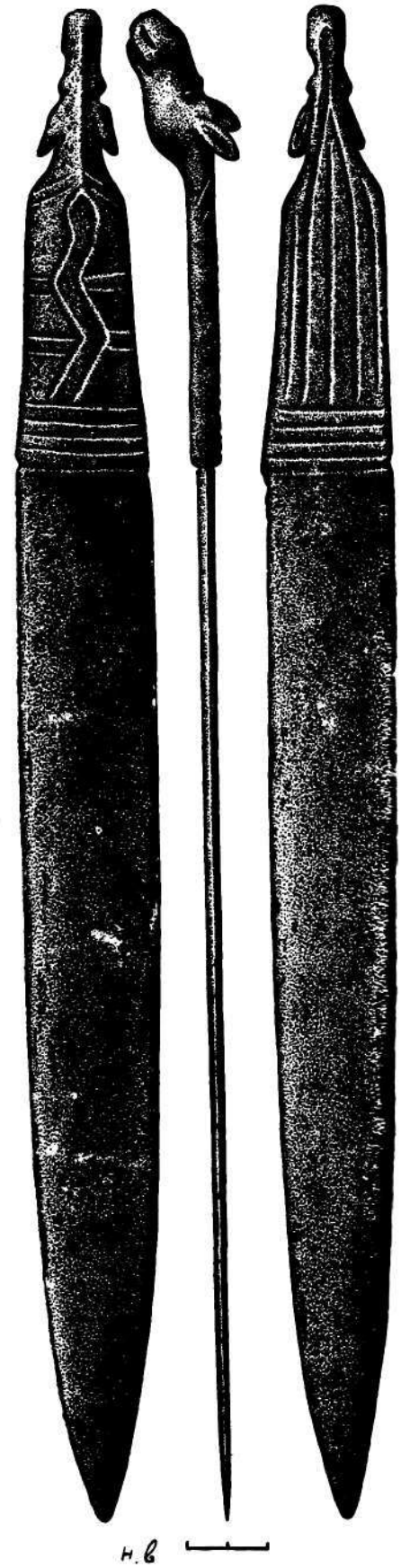


Рис. 50. Бронзовый плоский нож или кинжал, длина — более 37 *см*, со скульптурной головой лося на навершии черенка и орнаментом на его обеих сторонах в виде горизонтальных и вертикальных, возможно, чеканенных линий и как бы наложенного на них сверху изображения змеи

Предмет утрачен, воспроизводится по публикациям В. А. Городцова и Д. Н. Эдинга

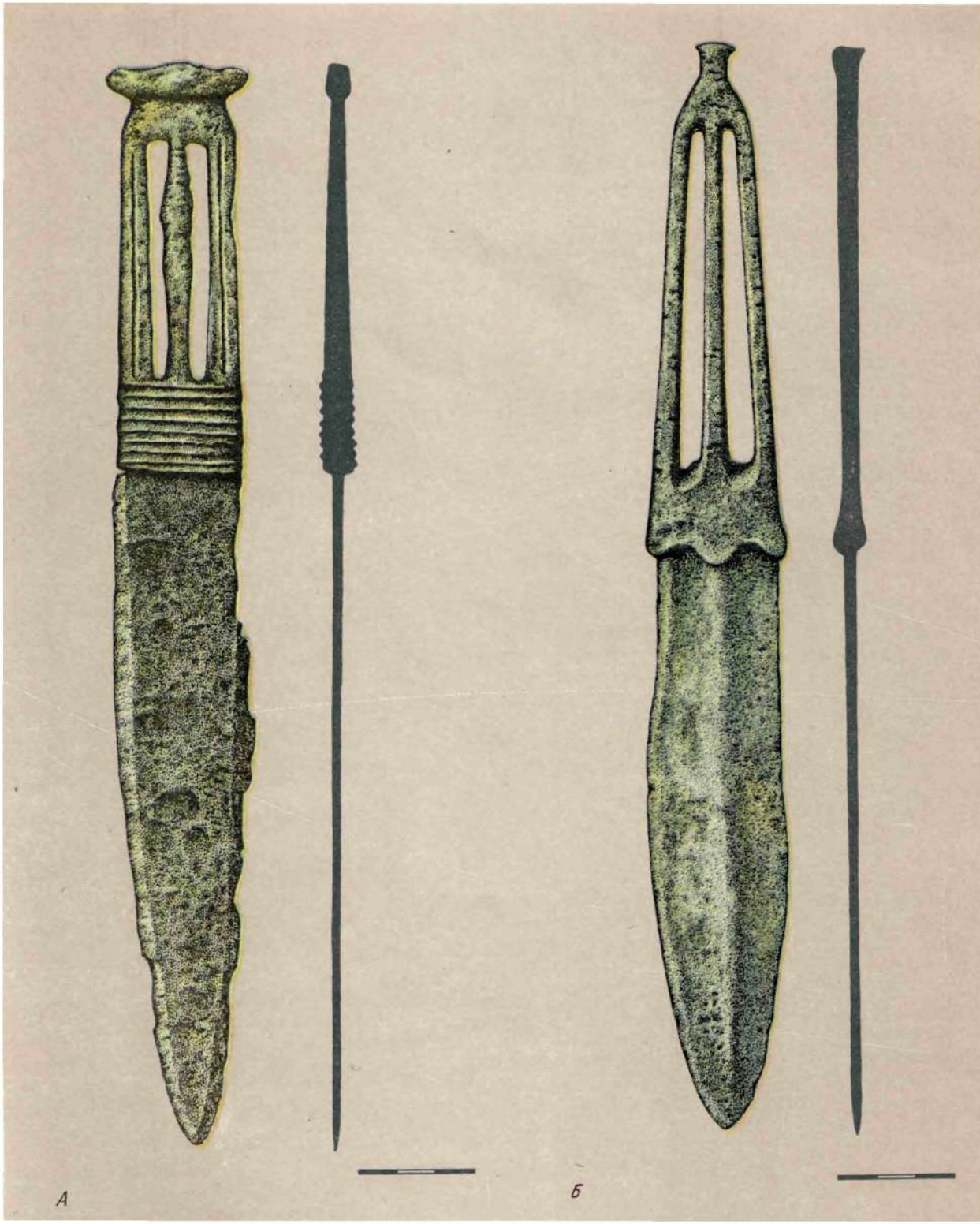


Рис. 51.

А — бронзовый нож или кинжал с плоским клинком турбинского типа, с ровно закованными и заточенными лезвиями с обеих сторон, черенок — массивный, с двумя просветами, навершием и восьмью рельефными валиками с обеих сторон, как бы имитирующими обвязку для скрепления клинка с черенком, на рукояти — вертикальные чеканные (?) линии. Сохранность довольно плохая. *Б* — бронзовый кинжал со слабо утолщенным стержнем вдоль середины клинка, массивной рукояткой с двумя просветами и навершием в виде овальной кнопки. Возможно, клинок и рукоятка отлиты отдельно и затем спаяны

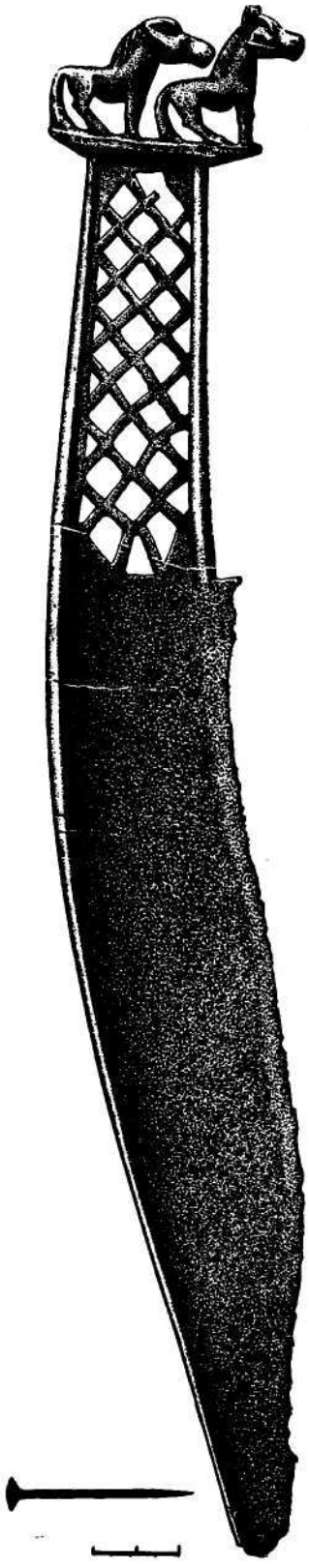


Рис. 52. Бронзовый кривой, однолезвийный нож, с массивным обушком, прорезной решетчатой рукоятью и навершием в виде фигурок двух лошадей. Возможно, что навершие отлито отдельно и затем припаяно.

Фигурки — объемные; лошади изображены стоящими на четырех ногах и, для прочности, упираются в землю хвостом. Изображены кобыла и жеребец, прижавший уши и оскаливший зубы, у кобылы на голове хорошо видна узда

но мы считаем его, как и турбинский нож, несколько более ранним.

Вряд ли можно сомневаться в происхождении описанного сейминского ножа и турбинского ножа с баранами из одного и того же металлургического района. Несмотря на разную форму рукояток, их сближает аналогичная кривая форма, однолезвийность, художественный стиль фигур навершия и сходный состав оловянистой бронзы. По мнению Д. Н. Эдинга, «рукоятка сейминского ножа несколько уступает турбинскому по качеству работы; возрастает грубость и обобщенность форм» [42]; однако если это и так, то это может служить лишь для незначительного и условного омоложения сейминского ножа по сравнению с турбинским.

Нельзя не отметить одной общей черты в литье рукояти турбинского ножа и рукоятей трех сейминских ножей с плоскими клинками турбинского типа (рис. 49—51), а именно рельефные пояски (или имитация их, рис. 51 А) вокруг рукояток или с одной ее стороны (рис. 49), похожие на орнаментацию турбинских и самусьских коней и кельтов.

Ножи-пилки

Бронзовые пилки, представленные тремя экземплярами, имеют изогнутую форму (рис. 53, 54) и являются одновременно ножами, аналогичными простым ножам, вероятно, и по способу скрепления с рукояткой. Но от простых ножей их отличает не только зубчатый край, но и изогнутая форма, и загнутый конец.

Орудие в деревянной обойме, опубликованное В. А. Городцовым [43] в качестве пилки, не имеет по краю зубчиков и являлось, скорее, скобелем.

Скобели

«Бронзовая изогнутая пластинка скребка со следами деревянного черенка по одному из краев» упоминается А. М. Коневым в отчете о раскопках 1916 г. (траншея I, погребение 1). В настоящее время таких скобелей в коллекции имеется пять. Все они сделаны из очень тонких бронзовых пластинок (1,5—2 мм) длиной 5,5—8 см, слабо дугообразно изогнуты и имеют один выпуклый край, который в 2—3 случаях тоньше закован и наточен, являясь рабочим краем орудия. На одном орудии сохранилась деревянная обкладка рукоятки; из нее рабочий край орудия выступает полукругом (рис. 55, *1*).

[42] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала, стр. 87.
[43] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России, рис. 65.

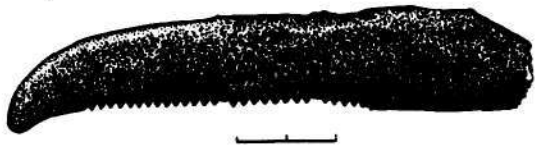


Рис. 53. Бронзовый, плоский нож-пилка, толщина его 2—3 *мм*, с загнутым концом; один выгнутый край представляет собой острое лезвие; другой имеет три десятка неглубоких треугольных пропилов, образующих острые зубцы пилки

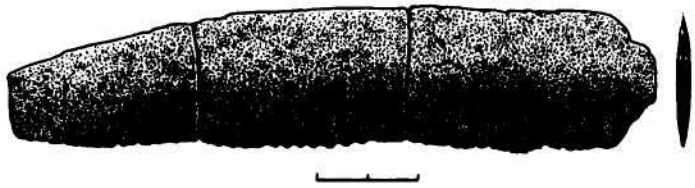


Рис. 54. Бронзовый нож-пилка обоюдоострый, слабо изогнутый, плохой сохранности, сломанный в двух местах, с отломанным концом, сохранивший восемь зубцов пильчатого края, более крупных, чем у пилки на рис. 53.

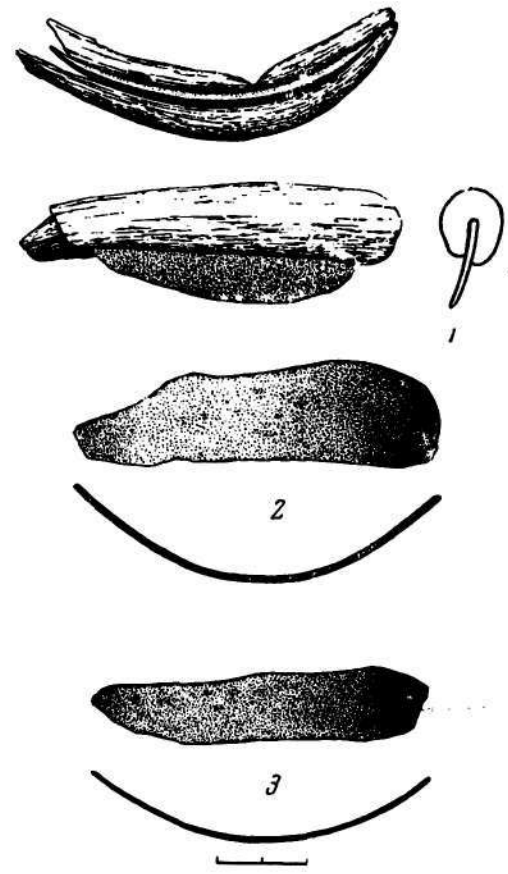


Рис. 55.

1 — бронзовый вогнутый скобель с дугообразно выпуклым рабочим лезвием, плохой сохранности, с сохранившейся деревянной оправой-рукояткой; бронзовая пластинка слегка вогнута в поперечном сечении;

2 — бронзовый вогнутый скобель из пластинки толщиной 1,5 — 2 мм. Выгнутый рабочий край тонко прокован; плохой сохранности;

3 — бронзовый вогнутый, обоюдоострый скобель, толщиной 1,5 мм. Очевидно, сделан из сломанного ножа

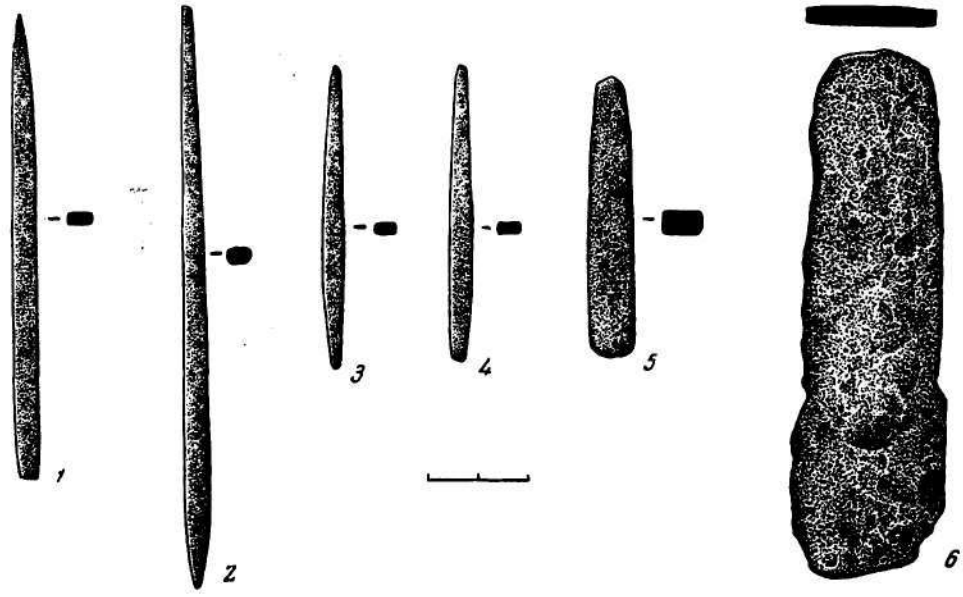
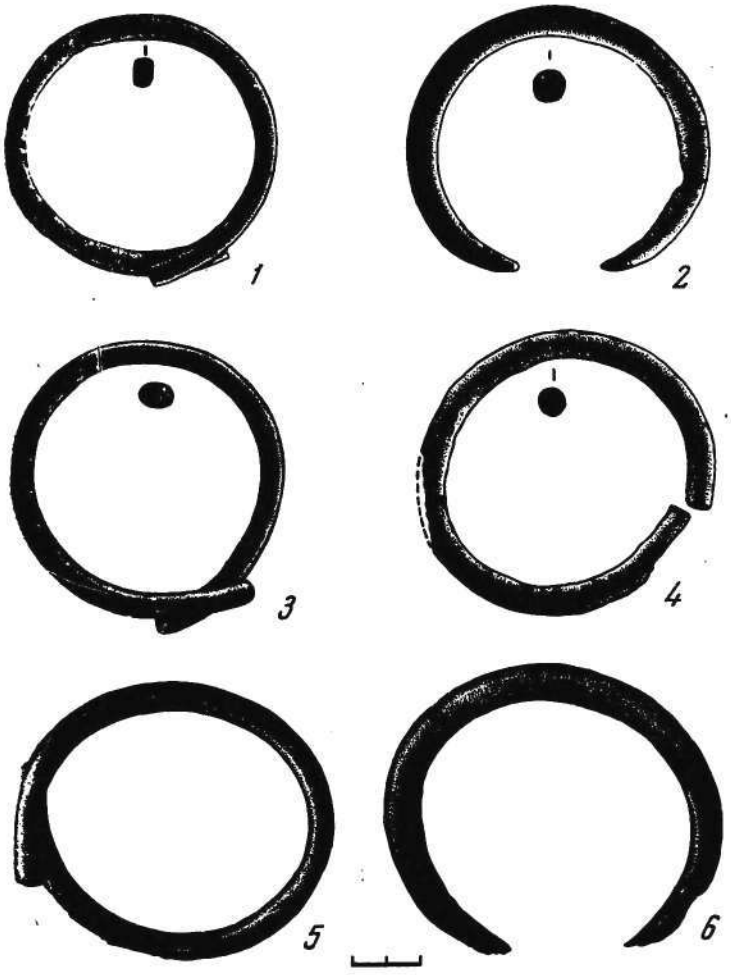


Рис. 56. Бронзовые острия-шилья (*1—4*) и стержни-заготовки для расковки (*5—6*)



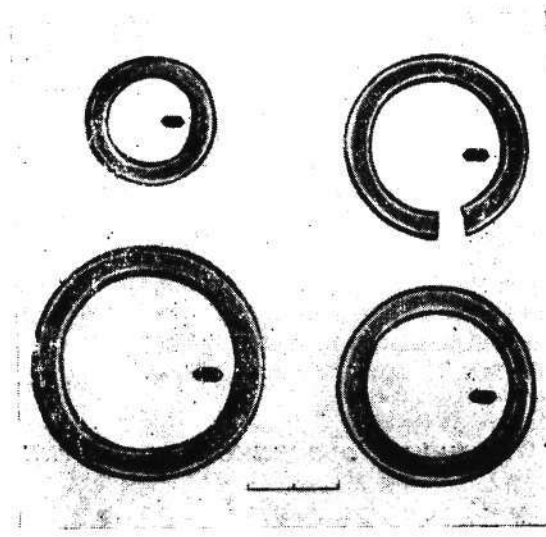


Рис. 57. Бронзовые массивные браслеты — круглые и не вполне круглые в сечении, с обрубленными и лишь в двух случаях заостренными, слабо уплощенными концами, внутренний диаметр 6—7 см, диаметр сечений — 7—9 мм

Рис. 58. Нефритовые полированные кольца — зеленые, со светлыми пятнышками и желтоватые с серыми пятнышками; сечение — шестигранное, частично сильно сглаженное

Разновидностью подобных же бронзовых скобелей можно считать орудие, опубликованное В. А. Городцовым[44]; но лезвие этого скобеля или ножа не изогнутое, а прямое и определено указанным автором как пилка.

Острия и стержни-заготовки

Несколько граненых острий разных размеров имеют по одному или по два заостренных конца (рис. 56, *1—4*) и могли служить шильями. Некоторой особенностью их является преимущественно прямоугольное сечение.

Кроме того, имеются массивные четырехгранные стержни с тупыми концами (рис. 56, *5*),— вероятно, заготовки. Одна из них широкая и плоская (рис. 56, *6*); не исключено, что это отломанный черешок очень крупного ножа.

[44] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России, рис. 65.

Браслеты

Шесть сохранившихся бронзовых браслетов массивны, круглого или овального сечения, с заостренными или чаще обрубленными концами; у трех браслетов концы заходят друг на друга (рис. 57); браслеты тяжелы и грубы. Сохранность некоторых из них невысока. В. А. Городцов указывал на сходство их с браслетами, находимыми в курганах бронзовой эпохи Закавказья.

Прочие украшения

Ю. В. Готье, один из современников первых сейминских раскопок, упоминает об исключительно интересных находках украшений в раскопках могильника, к сожалению не указывая источника, из которого им почерпнуты эти сведения. Он пишет, что «на детском черепе одного погребения найдены остатки венка, составленного из бронзовых цилиндрических тру-

бочек, да зеленая окись меди на другом черепе, свидетельствующая о подобном же вполне истлевшем венке. Такие венчики составляют постоянную принадлежность культуры финских могильников более позднего времени»[45] (и погребений абашевской культуры, добавим мы сейчас). Аналогичный головной убор найден и в Турбинском могильнике. Таким образом, наиболее ранние находки этого головного убора, столь характерного для первобытного населения Волго-Камья в эпоху металла, появляются в могильниках турбинского типа, т. е. около середины II тысячелетия до н. э.

Камень и органические остатки

Нефритовые кольца

В коллекции имеется 6 сравнительно небольших каменных колец, из них 2 разбитых (рис. 58).

Все они хорошо отшлифованы и шестигранны в сечении, как в Турбине и Прибайкалье, но грани обычно сглажены последующей шлифовкой и видны неясно. В одном кольце сечение пятигранно, так как один круговой прорез сделан насквозь с одной стороны нефритовой пластинки, а не встречным способом.

Половина колец вырезана из такого же, как в Турбине, зеленого прозрачного камня со светлыми пятнышками; другая половина — из желтоватого камня с серыми пятнышками. Но одно кольцо сделано из камня, имеющего частью зеленый, частью желтоватый цвет, что указывает на идентичность материала колец того и другого цвета.

Обломок одного из сейминских колец был проанализирован в 1956 г. в Институте геологии АН СССР В. Н. Разумовой. Приводим результаты ее исследования полностью.

«Физические свойства. Плотная зеленовато-белая порода, слегка просвечивающая в краях. Твердость — 4,5. В концентрированных кислотах (HCl и H_2SO_4) не разлагается.

Оптические свойства. Бесцветный, волокнистый минерал с косым угасанием (+), удлинением и яркой интерференционной окраской $Ng^1 = 1{,}614$; $Npl = 1{,}593$; $Ng - Np = 0{,}021$.

Заключение. По оптическим свойствам минерального агрегата порода близка нефриту, но имеет значительно меньшую твердость — 4,5 (у нефрита 5,5—6)».

По заключению Ю. М. Абрамовича (Пермский университет), исследованный минерал не является серпентином, ибо у серпентина твердость ниже (2,5—3,5), кроме того, серпентин разлагается в соляной и серной кислотах, а минерал колец не разлагается. Значительны различия и в показателях преломления (у серпентина они меньше).

Таким образом, и в Сейме присутствует нефрит. Происхождение же его, как и происхождение турбинского нефрита, остается неясным; не исключено, что он уральский.

Костяное кольцо

Костяного кольца, рисунок которого издан В. А. Городцовым, нам уже не удалось видеть в Горьковском музее; поэтому приводим его описание, взятое у В. А. Городцова.

«Сейминское костяное кольцо как по форме, так и по размерам схоже с нефритовыми и, нужно полагать, имело одинаковое назначение с первыми. Оно плоско, кругло и хорошо отшлифовано»[46].

Как указывалось, в Турбине и на окрестных поселениях нефритовые кольца иногда заменялись сланцевыми или медными, обложенными серебряной фольгой.

Кремневые ножевидные пластинки и нуклеусы

Отсутствие достоверных комплексов могильного инвентаря при наличии на памятнике культурных слоев эпохи неолита и бронзы делает кремневый материал из Сеймы в культурно-хронологическом отношении почти аморфным; подразделить его по культурным слоям, а также выделить весь набор кремневых предметов, относящихся к могильнику, невозможно. Поэтому из нашего описания исключены не только отщепы, но и скребки.

Исходя из достоверно установленного инвентаря Турбинских могильников, можно считать, что известная часть ножевидных пластинок и нуклеусов и в Сейме относится к культурному комплексу могильника.

Ножевидным пластинкам разной величины, из пестрого кремня, высокой техники соответствуют нуклеусы (рис. 59). Сколы на нуклеусах и соответствующие им ножевидные пластинки узкие, длинные, с правильными параллельными гранями. Размеры ножевидных

[45] *Ю. В. Готье.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Л., 1925, стр. 115.

[46] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России, рис. 75, стр. 220.

пластинок от 75×13 до 29×8 мм; наиболее крупного нуклеуса — 66×26×14 мм.

Приведенные на рисунках пластинки и нуклеус отнесены к инвентарю погребений условно.

Кремневые стрелы

На памятнике зарегистрированы находки более 30 кремневых наконечников стрел, и приурочение их к комплексу могильника также в известной мере условно, но все же может быть сделано отчасти на основании дневниковых записей о раскопках, отчасти путем сопоставления с комплексом Турбина I и типологии.

Так, А. М. Конев в отчете о раскопках 1916 г. отмечает, что кремневые наконечники стрел, находившиеся в траншее № 2 вместе с человеческими костями и бронзовыми вещами, были правильнее обработаны, чем стрелы, найденные в траншее № 4 в скоплении кремневых осколков. Эти наконечники «узкие, по технике значительно лучше, изящнее, точнее сделаны». Именно лучшие по технике стрелы принадлежат к двум формам стрел Турбинского I могильника, а третья форма сейминских стрел связывается с двумя первыми той же великолепной техникой и не встречена в территориально и хронологически смежных культурах.

Стрелы по форме подразделяются на 3 типа.

К *1-му типу* принадлежат более 15 стрел с усеченным основанием, вытянутой подтреугольной формы (рис. 60, *4—7*). Их размеры от 64 × 23 до 32 × 16 мм. Этот тип в Турбине преобладает еще более резко.

2-й тип представлен восемью экземплярами (и 2—3 приближающимися к ним) стрел с коротким треугольным черешком и более или менее хорошо выраженными шипами (рис. 60, *1—3*). Этот тип может быть назван сейминским. В Турбине он представлен всего двумя экземплярами.

К *3-му типу* можно отнести 7 целых (и 2—3 в обломках) стрел той же отличной техники, имеющих узкие пропорции, ланцетовидную форму и едва намечающийся черешок (см. рис. 59, *5, 6*). Это также специфически сейминский тип. Таких стрел в Турбине не найдено.

Между типами 2 и 3 имеются переходные формы.

Кроме того, имеется несколько стрел, приближающихся к двум последним типам и, может быть, принадлежащих к ним (например, рис. 59, *7* и 60, *3*); возможна принадлежность некоторых из них к культурным слоям существовавших на дюне поселений, тем более что памятники балановского типа, керамика которых имеется на Сейминском памятнике, характеризуются формой кремневых стрел, близкой 2-му сейминскому типу[47]. Техника обработки стрел всех трех типов в равной мере высока: это очень плоская, равномерная ретушь, позволявшая мастеру получать из кремня тонкие изделия сложной формы.

Кремень, послуживший для выделки описанных сейминских стрел, преимущественно валунный, пестрый: темно-серый, коричневый, желтый, голубовато-серый, на одном орудии разноцветный.

Отделить один тип стрел от другого по кремню не представляется возможным. Можно лишь заметить, что стрелы 3-го типа довольно однородны по цвету кремня: от коричневого до желтого и серовато-желтого; стрелы же 2-го типа сделаны из темно-серого и серого кремня, кроме одной стрелы молочно-белого кремня. Наиболее пестрыми по кремню выглядят стрелы 1-го типа.

Ретушированные кремневые ножи

В письменных документах зарегистрированы находки 6 таких ножей, но в Горьковском музее хранится 9 экземпляров их, включая 3 сломанных.

Кремень, из которого они заготовлены, пестрый, аналогичный кремню стрел.

Все ножи очень плоские, обработаны двусторонней, широкой, заостряющей ретушью, принадлежащей к лучшим образцам кремневой техники. Ножи обоюдоострые, имеют прямое основание и закругленный с одной стороны конец (рис. 61). Форма этого последнего варианта приближается к форме стрел 1-го типа, отличаясь от нее лишь некоторой асимметрией конца и более крупными размерами (110×33—73×20 мм).

По форме и технике сейминские ножи тождественны турбинским концевым вкладышам и являются одной из характернейших черт своей культуры. Срединных прямоугольных вкладышей в Сейме нет.

[47] *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963, рис. 122. Нужно принять во внимание, что только этот тип стрел из Сеймы подходит под наименование «широколопастные». В то же время в отчете о раскопках 1916 г. А. М. Конев сообщает о находке 5 широколопастных стрел вместе с другими орудиями и разбитым сверленым топором-молотом в пределах одного скопления из 150—200 кремневых осколков. Это ставит вопрос о принадлежности стрел данного типа не к погребениям, а к культурному слою балановского поселения.

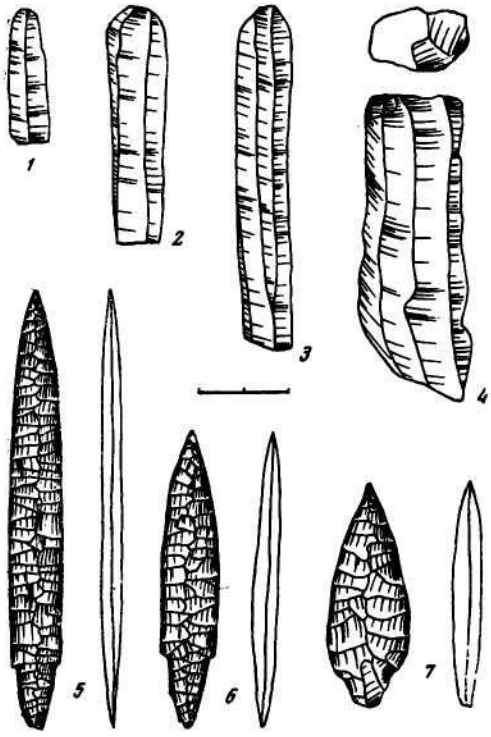


Рис. 59. Кремневые ножевидные пластинки (*1—3*) и нуклеус (*4*); наконечники стрел третьего типа (*5—7*)

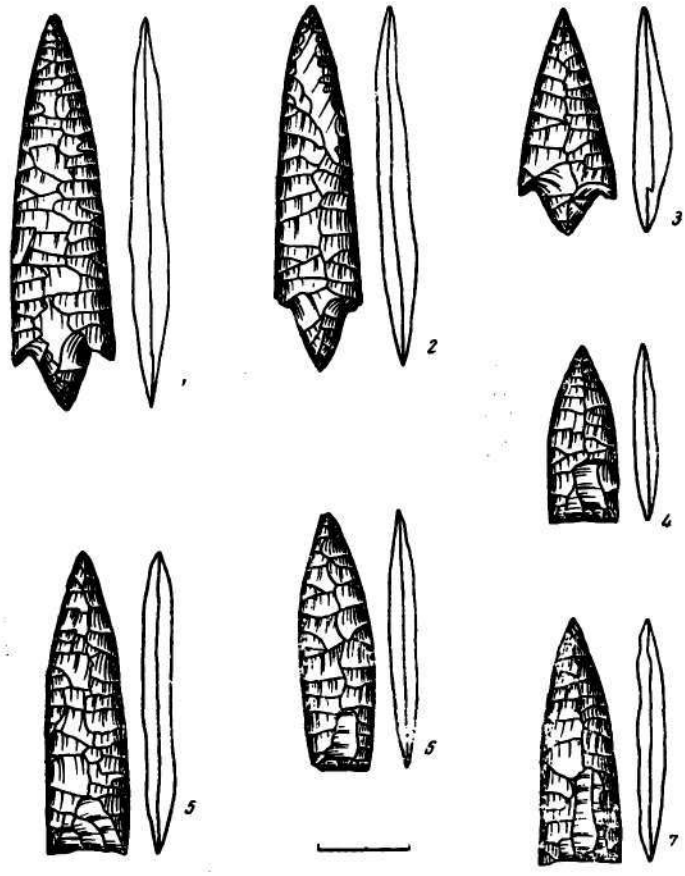


Рис. 60. Кремневые наконечники стрел второго (*1—3*) и первого (*4—7*) типов

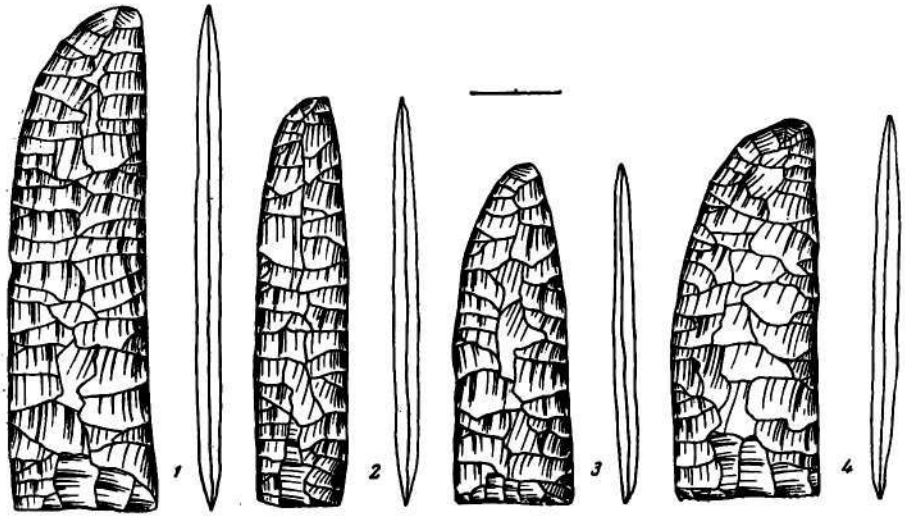


Рис. 61. Ретушированные кремневые ножи

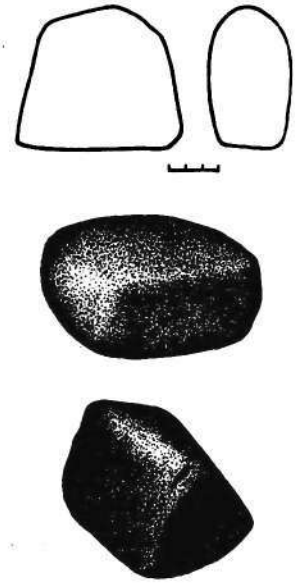


Рис. 62. Гладилки-утюжки

Гладилки

Среди коллекций из Сеймы имеются несколько шлифованных камней, но почти все они должны быть скорее отнесены к культурному слою, чем к могильнику. Исключение представляют три зашлифованных камня.

Первый из них из коричневато-желтого очень плотного кремнистого сланца или кремня; и по форме, и по величине совершенно аналогичен турбинскому из могилы 10. Особенно хорошо отполирована его широкая нижняя сторона, затем все четыре бока, и только слегка суженный верх сбит, смят, как молот или отбойник, и не имеет шлифовки (рис. 62).

Имеется еще один аналогичный полированный утюжок-гладилка из точно такого же зеленоватого кремнистого сланца, как турбинский. Он отличается почти трехгранной формой и имеет шлифовку на всех сторонах, в особенности же тонкую на двух противоположных концах, использовавшихся, надо полагать, для работы по мягкому материалу.

Наконец, имеется еще аналогичный по шлифовке, но большой длинный точильник (31 × 8 × 6,5 см), плоский, четырехгранный в сечении.

«Литейные формочки»

В коллекции имеются 4 так называемые литейные формочки с продольными углублениями, глубина которых в два раза менее ширины (рис. 63). Все они сделаны из мягкого песчаника и аналогичны таким же предметам, известным в фатьяновской и катакомбной культурах. Если назначение этих предметов как литейных форм и остается не вполне доказанным, то находка их в Сейме представляет интерес уже потому, что они позволяют синхронизировать культуру, которой они принадлежат, с фатьяновской и катакомбной культурами. К сожалению, неопределенность их нахождения на сложном Сейминском памятнике не позволяет с уверенностью относить их именно к могильнику. Можно лишь считать такую связь наиболее вероятной, так как подобные предметы находятся преимущественно в погребениях.

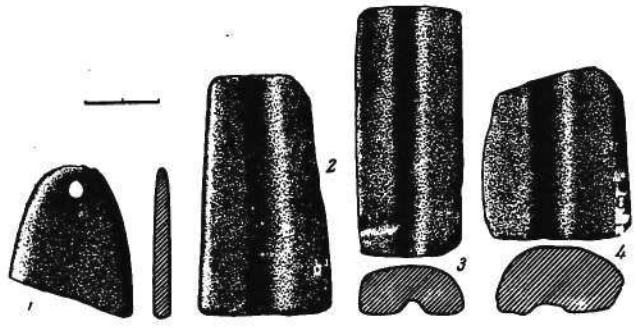


Рис. 63. Сверленая шлифованная подвеска из серого сланца (*1*), литейные формочки из желтого песчаника (*2—4*)

Подвески

Столь же неопределенно и отношение к могильнику найденной шлифованной сверленой подвески из серого сланца (рис. 63, *1*).

Янтарь

Янтарную подвеску со сверлиной упоминает В. А. Городцов [48], к сожалению не описывая ее детально. В настоящее время она сильно разрушена и сохранилась в виде кусочка янтаря, довольно крупного и массивного (2,5×2,0×1,5 см), но бесформенного. Одна сторона плоская; почти перпендикулярны ей следы неширокой двусторонней сверлины.

Ткань

На одной стороне ножа с навершием в виде лошадей, на которой он, видимо, лежал [49], на широком лезвии, у рукоятки сохранились ясные следы прилегавшей к ножу ткани. Ткань была довольно тонкой, с правильным под прямым углом сплетением нитей.

Керамика

Керамика с Сейминской дюны в виде многочисленных обломков глиняных сосудов, круглодонных и плоскодонных [50], с орнаментом и без него, судя по характеру сохранности и разнообразию типов, без сомнения, происходит из культурных слоев разновременных, располагавшихся на дюне поселений и будет описана ниже.

По преимуществу это крупные бытовые сосуды, отношение которых к погребениям ничем не доказывается. Поэтому давно принято считать, что глиняные сосуды не входили в погребальный инвентарь сейминских погребений, что соответствует ритуалу других могильников

[48] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 220.

[49] *А. М. Конев.* Отчет о раскопках на Сейме... 10 и 11 июля 1916 года, стр. 5.

[50] В. А. Городцов видел керамику, когда часть ее была еще не распакована и, следовательно, отличалась лучшей, чем в настоящее время, сохранностью. См. *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 220.

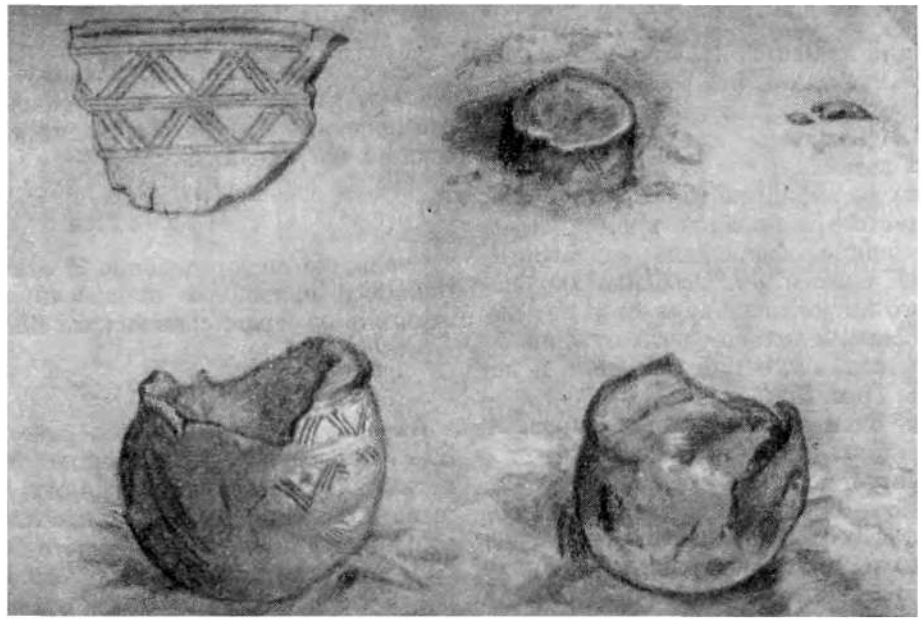


Рис. 64. Полевые рисунки трех маленьких сосудов и фрагментов одного из них (?), сделанные А. П. Мельниковым на раскопках Сейминского могильника 14 июля 1915 г. (из архива Горьковского областного музея)

турбинского типа, равно как и некоторых неолитических могильников Восточной Европы. Однако выясняется, что, как и в Турбине, в Сейме имели место единичные исключения из этого правила.

А. М. Конев в отчете о раскопках 1916 г. говорит, что «при находке черепов или костей человека» наблюдалось «нахождение около них небольших горшков 3 вершков в диаметре и столько же в глубину. Горшки эти очень изящны по форме, с прекрасным орнаментом (есть рисунки и фотографии)»[51]. К сожалению, упомянутых рисунков и фотографий 1916 г. в Горьковском музее нам обнаружить не удалось, автор не видел их и в 1924 г. когда, еще будучи студентом, устраивал археологический отдел Нижегородского музея. Опубликованный Б. С. Жуковым целый сосуд в очень схематичном изображении[52] и неясной величины не имеет орнамента. Но зато в архиве Горьковского музея с помощью Е. А. Безуховой (Халиковой) удалось обнаружить несколько рисунков, сделанных на раскопках в Сейме А. П. Мельниковым (сыном писателя П. Мельникова-Печерского), и среди них — два рисунка, сделанных при раскопках 14 июля 1915 г., в которых принимал участие и А. М. Конев, частично осветивший их в своем отчете за 1916 г. На этих рисунках изображено появление из-под земли как раз небольших круглодонных сосудиков указанных А. М. Коневым пропорций, с хорошим орнаментом (рис. 64).

Подробные описания этих сосудов отсутствуют, но их небольшие размеры, нарядная орнаментация и указанная А. М. Коневым связь их с погребениями позволяют с достаточной долей уверенности относить их к культурному комплексу могильника. Видимо, они лишь изредка встречались при раскопках, иначе их следы и сведения о них не ограничивались бы только приведенными строками из отчета А. М. Конева. Мы можем судить, пользуясь приведенными рисунками, только о двух из них по форме и всего об одном — по орнаменту; но все же они очень существенно дополняют наши сведения о материальной культуре древнего волго-окского населения, оставившего нам Сейминский могильник.

Керамика же, образцы которой были опубликованы В. А. Городцовым[53] и которая с тех пор

[51] *А. М. Конев.* Отчет...

[52] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края.— «Нижегородский краеведческий сборник», «Труды Нижегородского педагогического института», т. I, Н.-Новгород, 1925, рис. III, *9*.

[53] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России, рис. 76—79.

многими археологами связывалась с Сейминским могильником, на самом деле происходит из культурных слоев поселений и уже поэтому не могла совпадать с могильником по времени. На ней мы остановимся ниже.

Датировка могильника и общие вопросы, связанные с ним, уже затрагивались в главе VIII первой части настоящей работы и будут описаны также ниже.

Поселение

Древняя стоянка занимала очень удобное местоположение: на достаточно большом дюнном всхолмлении боровой террасы, никогда не заливавшемся в половодья, с южным склоном, обращенным к водоему, в песчаной, сухой местности, покрытой сосновыми лесами, невдалеке от основного русла Оки, примерно в 40 км от впадения ее в Волгу. Эта местность находится в юго-западной части Балахнинской низины, изобилующей стариц речьями и озерами. Стоянка была расположена на верхней площадке дюны размерами 58×16 м [1].

Судя по «обилию глиняных черепков... решительно на всем пространстве кургана», стоянка занимала все или почти все указанное пространство; но «поделки из кремня, начальные работы из этого материала, точила и т. п. найдены почти все в середине» [2].

Б. С. Жуков, специально исследовавший остатки стоянки в 1922 г., на основании произведенной им шурфовки всей поверхности дюны пришел к заключению, что стоянка была расположена в центральной и, быть может, в северо-восточной части верхней площадки дюны [3]. Этот вывод находит подтверждение в позднейшем указании С. М. Парийского [4] на нахождение керамики в особенно большом количестве в северо-восточном конце дюны и на преобладание находок бронзовых предметов в юго-западном краю дюны, а также в свидетельстве А. М. Конева, что во всех трех первых траншеях, вырытых им в 1916 г. в юго-западной части дюны, следы культурного слоя и связанных с ним находок отсутствовали, а в четвертой и пятой траншеях, расположенных северо-восточнее, они отмечены во множестве [5].

В 1922 г. для всей нетронутой предшествующими раскопками площади стоянки установлено под слоем темного дернового слоя в 7—8 см толщины залегание песчаного серо-желтого, местами с коричневым, бурым и черным оттенками слоя мощностью в среднем в 40 см, подстилаемого более желтым, однородным, стерильным в культурном отношении песком, слагающим дюну (рис. 65). Указанный серо-желтый слой является культурным слоем и заключает в себе частички золы, кусочки угля, гумусовые включения, рассеянные единичные обломки керамики, осколки кремня, мелкие обломки костей и редкие кремневые поделки [6]. В северо-восточной части стоянки эта свита покрыта слоем пала, образовавшегося, видимо, в результате пожара, и над ним слоем в 20—25 см навеянного песка.

Очень часто культурный слой оказывался целиком или частично уничтоженным дореволюционными раскопками (рис. 66). Наиболее крупные нетронутые его участки были исследованы в раскопах А, Б, С, Т, Ф (см. рис. 19). Местами культурный слой включал темные и красноватые углистые и зольные линзы — остатки костров и очажных ям, а также и более крупных, видимо жилых, сооружений. В связи с этим, горизонтальные зачистки дна раскапываемых участков местами давали весьма пеструю картину, иллюстрировать которую, однако, вряд ли есть необходимость. Но линия контакта культурного слоя с подстилающим песком была нередко фестончата, неясна и расплывчата, как это наблюдалось, например, на площади наилучшей сохранности слоя в раскопе С (рис. 67). Здесь под слоем дерна и старого песчаного балласта, содержащего, как и всюду, обломки керамики, находился нетронутый, углистый слой пала толщиной около 5 см, под которым в красноватом и красно-буром песке, местами с темными пятнами находились довольно многочисленные и значительные по величине обломки керамики, залегавшие, впрочем, неглубоко под слоем пала.

Сведения о культурном слое, сообщаемые

[1] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края.— Нижегородский Краеведческий сборник. «Труды Нижегородского педагогического института», т. I. Н.-Новгород, 1925.

[2] *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища. (5 и 6 июля 1914 г.) — ДНУАК, Сборник т. XVII, вып. IV. Н.-Новгород, 1914.

[3] *Б. С. Жуков.* Указ. соч.

[4] Сделано Б. С. Жукову в 1922 г. на месте раскопок. См. Дневник раскопок 1922 г. Архив ИА.

[5] *А. М. Конев.* Отчет...

[6] *Б. С. Жуков.* Отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.

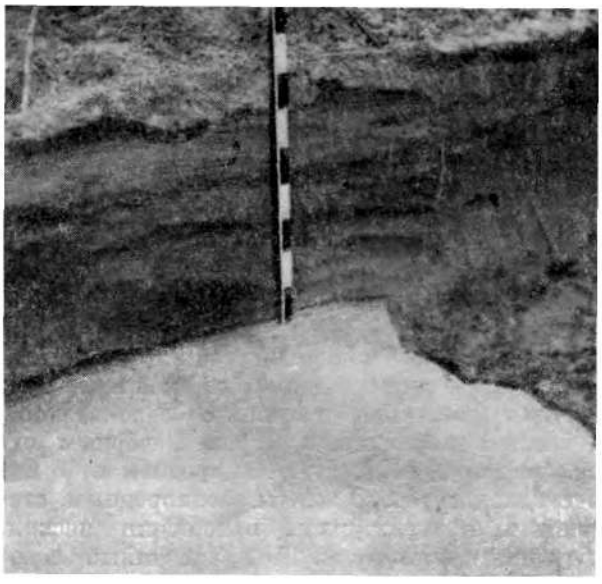


Рис. 65. Культурный слой Сейминской стоянки (фото Б. С. Жукова в 1922 г.)

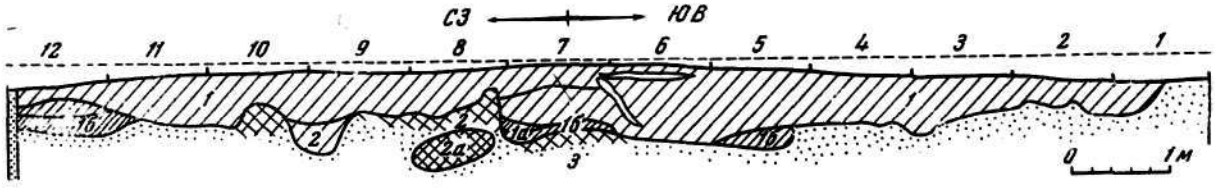


Рис. 66. Профиль северо-восточной стенки траншеи Г на участках 12-1 (по Б. С. Жукову)

1 — желто-коричневый перекопанный пестро окрашенный слой с темными включениями: *1а* — более темные включения в перекопанном слое; *1б* — включения с небольшой слоистостью, *2* — нетронутый культурный слой; *2а* — интенсивно окрашенная линза в культурном слое, *3* — песок желтый стерильный

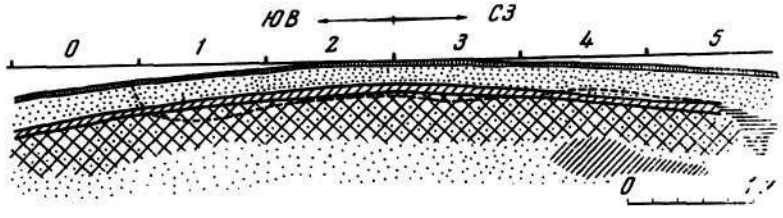


Рис. 67. Продольный профиль раскопа С по юго-западной стенке ряда 0—5 (по Б. С. Жукову)

Пунктирная линия обозначает нижнюю границу находок вдоль данного разреза

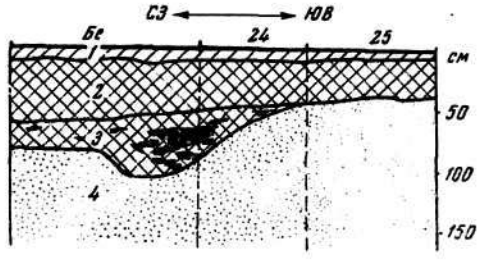


Рис. 68. Разрез очажной ямы на северо-восточной стенке раскопа (по Б. С. Жукову)

1 — дерн; *2* — культурный слой;
3 — очажный слой со скоплениями угля;
4 — песок стерильный.
Глубина обозначена в сантиметрах

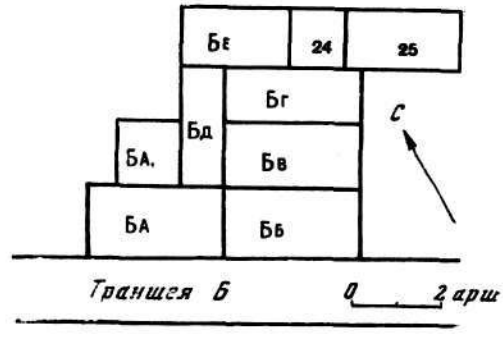


Рис. 69. План северной части раскопа Б (площади у траншеи Б) в раскопках 1922 г. (по Б. С. Жукову)

предшествующими исследователями Сеймин-ской дюны, в основном совпадают с вышеприведенными. Так, Ф. Н. Малинин сообщает, что «под растительным слоем в 2 вершка толщиною начинается желтый песок с прожилками чернозема на глубину 1—1½ арш.», в котором и залегают находки [7].

В акте первого осмотра памятника членами Нижегородской ученой архивной комиссии указывается, что в разрезе рва длиной 4—5 саж., вырытого при саперных работах с северной стороны холма, «заметны следы культурного слоя, остатки костров, черный перегной и т. п.» [8] Остатки костров встречены здесь в разное время не раз, но оставлены без детального описания; исключение составляют раскопки 1922 г., в отчете о которых Б. С. Жуков сообщает: «Во второй траншее [9] и главным образом в прилегающей к ней раскопанной площади, являющейся ее расширением, обнаружены линзы перегноя и углистых включений на глубине в среднем 1 арш. Довольно мощные включения мелких обломков костей млекопитающих и птиц, а также зола, угли, обломки керамики и кремневые поделки группировались в черно-коричневой линзе, раскопанной около ясного остатка костра, который характеризовался ярко-черной углистой прослойкой и подстилался белым, сильно кальцинированным песком, приобретавшим постепенно, по мере углубления, желтую окраску грунта. Костер находился в небольшом углублении серо-желтого слоя (до 108 см от поверхности дюны) и имел округло-вытянутую форму» [10] (рис. 68, 69).

В 1922 г. отмечены остатки еще нескольких очагов аналогичной удлиненной формы; некоторые из них располагались по одной линии [11].

В дореволюционных раскопках несколько раз встречены «прожилки чернозема» и целые пятна его, так же как и вещи на более значительной глубине — в 1½ и 2 арш.; к сожалению, скудость сведений лишает нас возможности судить, что́ представляли собой эти находки — очаги или остатки жилищ.

Приводим одно из подобных упоминаний, касающееся раскопок 5, 6 и 9 июля 1912 г.: «В направлении от СЗ края вершины к средней яме, на глубине в 1½ арш. обнаружены остатки большого глиняного сосуда, лежащего боком... Горшок лежал в слое чернозема, окружевного песком, толщина (глубина) слоя чернозема около 12 вершков, длина около 2 арш., поперечное протяжение не выяснено, раскопка была не окончена» [12].

Другую аналогичную находку С. М. Парийский описал в отчете о раскопках 5 и 6 июля 1914 г. «На глубине 2 арш. на прослойке ясно обнаружились следы большого глиняного сосуда диаметром около 10 вершков, а рядом остатки такого же сосуда такого же диаметра» [13].

Близкую картину наблюдал и А. М. Конев в 1916 г. в траншее № 4, заложенной в западной части дюны на месте одной из хорошо заметных впадин на ее поверхности. Здесь, на глубине одного с четвертью аршина, траншея обнаружила «массу угля и золы. Диаметр зольника был около полутора аршин, толщина 4—5 вершков. Около него находили мелкие черепки без орнамента. Черепков было сравнительно мало. Вокруг зольника с возможной осторожностью и тщательностью снят песок на площади 5 × 5 арш. К востоку от зольника на этой площади в одном месте на глубине 1—1½ вершка обнаружена куча мелких и крупных осколков кремня; таких осколков было около 150—200 штук. В них найдены 5 широколопастных наконечников стрел, довольно тщательно обитых... Найденный в той же куче нож-пилка производит впечатление неоконченного... Здесь же найдены три маленькие стрелки с явно неудачной обработкой, три кремневых ножичка... несколько начатых оббивкою наконечников стрел». Наконец, в этой же куче найден разбитый каменный сверленый топор-молот. «Тщательно исследованный зольник не дал никаких результатов: каких-либо кухонных остатков, костей, бронзы и пр. не найдено. Сравнивая местонахождение зольника с другими подобными зольниками, можно предполагать, что это было жилище» [14].

Перечисленные остатки вполне соответствуют культурным остаткам в жилищах этого времени; зольник, состоявший из массы угля и золы, являлся, очевидно, очагом на полу углубленного в землю жилища, что подтверждается и глубиной залегания всех этих остатков (90 см), превышающей более чем в два раза толщину культурного слоя. К этому необходимо прибавить, что описанный зольник и связанные с ним культурные остатки были обна-

[7] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[8] Акт осмотра.
[9] Траншея Б (см. рис. 19).
[10] *Б. С. Жуков.* Отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.
[11] *Б. С. Жуков.* Конспект предварительного доклада «Раскопки на Сейме в 1922 г.» — Архив Института антропологии МГУ.
[12] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[13] *С. М. Парийский.* К исследованию Сейминского становища...
[14] *А. М. Конев.* Отчет...

ружены непосредственно под впадиной, «носящей признаки ямы» [15], которые, как это нам сейчас известно, часто сохраняются на местах древних обвалившихся полуземлянок и иногда достигают значительной глубины [16].

В этой связи приобретает особый интерес указание Ф. Н. Малинина на то, что на верхней площадке Сейминской дюны в 1912 г. наблюдались «три симметрично расположенные ямы, имеющие искусственное происхождение», а его предположение о том, что «они служили, по-видимому, местом жилья — землянками» [17], получает известное обоснование.

Такой вывод подтверждается всей суммой наблюдений А. М. Конева, сделанных в течение его многократных раскопок на Сейме. «До настоящего времени неизменно наблюдалось,— говорит он,— что на этой дюне впадины-ямы почти всегда заключали в себе зольники с остатками мелких черепков или целыми горшками, остатками поделок из кремня и даже как бы небольшими очажками из камня, как, например, три ямы на вершине дюны и одна на западном конце дюны. Но эти же ямы ни разу не дали находок целых предметов из бронзы, а только обломки. Кроме того, около этих зольников-ям найдены самые большие горшки до 40 см в диаметре, но никогда в самых зольниках. Форма зольников не давала определенных признаков жилья здесь. Только восточная яма (из трех на вершине горы), наиболее обильная углем и золой, остатками черепков, камня, по всей форме похожа на жилище или землянку. Здесь при раскопках в 1915 г. ясно прослеживался выход (ход) из землянки. Величина землянки намечалась около 4—5 арш.» [18]

Вряд ли следовало ожидать, чтобы зольники обрисовали контуры всего жилища; это наблюдается очень редко [19]. Небольшой диаметр зольников (около 1 м) скорее позволяет видеть в них остатки очагов, тем более что в них отсутствовали находки, а за их пределами, но рядом найдены большие растрескавшиеся горшки, еще сохранившие свою форму; последнее также свойственно именно жилищам, в настоящее время во множестве исследованным в Верхнем и Среднем Поволжье и в особенности в Прикамье.

А. М. Конев отмечает нахождение больших горшков только около зольников-очагов. По его мнению, остатки впадин с зольниками в них очень ясно указывают на следы жилищ. «Таких зольников найдено пять. Все они в ямах на глубине полутора — двух аршин. Только в двух из них нашлись мелкие остатки костей в небольшом количестве. Какие это были кости — определить не удалось» [20].

Заключая все сказанное выше о следах жилых сооружений, мы приходим к выводу, что на Сейминском поселении располагались жилища-полуземлянки с очагами и, быть может, скоплениями золы около них. Указанная глубина их под современной поверхностью — от 1,10 до 1,45 м — еще приуменьшена, если ее измеряли от дна впадин над ними, и вполне соответствует глубине полуземлянок на поселениях конца неолитической и бронзовой эпохи в Волго-Камье.

К сожалению, так и остались невыясненными форма и размеры этих жилищ. Если принять указанный А. М. Коневым максимальный диаметр зольника в восточной впадине, раскопанной в 1915 г., т. е. 5 арш. (3,6 м), за диаметр всего жилища, то такие размеры последнего не представляют ничего необычного. Так, круглые жилища оджибуеев в Северной Америке имели 4 м в диаметре, а у дакота они достигали даже 3 м [21], позднеолитические круглые жилища Верхнего Поволжья также имели частью очень небольшие диаметры; например, 4,6 м — в Дубровичах [22], 4,1 м — в Федоровском [23], 4 м — в устье р. Яны [24] и даже 3,5 м — в Сосине [25]. Но, как уже указывалось, судить о размерах жилищ по площади зольников неосновательно, к тому же жилища второй половины бронзовой эпохи (а сейминские жилища, как будет показано ниже, есть основание относить именно к этому времени), известные на смежных территориях, имеют всегда более крупные размеры. Например, на Галичской стоянке у с. Туровского они имели диаметр 5,5 м [26], на соседних же Балахнинской и Большекозинской стоянках — 5,6 м [27].

[15] *А. М. Конев.* Отчет...
[16] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье.— МИА, 99, 1961.
[17] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[18] *А. М. Конев.* Отчет...
[19] Например, в жилище на р. Полуденке близ Нижнего Тагила.
[20] *А. М. Конев.* Отчет...
[21] *Л. Г. Морган.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.
[22] *В. А. Городцов.* Археология, т. 1. Каменный период. М.— Пг., 1923.
[23] *А. Я. Брюсов.* Федоровская стоянка.— «Труды секции археологии РАНИОН», т. II, М., 1928, стр. 27.
[24] *Л. Я. Крижевская.* Неолитическая стоянка на р. Яне.— КСИИМК, VIII, 1940, стр. 102.
[25] *Ф. Я. Селезнев.* Приокские древнейшие поселения. Владимир, 1928.
[26] *В. А. Городцов.* Галичские клады и стоянка.— «Труды секции археологии РАНИОН», т. III, М., 1928, стр. 13.
[27] По реконструкции автора.

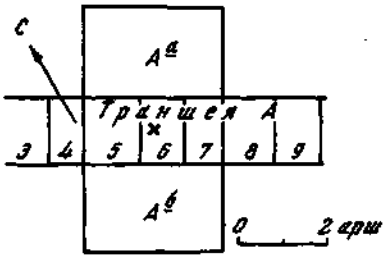


Рис. 70. План раскопа траншеи А, вмещавшего землянку (раскопки 1922 г.); × — центр ямы (по Б. С. Жукову)

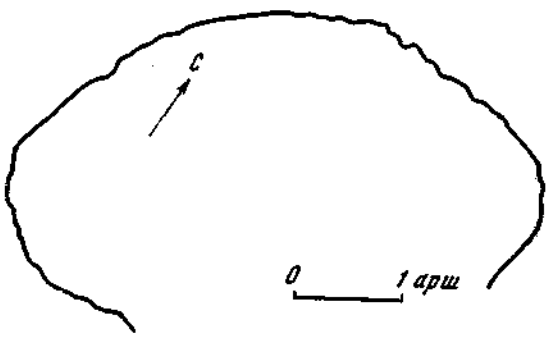


Рис. 71. Предполагаемые контуры основной части землянки в раскопе А (по Б. С. Жукову)

Указывая, что раскопками затронуто пять жилищ, А. М. Конев, надо полагать, принял во внимание все наблюдения предшествующих раскопок, как их почти бессменный участник. Из трех первоначально отмеченных на поверхности дюны жилищных впадин достоверно исследованы две: восточная (в 1915 г.) и западная (в 1916 г.).

Но указанными полуземлянками не исчерпываются сведения о жилищах Сейминского поселения. Здесь наблюдались и сооружения несколько иного типа — более глубокие.

Одно из них было в 1922 г. перерезано траншеей А (см. рис. 19) и затем вскрыто целиком, для чего эта траншея была соответственно расширена (рис. 70). Остатки землянки представляли собой углубление, достигавшее 2,10 м от поверхности дюны, заполненное серо-желтым культурным слоем и поэтому хорошо выделявшееся при горизонтальных зачистках на фоне более светлого, стерильного песка. Это была овальная в плане яма диаметром 3×5 арш. (2,10×3,50 м), вытянутая с юго-запада на северо-восток. Северная и восточная ее границы представляли резко очерченную, фестончатую линию; с юго-восточной стороны границу ямы проследить не удалось (рис. 71). «В яме были обнаружены грунтовые углистые, зольные и гумусовые включения, особенно ярко выраженные на дне и в ее юго-западной части, на глубине около 1 арш. (60—80 см)»[28]. Представление о вертикальных разрезах ямы дают два ее взаимно перпендикулярных профиля; один из них снят с северо-восточной стенки траншеи А (рис. 70, 72), другой пересекает траншею А, видимо, через центр ямы (см. рис. 70) и фиксирует расположение только что описанных включений (рис. 73). «Немногочисленные археологические находки в виде обломков посуды, орнаментированных и без орнамента, мелких обломков костей и осколков кремня группировались на различной глубине, преимущественно около западной границы ямы»[29]. На дне ямы относительно большое скопление обломков керамики обнаружено у стены[30]. Б. С. Жуков считал, что им «раскрыта землянка доисторического человека, овальных очертаний в плане, с наибольшим диаметром около 3,5 м, глубиною (от нижнего уровня культурного слоя) в 1,7 м и со входом, обращенным, по-видимому, к юго-востоку, в сторону нынешней поймы Оки, или к югу»[31].

К сожалению, подробное описание углубления и, в частности, дна его отсутствует, нет и чертежей нижней части ямы, что крайне затрудняет суждение о ее назначении. Сопоставление четырех последних чертежей (см. рис. 70—73) показывает, что рис. 72 дает продольный разрез ямы и вполне соответствует схематическому плану на рис. 71, тогда как поперечный разрез (рис. 73) иллюстрирует углубление гораздо более широкое, чем поперечный диаметр предполагавшейся Б. С. Жуковым овальной землянки; этот разрез позволяет предположить продолжение ямы вправо — туда, где она не была прослежена в плане (рис. 71), и определить диаметр ямы и в этом направлении примерно в 3,5 м.

Гораздо хуже обстоит дело с восстановлением дна ямы. Судя по профилям, оно было отнюдь не плоским; наибольшая, северная, притом уплощенная часть его находилась на глубине всего 1 м от поверхности (рис. 72), тогда как менее ровная юго-западная часть — на глубине 1,54 м (рис. 73). В центре ямы было углубление, достигавшее 2,10 м от поверхности, вы-

[28] *Б. С. Жуков.* Отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.
[29] Там же.
[30] *Б. С. Жуков.* Конспект предварительного доклада «Раскопки на Сейме в 1922 г.»
[31] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края.

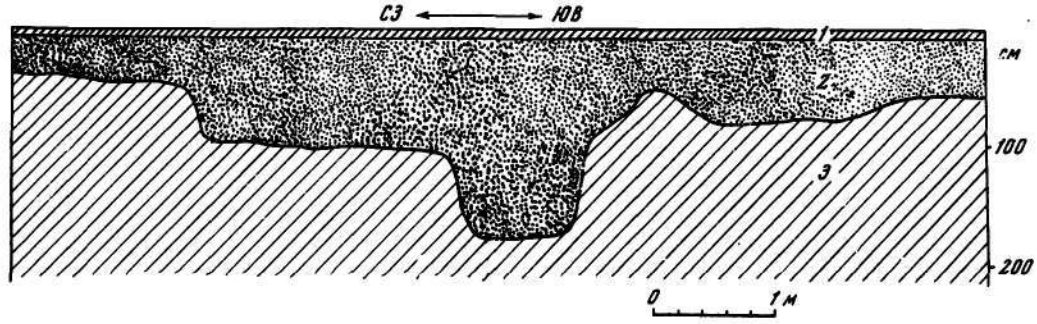


Рис. 72. Профиль жилища по северо-восточной стенке траншеи А (по Б. С. Жукову)

1 — дерн; *2* — культурный слой с углистыми, зольными и гумусовыми включениями; *3* — стерильный песок, слагающий дюну

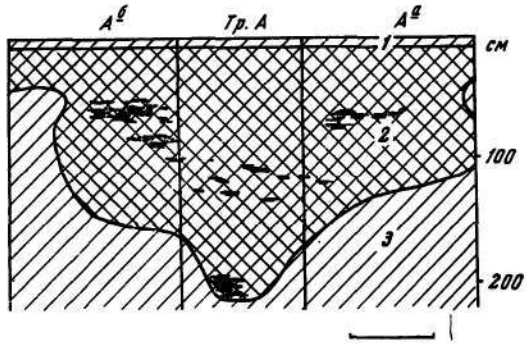


Рис. 73. Профиль жилища поперек траншеи А (по Б. С. Жукову)

1 — дерн; *2* — культурный слой с углистыми, зольными и гумусовыми включениями; *3* — стерильный песок, слагающий дюну

тянутое с юго-запада на северо-восток и в этом же направлении повышавшееся, шириной в нижней части всего в 40—80 см.

Такая конфигурация дна ямы говорит не в пользу употребления ее для жилища, как это предполагал Б. С. Жуков. Против жилища свидетельствует и отсутствие очага на дне ямы; исследователь указывает, что дно было покрыто гумусом, но не углем [32].

Некоторые сведения о другом, также относительно глубоком сооружении, имеются у С. М. Парийского в сообщении о раскопках 5 и 6 июля 1914 г. «Особенное внимание было обращено,— пишет упомянутый автор,— на культурный угольный слой на глубине двух аршин; толщина этого слоя, полного углей... и остатков мелких костей, около одного аршина». Из контекста, по-видимому, следует, что нижняя часть угольного слоя находилась на глубине 3 арш., т. е. 2 м. Впрочем, при данной формулировке, возможно указанную глубину 2 арш. рассматривать как среднюю или даже как предельную; в таком случае здесь, вероятно, идет речь об одном из пяти жилищ, указанных А. М. Коневым, что наиболее вероятно; тем не менее описание его представляет интерес. «При разработке этого слоя, — сообщает далее С. М. Парийский, — ясно обрисовалась дуга, образуемая им, но так как дальнейшее было уже раскопано 1 и 2 июня, то выяснить его значение не удалось... Во всяком случае, на основании открытой дуги можно думать, что диаметр круга был очень значительным. Впечатление, однако, получается такое, что это остаток жилища, уничтоженного пожаром.

Центр круга, хотя и имеет угольные слои, но менее густые и менее глубокие, чем по краям. Стрел и орудий здесь не найдено, но обнаружено чрезвычайно много глиняных черепков более или менее однообразного орнамента, как будто сосуды принадлежали человеку, занимавшемуся гончарным промыслом. Между прочим, здесь же найдены два шарика, сделанные из глины». В 4 м к северо-востоку от описанных остатков полуземлянки, на глубине полутора метров были найдены два больших раздавленных сосуда [33].

Подводя итоги своим многократным наблюдениям на раскопках Сейминской дюны, С. М. Парийский 21 августа 1914 г. указывал, что «обилие угольных слоев типа, одинакового с исследованным 5 и 6 июля, говорит о целом ряде сооружений на холме». По его мнению, здесь, «на берегу старой Оки, стояло поселение человека бронзовой эпохи», состоявшее из нескольких жилищ; впоследствии «поселок под-

[32] *Б. С. Жуков.* Конспект предварительного доклада...

[33] *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища...

вергся разрушению и, быть может, был уничтожен огнем» [34].

Двумя годами позже, в августе 1916 г., главный исследователь Сейминского памятника А. М. Конев с определенностью указывал на существование здесь одновременного могильнику поселения, состоявшего не менее чем из пяти жилищ. «На существование постоянного поселения,— полагал А. М. Конев,— указывают и найденные большие скопления кремня и оконченные и неоконченные поделки из него. Очевидно, что здесь производилась работа и были сделаны запасы кремня» [35].

Наконец, еще через 6 лет, в 1922 г., Б. С. Жуков, ставивший изучение культурных слоев своей основной целью, считал их остатками стоянки бронзового века [36], а в 1925 г. отметил, что здесь «была расположена стоянка с несколькими землянками» [37].

Эти суждения представляются вполне обоснованными, и нам, после ознакомления со всеми вышеотмеченными и неотмеченными деталями остается лишь присоединиться к ним. Саперными работами и десятикратными раскопками на Сейминской дюне разрушено многослойное, сложное по сохранившимся остаткам древнее поселение с жилищами, наружными очагами и, вероятно, многими другими деталями.

Вопрос о датировке поселения можно разрешить только по рассмотрении его культурных остатков.

Материальная культура поселения и ее возраст

Собранный в культурном слое поселения материал очень велик: да он не мог быть иным при размерах вскрытой раскопками площади. В качестве примера укажем на находку «свыше 6 пудов черепков от сосудов и др. вещей самого разнообразного орнамента» [38] в раскопках 1 и 2 июня 1914 г. Без сомнения, этот массовый, гораздо менее эффектный, чем бронза, материал лишь частично был взят с места раскопок и включен в состав сейминской коллекции. Так, даже при местных раскопках 5 и 6 июля 1914 г. «взята была только часть черепков, остальное зарыто» [39]. В этом следует видеть основную причину бедности коллекции керамики и кремня в фондах Горьковского областного краеведческого музея. Поэтому будет полезным перечисление находок стояночного типа, упоминаемых в дореволюционных источниках, ибо материалы Горьковского музея далеко не исчерпывают их.

Из такого рода найденных вещей при раскопках 23 июня 1912 г. указывается «несколько кремневых наконечников стрел, плоский коричневый точильный камень величиною с ладонь взрослого человека, толщиною в $^1/_2$ вершка» [40]. При осмотре памятника 4 июля 1912 г. в восточной части саперного рва А нашли на поверхности «несколько кремневых наконечников стрел, кремневых скобелей и чрезвычайно интересную кремневую оббитую пилку». В яме В, в нескольких снятых в ней «культурных слоях обнаружено... чрезвычайное обилие глиняных осколков, причем последние вынимались и в горизонтальном направлении часто лежащими друг на друге с прослойкой спутавшихся в виде войлока корней, и в вертикальном» [41]. Такое положение черепков в земле указывает на наличие здесь по крайней мере одного раздавленного на этом месте землей сосуда. По-видимому, об этом сосуде упоминает Ф. Н. Малинин: «...при разведке 4 июля членами комиссии, несмотря на все усилия, не удалось выкопать обнаруженный, по-видимому, очень большой глиняный с орнаментом сосуд неповрежденным» [42]. Всего при осмотре памятника 4 июля было собрано 648 глиняных черепков (из них 75 с орнаментом) и 7 наконечников стрел, скобелей и пилок из кремня [43].

При раскопках 5, 6 и 9 июля 1912 г. «в трех ямах на глубине 12—16 вершков найдено много мелких черепков из необожженной глины, уголь, небольшие кусочки кости и обломок коричневого точильного камня» [44].

При раскопках 16—22 июля 1912 г. обнаружены «кремневые предметы: 10 наконечников стрел и дротиков, 5 точильных камней серого и коричневого песчаника, белый камень для правки лезвия, неоконченные наконечники стрел, много кремня, мелкий уголь, в котором сохранился и крупный кусок». Близ средней ямы «на глубине в $1^1/_2$ арш. обнаружены остатки большого глиняного сосуда, лежащего бо-

[34] *С. Парийский.* Вторые раскопки Сейминского становища.— «Волгарь», № 196 от 21 авг. 1914 г.
[35] *А. М. Конев.* Отчет...
[36] *Б. С. Жуков.* Отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.
[37] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края.
[38] «Археологические находки». ИАК, прибавл. к вып. 56. Пг., 1914, стр. 106.
[39] *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища...
[40] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч.
[41] Акт осмотра, стр. 67.
[42] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч., стр. 70, примечание.
[43] Акт осмотра, стр. 67.
[44] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч., стр. 69.

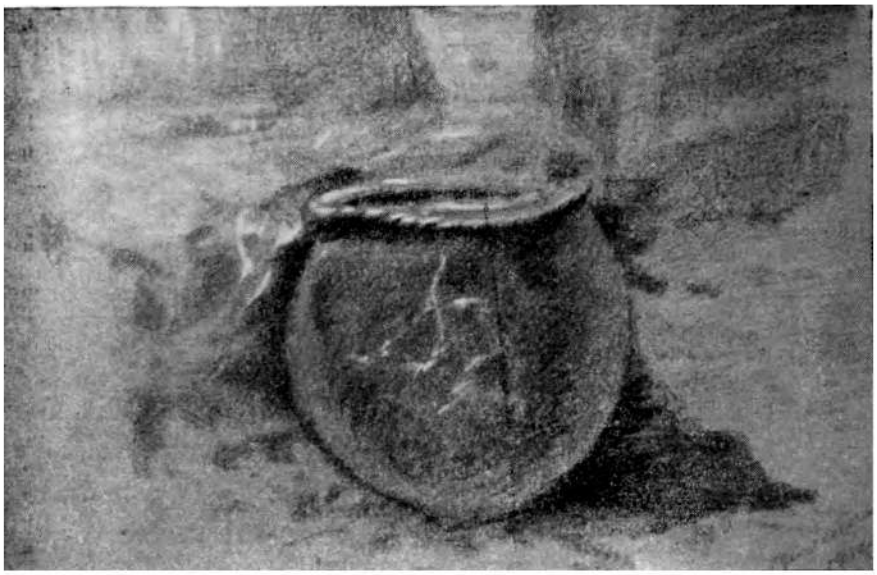


Рис. 74. Целый глиняный сосуд диаметром около 45 *см*, обнаруженный в раскопках 5 и 6 июля 1914 г. (полевая зарисовка А. П. Мельникова из архива Горьковского музея)

ком; больших кусков не удалось извлечь — слишком хрупки»[45].

В раскопках 1 и 2 июня 1914 г. помимо 6 пудов черепков отмечаются как представляющие особый интерес «горшки, доходящие в диаметре до 1 арш.»; из контекста следует, что таких горшков было не менее трех, но скорее больше.

5 и 6 июля 1914 г. в центре окружности жилища «обнаружено чрезвычайно много глиняных черепков более или менее однообразного орнамента», в двух саженях отсюда, на глубине двух аршин, «обнаружились следы большого глиняного сосуда диаметром около 10 вершков, а рядом с ним сосуд такого же диаметра», сохранившийся целиком, хотя и растрескавшийся; последний сосуд был заключен вместе с землей в ящик, взят с места раскопок и временно оставлен на соседнем заводе[46]. В Горьковском музее этого сосуда нет, не было его и в 1924 г., когда автору пришлось устраивать археологический отдел Нижегородского музея; возможно, что разразившаяся через две недели после раскопок война помешала доставке монолита в музей. По всей вероятности, рисунки именно этого сосуда, сделанные на раскопках, сохранились в архиве Горьковского музея (рис. 74). Скорее всего, именно этот сосуд изображен в статье Б. С. Жукова в 1925 г.[47]

Во второй траншее тех же раскопок найдены глиняные черепки и «куча кремневых поделок, начиная от камня только что оббитого до ясно выраженных скребков и наконечников стрел. Всех кремней собрано здесь более сорока»[48]. Раскопками 1915 г. затронута большая восточная впадина, наиболее богатая остатками угля, золы, черепками глиняных сосудов и камней.

В раскопках 1916 г. в траншее № 4, на глубине $1^1/_4$ арш. около скопления угля и золы находили мелкие черепки без орнамента, а неподалеку, в восточном направлении обнаружены 150—200 осколков кремня, лежавших кучей. Среди них находились 5 широколопастных стрел, неоконченный нож-пилка и 3 плохо сделанные маленькие стрелки, 3 кремневых ножичка черного и коричневого цвета длиной 6,5—7 см при ширине 1 см и «несколько начатых оббивкою наконечников стрел». Наконец, в этой же куче найден каменный шлифованный топор-молот, разбитый по сверлине.

Наконец, во вторых случайных раскопках 1916 г. кроме бронзовых вещей найдены несколько кремневых стрелок и черепки.

А. М. Конев и С. М. Парийский все вещи, найденные на Сейминской дюне, приписывали одной культуре[49].

Вместе с материалом дореволюционных раскопок в Горьковском музее хранится и материал первых советских раскопок 1922 г., предварительная характеристика которого дана

[45] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч., стр. 70.
[46] *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища...
[47] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края, рис. III, *9*.
[48] *С. М. Парийский.* Указ. соч.
[49] *А. М. Конев.* Отчет...; *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища...

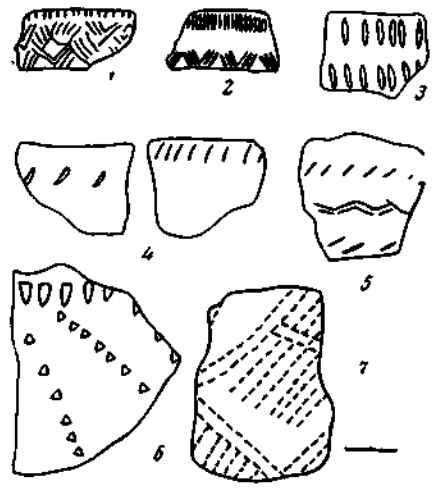


Рис. 75. Образцы керамики из раскопок 1922 г.

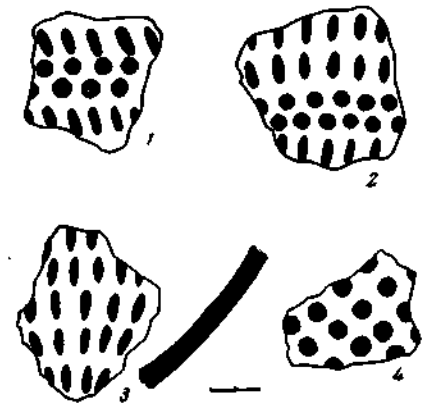


Рис. 76. Обломки неолитической керамики с Сейминского поселения

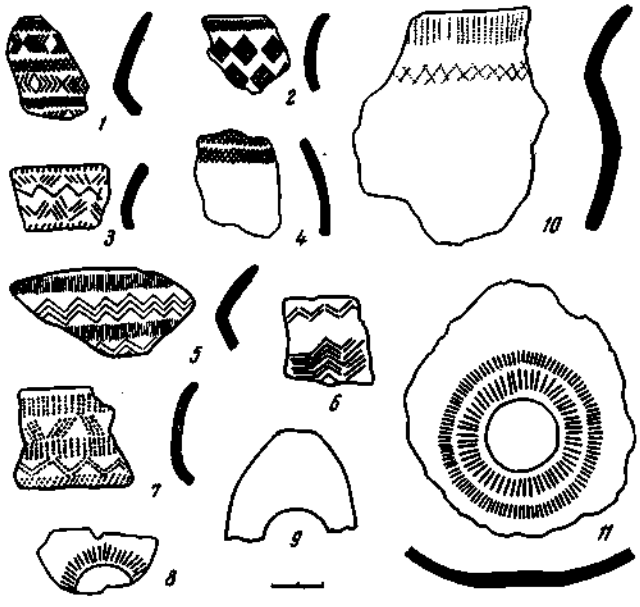


Рис. 77. Керамика балановского (ошпандинского) типа и обушная половина каменного сверленого топора с Сейминского поселения

Б. С. Жуковым в отчете. «Кремневые орудия (законченные),— читаем у него,— представлены несколькими небольшими наконечниками коротких стрел довольно грубой отделки, большим кремневым ножом-пилкой прекрасной отделки, обломками такого же ножа и несколькими другими орудиями (проколка, резцы, скребки и пр.)». Сравнительно-культурное определение кремня отсутствует. «Обломки керамики, найденные в значительном количестве, характеризуют посуду, сходную с фатьяновской, различных размеров и типов...» Характеристика керамики дана крайне суммарно [50].

Б. С. Жуков считал весь добытый им в 1922 г. материал из культурного слоя стоянки однородным и принадлежащим к одной культуре, по посуде сходной с фатьяновской. В одной из последних своих работ он допускал, что в Сейме вследствие несовершенства раскопок оказались смешанными различные керамические и кремневые комплексы, а разделение их считал почти безнадежным. Он усматривал в сейминской керамике «влияние ряда культур» и в первую очередь фатьяновской [51].

Коллекция раскопок 1922 г. невелика и разрозненна, и мы не будем ее описывать; ограничимся приведением нескольких рисунков типичной керамики из этой коллекции, сохранившихся у нас еще со студенческого учебного практикума на кафедре антропологии МГУ (рис. 75).

Этим исчерпываются имеющиеся в литературе и отчетных материалах о раскопках 1922 г. упоминания о находках из культурного слоя поселения, хранящихся в Горьковском музее. Материал же из раскопок 1929 г. полностью сохранился в Музее антропологии МГУ и ниже будет описан отдельно.

Каменный материал из старых раскопок сравнительно мал и невыразителен; кроме того, он имеет еще менее существенный интерес в связи с разнокультурностью керамических

[50] *Б. С. Жуков.* Отчет о раскопках... с 1 по 6 сентября 1922 г.

[51] *Б. С. Жуков.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики.— «Этнография», 1929, № 1.

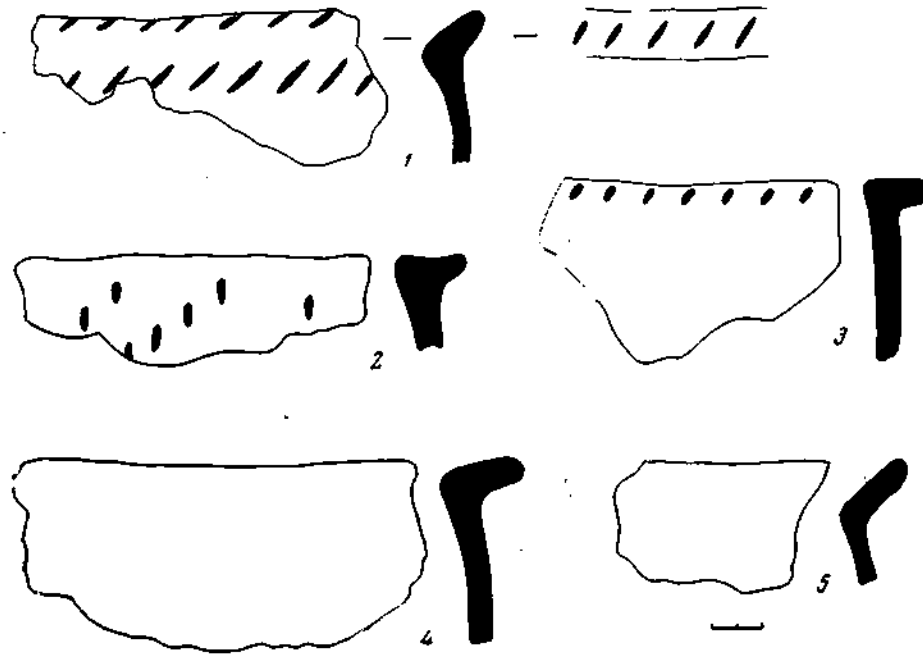


Рис. 78. Керамика поздневолосовского типа с Сейминского поселения

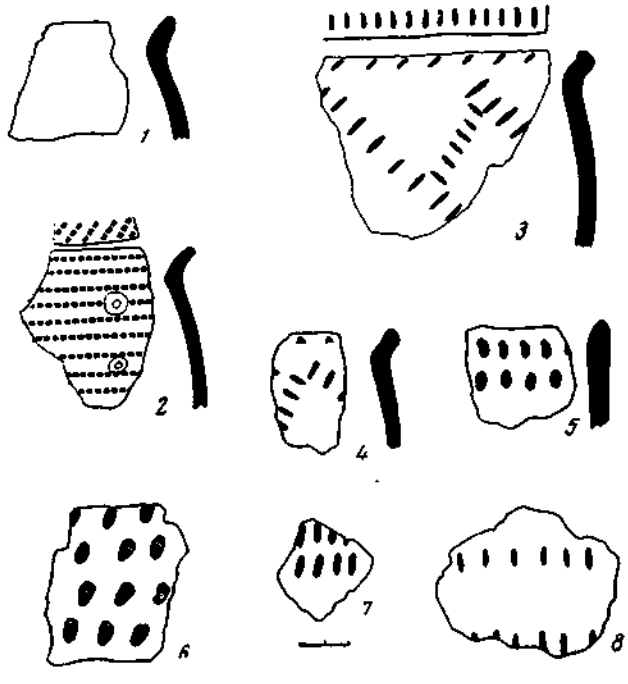


Рис. 79. Керамика позднебалахнинского типа с Сейминского поселения

комплексов и невозможностью связать каменные орудия с тем или иным из этих комплексов.

Остановимся лишь на одном каменном предмете, хорошо определяющемся,— обломке сверленого топора-молота. В Горьковском музее имеется (инвентарный № 813) обушная половина сверленого топора-молота с коротким узким обухом и с сохранившейся почти наполовину сверлиной диаметром 24 мм (рис. 77, *9*). Нельзя не отметить несовпадения в этой части с кратким описанием предмета, содержащимся в отчете А. М. Конева: в нем указывается, что сверлина найденного им топора-молота сохранилась на $^3/_4$ своей окружности. Следовательно, либо описанный топор Горьковского музея был снова разбит, либо, что вероятнее, это вторая находка такого рода, в то время как первая не сохранилась.

Судя по отчету [52], обломок сверленого топора-молота найден в культурном слое, в куче кремневых осколков и готовых и недоделанных орудий; связь его с погребением мало вероятна и потому, что перед нами не целое, а разбитое орудие.

Основным и надежным материалом для суждения о культурной принадлежности бытовых остатков с Сейминской дюны является керамика. После ознакомления с ней в Горьковском музее мы не можем согласиться с мнением

[52] *А. М. Конев.* Отчет...

некоторых авторов о принадлежности остатков из Сеймы к одной культуре. При детальном сравнительном анализе керамика может быть подразделена по крайней мере на три, а может быть, и больше культурно-хронологических групп, характеризующих различные этапы заселения Сейминской дюны.

Древнейшей керамикой из Сеймы является немногочисленная (видимо, всего 2 разбитых сосуда), но представленная хорошими образцами керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 76). Эта керамика (*первая группа*) вполне типична для комплекса 1 соседних балахнинских и нижнеокских неолитических стоянок[53] и относится к III тысячелетию до н. э.

Вторая группа состоит из десятка с небольшим сосудов сравнительно небольшого диаметра, из хорошо отмученной, плотной глины, со сглаженной иногда до блеска (лощеной) поверхностью, с отогнутыми и цилиндрическими шейками, круглыми днищами, орнаментированными в виде «солнц» вокруг вдавлений в центре, и резным и зубчатым орнаментом на шейках и плечах сосудов в виде зигзагов, ромбов и пр. (рис. 77). Эта керамика, без сомнения, является фатьяновской или, точнее, балановской[54]. А. Х. Халиков отнес ее к ошпандинскому этапу[55], однако присутствие орнамента на краю венчиков сосудов говорит о принадлежности этой керамики к концу балановского этапа и позволяет датировать ее временем около XVI в. до н. э.

Третью группу составляет керамика волосовского типа — судя по форме приплющенных шеек, по хорошо выраженным растительным примесям к глиняному тесту, уплощенным днищам, значительной толщине стенок и орнаменту в виде удлиненных ямок, частью по утолщению венчика сверху (рис. 78). Эта группа отличается значительным процентом неорнаментированных площадей сосудов, некоторые же из них вообще не имеют орнамента, как это наблюдается, например, на поздневолосовской Панфиловской стоянке, раскопанной в 1924 г. В. А. Городцовым[56]. Дата этой посуды, если

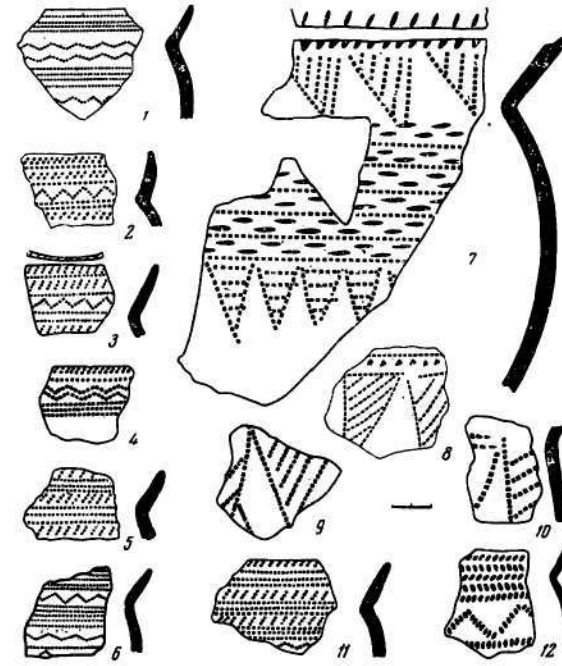


Рис. 80. Керамика чирковско-сейминского типа с Сейминского поселения

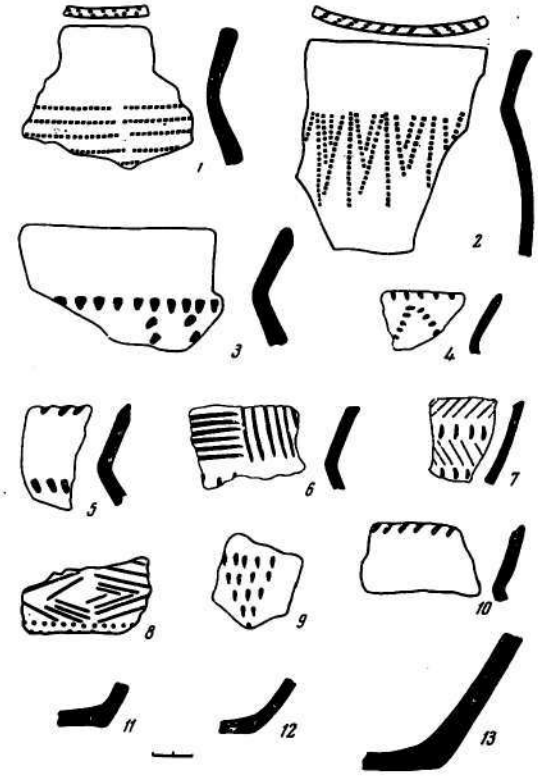


Рис. 81. Керамика чирковско-сейминского типа с поздняковскими элементами с Сейминского поселения

[53] *О. Н. Бадер* и *М. В. Воеводский*. Стоянки Балахнинской низины.— ИГАИМК, 106, 1935; *В. А. Тихомирова*. Последние исследования стоянки Плеханов Бор.— Историко-археологич. сборник Ин-та краеведческой и музейной работы. М., 1948.

[54] *О. Н. Бадер*. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М. 1963.

[55] *А. Х. Халиков*. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», т. 1. Йошкар-Ола, 1960, стр. 125.

[56] *В. А. Городцов*. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Владимир, 1925.

следовать датировке В. А. Городцовым Панфиловской стоянки [57], определяется как вторая половина III тысячелетия до н. э. Если же следовать датировке той же стоянки И. К. Цветковой [58],— как третья четверть II тысячелетия до н. э.; присоединяемся к последней датировке.

К *четвертой группе* относится керамика, по основным признакам совпадающая с керамикой типа Б балахнинских стоянок [59]. Это сосуды из глины с выгоревшими растительными примесями, сравнительно тонкостенные, очень непрочные, с характерным, слабо отогнутым венчиком (рис. 79) [60], с редким орнаментом в виде мелких, неправильных, удлиненных ямочных вдавлений и частью сосуды вовсе без орнамента. Дата этой керамики, пересмотренная нами [61], определяется по аналогии со Средним Прикамьем как третья четверть II тысячелетия до н. э. Эта группа, которую будем называть большекозинской, по ряду признаков тесно связана с предыдущей, а на ряде вновь исследованных поселений, по А. Х. Халикову, составляет единый волосовско-балахнинский комплекс.

К *пятой группе* относятся сосуды также из глины с растительными примесями, но с высокими, отогнутыми шейками, с уплощенным и плоским дном и существенной ролью косых и равнобедренных заштрихованных треугольников в орнаменте (рис. 80). Подобная керамика хорошо представлена на стоянке Подборица-Щербининская близ г. Павлова, открытой в 1939 г. А. В. Давидовичем, и на стоянках чирковско-сейминского типа в Заволжье, исследованных А. Х. Халиковым. Ее время — вторая половина II тысячелетия до н. э.

Наконец, *шестая группа* состоит из, по-видимому, целиком плоскодонных сосудов горшковидной формы, с резко отогнутыми длинными шейками, густым, мелкозубчатым орнаментом и более плотным, чем в группах 2—4, глиняным тестом (рис. 81). Эта керамика по форме сосудов, отчасти по глиняному тесту и зубчатому орнаменту имеет некоторое сходство с керамикой поздняковской культуры в соседних на западе районах Оки [62]; среди поздняковской [63], так же как и приказанской [64] керамики изредка встречаются и такие же резко отогнутые шейки у высоких горшковидных сосудов; редко они встречаются и в срубной культуре [65]. Сосуды этого же профиля, с таким же глиняным тестом и такой же обработкой поверхности встречены нами на позднебронзовых поселениях Средней Камы [66]. Следует также отметить, что на Нижней Оке сосуды с аналогичным отгибом высокой шейки имеются на Панфиловской стоянке близ г. Мурома [67]. Дата этой группы керамики также определяется как вторая половина II тысячелетия до н. э.

В нашем распоряжении имеется целостный материал из раскопок 1929 г., дающий представление об основном керамическом комплексе поселения на Сейминской дюне. Поэтому приводим его отдельное описание.

Коллекция хранится в Музее антропологии МГУ [68]. Она состоит из преимущественно мелких фрагментов довольно плохой сохранности, нередко со стершимися краями и поверхностью. Следов свежих изломов на керамике почти нет, что свидетельствует о тщательности раскопок и упаковки.

Коллекция разобрана и заинвентаризирована в Институте антропологии сотрудницей раскопок А. Е. Алиховой в 1930—1931 гг. и практиканткой института И. П. Карузиной под наблюдением О. Н. Бадера в 1932 г. Одновременно всеми указанными лицами производились реставрационные работы, во время которых не удалось, однако, склеить ни одной целой формы.

Коллекция насчитывает всего 584 обломка, не считая большого количества мелких, площадь наружной поверхности которых не превышает 4 кв. см. Из этого общего количества 109 экземпляров относится к числу обломков шеек сосудов (с венчиком), огромное большинство — к числу обломков стенок сосудов и лишь 33 — к обломкам днищ.

При описании коллекции [69] обломки керамики

[57] *В. А. Городцов.* Панфиловская неолитическая стоянка.

[58] *И. К. Цветкова.* Волосовские неолитические племена.— «Труды ГИМ», вып. XXII, 1953, стр. 33.

[59] *О. Н. Бадер* и *М. В. Воеводский.* Стоянки Балахнинской низины.

[60] *О. Н. Бадер* и *М. В. Воеводский.* Указ. соч.; ср. с рис. 59 и с рис. 5 в ESA, IV, 1929.

[61] *О. Н. Бадер.* Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье.— СА, т. XX, 1954, стр. 211, 212.

[62] *А. В. Збруева.* Мало-Окуловские курганы.— СА, т. IX, 1947, рис. 2, 3.

[63] Напр., на Поздняковской стоянке близ Мурома, тип. 8.

[64] *Н. Ф. Калинин* и *А. Х. Халиков.* Поселения эпохи бронзы в Приказанской Поволжье.— МИА, 42, 1954, рис. 13, ф. 3 и др.; *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 28, 1952, табл. VI.

[65] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы— МИА, 46, 1955, стр. 85.

[66] *О. Н. Бадер* и *Б. Х. Кадиков.* Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Молотовом и Сарапулом.— СА, 1957, № 3, рис. 10, *1*.

[67] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка.— «Труды Владимирского Гос. областного музея», вып. II. Владимир, 1925, табл. III.

[68] Коллекция № 338.

[69] В описании коллекции из раскопок 1929 г. вместе с автором принимали участие М. В. Воеводский и А. В. Збруева.

были распределены на группы, по ряду признаков составлявшие некогда один и тот же сосуд. Такому распределению, естественно, могли быть подвергнуты преимущественно обломки шеек, орнаментированные фрагменты стенок и отчасти обломки днищ, причем группы обломков шеек и обломков днищ могли быть объединены в один сосуд лишь в одном случае. В отношении же подавляющего большинства обломков стенок ввиду их большой однородности такое объединение по сосудам не могло быть проделано.

Удалось установить, что составляющие данную коллекцию обломки в свое время принадлежали не менее чем 40 отдельным сосудам. Описанию подвергнут лишь 31 сосуд, части которых лучше сохранились. Обломки большинства сосудов (за исключением немногих, представленных слишком мелкими обломками) по совокупности признаков (главным образом по форме и диаметру) были в свою очередь подразделены на группы, харктеризующие сосуды различных типов. Установление этих типов сильно облегчило описание керамики; но выделенные типы более или менее условны; некоторые из них имеют свои варианты, и между отдельными типами в их крайних вариациях нет резких различий, исключая один-два случая, которые будут отмечены.

К типу I отнесены обломки 14 сосудов, подразделенных в свою очередь на 3 варианта. Во всех случаях это, по-видимому, небольшие сосуды с плоским или уплощенным дном, слабо выпуклыми плечами и резко отогнутым наружу длинным венчиком. *Вариант 1-й* характеризуется сосудами (5 сосудов) с наиболее коротким и резко отогнутым венчиком (рис. 82). *Вариант 2-й* (4 сосуда) дает сосуды бо́льших размеров; венчик столь же резко отогнут, сильно утолщен, массивен, широк и с внутренней стороны имеет ребро (рис. 83). Наконец, *вариант 3-й* (5 сосудов) имеет венчик сильно, но не столь резко отогнутый, как в варианте 1-м, и значительно более длинный. Это, так же как и в варианте 1-м, преимущественно небольшие сосуды (рис. 84). Описанная керамика может быть определена как гибридная поздневолосовско-позднебалахнинская.

К типу II отнесен всего один сосуд. В данном комплексе он является как бы переходным к близкому ему типу III, но в некоторых других известных нам на Оке однородных комплексах он хорошо представлен. Это большой, относительно невысокий сосуд, по-видимому, с округлым, уплощенным дном, с хорошо выраженными плечами и с мягко отогнутой, невысокой шейкой (рис. 85).

К типу III относятся 12 сосудов, у 6 из которых сохранились хорошо выраженные шейки. Это относительно крупные плоскодонные сосуды с высокой, резко отогнутой шейкой (рис. 86, 87). Этот тип определяется как чирковско-сейминский, т. е. позднейший.

Наконец, последние 3 сосуда резко отличаются от всех описанных (*тип IV*) и принадлежат к фатьяновской или балановской культуре (рис. 88).

Первые три типа сосудов объединяет ряд общих признаков: состав глиняного теста, техника формовки, обработка поверхности, обжиг, цвет и орнамент. Указанные признаки не зависят от распределения сосудов по типам и позволяют объединить последние в культурно-родственный комплекс.

Из 28 сосудов этого комплекса 18 имеют растительные примеси к глине, выгоравшие при обжиге и сообщавшие стенкам сосудов пористый характер; у 6 сосудов замечена примесь песка и у 11 — шамота; у некоторых сосудов наблюдаются примеси растительные и шамота одновременно или реже песчаные и растительные примеси. Все же следует отметить, что в отличие от III, чирковско-сейминского типа все сосуды I, волосовско-балахнинского типа имеют растительные примеси к глине.

Техника формовки — ленточный налеп (со следами распада по спаю на некоторых черепках (см. рис. 82, 85). Поверхности — наружная и внутренняя — чаще всего обработаны перед обжигом зубчатым орудием (штампом?), иногда щепкой или ножом (рис. 86). Обжиг костровой, хороший, цвет красновато-желтый с поверхности, с серой сердцевиной на свежих изломах.

Толщина стенок сосудов от 5 до 9 мм, с преобладанием 8 мм.

Орнамент имеет лишь 21 сосуд из 28, т. е. 75%. Орнаментировались преимущественно верхние части сосудов и иногда венчики сверху, поэтому процент орнаментированных обломков гораздо ниже; так, в керамике из раскопок 1922 г., находившейся для описания в Институте антропологии МГУ, неорнаментированными оказались 41% обломков.

Орнамент почти исключительно зубчатый; изредка встречается неправильный ямочный и еще реже — линейный штамп. Узор — горизонтальные пояски из параллельных зубчатых линий или косо поставленного зубчатого штампа, «елочка», горизонтально заштрихованные треугольники, косые параллельные линии и пр.

Описанная керамика первого типа имеет аналогии в Панфилове и позднем горизонте балахнинских стоянок, керамика третьего типа — в чирковских памятниках, в целом керамика при-

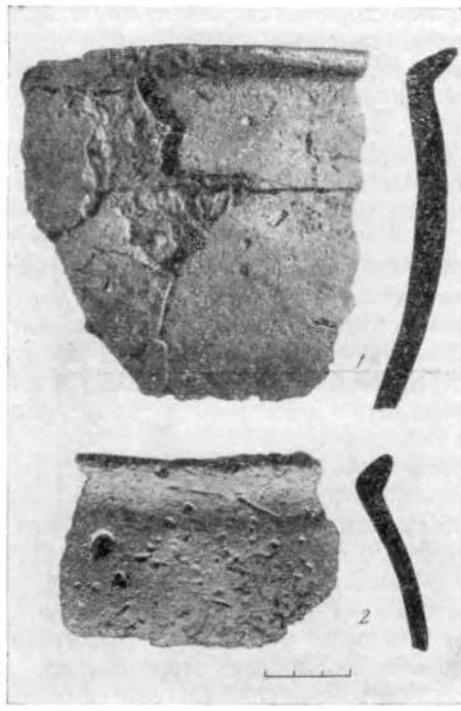


Рис. 82. Керамика первого варианта волосовско-балахнинского типа из раскопок 1929 г.

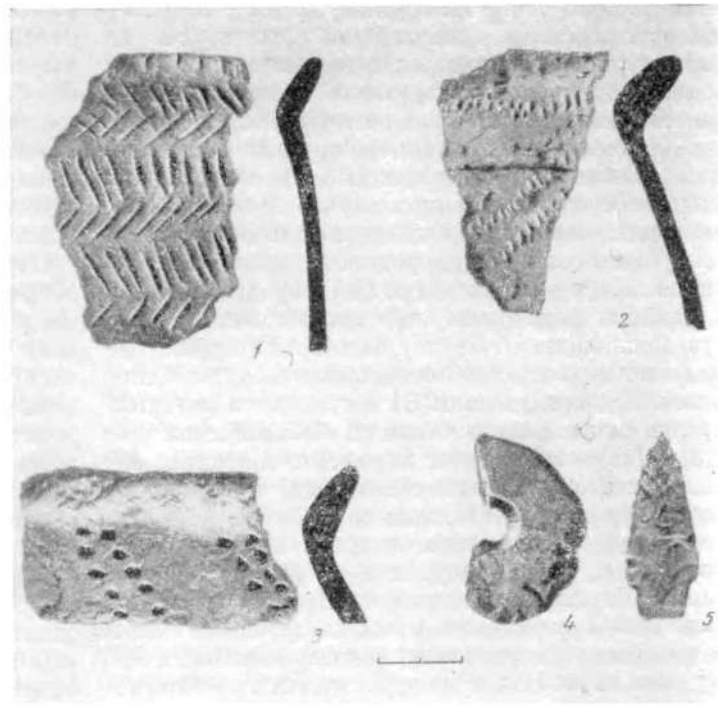


Рис. 84. Керамика третьего варианта волосовско-балахнинского типа, керамический кружок со сверлиной (*4*) и кремневый наконечник стрелы (*5*) из раскопок 1929 г.

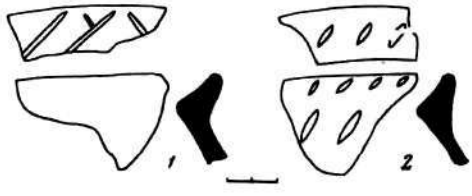


Рис. 83. Керамика второго варианта волосовского-балахнинского типа из раскопок 1929 г.

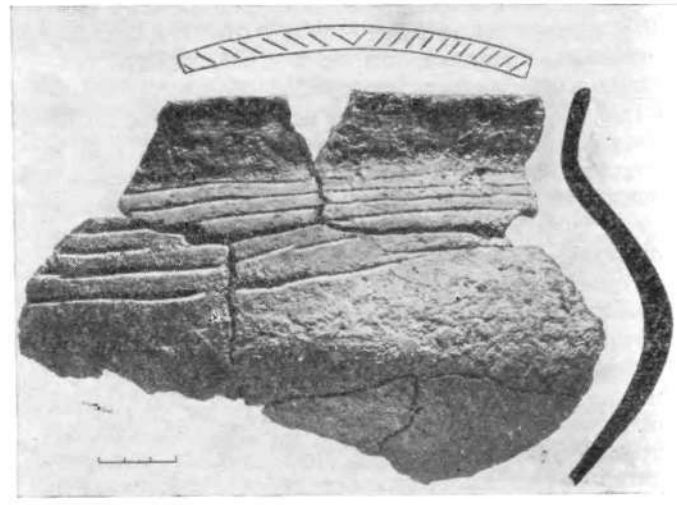


Рис. 85. Керамика чирковско-сейминского или позднянковского типа из раскопок 1929 г.

надлежит к основному, хронологически широкому и преемственно связанному керамическому комплексу Сейминской дюны, относящемуся к XVI—XII вв. до н. э. и описанному выше по материалам раскопок 1912—1922 гг.

Обломки трех сосудов фатьяновского или балановского типа резко отличаются от вышеописанной керамики по отсутствию видимых примесей к глине, лощеной поверхности, большей тонкости стенок (4—6 мм) и по своеобразному мелкозубчатому орнаменту, образующему ромбы, сложные зигзаги и пр. (рис. 88). Это чуждая здесь керамика, принесенная сюда со стороны и в очень небольшом количестве.

К основному керамическому комплексу по глиняному тесту относится и небольшой глиняный диск со сверлиной в центре (рис. 84, *4*).

Бедный кремневый инвентарь из раскопок 1929 г. невозможно с уверенностью приурочить ни к основному, ни к фатьяновскому керамическим комплексам, поэтому опускаем его описание. Приводим лишь изображение наконечника стрелы с коротким широким черешком (рис. 84. *5*). Этот тип наконечников близок некоторым волосовским.

После ознакомления с различными группами керамики Горьковского и Антропологического музеев необходимо остановиться на их соотношении между собой и на значении их в истории Сейминского поселения.

Первая из шести выделенных выше групп керамики (хранящейся в Горьковском музее) относится к неолиту; она немногочисленна, не связана с последующими и указывает на кратковременное заселение дюны группой рыболовов и охотников еще в III тысячелетии до н. э.

Другой группой керамики, резко выделяющейся из основной ее массы, является балановская. Ее никак нельзя рассматривать как продукт местной переработки балановских или фатьяновских традиций, ибо она выделяется на общем фоне не по одному-двум, а по многим существенным признакам: и по форме, и по орнаменту, и по глиняному тесту, и по обработке поверхности. С ней следует связывать и обломки сверленых боевых топоров. Это элементы особой, соседней культуры, привнесенные извне в результате обмена; не исключено, что это свидетельство кратковременного заселения дюны балановцами, оставившими свою керамику еще в некоторых пунктах на Оке, в частности, недалеко от Сеймы, у Дзержинска [70], а к югу от Оки — во множестве; к северу же ближайшим памятником той же культуры является

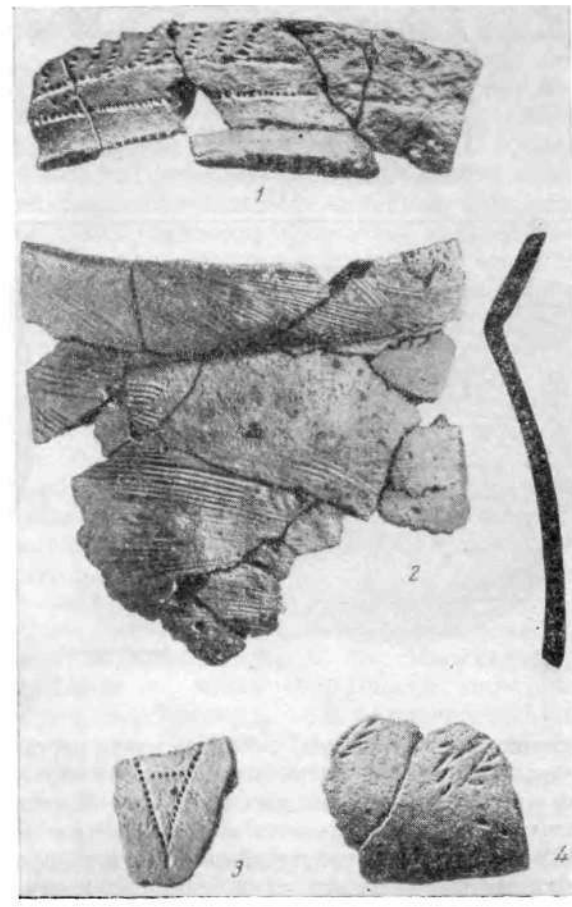


Рис. 86. Керамика чирковско-сейминского типа из раскопок 1929 г.

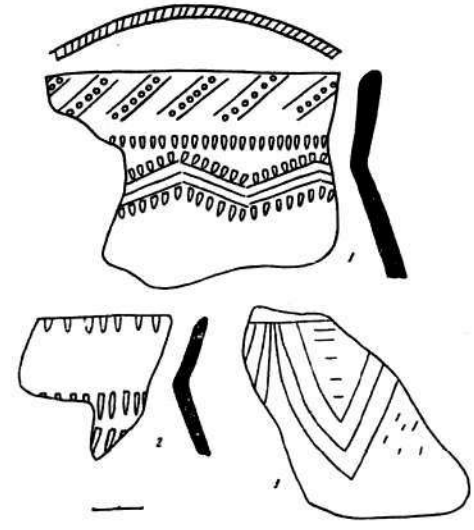


Рис. 87. Керамика чирковско-сейминского типа из раскопок 1929 г.

[70] *О. Н. Бадер.* К вопросу о балановской культуре.— СЭ, т. I, 1950, рис. 6, *10, 11.*

Рис. 88. Керамика балановского (ошпандинского) типа из раскопок 1929 г.

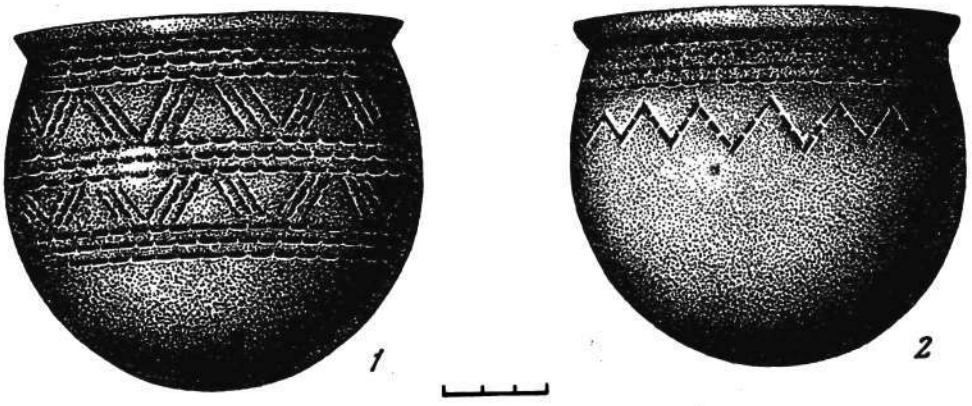


Рис. 89. Сопоставление небольших сосудов из Сейминского могильника (*1*) и Большекозинского IV поселения (*2*)

Чуркинский могильник[71]. Балановская керамика на Сейминской дюне представлена лучше, чем неолитическая. Именно подобная, балановская керамика упоминается и в старых раскопках как пример чрезвычайно сложного орнамента, «обнаруженного на остатке дна сосуда и представляющего собою подобие солнца»[72].

В известной мере аналогичное значение приобретает и шестая из выделенных выше керамических групп, имеющая поздняковские черты. Она, как и предыдущая, выявляет один из источников, оказывавших влияние на местную культуру Балахнинской низины во II тысячелетии до н. э., но стоит гораздо ближе к основной массе керамики поселения и, надо полагать, изготовлялась здесь, на Сейминском поселении.

Основной и несомненно местный комплекс керамики следует видеть в хронологически близких и генетически связанных 3, 4, 5 и тесно примыкающей к ним 6-й группах. Связь между ними заключается: 1) в совершенно ином, чем в двух первых группах, и одинаковом глиняном тесте с растительными примесями, выгоравшими при обжиге и сообщавшими сосудам пористость, легкость и непрочность; 2) в обработке поверхности зубчатым штампом; 3) в одинаковом обжиге; 4) одинаковом красновато-желтом цвете снаружи и сером на изломах; 5) в редком и лишь частичном заполнении орнаментального поля и наличии совершенно неорнаментированных сосудов; наконец, 6) в преобладании мелких, неправильных, преимущественно удлиненных ямочных вдавлений среди элементов орнамента в сочетании с оттисками зубчатого штампа и частой орнаментацией сверху по венчику и изредка внутри сосуда. Перечисленные общие для всех этих групп признаки говорят о прочно удерживавшихся местных традициях, выделяющих эту керамику среди окружающих культур, а частичная синхронность или, по крайней мере, хронологическая смежность всех четырех типов керамики не противоречит объединению их в единый, хотя и не вполне однородный, длительно существовавший и постепенно эволюционировавший культурный комплекс.

Время его существования определяется промежутком, разделяющим конец позднего, второго этапа волосовской культуры и культурный комплекс балахнинских стоянок, с одной стороны, и поздний, ефановский этап поздняковской культуры — с другой, и в абсолютных цифрах выражается как XVI—XII вв. до н. э.

На протяжении этих приблизительно четырех веков способы приготовления глиняного теста, обработки поверхности и обжига, так же

[71] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края, рис. II.

[72] *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища...

как редкое заполнение орнаментального поля, на Сейминском поселении оставались одними и теми же, но форма, отчасти размеры и орнаментация сосудов заметно изменились. На поздневолосовском и позднебалахнинском этапах большие горшки с прямыми и даже закрытыми, наклонными внутрь шейками и массивными, сильно расплющенными венчиками постепенно заменились более открытыми, полуяйцевидными, частью мелкими, преимущественно круглодонными формами со слабо отогнутыми венчиками. На третьем этапе, который можно назвать чирковско-сейминским, сосуды приобретают плоскодонную форму с преобладанием довольно высокой, резко отогнутой шейки, зубчатого штампа и треугольных мотивов в орнаментации.

В этой эволюции сейминской керамики можно усматривать следы фатьяновских и балановских влияний, сказавшихся прежде всего в появлении на позднебалахнинском этапе почти бомбовидных форм[73], на что указывал еще Б. С. Жуков[74], и поздняковских влияний, следы которых можно видеть в присутствии плоскодонных, горшковидных и даже остроребер-ных[75] форм, высоких отогнутых венчиков (?), преобладаниц зубчатой и треугольной орнаментации.

Рассмотрение керамики позволяет установить время последнего, основного заселения Сейминской дюны как XIV—XII вв. до н. э.

Теперь, после ознакомления с керамикой Сейминской дюны, ее классификацией и датировкой, нам легче оценить отрывочные сведения о керамике в отчетных материалах о дореволюционных раскопках. Эти сведения приобретают существенный интерес для датировки некоторых открытых на стоянке сооружений.

Попытки общей характеристики сейминской керамики, имеющиеся в отчетах о раскопках 1912[76], 1914[77] и 1916 гг., носят крайне суммарный и дилетантский характер; они ничего не прибавляют к уже данной характеристике, и мы опускаем их. Представляют интерес лишь некоторые частные замечания. Так, указывается, что в раскопках 5, 6 и 9 июля 1912 г. было «найдено много мелких черепков из *необожженной* (курсив мой.— *О. Б.*) глины»[78]; на черепках, найденных 4 июля 1912 г., имелся орнамент в виде «угольников»[79]; среди больших сосудов, найденных 1 и 2 июня 1914 г., были сосуды «с острым дном»[80] и т. п. Подчеркиваем, что черепки из якобы необожженной глины принадлежали, без сомнения, к выделенному нами основному комплексу непрочных сосудов с растительными примесями к глине, так же как и черепки, орнаментированные «угольниками».

Видимо, сюда же относится и значительное количество неорнаментированных обломков; так, среди собранных 4 июля 1914 г. черепков 648 были без орнамента и лишь 75— с орнаментом[81], что составляет всего 10,4% от общего числа обломков; обломки сосудов фатьяновского типа могут входить в число неорнаментированных черепков, но их было немного, и они вряд ли в состоянии заметно изменить приведенное соотношение.

Описывая взятый монолитом с места раскопок большой сосуд, С. М. Парийский по сделанным на месте измерениям определяет его верхний диаметр в 10 вершков (45 см), а высоту в $^3/_4$ арш. (54 см) и дает краткое описание его. «Сосуд этот с отогнутым, волнообразным краем, с слабовыраженной низкой шеей, выпуклыми боковыми стенками и, по-видимому, с круглым дном. Последнее тщательно обследовать не удалось. Орнамента на сосуде не обнаружено»[82] (рис. 74). Сочетание указанных признаков, в особенности «волнообразный край», находит аналогию только в Панфиловской стоянке[83]; один из реконструированных там В. А. Городцовым сосудов соответствует описанию сейминского, исключая плоскодонность; впрочем, дно сейминского сосуда осталось не установленным и его круглая форма лишь предполагалась.

Учитывая несомненную принадлежность последнего сосуда, как и найденного рядом с ним, к нашему основному комплексу и связь его с остатками жилища, видимо, округлой формы, подобно остальным, отмеченным на поселении, мы получаем некоторое конкретное основание связывать жилища с основным керамическим комплексом.

[73] *О. Н. Бадер* и *М. В. Воеводский.* Стоянки Балахнинской низины, рис. 61.
[74] *Б. С. Жуков.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики.
[75] Там же, табл. II.
[76] Акт осмотра, стр. 67.
[77] «Археологические находки».— ИАК, прибавл. к вып. 56, 1914, стр. 106; *С. М. Парийский.* К исследованиям Сейминского становища...
[78] *Ф. Н. Малинин.* Указ. соч., стр. 69.
[79] Акт осмотра, стр. 67.
[80] «Археологические находки».— ИАК, прибавл. к вып. 56, стр. 106.
[81] Акт осмотра, стр. 67.
[82] *С. М. Парийский.* К исследованию Сейминского становища...
[83] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка, табл. III, рис. 22.

Вряд ли можно сомневаться, что все не менее чем 7 сосудов, сохранившихся в земле целыми или почти целыми, принадлежали, как и вышеописанный, также к нашему основному комплексу. Косвенным доказательством этого, не взирая на их непрочность, служит самый факт их непотревоженности, что могло иметь место скорее в том случае, если время их бытования соответствовало времени последнего заселения дюны; а, как было показано выше, основной комплекс сейминской керамики является на дюне наиболее поздним. Аналогичную картину мы наблюдали на соседних больше-козинских стоянках, где как раз непрочная керамика комплекса Б сохранилась, как правило, значительно лучше прочной неолитической [84].

Заканчивая на этом описание остатков из сейминских поселений, подведу итоги.

[84] *О. Н. Бадер* и *М. В. Воеводский*. Стоянки Балахнинской низины, рис. 55.

Некоторые итоги

Прежде всего необходимо решительно отвергнуть ставшее традиционным мнение о принадлежности почти всей изданной сейминской керамики [1] погребениям. В самом деле, все авторы, рассматривавшие вопрос о сейминской керамике, делают ошибку, связывая тот или иной тип керамики Сейминской дюны с погребениями. Керамика Сейминской дюны [2] — это типичная керамика поселений, мелкораздробленная, представляющая обломки преимущественно крупных бытовых сосудов, она происходит из хорошо выраженного на дюне культурного слоя [3] и связана с другими характерными для поселений остатками — хозяйственными ямами, очагами и землянками, кремневыми осколками и орудиями и костями животных.

Керамика поселений, располагавшихся в различное время на небольшой площадке Сейминской дюны, не может совпадать с временем существования здесь большого могильника, занимавшего всю основную часть верхней площадки дюны; поселения вместе с связанными с ними остатками могли здесь либо предшествовать могильнику, либо быть более поздними.

Каково отношение этих керамических комплексов к культуре Сейминского могильника.

Значительная часть культурных остатков Сейминского поселения, судя по керамике (не меньше 20 сосудов), относится к поздневолосовскому и позднебалахнинскому (большекозинскому) типам, несколько видоизменившимся в позднейшее время; по последним исследованиям А. Х. Халикова,— слившимся и вошедшим в Среднем Поволжье в единую культуру [4], а по нашему мнению, представляющим переходный комплекс от волосовского (володарского) к позднебалахнинскому (большекозинскому) этапу единой сейминской локальной культуры. Этот керамический комплекс практически неотделим от следующего, позднейшего и наиболее богатого — чирковско-сейминского, состоящего из обломков более полусотни сосудов. Этот по сути своей смешанный, гибридный керамический комплекс, включивший в себя черты волосовско-балахнинской и балановской культур, в устойчивом сочетании обнаружен в последнее время теми же исследованиями на многих древних поселениях Среднего Поволжья и характеризует местную культуру конца бронзовой эпохи, названную чирковско-сейминской [5].

Выделенные в Сейме типы керамики, смежные хронологически, объединяемые общими для них растительными примесями к глине, способом обработки поверхности зубчатым штампом и другими признаками, видимо, не свойственны каждому из названных этапов исключительно: один из этих типов лишь преобладал на своем этапе. Он возникал, надо полагать, раньше, в недрах предшествующего этапа той же культуры, но мог существовать и

[1] *В. А. Городцов*. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, М., 1915, рис. 76—79; *Он же*. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, изд. 1, рис. 107; *Б. С. Жуков*. Доисторические культуры Нижегородского края.— Нижегородский краеведческий сборник. «Труды Нижегородского педагогического ин-та», т. 1. Н.-Новгород, 1925. рис. III, *8*; *А. Я. Брюсов*. Окский неолит. Рефераты научно-исслед. работ за 1944 г.— АН СССР. М., 1945, стр. 30; *А. П. Смирнов*. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья в эпоху неолита и бронзы — МИА, 28, 1952.

[2] Горьковский областной краеведческий музей и Музей антропологии МГУ.

[3] По наблюдениям в раскопках Б. С. Жукова.

[4] *А. Х. Халиков*. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», т. 1. Йошкар-Ола, 1960.

[5] Там же.

на более позднем этапе, где преобладал уже другой тип. Таким образом, найденная на Сейминском поселении волосовско-балахнинская и чирковско-сейминская керамика представляет собой нерасторжимое целое и может рассматриваться как принадлежащая единой культуре на различных, хронологически смежных этапах ее развития.

Если культурная связь найденной неолитической и балановской керамики с могильником исключена[6], то связь культуры могильника с культурой, представленной волосовско-балахнинской и чирковско-сейминской керамикой, вполне вероятна прежде всего по времени; как было показано, время волосовско-балахнинской керамики с поселения почти совпадает с принятой датой могильника.

К сожалению, хронология выделенных культурных комплексов на Сейминской дюне еще недостаточно ясна. Она может быть представлена так:

Неолитическая ямочно-гребенчатая керамика — конец III тысячелетия до н. э.

Волосовско-балахнинская керамика — XVI в. до н. э.

Балановская керамика — XVI в. до н. э.

Сейминский могильник — XV—XIV вв. до н. э.

Сейминско-чирковская керамика — XIII—XII вв. до н. э.

В заключение обратимся к трудному вопросу о связи Сейминского могильника с окрестными поселениями, без чего все суждения о культуре населения, создавшего могильник, и его месте в истории Окского Поволжья остаются условными. Богатый, долго существовавший Сейминский могильник должен был иметь непосредственные связи с какими-то определенными поселениями Балахнинской низины.

Как мы уже не раз отмечали, волосовская и позднебалахнинская керамика обнаруживают многие черты сходства с керамикой эпохи бронзы Камского Приуралья. Собственно сейминский же или чирковско-сейминский комплекс может генетически связываться с поздневолосовской и позднебалахнинской керамикой. Эта точка зрения в самое последнее время нашла подтверждение в работах А. Х. Халикова, который считает, что в результате близкого взаимодействия поздневолосовские и позднебалахнинские племена к середине II тысячелетия слились и образовали единое культурное целое, а в свою очередь взаимодействие этой культуры с балановской, население которой продвигалось в середине II тысячелетия в Заволжье, привело в третьей четверти II тысячелетия к образованию новой устойчивой культурной общности: чирковско-сейминской культуры, существовавшей в западной части Среднего Поволжья во второй половине II и начале I тысячелетия до н. э.[7] Рассмотрение изданного А. Х. Халиковым нового материала позволяет согласиться с ним как в вопросе о существенной роли балановского элемента в генезисе этой культуры, так в основном и с указанной выше ее датировкой. Нельзя однако согласиться с заключением автора о вероятной принадлежности волосовской и позднебалахнинской, балановской и чирковско-сейминской керамики к погребениям могильника[8].

Помимо уже высказанных соображений в пользу принадлежности почти всей керамики к культурному слою, а не к могильнику, следует не забывать об очень большой близости Сейминского могильника по инвентарю к трем камским могильникам, погребальный ритуал которых, как твердо установлено, керамику вообще не включал.

Каково же соотношение во времени указанных групп керамики дюны с могильником? Поздневолосовская и позднебалахнинская группы могли в общих чертах совпадать с временем могильника и, по-видимому, непосредственно предшествовали ему здесь, т. е. могли появиться в конце XVI или начале XV в. Балановская керамика, датируемая XVI в. до н. э., связана в материалах могильников с совершенно иным культурным комплексом и ритуалом и к тому же является, видимо, более ранней, чем Сейминский могильник, относящийся к XV—XIV вв.; она соответствует времени начала балановской экспансии, приведшей, по А. Х. Халикову, в третьей четверти II тысячелетия к образованию смешанной чирковско-сейминской культуры[9]. Следовательно, основная по численности, позднейшая чирковско-сейминская группа керамики должна связываться с позднейшим поселением, возникшим на дюне тогда, когда самый факт расположения здесь могильника был уже забыт,— не ранее XII в. до н. э. С этим выводом вполне согласуется указание А. Х. Халикова о том, что процесс смешения поздненеолитической керамики с балановской,

[6] *О. Н. Бадер.* Могильники турбинского типа, их время и связь с поселениями.— «Археологич. сборник Гос. Эрмитажа», вып. 6, 1964.

[7] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 137, 182. (По нашему мнению, это переходные комплексы.— *О. Б.*).

[8] Там же, стр. 128, 129.

[9] Там же, стр. 182.

в результате которого образовался рассматриваемый чирковско-сейминский тип керамики, «происходил в течение длительного времени, по крайней мере на протяжении всей третьей четверти II тысячелетия до н. э., и завершился лишь в последней четверти II тысячелетия до н. э., когда появляются памятники с чистым содержанием чирковско-сейминской керамики» [10].

Таким образом, наиболее вероятна принадлежность к культуре могильника не чирковско-сейминской, а поздневолосовско-большекозинской керамики, как мы уже имели случай указывать [11].

Для решения рассматриваемого вопроса весьма существенно нахождение в четырех случаях, в раскопках 1915 и 1916 гг., около могильных пятен и человеческих костей небольших глиняных сосудов диаметром и высотой 12—13 см, изящных по форме, с прекрасным орнаментом. «В других местах этих горшков или их остатков не наблюдалось...» [12]

Этих сосудов, связь которых с погребениями почти несомненна, в коллекциях не сохранилось, но в архиве Горьковского областного музея удалось обнаружить несколько зарисовок этих сосудиков, сделанных в поле в момент их нахождения в 1915 г. художником А. П. Мельниковым.

Один из этих сосудиков круглодонный, со *слегка отогнутой шейкой*, видимо без орнамента, наиболее близок керамике позднебалахнинского типа. Второй сосуд (рис. 89, *1*) аналогичной формы, с тройным рядом горизонтальных зубчатых оттисков под венчиком и еще двумя такими же поясками ниже, разделенными разнонаклоненными отпечатками зубчатого штампа. Наиболее близкую аналогию по форме, размерам и отчасти по орнаменту он находит в верхнем слое соседней Большекозинской стоянки IV [13], что хорошо видно на рис. 89, *2*. В форме обоих сосудов уже могло сказаться влияние соседей — балановцев, что особенно видно в орнаменте сейминского сосудика (рис. 89, *1*). Но в то же время большекозинский сосудик ни составом глины, ни техникой обработки поверхности, ни орнаментом не выделяется из керамического комплекса всей стоянки, на которой он найден.

Таким образом, насколько можно судить по рисункам, маленькие сосуды из сейминских погребений можно отнести к позднебалахнинскому или, что то же самое, к большекозинскому этапу сейминской культуры середины II тысячелетия, что вполне соответствует сделанному выше выводу о наиболее вероятном культурном типе, соответствующем культуре Сейминского могильника.

В это время (XV—XIV вв.), совпадающее с концом балановского этапа балановской культуры, население этой культуры уже проникало в район Балахнинской низины, о чем говорит балановский характер керамики давно известного Чуркинского могильника [14], расположенного над северным краем Балахнинской низины. Именно этим непосредственным соседством можно объяснить восприятие сейминцами элементов балановского орнамента, а частью, может быть, и формы парадных сосудов и присутствие обломков 11 чисто балановских сосудов более позднего, ошпандинского этапа среди обломков керамики на Сейминской дюне. Тем же непосредственным соседством чуждого балановского населения, вероятно, следует объяснить и обилие боевого оружия в погребениях Сейминского могильника.

Время развитой бронзы, к которому относится Сейминский могильник, характеризуется появлением в Волго-Окском крае многих смешанных, гибридных культурных форм, что особенно ярко проявляется в керамике. Так, находки небольших круглодонных сосудов, по форме и орнаментации близких вышеописанным сейминским из погребений, известны в сложном по культуре поселении Дикариха у Переславля-Залесского; они датированы А. Л. Никитиным второй половиной II тысячелетия до н. э. [15] Эта датировка может быть уточнена с помощью металлического несомкнутого кольца с Дикарихи с расплющенным концом; по аналогии в Зарата-Монтеору в Нижнем Подунавье [16] дата кольца из Дикарихи определяется XIV—XIII вв. до н. э.

[10] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 127.
[11] *Q. Bander.* Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland.— SMYA, 59, 1. Helsinki, 1957.
[12] *А. Конев.* Отчет...
[13] *О. Н. Бадер* и *М. В. Воеводский.* Стоянки Балахнинской низины.— ИГАИМК, 106, 1935, рис. 61.
[14] *А. Х. Халиков.* Указ. соч., стр. 133.
[15] *А. Л. Никитин.* Дикариха.— МИА, 110, 1963, рис. 8, ф. 17 и др.
[16] *E. Zaharia.* Die Lockenringe von Zărata-Monteoru und ihre typologische und chronologische Beziehungen.— «Dacia», III, 1959.

Часть третья

Заключение

В предшествующих главах охарактеризованы основные группы археологического материала, относящегося к эпохе бронзы, и основные линии исторического развития. Однако на территории Окского Поволжья нередко встречаются находки древних предметов, которые поражают своеобразием и лишь с большой натяжкой могут быть отнесены к той или иной культуре, к тому или иному разделу построенной выше культурно-исторической схемы. Таковы, например, некоторые глиняные сосуды из числа хранящихся в Рязанском областном краеведческом музее. Мы сознательно не останавливались на подобных вещах в своем общем обзоре. Но подобные находки указывают на очень большую сложность культурных взаимодействий и этногенетических процессов, протекавших на Оке и в междуречье Оки и Волги в эпоху бронзы.

В этой заключительной главе я остановлюсь на вопросах, которые мне хочется подчеркнуть, и на некоторых спорных вопросах, которые дискутировались в печати после того, как эта книга уже была написана.

Необходимо окончательно оставить представление о том, что появление новых этнических групп, которыми так богато II тысячелетие до н. э., каждый раз приводило к смене населения и культуры. Сейчас можно с уверенностью сказать, что приход в Окское Поволжье людей с иным экономическим строем, как, например, приход фатьяновцев, позволял им сравнительно легко уживаться с местным населением, вступая с ним в своего рода хозяйственный симбиоз. Даже приход племен со сходным хозяйством, следовательно заинтересованных в тех же природных угодьях, как, например, приход волосовских или позднее поздняковских племен, хотя и приводил к гораздо более острым конфликтам и к вытеснению местного населения из многих районов, все же далеко не вел к полному истреблению или к полному вытеснению местного населения.

Сейчас можно с уверенностью говорить, что на протяжении всего II тысячелетия до н. э. с момента прихода волосовских энеолитических племен население Окского Поволжья и Верхней Волги было смешанным. В особенности это относится ко второй и третьей четвертям II тысячелетия, когда во многих, преимущественно более глухих частях края сохранялись районы, населенные потомками исконного местного

рыболовческо-охотничьего неолитического населения, выделывавшего ямочно-гребенчатую керамику (поселения второго этапа балахнинской культуры, второго и третьего этапов рязанской культуры); в других, а частью в тех же районах жили волосовские племена. Преимущественно лесные, водораздельные районы и частью долины рек занимали группы земледельцев и скотоводов фатьяновцев; позднее там же широко расселились поздняковцы, а в какой-то мере и абашевцы. Сказанное выше иллюстрируется примерной синхронистической схемой (рис. 90).

Сохраняя сперва в различных районах более или менее длительное время присущие им исконные этнографические черты, отдельные группы населения со временем неизбежно смешивались в общем этногенетическом котле. В особенности наглядно отражен процесс ассимиляции, слияния культур в более глухих, удаленных от главных путей районах, как, например, Мещера, куда пришельцы просачивались в меньшем числе и где, следовательно, ассимилятивные процессы проходили спокойнее. В то же время на Оке, в ее открытой, просторной долине, служившей в первую очередь дорогой распространения новых этнических групп, археологический материал показывает более резкую смену культур.

Палеоэтнографическая карта Волго-Окского края, хотя бы по векам, которой еще нет, но которая когда-нибудь будет составлена, без сомнения, даст очень пеструю картину расселения различных этнографических групп эпохи бронзы. Между прочим, этнография дает нам немало примеров подобного смешанного расселения различных племенных групп в пределах одной страны.

Таким образом, лесостепное тогда Окское Поволжье и Верхняя Волга на протяжении всей бронзовой эпохи были широкой зоной смешения, скрещения разноплеменного и разноязычного населения.

Пути этнического развития на рассматриваемой территории во II тысячелетии до н. э. представляются в следующем виде. Где-то у грани III и II тысячелетий до н. э. в Окском Поволжье на неолитическое охотничье-рыболовческое население, создавшее культуру с ямочно-гребенчатой керамикой, на древнюю, дофинно-угорскую волго-окскую гидронимику наслаивается пласт пришлого с востока населения с культурой волосовского типа, связанной в своем происхождении с историко-культурной областью приуральского, камского неолита и с возникшими на его основе энеолитическими племенами Среднего Поволжья. Эта восточная волна была в языковом отношении древнее волго-финской [1] и привела к возникновению древнейшей финно-угорской топонимики в Волго-Окском крае. Памятники волосовского типа, как было показано, распространились очень далеко на север и запад, вплоть до Балтийского и Белого морей. По справедливому предположению П. Н. Третьякова, вставшего на нашу точку зрения в этом вопросе, этим «движением камско-уральских племен на запад было положено начало волго-окским, северным и прибалтийским финно-угорским племенам. Западная и юго-западная границы их расселения, уже тогда, во II тысячелетии до н. э., приблизились к... северо-восточной границе балтийской гидронимики. В последующее время, судя по археологическим данным, каких-либо передвижений населения из камско-уральской области на восток не отмечалось» [2]. Тем не менее принесенные волосовскими племенами финские языки, выдержав все последующие иноязычные волны и проникновения, сохранились здесь как господствующие до времен первых русских летописей.

Таким образом, внедрения индоевропейских и, по-видимому, индоиранских поздняковских племен в этом отношении не сыграли решающей роли; они были менее многочисленны, постепенно ассимилировались и полностью растворились в местной финно-угорской среде. Но их роль в переходе древнего волго-камского населения к более интенсивным формам хозяйства — животноводству, земледелию, металлургии,— так же как, надо полагать, и к патриархальной форме семьи, была очень велика.

Если в первую половину II тысячелетия до н. э. древнее население всего Волго-Окского края развивалось под влиянием одних и тех же внутренних и внешних факторов и обладало относительно однородной культурой, то с середины тысячелетия эти общие пути разделились: из общей массы племен резко выделились большекозинские, сейминские племена Нижнего Поочья и Балахнинской низины, которым удалось сдержать агрессию племен поздняковской культуры и тем самым сохранить для себя и однокультурных им более восточных племен возможность самостоятельного развития на чирковско-сейминском этапе. В то время основ-

[1] *O. Bahder.* Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland.— SMYA. 59. 1. Helsinki, 1957.

[2] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. Доклад на Международном съезде славистов в Софии в сентябре 1963 г. М., 1963, стр. 10.

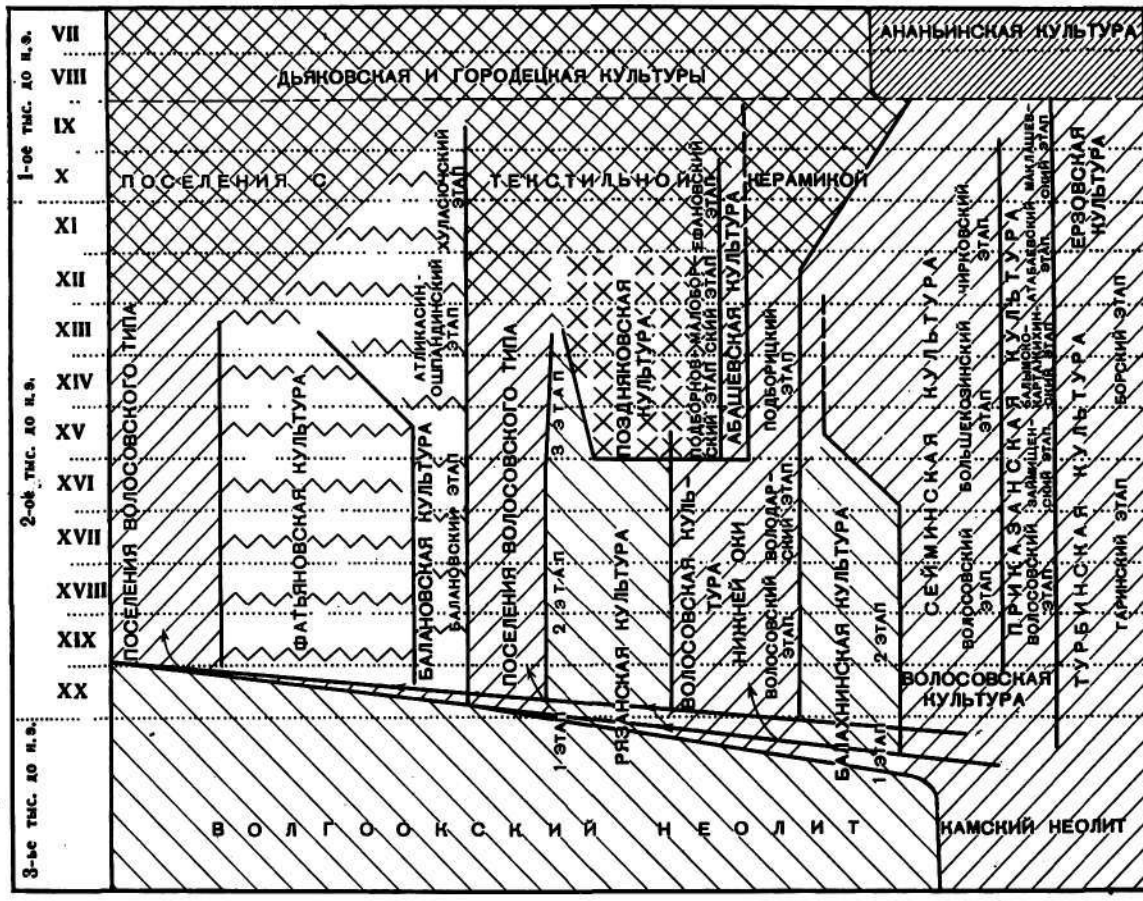


Рис. 90. Синхронистическая схема развития и движения различных культур в Волго-Окском крае в эпоху бронзы *

Построение схемы, в основном — хронологическое в соответствии с помещенной в ее левой части хронологической колонкой.

Схема отражает не только существование и развитие, но и движение древних племен, оставивших археологические культуры; поэтому она в известной мере ориентируется по странам света. Так, волгокамский неолит располагается правее, восточнее волгоокского, балахнинская культура — правее, восточнее рязанской, балановская — восточнее фатьяновской, ананьинская — восточнее дьяковско-городецкой.

Стрелками обозначено общее направление движения пришлых в волгоокский край культур: фатьяновской — с юго-запада, балановской — с юго-востока, поздняковской — с юга. Движение на запад носителей волосовской культуры волгокамского происхождения обозначено мощной стрелкой, так как волосовская культура, по мысли автора, наслоившись на культуру волгоокского неолита, составила в дальнейшем главный субстрат для развития последующих местных культур до дьяковской включительно и основную местную ассимилирующую среду для пришлых культур. По той же причине поселения волосовского типа, которые предстоит сгруппировать в несколько локальных культур, обозначены не один раз, а в нескольких местах схемы.

Штриховка обозначений культур бронзовой эпохи, возникших на базе волгоокского или волгокамского неолита, дана в соответствии со штриховкой обозначений этих неолитических культур, иллюстрируя основные генетические связи. Штриховка обозначений пришлых культур (фатьяновской, балановской, поздняковской) иная.

---

* Обозначение культуры поселений с «текстильной» керамикой и кремневым инвентарем, формирующейся на базе смешения всех более ранних культур, имеет и соответствующую штриховку. Возникшая на ее основе в начале железной эпохи культура городищ дьяковского и городецкого типа представлена с той же штриховкой и отделена лишь условной хронологической чертой; этим показано, что обе давно выделенные культуры по существу являются последующими этапами развития одной археологической культуры.

ная часть Волго-Окского края подверглась экспансии южных, поздняковских племен. На Оке они были многочисленными и наиболее своеобразными в культурном отношении; но на Верхней Волге и к северу от нее уже нет чисто поздняковских памятников, а только памятники с примесью их своеобразной культуры, черты которой проникли все же повсеместно и очень далеко на север и оказали заметное влияние на культуру местного, уже в значительной мере смешанного населения. Нельзя считать случайным общее совпадение территорий распространения поздняковских племен и возникновения культуры с «текстильной» керамикой. Лишь в конце II тысячелетия до н. э. поздняковские племена, видимо, прекращают свое существование, перемалываются в общем этногенетическом процессе, но элементы свойственной им культуры можно видеть еще на ранних городищах железного века.

Здесь необходимо остановиться на взгляде А. Я. Брюсова на поздняковскую культуру как на местную, генетически связанную с рязанской, балахнинской и волосовской культурами начала и середины II тысячелетия до н. э., возникшую в результате распространения земледельческо-скотоводческого хозяйства в условиях тесных контактов с более южными, в первую очередь срубными племенами[3]. В самое последнее время эта точка зрения получила поддержку в работах П. Н. Третьякова и А. Х. Халикова, взгляды которых на этот вопрос идентичны.

Вполне соглашаясь с аргументацией А. Я. Брюсова, в частности, с тем, что в поздняковской керамике, несмотря на ее сходство со срубной, имеются отчетливые элементы окского характера, П. Н. Третьяков обращает внимание на богатство ассортимента кремневых орудий в поздняковской культуре, что совсем не было свойственно срубной культуре. Тот же автор указывает, что «далеко не все заимствованные элементы в поздняковской культуре имели южное (срубное) происхождение; некоторые из них восходили к племенам абашевской культуры, основная территория которых находилась совсем недалеко от поречья Оки, а отдельные абашевские группы жили на берегах этой реки как раз накануне возникновения поздняковской культуры». Одним из таких элементов являются небольшие ребристые сосуды с округло-уплощенным дном, нередко богато орнаментированные. В связи с этим П. Н. Третьяков даже ставит вопрос о заимствовании погребального обряда поздняковцев не у срубных, а у абашевских племен[4].

Возражая А. Я. Брюсову, П. Н. Третьякову и А. Х. Халикову, следует прежде всего заметить, что, рассматривая вопросы происхождения тех или иных культур эпохи неолита и бронзы лесной полосы, необходимо сопоставлять между собой более ранние памятники, обычно наиболее характерные, расположенные там, где эта культура появилась, в данном случае памятники долины Оки, а не поздние, как например, Дикариха или поселения глухой Мещеры или Костромщины, материальная культура которых отражает более или менее длительный процесс ассимиляции поздняковцев местной культурной средой.

Древнейшие поздняковские памятники окской долины во Владимирской и Рязанской областях, такие, как Поздняковское, Велетьминское, Подборновское поселения и Мало-Окуловские курганы, расположенные в районе, где в Оку впадают ее правые притоки, берущие начало далеко на юге (Проня, Мокша, Тёша), имеют наиболее яркий срубный характер и меньше всего имеют местных культурных черт. Появление их в указанных районах лесостепного Поочья можно объяснить только как результат прихода сюда обитавших сперва южнее племен, представлявших собой одну из северных групп племен обширной срубной историко-культурной области. Эта точка зрения разделялась и разделяется также А. А. Спициным, Б. С. Жуковым, Б. А. Куфтиным, А. В. Збруевой, Т. Б. Поповой, Н. Я. Мерпертом и другими. Например, Мало-Окуловский курганный могильник, как упоминалось выше, некоторые из указанных авторов расценивают даже как не поздняковский, а чисто срубный (и никак не близкий абашевским могильникам). Лишь на втором этапе поздняковская культура приобретает гибридный характер.

Древнейшие поздняковские памятники появляются внезапно, не несут в себе убедительных свидетельств длительной эволюции на местной основе и говорят о появлении на Оке чуждых ей этнических групп. И уже отсюда поздняковцы (видимо, как и «срубники», индоиранцы по языку) постепенно проникли далеко в глубь Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья, в финно-угорскую среду. И чем дальше на север, и чем позднее их памятники, тем больше и больше они включают местных элементов и тем больше и больше теряют свои наи-

[3] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[4] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 131, 132.

более яркие поздняковские черты, свойственные древнейшим памятникам долины Средней Оки. Именно этот ассимилятивный процесс, притом очень сложный и не везде одинаковый, и отражают памятники типа Дикарихи близ Плещеева озера и Сокольского II поселения в Костромской области, на которые ссылается П. Н. Третьяков [5].

Движение поздняковцев на Оку, по-видимому, происходило параллельно и одновременно с движением полтавкинских племен в районы Приказанья. И там, так же как на Оке, мы находим группу относительно ранних поселений (например, Зеленовское II, верхний слой Гулькинского, Степное озеро и аналогичные им), представлявших еще памятники срубного населения на начальной стадии смешения его с местными племенами. Только после прихода срубных племен на Нижнюю Каму и в смежные районы Средней Волги началось смешение их с местным населением и формирование приказанской культуры со свойственными ей специфическими чертами.

Пожалуй, главный довод, приводимый против принадлежности поздняковской культуры к числу культур срубного типа,— это развитый поздняковский кремневый инвентарь, не свойственный срубной культуре, а также некоторые местные волго-окские черты в этом инвентаре. Но решающим фактором являются такие сложные элементы культуры, как орнаментированная керамика, устройство жилища и погребальный обряд. Что же касается кремневого инвентаря, то он действительно присущ поздняковской культуре — одной из северных локальных культур обширной и достаточно разнородной срубной историко-культурной области. Поздняковские племена представляли собой периферийную группу срубного населения, удаленную от источника металлургического сырья, что неизбежно должно было привести к относительному богатству инвентаря каменных орудий. Поздняковцы первыми соприкоснулись с рыболовческо-охотничьими племенами окского бассейна еще в районах, лежащих к югу от долины Оки, и успели воспринять от них некоторые формы каменных орудий и приемы их изготовления.

На поздняковских поселениях встречаются кремневые орудия волосовских типов и ряд широко распространенных форм. Но в целом комплекс каменных орудий поздняковской культуры безусловно своеобразен.

В последнее время становится все более ясным, что для решения этногенетических вопросов первобытности наиболее перспективен не каменный инвентарь орудий, а орнаментация керамики, форма сосудов и типы построек [6]. Что же касается инвентаря каменных орудий, то он в этническом плане мало специфичен; например, «волосовский» инвентарь появился в Волго-Окском крае не с приходом волосовцев, а значительно раньше, еще на льяловском этапе неолита, и существовал очень долго в культурах, различных по керамике и другим признакам.

П. Н. Третьяков также придает керамике как этническому признаку очень большое значение. В то же время он признает сходство поздняковской керамики со срубной и говорит лишь об «элементах окского характера» в этой керамике.

В нескольких новейших работах не раз затрагивалась и абашевская проблема, в связи с этим вернусь коротко и к ней, точнее, к проблеме происхождения этой культуры.

В своей последней монографии П. Н. Третьяков справедливо отмечает, что мысль А. П. Смирнова о сложении абашевской культуры в результате синтеза балановских элементов с элементами степной срубной культуры не находит подтверждения; тем более, что абашевская культура возникла не позднее срубной, а одновременно с ней или даже несколько раньше [7]. В подтверждение этой мысли К. В. Сальников категорически отрицает существование какой-либо связи между абашевской и срубной культурами [8].

Одновременно А. Х. Халиков в своей диссертации пришел к выводу, что «на всем протяжении развития абашевской культуры в Среднем Поволжье не отмечается каких-либо следов включения в ее среду культурных черт, характерных для других культур края, как и наоборот. Это, очевидно, объясняется замкнутостью абашевских племен и их враждебностью к окружающему населению» [9]. С таким выводом, однако, нельзя согласиться.

Абашевские племена жили в бассейне Оки, в Среднем Поволжье и в Приуралье одновременно с волосовскими, сейминскими, турбинскими, приказанскими, балановскими, фатья-

[5] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч.

[6] *В. П. Третьяков.* Неолитические племена Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 8.

[7] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 99.

[8] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

[9] *А. Х. Халиков.* Среднее Поволжье в эпоху неолита и бронзы. Автореф. докт. дисс. Казань, 1966, стр. 24.

новскими, поздняковскими, срубными, андроновскими и другими племенами, жили в их окружении и по соседству и независимо от взаимоотношений с ними не могли остаться совершенно изолированными. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные находки абашевских вещей на памятниках всех или почти всех названных культур; не буду перечислять эти находки. Сам же А. Х. Халиков в этой же работе отмечает, что культурные особенности ранних абашевских памятников «во многом близки культуре раннесрубных памятников типа Покровских курганов»[10]. Как уже указывалось, абашевская керамика, в целом своеобразная, в каждом из районов своего распространения включает элементы соседних культур; особенно значительное место занимают в ней орнаментальные мотивы, свойственные балановской культуре, на чем детально остановился К. В. Сальников[11]. Абашевская керамика имеет общие черты со среднеднепровской керамикой из Гатного, которая, по П. П. Ефименко и П. Н. Третьякову, могла быть предшествующей абашевской керамике[12]. Выше указывалось также на ряд общих форм в металлических изделиях, особенно сближающих абашевскую культуру с турбинской (стр. 65). Без перечисленных аналогий вообще было бы невозможно определить место абашевской культуры среди культур эпохи бронзы на Русской равнине и датировать ее.

В новейших работах П. Н. Третьяков[13] продолжает отстаивать свою гипотезу о возникновении абашевской культуры в области, лежащей на восток от Среднего Днепра, в условиях контакта со среднеднепровской культурой, а А. Х. Халиков[14] продолжает придерживаться своей гипотезы о формировании абашевской культуры на позднеямной основе. К. В. Сальников допускает первоначальное продвижение из области Среднего Днепра на Среднюю Волгу какой-то группы племен, имевших, по-видимому, фатьяновско-среднеднепровский облик, но, по его мнению, только смешение их с аборигенами привело к формированию абашевской культуры; смешанный антропологический состав абашевцев подтверждает эту гипотезу, так же как и формы абашевских сосудов, которые можно представлять как завершение развития местных неолитических и энеолитических форм керамики[15]. Автор ссылается и на мою мысль о большой роли волосовского компонента в сложении абашевской культуры, но придерживается мнения, что не только волосовская, но и балахнинская и другие местные позднеолитические и раннебронзовые культуры вошли в состав абашевской культуры. Аналогично протекал процесс формирования абашевской культуры и в Приуралье, и в Башкирии. Доказательства ее связи с местным энеолитом увеличиваются с каждым годом. Автор отмечает, что нередкое в абашевских могильниках вытянутое на спине положение костяков очень характерно для более ранних местных погребений, и указывает, что крупнозубый штамп на средневолжской абашевской керамике был, видимо, заимствован у волосовцев, как и раковинная примесь к глиняному тесту сосудов. В итоге К. В. Сальников формулирует следующий вывод: в северной части междуречья Дона, Оки и Волги, где имеются предабашевские памятники всех компонентов ее сложения, протекали первые этапы этого процесса еще в конце первой половины II тысячелетия до н. э. Отсюда группы формирующихся абашевцев проникли, с одной стороны, в Чувашию и, возможно, на Верхнюю Волгу, с другой — в Приуралье. В обоих этих районах в середине II тысячелетия до н. э. заканчивалось сложение культуры абашевских племен; на протяжении третьей четверти этого тысячелетия абашевцы составляли значительную часть местного населения[16].

Гипотеза К. В. Сальникова в целом совпадает с моей: абашевская культура и ее население — это сложный культурный и антропологический сплав пришельцев с местными элементами, среди которых преобладают волосовские. При этом пришлые элементы иллюстрируют очень далекие связи пришельцев; так, в керамике, в особенности в ее орнаментации, можно усматривать даже черты культуры колоколовидных кубков, на что впервые обратил внимание П. П. Ефименко. Близость абашевской культуры и турбинской особенно ярко сказывается в абашевской металлургии, базирующейся на тех же месторождениях металлургического сырья, воспринявшей ряд турбинских форм изделий и давшей ей некоторые свои. Пришлое, чуждое население не могло бы так

[10] *А. Х. Халиков.* Среднее Поволжье в эпоху неолита и бронзы, стр. 23, 24.
[11] *К. В. Сальников.* Абашевская культура на Южном Урале.— СА, т. XXI, 1954.
[12] *П. П. Ефименко* и *П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье.— МИА, 97, 1961.
[13] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.
[14] *А. Х. Халиков.* Среднее Поволжье в эпоху неолита и бронзы.
[15] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
[16] Там же.

быстро наладить в новой стране столь развитую металлургию.

В дальнейшем абашевские племена, как и население других культур бронзовой эпохи Волго-Камья, были поглощены в общем этногенетическом процессе при образовании позднейших культур, легших в основу культур железного века, но оставили в них хорошо различимые следы. «Абашевские формы металлических украшений, обильно покрывавшие женскую одежду, получили дальнейшее развитие в ананьинской культуре, а позднее у племен Прикамья и Поволжья в I—II тысячелетии н. э. Их элементы... дожили до современности в национальной одежде марийского, чувашского и мордовского народов» [17].

На протяжении всей эпохи бронзы финно-угорские языки, появившись в Окском Поволжье и во всем Волго-Окском крае вместе с обитателями поселений волосовского типа, развивались, включали в себя инородные элементы и в конечном счете возобладали над остальными, сохранив господствующее положение вплоть до расселения восточнославянских племен, но вместе с тем и значительную пестроту, обусловленную отчасти неоднородностью субстрата и главным образом характером последующих примесей, не везде однозначных и неравномерных. Эти языки даже в эпоху бронзы не могли быть однородными на всем обширном пространстве Волго-Камья, что подтверждается и данными археологии, рисующими возникновение и длительное существование различных локальных культур.

Прежде всего не могли быть однородными племена с культурой волосовского типа, ибо они расселились на огромных пространствах от Урала до Балтики и взаимодействовали на различных территориях с различной этнокультурной средой. Поселения волосовского типа, образуя обширную историко-культурную область, без сомнения, в дальнейшем будут подразделены на несколько локальных культур; но это еще не сделано, поэтому я и избегал в этой работе термина «волосовская культура», предпочитая ему термин «поселения волосовского типа».

Но я не употреблял еще двух аналогичных терминов, связанных с нижнеокскими культурными образованиями середины и конца II тысячелетия до н. э., предпочитая и им термины «поселения большекозинского типа» и «поселения чирковско-сейминского типа». Дело в том, что они (начиная от раннего, волосовского этапа) очень тесно связаны друг с другом непрерывной генетической линией развития. В этой цепи они выглядят как преемственно связанные этапы развития единой локальной культуры, которую по аналогии с родственной ей турбинской можно назвать сейминской культурой.

Понятие сейминской культуры является спорным, а в последних работах А. Х. Халикова и вопрос о приуроченности Сейминского могильника к определенной группе нижнеокских поселений решается по-другому, чем решаю его я. Поэтому считаю нужным особо остановиться на этих спорных вопросах.

Вряд ли подлежит сомнению высказанное мной еще в 1953 г. положение, что Сейминский могильник, столь близкий могильникам турбинского типа в Прикамье, должен был явиться продуктом родственной приуральской, турбинской культурной среды, основу которой на Оке представляла волосовская культура [18]. Именно с последней так или иначе должна была связываться сейминская локальная культура, родственная турбинской локальной культуре в Прикамье.

В последние годы А. Х. Халиков, как он думает, нашел такую культуру и назвал ее чирковско-сейминской, тем самым относя к ней и Сейминский могильник. Я не возражаю против выделения этой культуры, но считаю ее несколько более поздней, а Сейминский могильник сопоставляю с более ранними поселениями, тесно связанными с финально-волосовским, подобно тому как могильники турбинского типа на Каме связаны с позднегаринскими поселениями, столь близкими волосовским по культуре. Поэтому от названия чирковско-сейминской культуры нужно отнять часть «сейминская» и назвать ее чирковской или лучше чирковским этапом локальной сейминской культуры. Конечно, эта культура в целом еще далеко не ясна, особенно ее начальный этап, который может включать поселения волосовского типа, но может и не включать их.

С моей точки зрения, А. Х. Халиков делает ошибку, определяя начало своей чирковско-сейминской культуры XVI в. до н. э. и опираясь при этом на материал исследованного им поселения Галанкина Гора. Керамика последнего относилась к 195 сосудам, из которых 136 являются поздневолосовскими, 49 балановскими и только 10 несут черты смешения особенностей, свойственных этим двум культурам [19].

[17] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 101.

[18] *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ КАЭ (1947—1952).— УЗ ПГУ, т. IX, вып. 3. Харьков, 1953.

[19] *А. Х. Халиков.* Основные проблемы изучения эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье. Доклад в секторе неолита и бронзы ИА АН СССР 3.IV 1965 г.

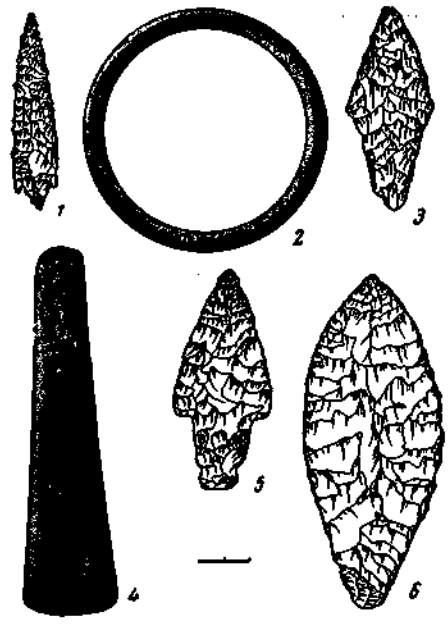


Рис. 91. Кремневые наконечники (*1*, *3*, *5*, *6*); каменное полированное кольцо (*2*) и медно-бронзовый клиновидный топор (*4*) из Пировского поселения волосовского типа на Клязьме (раскопки В. В. Седова). Хранятся во Владимирском музее-заповеднике

Можно ли при таком положении поселение Галанкина Гора относить к новой культуре? Думается, нельзя. На нем жили и волосовцы, и балановцы, ассимилятивный процесс между ними был лишь в зачаточной фазе, и до сложения новой, целостной своеобразной культуры было еще далеко.

В 1960 г. сам А. Х. Халиков справедливо указывал, что процесс смешения позднеолитической культуры с балановской «происходил в течение длительного времени, по крайней мере на протяжении всей третьей четверти II тысячелетия до н. э., и завершился лишь в последней четверти II тысячелетия до н. э., когда появляются памятники с чистым содержанием чирковско-сейминской керамики»[20]. Именно эта первоначальная точка зрения автора полностью поддерживается мною; чирковский керамический комплекс вообще имеет очень поздний облик.

На Сейминской дюне чирковская керамика имеет характер уже вполне сложившегося, целостного комплекса и, следовательно, должна быть отнесена к последней четверти II тысячелетия до н. э. или к концу третьей четверти. Таким образом, культурный слой с чирковской керамикой не мог предшествовать могильнику, он образовался здесь после того, как могильник перестал существовать.

Чирковская керамика с Сейминской дюны, несомненно, связана с культурным слоем поселения, а не с погребениями, как допускают некоторые ученые, начиная с В. А. Городцова[21]. Сейминский могильник по инвентарю и особенностям захоронений близок камским могильникам турбинского типа, погребальный ритуал которых исключал керамику. По свидетельству А. М. Конева, участника всех дореволюционных раскопок в Сейме, лишь в четырех случаях были сделаны находки маленьких, изящных сосудиков, причем около могильных пятен и человеческих костей. Эти сосуды в могилах, так же как самое появление их на поселениях большекозинского типа, следует расценивать как результат балановского влияния.

Довольно хорошая, во всяком случае наилучшая, сохранность крупных фрагментов чирковской керамики в культурном слое на Сейминской дюне объясняется не только тем, что она ближе нам по времени, чем другие группы керамики, но и тем, что в последующее время дюна не использовалась больше ни для поселения, ни для погребений, и эта керамика лежала в земле нетронутой, в том виде, как она была оставлена чирковцами.

Возникая на основе нижнеокской группы поздневолосовских племен (включая нижнеклязьминские) еще в первой половине II тысячелетия до н. э., сейминская локальная культура в своем развитии переходит в XVI—XV вв. до н. э. к своему второму, большекозинскому этапу, к которому относится Сейминский могильник. Близость Сейминского могильника поселениям большекозинского этапа иллюстрируется близким сходством найденных в могилах круглодонных сосудиков аналогичным сосудикам из большекозинских стоянок (см. рис. 89) и тем обстоятельством, что чирковско-сейминский керамический комплекс в культурном слое Сейминской дюны, относимый А. Х. Халиковым к раннему этапу выделенной им чирковско-сейминской культуры, появился здесь после того, как исчез могильник и место его было забыто. В то же время поселения волосовского этапа в тех же районах (например, Пировское поселение на Нижней Клязьме) убедительно показы-

[20] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— «Тр. МАЭ», т. I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 127.

[21] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. *Он же.* Бронзовый век на территории СССР.— БСЭ, изд. 1, т. 7, 1927.

вают, что некоторые формы материальной культуры, специфически свойственные погребальному инвентарю Сейминского могильника (например, двухшипные кремневые наконечники стрел с коротким треугольным черешком, плоские полированные каменные кольца), бытуют уже в волосовское время (рис. 91).

Двушипные черешковые стрелы, столь типичные для Сейминского могильника, как явствует из современной литературы, появляются не ранее середины II тысячелетия до н. э., что помогает датировать и Сейминский могильник. Таких стрел много в Пешкинском раннеабашевском кургане. Они хорошо представлены в Покровском курганном могильнике срубной культуры, датируемом также XV в. до н. э. В поселениях волосовского типа они очень редки: два таких наконечника найдены на Володарском поселении; единичные экземпляры обнаружены на поздневолосовском Пировском поселении.

Однако комплекс кремневых орудий Сейминского могильника является своеобразным и не найден в целом ни на одном из более или менее синхронных поселений Нижней Оки и смежных территорий. Этот факт служит серьезным препятствием для объединения Сейминского могильника с поселениями. В известной мере то же самое можно сказать и о Турбинском могильнике на Каме.

При современном состоянии археологической изученности бассейнов Нижней Оки и Средней Камы уже маловероятно открытие древних поселений, весь комплекс каменного инвентаря которых в точности соответствовал бы каменному инвентарю Сейминского и Турбинского могильников. Поэтому некоторые формы каменного инвентаря этих могильников следует считать традиционными ритуальными формами, применявшимися в погребальном ритуале. Эти формы, как и формы большей части бронзовых изделий и нефритовые кольца, по-видимому, имеют в конечном счете зауральское происхождение. О связях же каменного инвентаря могильников (в частности, Сейминского могильника) с инвентарем поселений приходится судить по совпадению лишь отдельных форм изделий из камня, как, например, по упомянутым выше двушипным наконечникам стрел с треугольным черешком и каменным плоским полированным кольцам.

Материальная культура поздневолосовского этапа намечаемой сейминской локальной культуры во многом близка материальной культуре гаринского этапа турбинской локальной культуры (см. рис. 5), а турбинская культура на борском этапе имеет общее сходство с сейминской культурой на большекозинском этапе (керамика типа Б балахнинских стоянок)[22]. Это общее сходство не подлежит сомнению. В целом сейминскую и турбинскую локальные культуры необходимо считать родственными и отнести к одной и той же историко-культурной области. Этим следует объяснять и проникновение к сейминским племенам многочисленных бронзовых изделий, относящихся, как и турбинские, к зауральским типам.

Территория сейминской локальной культуры на ее большекозинском этапе, т. е. во время существования Сейминского могильника, была сокращена на западе нашествием поздняковских племен.

Будущие исследования, надо полагать, увеличат число локальных культур сейминско-турбинской историко-культурной области и уточнят их границы. Уже сейчас есть основания говорить о причислении к этой культурной области галичской и, вероятно, печорско-вычегодской галовской локальных культур.

Этнически население всех локальных культур этой области было, без сомнения, финно-угорским. Оно включало, конечно, предков волжских финнов, тогда как население соседней историко-культурной области — племен с «текстильной» керамикой — включало предков окских финнов и еще какие-то более западные финские племена. Вопрос о том, можно ли видеть в племенах турбинской локальной культуры прямых предков пермско-финского населения Прикамья, осложнен позднейшей экспансией из-за Урала в период становления ананьинской культуры.

Нарисованная здесь по археологическим данным картина находит наиболее близкую поддержку в лингвистических работах Б. А. Серебренникова. Используя данные языка и других дисциплин, он относит первую волну переселенцев с Урала на Европейский Север к очень раннему времени и считает саамов возможными потомками этого древнейшего населения Севера. «Позднее в районе Волго-Окского междуречья и в районе Приуралья складываются более или менее компактные этнические общности, которые можно было назвать волго-окской, бореальной и уральской. В результате натиска с юга происходит миграция волго-окского населения по направлению к северу и к северо-востоку»[23]. Здесь имеется в виду заселение Севера неолитическими племенами с ямочно-гребенчатой керамикой. «Волго-окское население проникает в Карелию, заселяет оттуда западное и южное по-

[22] *O. Bahder.* Kulturen der Bronzezeit.... abb. 7.

[23] *Б. А. Серебренников.* Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР.— «Вопросы языкознания», 1955, № 6, стр. 31.

бережья Белого моря, а также южную часть Кольского полуострова, бассейн реки Сухоны, Северной Двины и Мезени; оно продвигается в нижнее течение Вычегды» и еще дальше. «В результате консолидации уральской этнической общности происходит экспансия предков финно-угров на запад. Финно-угры проникли на запад, ассимилировали часть волго-окского населения. Вследствие этой ассимиляции возникают новые финно-угорские народы, существующие и сейчас. В это время, очевидно, происходит частично вторая колонизация волго-окского населения на север» [24]. Последней экспансии археологически соответствует распространение на запад и северо-запад волосовских племен, а позднее и населения с «текстильной» керамикой.

Как легко убедиться, картина, нарисованная одним из наших ведущих языковедов, согласуется с основными выводами настоящей работы.

Систематические археологические исследования крупных территорий и в большом хронологическом диапазоне, позволяющие бросить ретроспективный взгляд от этнически достоверных культур вглубь на сотни и тысячи лет, делают возможным решение больших и трудных этногенетических проблем, но лишь в сочетании с данными палеоантропологии и этнографии, истории и языкознания и даже естествоведческих наук, таких, как палеогеография и науки, устанавливающие абсолютный возраст памятников.

[24] *Б. А. Серебренников.* Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР.

Е. Н. Черных

Спектроаналитическое изучение металла Сеймы и Турбина

В 1956 г. в печати появилась интерпретация единичных спектральных анализов металла Сеймы, Турбина, Усть-Гайвы и копья из Подгремячинского местонахождения, выполненная Ю. М. Абрамовичем[1]. Автор принципиально верно отвергал возможность выплавки из руд медистых песчаников металла, пошедшего на изготовление изученных изделий, и предполагал его получение из некоторых зауральских руд.

За прошедшие 10 лет накопление анализов проходило в более быстром темпе. В плане общих работ над древнейшей металлургией Восточной Европы лабораторией спектрального анализа ИА АН СССР выполнено 62 анализа предметов из коллекции Сейминского могильника и 84 — Турбинского. При этом спектрально исследованное собрание металлического инвентаря последнего охватывает сборы С. И. Сергеева 1890 г., раскопки А. В. Шмидта 1926—1927 гг., Н. А. Прокошева 1934—1935 гг. и О. Н. Бадера 1958—1960 гг. Таким образом, материал исследован весьма полно.

Результаты изучения будут изложены ввиду недостатка места почти с тезисной краткостью. В статье будут освещены три пункта: во-первых, членение металла Сеймы и Турбина на металлургические и химические группы, во-вторых, попытка установить для отдельных групп исходные рудные источники или исходные районы производства металла, металлургические связи сейминцев и турбинцев и их взаимоотношения, в-третьих, некоторые выводы общеисторического характера.

Сейма. Все 62 изученных нами предмета изготовлены из различных сплавов на медной основе. Статистическая обработка аналитических данных показывает (рис. 1), что металл Сейминского могильника не един и образует ряд металлургических и химических групп. Под химической группой мы понимаем металл, происходящий из одного рудного источника. Металлургическая же группа объединяет изделия, металл которых легирован однородной примесью, например: оловом, мышьяком, сурьмой и т. д. Изделия, легированные естественным порядком,

[1] *Ю. М. Абрамович.* К вопросу о происхождении металлургического сырья в Прикамье во втором тысячелетии до н. э.— УЗ ПГУ, т. XI, вып. 3. Харьков, 1956.

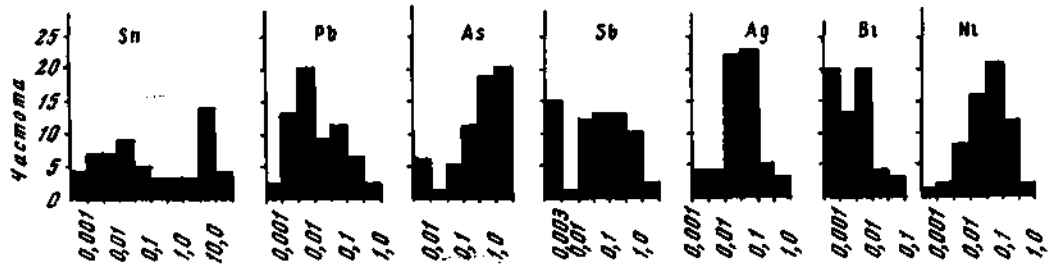


Рис. 1. Частотные гистограммы распределения концентраций диагностических примесей в меди Сеймы

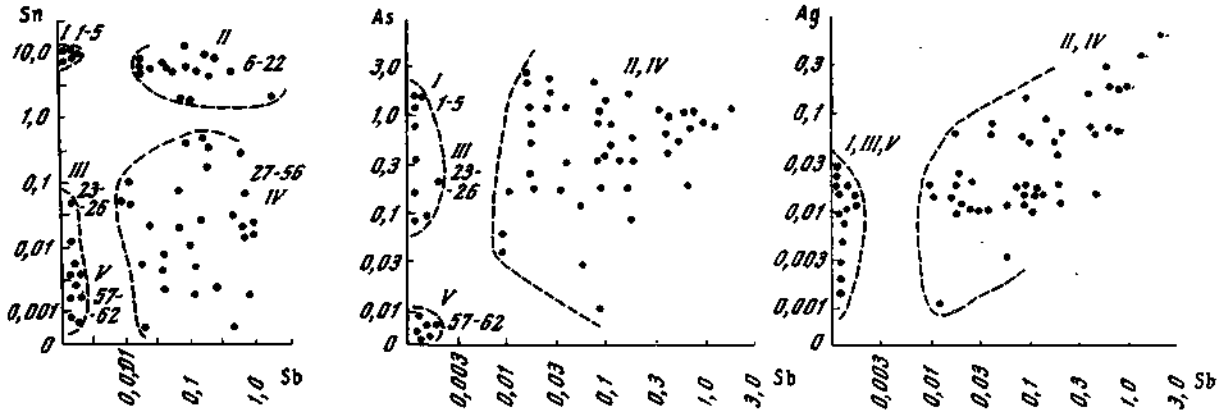


Рис. 2. Графики корреляционной зависимости концентраций некоторых примесей в меди Сеймы (римскими цифрами обозначены номера химических групп, арабскими — номера анализов)

образуют одну металлургическую группу. Методы членения на группы металлургические и химические нами уже излагались в печати[2].

В металле Сеймы отмечаются две металлургические группы: группа оловянистых бронз (22 предмета, содержание олова от 1,8 до 11%, анализы № 1—22) и группа естественных сплавов (анализы № 23—62). В металле последних довольно часто отмечаются примеси мышьяка и и сурьмы в концентрациях выше 1%, но доказать искусственный характер последних затруднительно.

Корреляционные графики (рис. 2) некоторых пар элементов показывают, что сейминский металл делится на пять химических групп. Причем наблюдается определенная связь между металлургическими и химическими группами. I и II группы (анализы № 1—5 и № 6—22 соответственно) входят в металлургическую группу оловянистых бронз, III—V группы (анализы № 23—26, № 27—56 и № 57—62 соответственно) наполняют группу естественных сплавов. Таблица 1 дает представление об интервалах концентраций важнейших примесей в сейминском металле.

В основных чертах близки между собой II и IV группы. Однако пониженные содержания в последней свинца и висмута не позволяют отождествлять их безоговорочно, хотя и не исключено, что эти элементы могли быть внесены в медь вместе с оловом. Но это нам помогут разрешить дальнейшие исследования более широкого материала смежных культур. Здесь же мы ограничимся сказанным[3].

[2] *Е. Н. Черных.* Исследования состава медных и бронзовых предметов методом спектрального анализа.— СА, 1963; № 3; *он же.* О некоторых методах установления рудных источников для древнейшего металла.— ИАН Арм. ССР, т. XVIII, № 3—4, 1965.

[3] В нашей монографии «Древнейшая металлургия Урала и Поволжья» на огромном материале было установлено, что Pb и Bi действительно попадали в медь вместе с искусственным приплавом. Вот почему II и IV группы мы должны считать единой (химически). Кроме того, в монографии для удобства числовые обозначения групп изменены на

ТАБЛИЦА 1

Группа	№ анализов	Sn	Pb	Ag	As	Sb	Bi	Ni
I	1—5	9—11	0,015—0,16	0,001—0,03	0,08—1,3	—	0,0025—0,035	0,0003—0,01
II	6—22	1,8—11	0,007—0,8	0,01—0,5	0,16—1,4	0,016—1,8	0,0007—0,045	0,012—0,33
III	23—26	0,0008—0,04	0,002—0,006	0,02—0,04	0,09—1,8	—	0—0,004	0,012—0,08
IV	27—56	0,0005—0,4	0—0,05	0,01—0,4	0,01—2,7	0,01—1,4	0—0,008	0,004—0,45
V	57—62	0,0007—0,012	0—0,016	0,01—0,015	0—0,01	—	0—0,0007	0,005—0,007

ТАБЛИЦА 2

Группа	№ анализов	Sn	Pb	Ag	As	Sb	Bi	Ni
I	1—12	4,1—14,5	0,001—0,5	0,001—0,2	0,01—1,2	0—0,005	0,005—0,022	0,001—0,1
II	13—17	5—14,5	0,07—0,4	0,27—1,0	0,09—0,38	0,025—0,17	0,002—0,025	0,004—0,018
III	18—27	0,006—1,0	?—0,022	0,5—>10	0,16—1,7	0—0,01	0—0,0015	0,0025—0,08
IV	33—79	0—0,06	0—0,008	0,03—0,27	0,04—4,5	0—0,02	0—0,006	0,002—0,4
V	79—83	0—0,002	0—0,002	0,03—0,27	—	—	—	0,001—0,003

Распределение отдельных находок по металлургическим и химическим группам ясно из приводимых рисунков (рис. 3, 4).

Турбино. Из 84 проанализированных предметов в четырех случаях установлено, что основой сплава является серебро (анализы № 28—31). Металл копья (анализ № 32) представляет собой сплав меди и серебра в примерно равных концентрациях. Все эти пять изделий мы выделяем в особую металлургическую группу билоновых изделий. Прочие 79 изделий изготовлены из сплавов на медной основе или из достаточно чистой меди. Статистический анализ данных показал, что турбинский металл неоднороден (рис. 5). Здесь, так же как и в Сейме, медные и бронзовые изделия распадаются на две металлургические группы: оловянистые бронзы и сплавы, легированные естественным образом. Оловянистые бронзы, где содержание олова колеблется от 4,1 до 14,5%, представлены 17 предметами. Так же как и в Сейме, металл подразделяется на пять химических групп, на что указывают корреляционные графики (рис. 6). Однако в отличие от сейминского металла здесь выделяется так называемая промежуточная группа вторичного смешанного металла, происходящая, по-видимому, из лома металла всех основных металлургических и химических групп. В ее химической характеристике, как в зеркале, отразились все ведущие черты этих групп. По серебру, олову и отчасти мышьяку (ведущая примесь IV химической группы) анализы 10 изделий III промежуточной группы занимают в основном переходное положение между всеми группами, почему мы и отделили эти изделия от прочих.

В таблице 2 мы обозначили интервалы концентраций ведущих примесей в турбинской меди.

Металл серпа-ножа из-за отсутствия в нем серебра резко отделяется от всего турбинского металла, почему он и не включен в настоящую таблицу (анализ № 84) [4].

Структурно, как мы видим, членение турбинского металла напоминает по некоторым важным деталям сейминское. Здесь мы отмечаем две металлургические группы (исключая серебряно-

буквенные. В сейминском металле новые обозначения будут таковы:
I — СТ (сейминско-турбинская);
II и IV — ВК (волго-камская);
III — ТК (таш-казганская);
V — МП (медистых песчаников).

[4] Новые (буквенные) обозначения групп турбинского металла будут таковы:
I — СТ (сейминско-турбинская),
II и Тр II (турбинская II);
III и Тр III (турбинская III);
IV — ТК (таш-казганская);
V — МП (медистых песчаников).

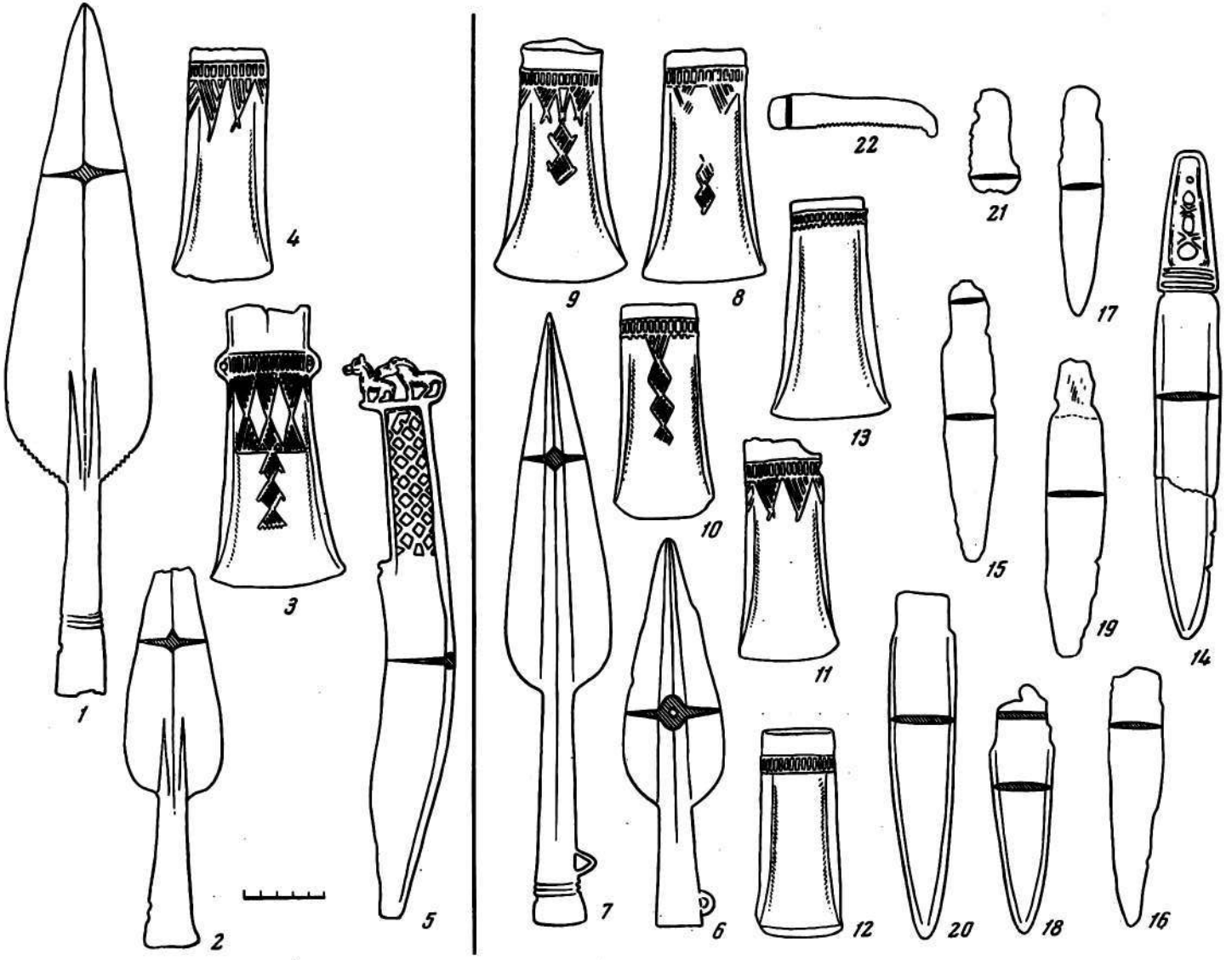


Рис. 3. Исследованные предметы Сейминского могильника (I и II группы)
Цифра под предметом здесь и далее обозначает номер анализа

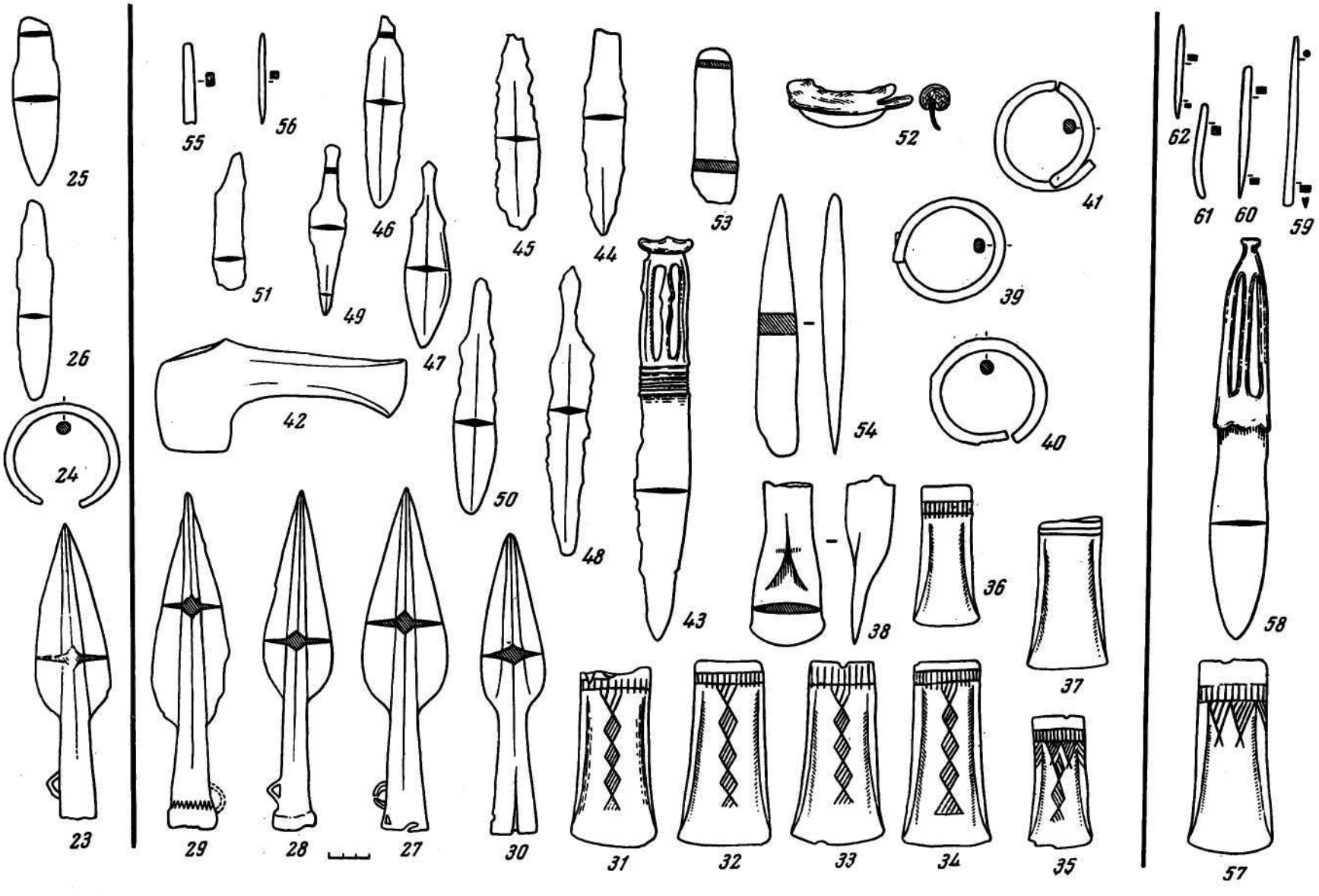


Рис. 4. Исследованные предметы Сеймпнского могильника (III, IV и V группы)

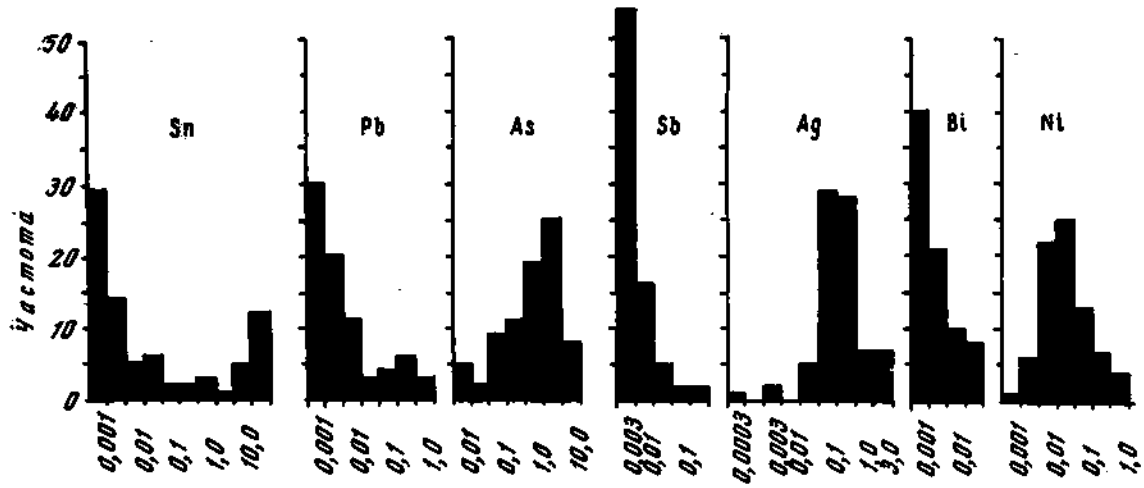


Рис. 5. Частотные гистограммы распределения концентраций диагностических примесей в меди Турбина

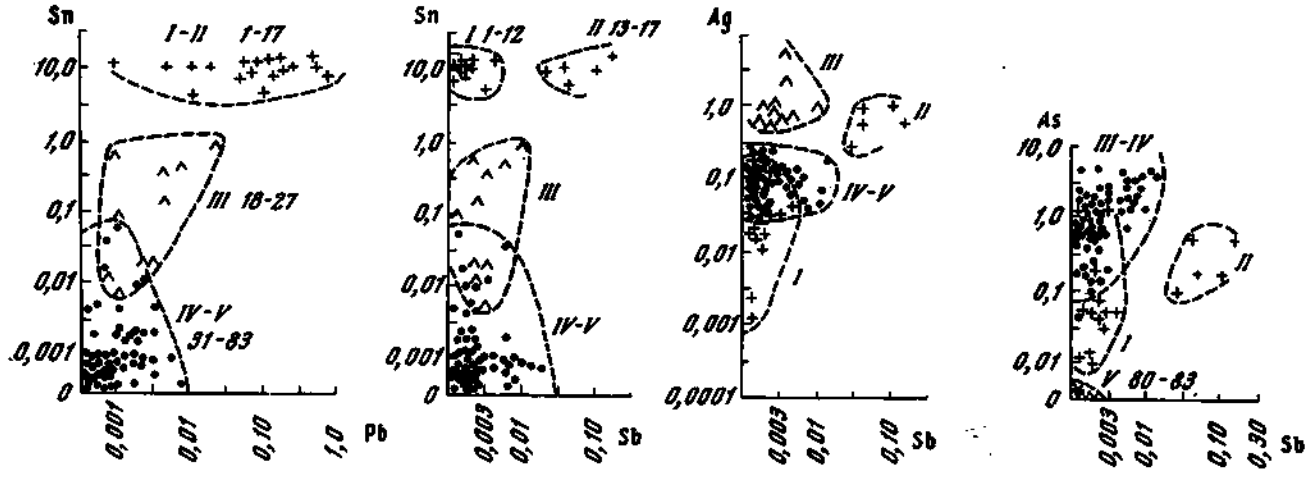


Рис. 6. Графики корреляционной зависимости концентраций некоторых примесей в меди Турбина (римскими цифрами обозначены номера химических групп, арабскими — номера анализов)

медные сплавы). Группа оловянистых бронз делится на две химические группы.

Распределение отдельных находок по химическим и металлургическим группам представлено на рисунках 7 и 8, где мы, как и для Сеймы, изобразили все проанализированные предметы.

Разделив металл Сеймы и Турбина на исходные химические группы, сравним их между собой с целью выявления тождественных совокупностей. Первое, что вызывает сильное удивление,—несоответствие большинства групп Сеймы и Турбина между собой. Сходным оказывается металл лишь небольшой части коллекций, а именно: I группы Сеймы и Турбина, как это показывают совпадения ареалов рассеивания точек на ряде корреляционных графиков (рис. 9), и группа III Сеймы (4 предмета) соответствуют IV, самой многочисленной (47 предметов) группе Турбина (сравните интервалы концентраций диагностических примесей). II группы Сеймы и Турбина, как это видно из сравнений ареалов рассеивания точек на корреляционном графике (см. рис. 9), несходны. Также не отвечают друг другу самые большие IV группы могильников. Таким образом, в сейминской коллекции менее четверти предметов соответствуют по своему химизму турбинскому металлу (15 предметов из 62) (см. табл. 3). В целом металл Сеймы и Турбина четко отличается друг от друга своими рудными источниками.

Для установления исходных источников, районов производства металла или металлургических связей Сеймы и Турбина с соседними или отдаленными культурами продолжим наши сравнения химического состава изученного металла. Сравнительно недавно при публикации анализов меди абашевской культуры [5] мною было высказано предположение, что часть абашевского металла (группа мышьяковистой меди) тождественна многочисленным изделиям из Турбина, металл которых по своей химической характеристике даже при визуальном сравнении оказывался сходным с абашевским. Накопление аналитических данных по абашевскому металлу шло в основном за счет приуральского и зауральского вариантов культуры, где был исследован металл таких памятников, как Верхне-Кизыльский клад, Мало-Кизыльское селище, селища Урняк, Баланбаш, Нижне-Чуракаевский, Юкалекульский могильник и др. Общее количество анализов меди абашевской культуры достигло теперь 151. Не менее важным для определения возможных рудных источников явилось исследование найденных на Урняке, Баланбаше и Мало-Кизыльском селище коллекции руд и шлаков (19 экз.).

Расчленение абашевского металла на две группы («чистой» и «мышьяковистой» меди) и одну промежуточную, смешанную подтвердилось при статистической обработке спектральных анализов. Руда и шлаки также соответствовали по своему химизму двум основным группам меди. Было установлено также, что концентрация меди мышьяковистой группы в каждом памятнике резко возрастает по мере приближения его к Зауралью. В Верхне-Кизыльском кладе и Мало-Кизыльском селище представлена только медь «мышьяковистой» группы.

Набор примесей к последней, химический состав руд, найденных на абашевских памятниках и соответствующих этой группе, концентрация находок этой группы в Зауралье, с одной стороны, изучение геохимии уральских медных месторождений, выделение возможно использовавшихся в древности рудопроявлений и месторождений — с другой, позволило нам предварительно определить рудный источник, использовавшийся абашевцами для выплавки «мышьяковистой» меди. Это месторождение Таш-Казган, расположенное на территории распространения баланбашского варианта абашевской культуры в 150 км к северу от Магнитогорска, в самых верховьях реки Уй. Его руды отличаются от прочих месторождений высоким содержанием мышьяка (до нескольких процентов). Этим индикатором, а также прочим набором примесей руда Таш-Казгана хорошо соответствует образцам руды, найденным на абашевских памятниках, а при этом, естественно, и группе «мышьяковистой» меди абашевской культуры [6].

Много проще определить источники меди «чистой» группы. Набор примесей к меди этой группы, химический состав руд, найденных на селищах и практически полное тождество общего химизма металла и геохимии медистых песчаников определяют последние в качестве наиболее вероятного источника группы «чистой» меди абашевской культуры.

Сравнительно длинное изложение результатов поисков меднорудных источников для абашевцев понадобилось нам затем, чтобы попытаться в значительной степени расшифровать эти же вопросы для турбинского металла, тождественного абашевскому в своем большинстве.

На рис. 10 мы сравниваем распределение концентраций диагностических примесей в IV группе Турбина и в «мышьяковистой» меди Абашева. Тождественность налицо. Она усугубляется еще и не приводимыми здесь данными по золоту, богатством которого отличается медь этих групп. Значит, для большинства орудий и украшений уральского варианта абашевской культуры и Турбинского могильника мы можем предполагать в качестве меднорудного источника месторождение Таш-Казган. Сходство в источниках еще более усилится, если мы укажем на общность V группы Турбина и «чистой» меди Абашева, происходящих из медистых песчаников Приуралья. Очень близки и характеристики турбинского и абашевского серебра, также имеющего, вероятно, единый источник.

Указанные месторождения использовались абашевцами и турбинцами синхронно. На это указывает типологическая близость, а иногда и тождественность ряда орудий (копья с пунсонным орнаментом, ножи различных типов, браслеты желобчатые, рыболовные крючки, техника обкладки медных изделий серебряной фольгой и т. п.). Все эти соображения и данные приводят нас к мысли о тесном контакте между турбинцами и уральскими абашевцами.

Однако ни первая, ни вторая группы Турбина не находят себе соответствий в абашевском металле. Интересно отметить, что в абашевском инвентаре мы не обнаруживаем ни одной находки, изготовленной из искусственного сплава.

[5] *Е. Н. Черных.* О металле абашевской культуры. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.

[6] Полевые и лабораторные исследования автора 1967 г.

ТАБЛИЦА 3

Сейминский могильник

№ анализа	Шифр лаборатории	Предмет	Шифр музея	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
1	298	Наконеч. копья	612	9,0	0,16	0,025	0,025	0,01	—	1,3	0,11	0,0025	0,002	0,001	—	—
2	301	То же	683	10,0	0,07	—	0,01	0,0015	—	0,4	0,04	0,0015	—	—	—	—
3	352	Кельт	646	9,0	0,015	—	0,035	0,009	—	0,8	0,01	0,0008	—	0,001	—	—
4	345	»	648	10,0	0,025	0,009	0,0025	0,03	—	0,16	0,01	0,01	—	?	—	—
5	307	Нож с куланами	653	10,0	0,03	?	0,008	0,001	—	0,08	0,01	0,01	—	—	—	—
6	302	Наконеч. копья	660	7,5	0,8	—	0,0007	0,03	0,018	0,2	0,13	0,012	—	0,003	—	—
7	299	То же	665	9,0	0,06	?	0,011	0,012	0,2	0,25	0,003	0,032	—	—	—	—
8	344	Кельт	668	9,0	0,17	0,013	0,0035	0,04	0,17	0,18	0,03	0,015	—	0,003	<0,001	—
9	343	»	664	4,0	0,06	—	0,008	0,07	0,04	0,35	0,002	0,033	—	0,003	>0,001	—
10	341	»	682	5,5	0,05	—	0,003	0,07	0,04	1,4	0,003	0,035	—	0,001	>0,001	—
11	346	»	684	3,7	0,01	—	0,009	0,07	0,4	1,05	0,025	0,09	—	0,003	—	—
12	349	»	645	1,8	0,007	—	0,002	⩾0,5	1,8	1,4	0,13	0,25	—	?	—	—
13	348	»	657	1,8	0,11	—	0,004	0,15	0,09	1,2	0,01	0,05	0,002	—	>0,003	—
14	310	Рукоять ножа	613	6,5	0,05	—	0,045	0,01	0,033	0,16	0,001	0,07	—	—	—	—
15	324	Нож	637	4,0	0,14	—	0,003	0,015	0,11	0,5	0,003	0,035	—	0,001	~0,001	—
16	323	»	667	6,5	0,03	—	0,015	0,01	0,017	0,5	0,001	0,012	—	—	?	—
17	320	»	605	5,5	0,11	—	0,007	0,05	0,09	0,35	0,004	0,016	—	0,001	—	—
18	313	»	681	4,5	0,55	—	0,009	0,02	0,016	0,9	0,004	0,016	0,003	0,001	—	—
19	312	»	659	5,0	0,16	0,005	0,045	0,07	0,017	0,28	0,003	0,03	?	0,003	~0,001	—
20	311	»	636	2,0	0,06	—	0,004	0,015	0,08	0,33	0,002	0,037	—	—	—	—
21	353	Обломок ножа	599	3,7	0,02	—	0,002	0,09	0,14	0,4	0,008	0,33	—	—	—	—
22	335	Пилка	662	11,0	0,05	—	0,007	0,012	0,08	0,02	0,003	0,04	—	—	>0,001	—
23	305	Наконеч. копья	654	0,04	0,006	0,1	—	0,02	?	0,22	0,001	0,016	—	—	~0,001	—
24	333	Кельт	583	0,0008	0,002	—	0,0005	0,025	—	1,6	0,025	0,03	0,003	—	—	—
25	317	Нож	678	0,0025	0,005	—	0,003	0,02	—	0,09	0,2	0,012	?	—	>0,001	—
26	316	»	676	0,0035	0,002	—	0,004	0,04	—	1,8	0,3	0,08	0,002	—	~0,003	—
27	304	Наконеч. копья	655	0,1	0,0015	0,013	—	0,035	0,01	0,16	0,001	0,027	—	—	~0,001	—
28	303	» »	674	0,29	0,05	—	0,0015	0,015	0,4	0,45	0,035	0,07	—	0,003	—	—
29	300	» »	640	0,023	0,002	—	0,0005	0,07	0,4	0,65	0,013	0,1	—	0,001	—	—
30	306	» »	656	0,002	0,008	?	—	0,01	0,1	1,5	0,16	0,09	—	—	—	—
31	342	Кельт	647	0,01	0,003	—	0,0012	0,4	1,1	0,85	0,003	0,45	—	—	—	—
32	340	»	671	0,0005	0,0025	—	0,0007	0,16	0,35	1,2	0,08	0,1	—	0,001	—	—

ТАБЛИЦА 3 (окончание)

№ анализа	Шифр лаборатории	Предмет	Шифр музей	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
33	339	Кельт	635а	0,4	0,005	—	0,002	0,04	0,13	1,0	0,003	0,04	0,002	—	>0,001	—
34	338	»	669	0,014	0,005	—	0,0007	0,3	0,5	0,5	0,14	0,11	—	—	—	—
35	337	»	618а	0,06	0,005	—	0,0035	0,07	0,6	0,2	0,003	0,1	—	—	—	—
36	350	»	604	0,025	0,0035	—	—	0,2	0,7	0,75	0,05	0,12	—	—	—	—
37	336	»	650	0,06	0,004	—	—	0,04	0,01	0,06	0,003	0,018	—	?	—	—
38	351	Кельт-мотыга	666	0,07	0,008	—	0,001	0,02	0,05	0,13	0,003	0,012	—	0,001	—	—
39	331	Браслет	580	0,0005	0,001	—	0,003	0,03	0,015	2,5	0,001	0,004	—	—	?	—
40	332	»	582	0,0025	0,018	—	0,001	0,01	0,03	2,0	0,014	0,025	0,002	—	—	—
41	334	»	581	0,005	0,001	—	0,005	0,01	0,016	2,2	0,003	0,07	—	—	~0,001	—
42	330	Вислообушный топор	651	0,025	0,016	—	0,004	0,06	0,017	1,3	0,18	0,047	—	—	>0,003	—
43	309	Рукоять ножа	606	0,16	0,01	?	0,004	0,03	0,18	0,1	0,003	0,032	—	—	~0,001	—
44	321	Нож	607	0,33	0,0045	—	0,003	0,05	0,16	1,7	0,45	0,14	0,001	?	>0,001	—
45	319	»	663	0,014	0,001	—	—	0,19	0,8	0,8	—	0,12	—	—	—	—
46	318	»	679	0,028	0,008	—	0,002	0,03	0,11	0,9	0,3	0,03	—	—	~0,003	—
47	1539	»	СМ 636	0,016	0,015	—	0,0008	0,2	0,65	1,1	0,13	0,1	—	?	—	—
48	314	»	680	0,01	0,002	—	—	0,03	0,07	2,3	0,75	0,027	0,001	—	—	—
49	315	»	?	0,005	0,01	—	0,007	0,06	0,1	0,01	0,001	0,013	—	—	—	—
50	322	»	614	0,002	0,004	—	0,001	0,07	0,6	1,2	0,05	0,1	—	—	—	—
51	355	Обломок ножа	625	0,35	0,006	—	0,002	0,04	0,08	0,9	0,23	0,08	?	—	~0,001	—
52	354	Скобель	600	0,004	0,002	—	0,001	0,035	0,03	1,4	0,33	0,25	0,005	—	>0,003	—
53	325	Долото (?)	642	0,007	0,0025	—	?	0,01	0,035	2,7	0,3	0,23	0,008	?	—	—
54	326	Долото	675	0,02	0,003	—	0,002	0,003	0,055	0,03	0,003	0,027	—	—	—	—
55	327	Стержень	617	0,01	0,0025	—	—	0,001	0,01	0,037	0,025	0,006	—	—	—	—
56	357	Шило	610	0,0025	0,009	—	0,0005	0,07	0,2	0,35	0,01	0,025	—	—	—	—
57	347	Кельт	619	0,002	0,016	—	?	0,002	—	—	0,17	0,005	—	—	—	—
58	308	Рукоять ножа	672	0,012	0,003	—	0,0007	0,003	—	—	0,18	0,007	—	—	—	—
59	329	Шило-долотце	671	0,0007	—	—	—	0,012	—	—	0,23	0,005	—	—	—	—
60	328	»	622	0,0035	0,004	—	?	0,004	—	—	0,35	0,006	—	—	—	—
61	356	Стержень	620	0,002	—	—	—	0,015	—	0,01	0,2	0,006	0,001	0,001	—	—
62	358	Шило	623	0,004	0,003	—	—	0,01	—	—	0,33	0,005	—	—	—	—

Примечание: все изученные вещи из Сейминского могильника хранятся в Горьковском областном краеведческом музее (шифр коллекции ГОМ, 4001—10), для обломка ножа (анализ 21) шифр ГОМ, 40230. Нож (анализ № 47), найденный экспедицией Б. С. Жукова в 1929 г. на месте Сейминского могильника, хранится в музее антропологии МГУ. Все сейминские предметы изготовлены из сплавов, где основой является медь.

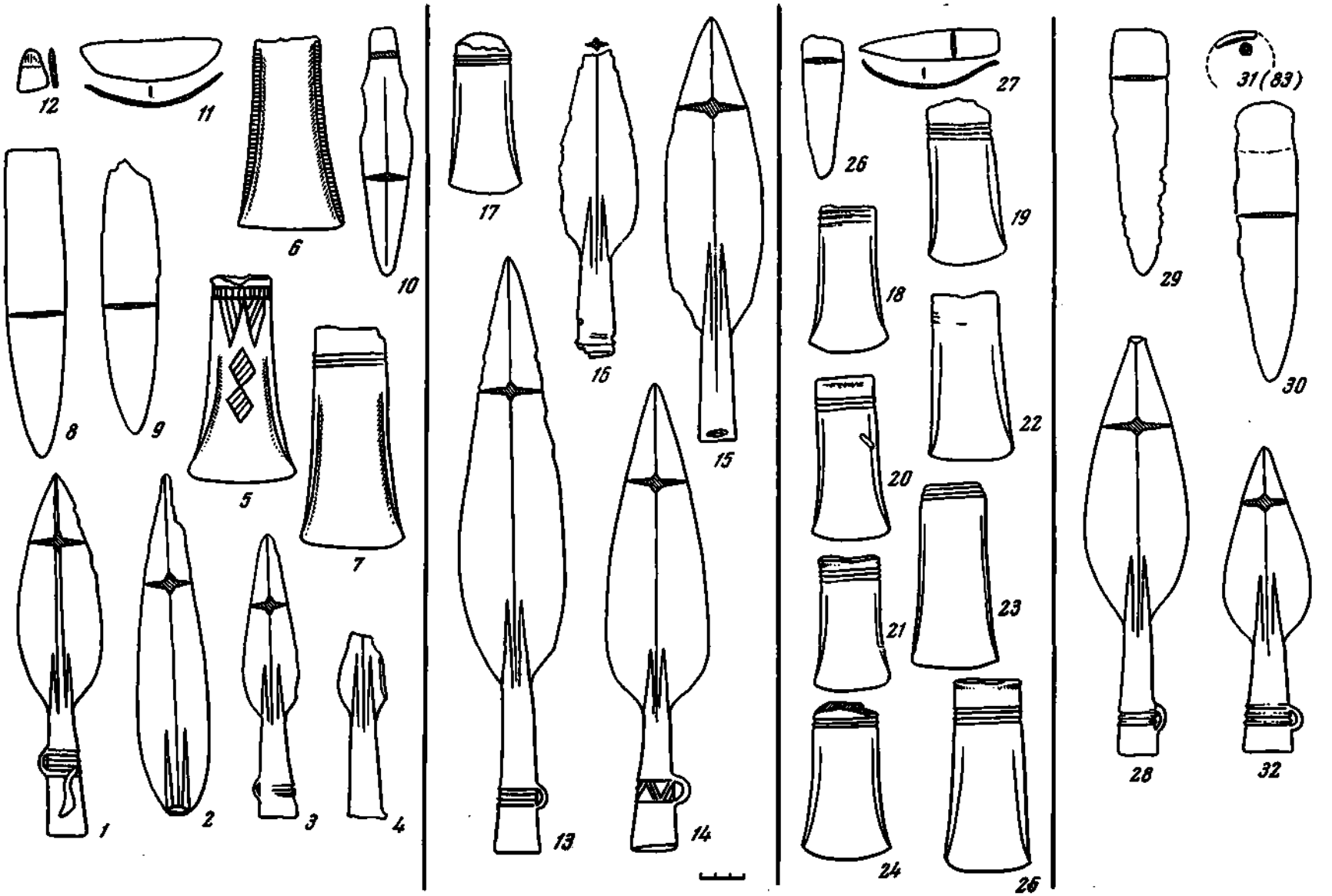


Рис. 7. Исследованные предметы Турбинского могильника I—III группы и билоновые изделия

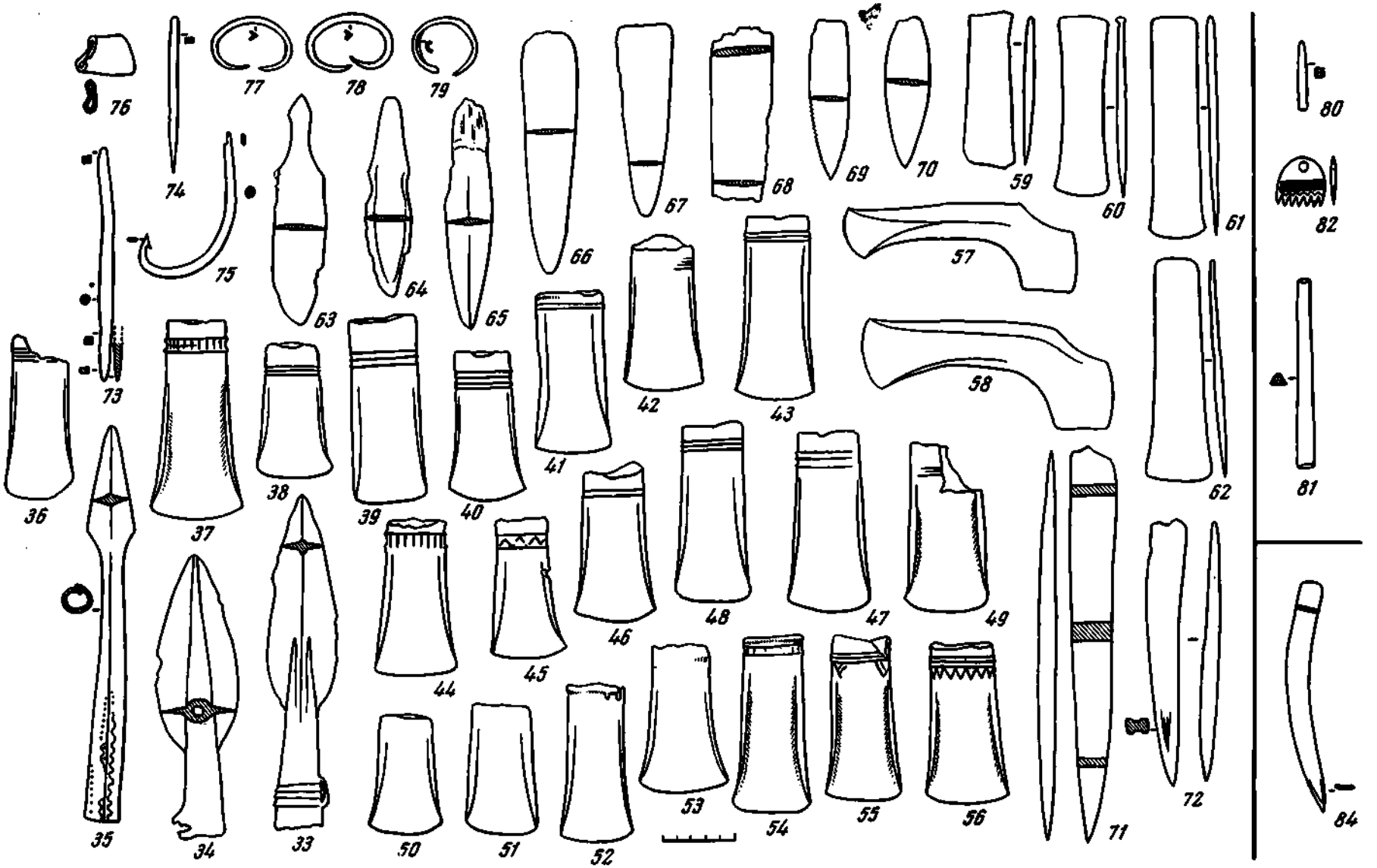


Рис. 8. Исследованные предметы Турбинского могильника IV и V группы

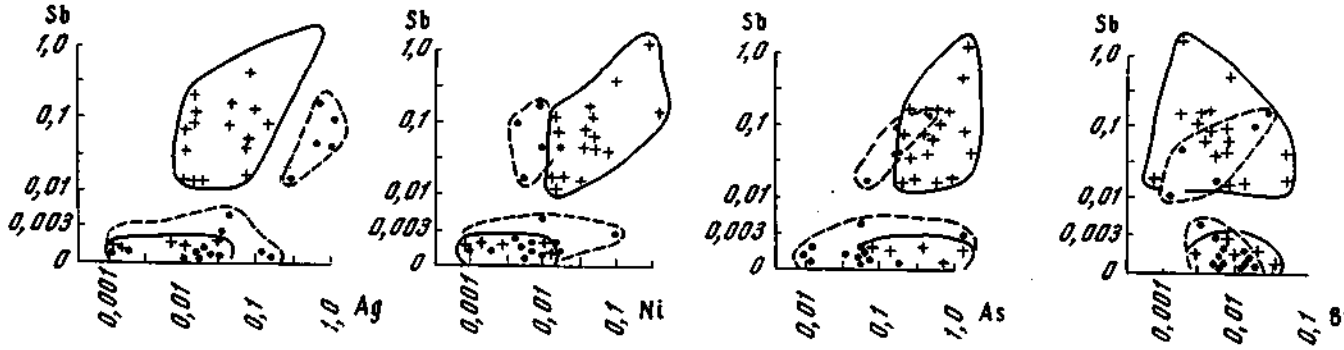


Рис. 9. Наложения ареалов рассеивания анализов I и II групп Сеймы и Турбина на корреляционных полях (точками обозначены анализы турбинского металла, крестиками — сейминского). Очевидно совпадение ареалов для I группы и несовпадение ареалов для II группы — по серебру и никелю

Сплавы «мышьяковистой» меди носят естественный характер, как это видно из насыщенности мышьяком исходной руды.

Продолжая поиски аналогий сейминским и турбинским группам металла, обратимся на восток, где имеются неоспоримые типологические аналогии. Действительно, среди находок, проанализированных нами, мы можем найти их. Так, кельт, копье и нож, составляющие Омский клад, изготовлены из оловянистых бронз с набором примесей, соответствующим II сейминской группе. Ей же тождествен и кельт, найденный где-то на Алтае и хранящийся в ГИМе.

Необычайно важным для нас явилось то, что среди небогатого металлического инвентаря знаменитой своими литейными формами кельтов и копий Самусьской IV стоянки близ Томска нашлась весьма точная химическая аналогия II турбинской группе. Обратим внимание читателей на то, что именно для оловянистых бронз Сеймы и Турбина тождественный металл находится на востоке, далеко от Урала. Первые группы Сеймы и Турбина нашли свои аналогии в меди Ростовкинского могильника под Омском.

Материал срубной культуры Поволжья и Подонья обнаружил одну из групп (40 предметов), неизвестного пока что происхождения, тождественную самой многочисленной IV сейминской группе. Об этом говорит сравнение частотных гистограмм, демонстрируемое на рис. 10. V группа «чистой» меди Сеймы также соответствует одной из групп срубного металла. Химическое единство сопровождается и значительной типологической близостью ряда форм (наконечники копий, браслеты, круглые в сечении, ножи с намечающимся перекрестием и часто ромбическим навершием и т. д.) Этими фактами устанавливаются весьма тесные связи между сейминцами и населением срубной культуры. Итак, для турбинцев область основных контактов по металлу намечается среди материалов абашевской (или восточноабашевской) культуры, у сейминцев — среди материалов срубной культуры волго-донских степей.

Один из интереснейших вопросов, которому необходимо уделить большее внимание,— это металлургическая разница между сейминским и турбинским материалами. Если в отношении химического состава и соответственно исходных источников имеется такая большая разница, то в чем же тогда состоит их единство, отмечаемое неоднократно почти всеми исследователями.

В основном оно заключается в принципиальном сходстве комплексов, так как и в том и в другом случае основу коллекций составляют кельты особого типа в сочетании с втульчатыми копьями, часто с вильчатым стержнем. Эта особенность ярко выделяет их среди синхронных культур Восточной Европы. Положение это безусловно, и оспаривать его не имеет смысла.

Однако при таком ярком сходстве детальный разбор типологии предметов намечает ряд пунктов, позволяющих дифференцировать по материалу Сейму и Турбино. Мысль эта опять-таки не нова. О. Н. Бадер, отмечая эти различия, видел в них основание для хронологической разницы между могильниками. Сейма, по его мнению, должна датироваться более поздним временем [7].

В чем же разница? Она прослеживается как на типах, составляющих основу коллекций (кельтах и копьях), так и на прочих формах.

[7] *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 144—148.

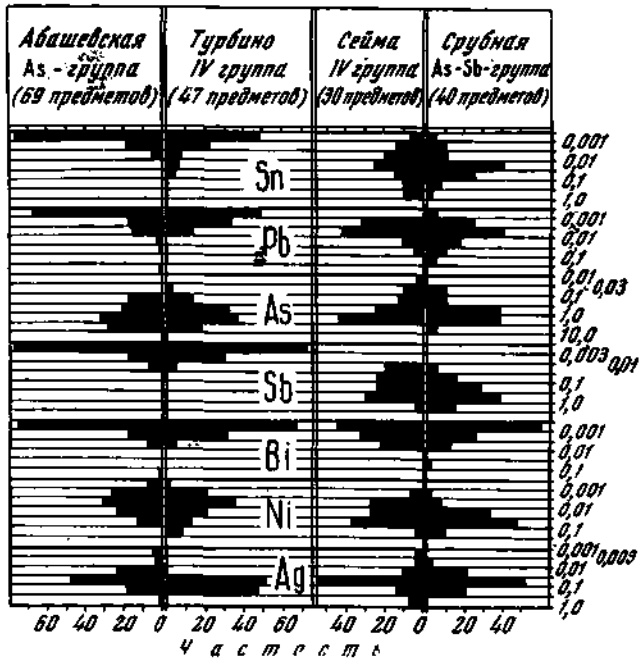


Рис. 10. Сравнение частотных гистограмм распределения концентраций примесей в меди некоторых групп Сеймы, Турбина, абашевской и срубной культур

Было замечено, что соотношение между вильчатыми копьями и копьями с обычным стержнем в Сейме и Турбине сильно разнится. В Турбине вильчатые резко преобладают. В Сейме столь же отчетливое преобладание кельтов, украшенных ромбами и заштрихованными треугольниками. Последних в Турбине, кроме одного, фактически нет. Различны по форме вислообушные топоры, браслеты и другие формы.

Продолжая разбор роднящих и различающих черт этих комплексов, мы должны обратить внимание на одну существенную деталь, не имеющую, однако, прямого отношения к материальной культуре. Это — структурное сходство в металлургической и химической группировках этих коллекций. В том и другом случае комплексы разбиваются на две металлургические группы: оловянистые бронзы и сплавы, легированные естественно. Последние по химическому составу связываются прежде всего либо с местными источниками, либо с металлом территориально смежных культур. Я имею в виду прежде всего абашевскую и срубную культуры. Оловянистые бронзы, наоборот, устремлены на восток, как это показывают химические сопоставления, и, по-видимому, чужды местным рудам и источникам.

Если подойти к проблеме оловянистых бронз в Восточной Европе шире, то мы, вероятно, не сможем признать в них местного компонента. Исходные районы их изготовления будут связаны чаще всего с оловорудными источниками. Их местное изготовление было возможно лишь в случае импортного олова. Последнее, однако, мы застаем так редко, что следует предполагать в основном импорт оловянистых бронз. Так или иначе, высококачественные оловянистые бронзы чаще всего связаны с центрами, близкими оловорудным месторождениям. Однако они находятся на востоке — Рудный Алтай, по-видимому, Средняя Азия и Забайкалье. Их-то мы и должны учитывать в первую очередь при привязке оловянистых бронз Сеймы и Турбина.

Значит, структурная общность такова, что оловянистые бронзы обоих могильников связываются в основном с востоком, а естественные сплавы — с местными источниками или культурами.

Рассмотрим теперь каждый из компонентов с точки зрения черт, объединяющих и разнящих их. Нетрудно заметить, что именно восточный компонент содержит основные черты сходства сейминского и турбинского комплексов. Здесь присутствует 8 из 9 вильчатых копий Турбина и оба вильчатых копья Сеймы. Единственный кельт с ромбами и треугольниками Турбина — в первой группе, как и кельт с заштрихованными гранями. Некоторые изделия, по-видимому, переделаны (долотце, анализ № 12, и нож, анализ № 10). Если бы имели в своем распоряжении нож с баранами из Турбина, мне кажется, что он, судя по форме, попал бы в эту же металлургическую группу, увеличив тем самым сходство привозного компонента.

Еще одна важнейшая черта сходства. Первые группы Сеймы и Турбина происходят из одного рудного источника. А это ведь почти половина металлургической группы оловянистых бронз в могильниках!

Химическое родство местного компонента довольно-таки ничтожно. В Сейме лишь 10 предметов, опосредованно связанных с турбинским металлом. В соответствии с этим и большее число типологических расхождений приходится на местный компонент. Здесь мы видим на ряде форм инвентаря: кельты, копья, браслеты, топоры. Таким образом, мы приходим к выводу, что большее количество объединяющих (и химических, и типологических) признаков Сеймы и Турбина падает на восточный металл, в то время как дифференцирующие черты в большинстве приходятся на местный компонент.

Каково же хронологическое соотношение между этими компонентами? Какой металл следует считать исходным для этих форм — местный или восточный? Большинство исследовате-

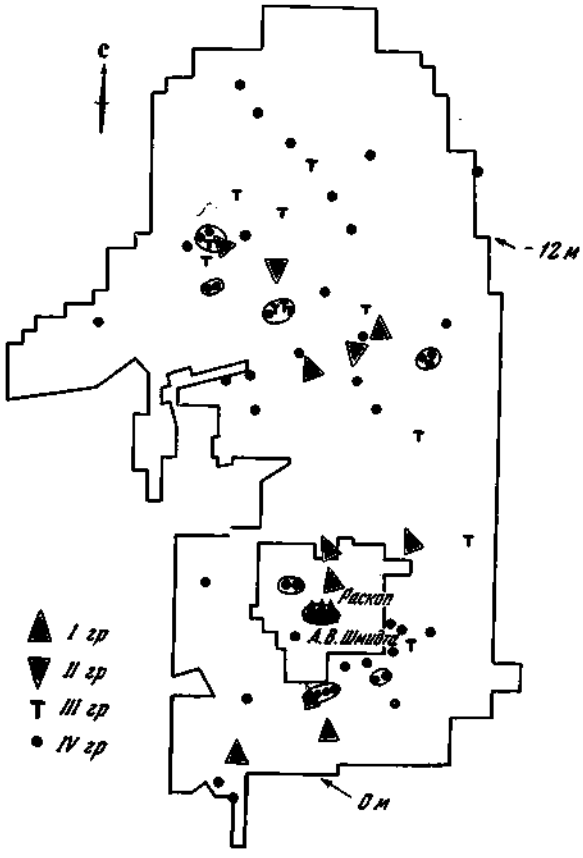


Рис. 11. Распределение находок отдельных химических групп меди по раскопанной площади Турбинского могильника

лей, занимавшихся или занимающихся этими материалами, считают в качестве исходных, импульсивных некоторые восточные, еще далеко не локализованные и не определенные центры. При этом используются обычно такие аргументы, как-то: основное количество аналогий формам находится в Западной и Восточной Сибири и дальше вплоть до Китая; большинство литейных форм кельтов и копий находится за Уралом, причем количество их возрастает по мере продвижения на восток, обнаруживая в Самусьській IV стоянке богатейшее их собрание. Об этом свидетельствует и отсутствие местных корней для металлургии сейминско-турбинских форм. Я признаю все эти аргументы и могу прибавить к ним уже приведенные здесь факты прямого восточного импорта уникальных вещей.

Однако неплохо было бы подтвердить это на самих материалах могильников. Сейма дать в этом отношении ничего не может. Обратимся к Турбину. Благодаря любезности О. Н. Бадера мы получили возможность изучить распределение находок разных химических групп на площади могильника. Такое распределение будет важно, потому что могилы в Турбине или находки расположены по откосу мыса. Перепад высот раскопанной части достигает 16 м. Предположим, как это делается обычно, что наиболее ранние находки концентрируются в наиболее высоких частях могильника и в центрах скопления могильных находок. Но, пожалуй, еще более выразительным показателем позднейшего возраста будут служить находки, расположенные по крайней периферии могильника и особенно в его нижней части. Как иллюстрирует рис. 11, ни в одном случае ни одно изделие I и II групп не лежит на периферии. И наоборот, они тяготеют к центру скопления находок и к высокой части могильника. Особенно это касается I группы находок, которые исключительно концентрируются в районе или близ раскопа А. В. Шмидта, заложенного им, по-видимому, в центральной части могильника.

Стало быть, и распространение восточных изделий на площади Турбина говорит о том, что они вряд ли могут быть здесь признаны позднейшими. Они могут быть либо древнейшими, либо синхронными основной массе находок. Поэтому и топографические данные находятся в соответствии с основной аргументацией в пользу приоритета восточного компонента в возникновении сейминско-турбинских форм.

Подводя к финалу вопрос о чертах сходства и различия между Сеймой и Турбиным, заметим, что, на наш взгляд, органическое единство их — в восточном, древнем субстрате. Именно в нем определяются наиболее значительные культурные признаки, роднящие эти комплексы. Я думаю, что Сейму и Турбино можно сравнить с двумя ветвями, исходящими из одного дерева, питающихся одними соками. По мере удаления от исходных территорий, встречая на своем пути иные культуры, население, оставившее нам Сейму и Турбино, вступает в более или менее тесный контакт с последними. Этот контакт прежде всего отражается на появлении у сейминцев и турбинцев металла местных источников или бытующего среди восточноевропейского населения. Этот местный или условно местный металл вбирает в себя некоторые формы, присущие абашевцам и срубникам. Со своей стороны они сами воздействуют на последних, которые в свою очередь, возможно, перенимают некоторые формы инвентаря сейминцев и турбинцев. Металл приказанской культуры нами здесь не затрагивается, так как его широкий анализ нами еще только проводится.

С этого момента начинается заметная дифференциация сейминского и турбинского

Турбинский могильник

№ анализа	Шифр лаборатории	Предмет	Год раскопок или сборов	Шифр коллекции или музея	№ могилы или участка	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
1	898	Наконеч. копья	1959	256	72	11,0	0,05	0,02	0,02	0,02	—	0,06	0,075	0,014	—	0,003	—	>0,1
2	387	То же	1934—1935	194/343	17?	10,5	0,08	—	0,003	0,02	—	0,16	0,03	0,001	—	0,001	—	~0,1
3	914	»	1959	—	37	14,5	0,14	—	0,005	0,2	—	0,01	0,002	0,002	—	—	>0,003	~0,1
4	4736	»	1890	а-193	—	11,0	—	—	0,007	0,13	—	?	0,025	0,006	—	0,002	—	—
5	367	Кельт	1926—1927	3023/404	31?	10,0	0,5	0,01	0,015	0,02	—	0,05	0,065	0,008	0,004	0,001	—	—
6	368	»	1926—1927	3023/44	?	4,1	0,01	?	0,005	0,03	0,003	1,2	0,045	0,1	0,004	0,001	>0,003	—
7	890	»	1958	1	3	14,0	0,17	0,003	0,003	0,035	0,005	0,06	0,03	0,01	—	0,001	~0,001	~0,3
8	365	Нож	1926—1927	3023/406	31?	8,0	0,04	0,008	0,007	0,002	—	0,03	0,015	0,01	0,003	—	—	—
9	366	»	1926—1927	3023/405	»	10,5	0,004	—	0,014	0,01	—	0,01	0,001	0,004	—	—	—	—
10	4768	»	1890	а-193	—	7,0	0,8	—	0,015	0,03	—	0,04	0,32	0,005	—	?	—	—
11	392	Скобель	1934	194/217	17 или 27	12,5	0,016	—	0,005	0,001	—	0,05	0,03	0,016	0,01	—	>0,1	—
12	396	Долотце	1934	194/207	1	10,0	0,5	—	0,012	0,02	—	0,05	0,02	0,005	0,004	?	>0,1	—
13	900	Наконеч. копья	1959	209	64	14,5	0,4	?	0,025	0,7	0,17	0,38	0,033	0,009	—	0,002	~0,003	~0,1
14	901	То же	1960	1062	104	10,0	0,07	—	0,015	1,0	0,1	0,16	0,004	0,004	—	0,001	<0,001	—
15	896	»	1960	1809	101	10,5	0,23	—	0,01	1,0	0,035	0,16	0,04	0,009	—	—	>0,003	~0,1
16	918	»	1959 ?	?	?	9,5	0,14	?	0,003	0,27	0,025	0,09	0,008	0,005	—	0,002	—	~0,3
17	878	Кельт	1959	222	67	5,5	0,1	0,013	0,002	0,5	0,037	0,16	0,11	0,018	—	0,003	<0,001	>0,1
18	892	»	1960	767	99	1,0	0,022	—	0,0015	1,0	0,01	1,1	0,16	0,035	—	0,02	>0,003	~0,3
19	904	»	1960	1084	ж-114	0,02	0,003	—	0,001	>10	0,003	1,3	0,03	0,025	—	0,007	~0,003	—
20	884	»	1960	1806	101	0,17	0,004	—	0,001	0,9	0,002	1,5	0,045	0,013	—	0,001	>0,003	~0,1
21	883	»	1960	1059	108	0,35	0,004	—	—	0,6	0,003	0,16	0,013	0,002	—	0,001	?	~0,3
22	915	»	1958	—	5	0,5	0,008	—	0,001	0,7	0,004	1,7	0,1	0,08	—	0,001	~0,01	~0,1
23	893	»	1960	1055	108	0,1	0,001	—	0,001	0,7	—	1,7	0,001	0,03	—	—	>0,003	~0,1
24	877	»	1960	1808	101	0,02	0,002	—	?	0,5	—	0,6	0,08	0,018	—	0,003	~0,003	~0,1
25	881	»	1959	65	58	0,01	0,001	—	0,001	>2	0,003	1,25	0,005	0,015	—	?	>0,003	~0,1
26	925	Нож	1958	—	?	0,012	—	—	0,001	1,0	—	0,4	0,016	0,008	—	—	—	—
27	2283	Скобель	1959	235	р-106	0,7	?	0,014	—	1,0	—	0,14	0,35	0,005	—	—	<0,003	>0,1
28	902	Наконеч. копья	1959	—	46	0,001	—	—	мало	осн.	—	есть	?	мало	?	—	сл.	—
29	905	Нож	1960	1824	103	сл.	мало	—	мало	осн.	мало	есть	мало	—	—	—	мало	есть
30	916	»	1960	?	87	~0,001	~0,002	—	~0,002	⩾50	~0,008	⩾2	~0,03	~0,03	—	—	~0,003	—

ТАБЛИЦА 4 (продолжение)

№ анализа	Шифр лаборатории	Предмет	Год раскопок или сборов	Шифр коллекции или музея	№ могилы или участка	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
31	9266	Обкладка браслета	1959	465	79	?	—	—	мало	осн.	—	есть	есть	мало	—	сл.	мало	—
32	897	Наконеч. копья	1960	1060	108	~0,01	~0,003	~0,02	—	⩽50	—	~0,9	~0,7	~0,02	—	~0,01	~0,003	~0,3
33	894	То же	1960	1802	100	<0,001	?	0,13	<0,001	0,09	—	1,4	0,033	0,015	—	0,001	~0,003	>0,3
34	912	»	1960	1800	110	0,012	0,003	—	?	0,18	0,003	0,6	0,012	0,015	—	—	>0,003	—
35	899	»	1959	315	82	0,001	0,002	0,05	0,001	0,27	—	4,5	0,37	0,28	—	0,01	~0,003	~0,3
36	4729	Кельт	1890	а-193	—	0,0005	?	—	—	0,04	—	0,17	0,002	0,005	—	—	~0,001	—
37	919	»	1959	272	63	0,002	0,001	—	0,001	0,08	0,005	2,8	0,012	0,11	—	?	>0,003	—
38	875	»	1959	1059	?	<0,001	0,001	—	—	0,12	—	0,3	0,016	0,016	—	—	~0,001	—
39	913	»	1959	158	62	<0,001	0,002	—	—	0,12	0,002	0,002	0,4	0,006	0,003	0,001	—	~0,1
40	872	»	1960	1256	105	0,002	—	—	—	0,18	—	0,6	0,23	0,035	—	0,03	>0,003	~0,1
41	887	»	1960	1804	101	—	—	—	0,002	0,12	0,005	2,5	0,004	0,028	—	—	0,01—0,03	~0,1
42	891	»	1960	1257	105	0,01	0,002	—	0,001	0,09	—	1,0	0,16	0,035	?	0,02	>0,003	~0,1
43	871	»	1959	287	70	0,001	—	—	<0,001	0,15	—	1,5	0,4	0,03	—	0,06	<0,003	~0,1
44	369	»	1927	3579—1	—	0,06	0,001	—	<0,001	0,12	—	0,6	0,03	0,007	—	—	>0,001	—
45	382	»	1934—1935	194/332	23	?	—	0,025	0,001	0,03	?	1,3	0,009	0,03	—	—	>0,001	—
46	917	»	1959	238	74	0,002	0,002	0,009	—	0,27	—	1,0	0,03	0,005	—	0,005	~0,001	~0,3
47	920	»	1959	208	70	0,002	0,001	—	?	0,12	—	1,1	0,03	0,02	—	0,001	?	?
48	381	»	1934—1935	194/322	22	—	0,003	—	—	0,06	—	0,14	0,005	0,003	—	—	—	—
49	922	»	1958	?	4	0,004	—	—	0,001	0,035	0,002	1,0	0,003	0,023	—	—	~0,01	—
50	888	»	1960	1822	а-2	0,035	—	—	<0,001	0,1	0,004	0,7	0,002	0,023	—	—	<0,01	?
51	882	»	1959	273	е-29	0,01	0,002	—	—	0,15	—	0,25	0,18	0,035	—	0,02	~0,001	~0,3
52	886	»	1960	408	84	?	—	—	—	0,1	—	0,8	0,4	0,03	—	0,03	<0,01	~0,3
53	388	»	1934—1935	194/338	16?	0,004	0,001	—	—	0,08	—	0,5	0,012	0,025	—	0,001	?	—
54	903	»	1960	1058	108	<0,001	—	—	—	0,1	—	0,4	0,001	0,005	—	—	~0,001	—
55	876	»	1959	206	70	0,004	—	—	0,001	0,15	0,002	2,8	0,01	0,012	—	—	~0,003	—
56	889	»	1960	1255	102	0,002	0,002	—	—	0,28	0,002	0,4	0,6	0,022	-	0,03	~0,001	~0,3
57	383	Вислообушный топор	1934—1935	194/304	1	0,001	—	—	—	0,2	—	1,6	0,25	0,18	—	—	>0,003	—
58	911	То же	1959	221	67	—	—	—	—	0,08	—	0,6	0,25	0,018	—	—	?	—
59	874	Тесло	1959	347	79	—	0,002	—	—	0,06	—	0,5	0,09	0,01	—	—	~0,001	~0,3
60	880	»	1959	455	р-117	0,001	—	—	<0,001	0,055	—	2,0	0,47	0,02	—	—	>0,003	—
61	384	»	1934—1935	194/306	1	?	—	—	—	0,035	0,008	2,3	0,25	0,3	—	—	>0,003	—
62	879	»	1959	210	65	0,004	0,004	0,003	—	0,06	—	1,7	0,65	0,04	—	—	~0,001	~0,3

ТАБЛИЦА 4 (окончание)

№ анализа	Шифр лаборатории	Предмет	Год раскопок или сборов	Шифр коллекции или музея	№ могилы или участка	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
63	389	Нож	1934—1935	194/303	17 или 27	<0,001	—	—	0,001	0,12	0,005	3,0	0,045	0,23	—	—	~0,01	—
64	907	»	1960	766	ш-116	<0,001	—	—	—	0,15	?	4,2	0,27	0,025	—	—	~0,003	~0,1
65	391	»	1934—1935	194/937	1	—	—	—	0,006	0,045	0,005	2,0	0,1	0,035	—	—	>0,003	~0,1
66	909	»	1960	193	89	<0,001	—	—	?	0,15	—	1,25	0,03	0,017	—	—	~0,001	—
67	895	»	1960	1823	близ 91	<0,001	0,002	0,014	<0,001	0,04	?	0,5	0,03	0,03	—	0,001	~0,003	~0,3
68	385	»	1934—1935	194/331	16	0,001	—	0,005	<0,001	0,003	0,002	0,5	0,001	0,008	—	—	<0,001	—
69	908	»	1960	1840	е-101	<0,001	—	—	0,003	0,18	0,018	3,4	0,3	0,33	0,003	0,001	>0,01	~0,3
70	906	»	1960	1807	101	<0,001	—	—	0,002	0,12	0,004	3,0	0,2	0,3	0,005	—	~0,01	?
71	921	«Кирка»	1958	120	близ 8	0,001	0,002	—	—	0,04	—	0,1	0,16	0,007	—	—	—	—
72	873	»	1959	185	32	<0,001	0,003	—	—	0,1	—	0,13	0,11	0,002	—	?	—	—
73	885	Долото	1960	1812	90	—	0,001	—	<0,001	0,09	0,004	1,1	0,013	0,02	—	0,003	~0,001	~0,3
74	386	Проколка	1934—1935	194/321	2	—	0,002	—	—	0,045	—	0,8	0,25	0,045	—	—	>0,003	—
75	390	Рыболовный крюк	1934—1935	194/935	21?	—	0,007	—	—	0,03	—	0,035	0,2	0,04	—	—	—	—
76	924	Неопред. предмет	1959	170	у-18	0,002	0,002	—	—	0,09	—	0,16	0,09	0,006	—	—	?	~0,1
77	372	Браслет	1926	3326/46	—	<0,001	—	—	0,002	0,035	0,01	3,5	0,035	0,18	?	—	0,01—0,03	—
78	371	»	1926	3326/45	—	<0,001	—	—	0,002	0,06	0,011	3,4	0,09	0,15	—	—	0,01—0,03	—
79	393	»	1934—1935	194/245	24	0,001	0,005	—	<0,001	0,065	0,004	3,5	0,22	0,32	—	—	<0,01	>0,1
80	923	Стержень	1958	?	?	?	?	—	—	0,03	—	—	0,001	0,003	—	—	—	—
81	394	Подвеска	1934—1935	194/936	?	0,002	0,002	—	—	0,065	—	—	0,001	0,001	—	—	—	—
82	228ª	Стержень	1959	175	?	<0,001	0,0013	0,035	—	0,18	—	—	0,03	0,0025	—	—	—	—
83	926а	Браслет	1959	465	79	—	—	—	—	0,27	—	—	0,001	0,001	—	—	—	~0,1
84	910	Серп-нож	1960	1811	IV=105	—	—	—	—	?	—	1,1	0,23	0,0035	—	—	—	~0,1

Примечание: Изучены предметы из сборов С. И. Сергеева 1890 г. (хранятся в Историческом музее г. Свердловска), из раскопок А. В. Шмидта 1926—1927 гг. (хранятся в МАЭ), из раскопок Н. А. Прокошева 1934—1935 гг. (хранятся в Гос. Эрмитаже), а также из раскопок О. Н. Бадера 1958—1960 гг. (во время исследования хранились в ИА АН СССР; вещи, найденные в 1958 г., обозначаются кодом Тр-I, 1959 г. — Трб.-I, в 1960 г. — Турб.-I).

В предметах (анализы № 1—27, 33—84) основной частью коллекции основой сплава является медь. В пяти предметах (анализы № 28—32) содержание меди равняется соответственно: № 28 — ⩾ 10%; № 29 — > 10%; № 30 — ⩽ 50%; № 31 — ⩽ 10%; № 32 — ⩾ 50%.

инвентаря. Эти комплексы как бы обрастают чуждыми им формами. Однако свое внутреннее единство, несмотря на все изменения, они продолжают сохранять.

Еще один вопрос, на котором мне хотелось бы остановиться, — это отношение Турбинского могильника к культуре племен охотников и рыболовов, населявших Верхнюю и Среднюю Каму. По широко распространенной, обоснованной О. Н. Бадером и принятой большинством археологов-первобытников точке зрения в Турбине погребены аборигены, селившиеся на окружающих землях. Отсутствие керамики в могильнике и несоответствие основных форм металла между могильными и селищными комплексами затрудняло привязку Турбина и заставило О. Н. Бадера предложить развернутую аргументацию своей гипотезы. Система его доказательств в основном такова: во-первых, могильник расположен на густо заселенной племенами охотников и рыболовов территории; во вторых, некоторые формы кремневого инвентаря (в основном наконечники стрел с усеченным основанием и ножи) позволяют синхронизировать стоянки с могильником. Уже исходя из этого, по мнению О. Н. Бадера, могильник не мог принадлежать иному населению. Турбино синхронизировалось автором гипотезы с гаринским, ранним этапом культуры [8].

Первым этой схеме возразил В. П. Шилов, указавший на общее и резкое несоответствие материальной культуры населения, оставившего поселения и могильник. В собственно турбинцах В. П. Шилов видел скотоводов и охотников, знающих развитую металлургию. Они же участвовали, по его мнению, в сложении ананьинской культуры. Турбино же, по мнению В. П. Шилова, представляет собой сложное явление, состоящее из сибирского, абашевского и отчасти местного компонентов. К сожалению, это было высказано бегло, без достаточной аргументации [9].

В. А. Сафронов подверг критике этот же взгляд О. Н. Бадера, прибегнув к детальным сравнениям кремневого инвентаря стоянок и могильника, так как именно этот довод О. Н. Бадер положил в основу своих доказательств. Он указал, что сходство в кремне имеется лишь в отдельных деталях. Многие формы в инвентаре могильника отсутствуют, и, наоборот, не все могильные кремневые находки соответствуют кремню стоянок. Приведя довольно убедительные сибирские аналогии, В. А. Сафронов считает, что Турбино представлено исключительно сибирским материалом [10].

Что же показывают наши анализы? Если металл могильника и стоянок окажется общим в отношении исходных источников, так же как и уровень металлургического развития, то можно будет пренебречь несходством форм, и гипотеза о принадлежности Турбинского могильника аборигенам получит веское подтверждение. Этот вывод будет базироваться на общей закономерности, зафиксированной на примере буквально всех культур, металл которых нам приходилось анализировать, будь то самые ранние, типа анауской, ямной, трипольской, или поздние, типа абашевской, срубной, андроновской и многих других. Закономерность одна: сколько бы групп (химических и металлургических) мы не обнаружили в металле культуры, изделия каждой из них встречаются и на поселениях, и в погребениях.

Сравниваемые серии довольно многочисленны. В Турбинском могильнике 84 анализа (табл. 4). С поселений разными авторами проанализировано около 70 предметов. Несмотря на то что изделия с камских стоянок анализировались в разных лабораториях и интерпретировались различными авторами, выводы были абсолютно идентичны: все изделия со стоянок изготовлены из чистой меди с незначительным количеством микропримесей; выплавлена медь из местных медистых песчаников. Следовательно, металл могильника и поселений абсолютно не сходен между собой. Исключение составляют 4 находки V группы. Но такая медь распространена в инвентаре множества культур этого региона и поэтому не может служить для целей привязки. Контраст увеличится, если сравнить уровень развития металлургии. Значительная часть сплавов Турбина представлена оловянистыми бронзами. Это в сочетании с умением отливать такие сложнейшие вещи, как копья и кельты, свидетельствует о знакомстве турбинцев с высшей формой металлургии.

Вместе с тем ни одного свидетельства умения аборигенов отливать из искусственных сплавов подобные вещи мы не имеем. Предметы, находимые на стоянках, по-видимому, кованые и довольно примитивных форм. Ни один из них фактически не находит себе аналогий в могильнике.

[8] *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ КАЭ.— УЗ ПГУ, т. IX, вып. 3. Харьков, 1953.

[9] *В. П. Шилов.* К вопросу о происхождении ананьинской культуры. Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

[10] *В. А. Сафронов.* К вопросу о Турбинском могильнике. Археологический сборник.— «Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции». Л., 1964; *Он же.* О древнейших металлургах Приуралья.— «Вестник ЛГУ», 1965, № 20.

Таким образом, основа коллекции — металл с химической, металлургической и типологической стороны резко усиливает контраст между материальной культурой могильника и стоянок. Наряду с уже указанными В. П. Шиловым и В. А. Сафроновым отличиями в смысле хозяйства и кремневого инвентаря металл несходен во всех планах. Все это представляет собой комплекс таких данных, которые позволяют, я думаю, решать вопрос о связи могильника с поселениями гаринско-борской культуры негативно.

И последнее. Абашевская культура рядом авторов датировалась довольно поздним временем. М. Гимбутас относила ее целиком в постсейминский период, т. е. после XIII в. до н. э. По ее хронологии О. Н. Бадер, принимая, по-видимому, эту точку зрения, видел одно из оснований ранней даты Турбина в том, что в этом могильнике, как он писал, еще отсутствуют черты развитой абашевской культуры. Однако в свете таких тесных металлургических связей, которые нам удалось установить, синхронность Турбина и абашевской культуры вряд ли должна вызывать сомнения. Кроме того, баланбашский вариант Абашева не может датироваться позже поволжского варианта, как об этом недвусмысленно свидетельствует импортный характер зауральской («мышьяковистой» таш-казганской) меди в западных памятниках культуры. Естественно, что он не мог появиться раньше, чем баланбашские племена стали разрабатывать на месте руды и выплавлять из них медь такого состава.

Список сокращений

АН	— Академия наук
БКЧ	— Бюллотень четвертичной комиссии АН СССР. М. — Л.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ГИМ	— Государственный исторический музей в Москве
ДНУАК	— Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Н.-Новгород
ЗОРСА РАО	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Петербург
ИА АН	— Институт археологии Академии наук
ИАК	— Известия Археологической комиссии. Петербург
ИГАИМК	— Известия Гос. академии истории материальной культуры. Л.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
МАР	— Материалы по археологии Росии. Петербург
МГУ	— Московский гос. университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.— Л.
МЧП	— Материалы по четвертичному периоду СССР. М.
НУАК	— Нижегородская ученая архивная комиссия
ОКВЭ	— Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции Института археологии АН СССР. М.
ПГУ	— Пермский гос. университет
СА	— Советская археология. М.
СЭ	— Советская этнография. М.
Труды ГИМ	— Труды Гос. исторического музея. М.
Тр. ИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР. М.
Тр. МАЭ	— Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
ТСАР	— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
УЗ Горьк. ГУ	— Ученые записки Горьковского гос. университета. Горький
УЗ ПГУ	— Ученые записки Пермского гос. университета. Пермь, Харьков
ESA	— Eurasia Septentionalis Antiqua. Helsinki
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. Helsinki

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЙ ОЧЕРК КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ ОКИ

Введение. 3
Краткий историографический очерк. 4
Природная среда. 20
Конец неолита. 23
Поселения волосовского типа. 26
Фатьяновская культура. 43
Балановская культура. 49
Поселения большекозинского типа и Сейминский могильник. . . . 54
Поздняковская культура. 59
Абашевская культура. 64
Поселения чирковско-сейминского типа. 72
Культура с «текстильной» керамикой. 74

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕЙМИНСКИЙ МОГИЛЬНИК И ПОСЕЛЕНИЕ

Предварительные замечания. 80
Наружное описание памятника. 81
История изучения. 82
Сложный характер памятника. 92
Могильник. 94
Костные остатки человека. 98
Материальная культура могильника. 100
Металл. 100
Копья. 100
Кельты. 101
Клиновидные топоры. 106
Клевцы-топорики. 111
Вислообушные топоры. 111
Ножи. 111
Ножи-пилки. 117
Скобели. 117
Острия и стержни-заготовки. 119
Браслеты. 119
Прочие украшения. 119
Камень и органические остатки. 120
Нефритовые кольца. 120
Костяное кольцо. 120
Кремневые ножевидные пластинки и нуклеусы 120
Кремневые стрелы. 121

Ретушированные кремневые ножи. 121
Гладилки. 123
«Литейные формочки». 123
Подвески. 123
Янтарь. 123
Ткань. 123
Керамика. 123
Поселение. 125
Материальная культура поселения и ее возраст. 131
Некоторые итоги. 142

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е. Н. Черных. Спектроаналитическое изучение металла Сеймы и Турбина. 155

Список сокращений. 174

Отто Николаевич Бадер

Бассейн Оки в эпоху бронзы

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор *Е. М. Фонберг*
Художник *К. Н. Никахристо*. Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 22/VII 1969 г. Т-00732. Подп. к печ. 19/I 1970 г. Формат 84×108¹/₁₆.
Бумага типогр. № 1. Печ. л. 11+3 вкл. (0,38 п. л.). Усл. печ. л. 18,66. Уч.-изд. л. 19,8.
Тираж 1400 экз. Тип. зак. 2602. Цена 1 р. 34 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10